Исторический

АРХИВ

2

1 9 5 8

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

2

МАРТ–АПРЕЛЬ

1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

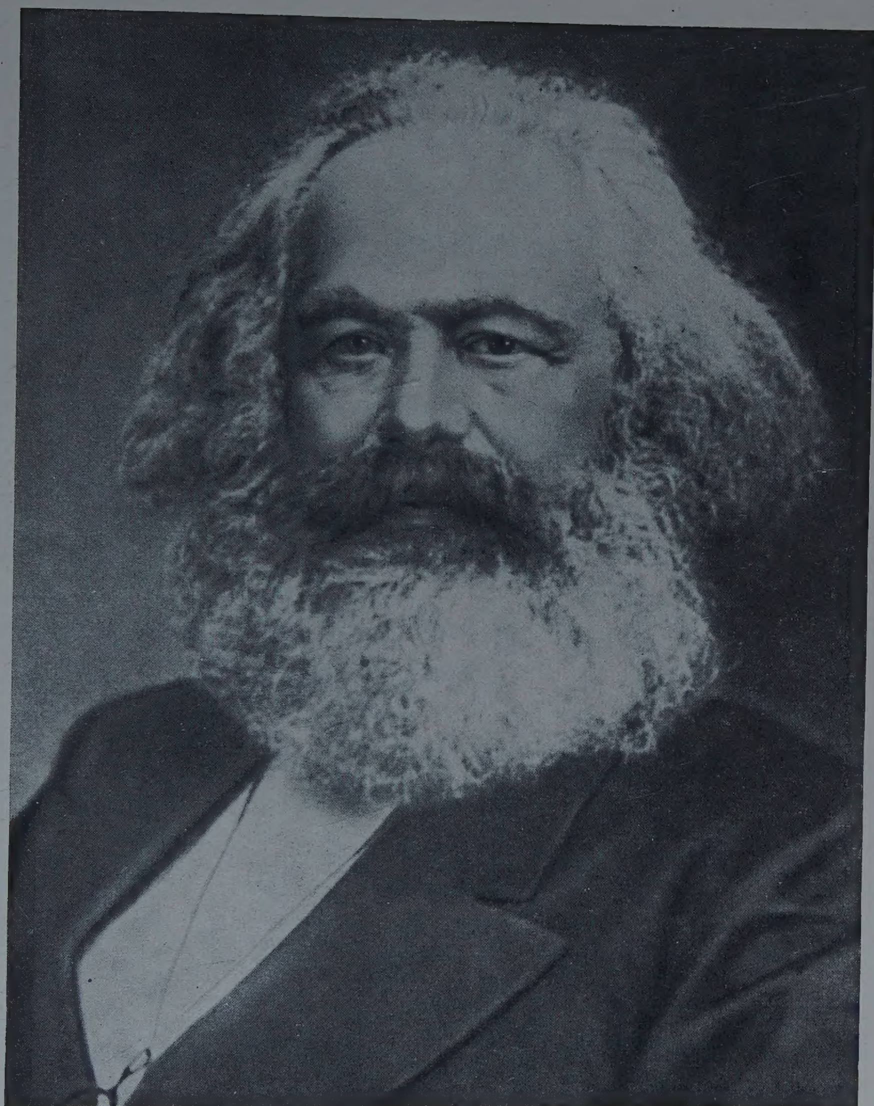
МОСКВА

Издается с участием

**ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС**

и

ГЛАВНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

КАРЛ МАРКС

К 140-летию со дня рождения

ДОКУМЕНТЫ

ДВА НОВЫХ АВТОГРАФА В. И. ЛЕНИНА

Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

При разборе архивных материалов в Московском отделении Архива Академии наук СССР среди переписки были обнаружены две небольшие записки В. И. Ленина.

Оба ленинских документа относятся к началу восстановления народного хозяйства страны, разрушенного гражданской войной и иностранной военной интервенцией. Они показывают непосредственное участие В. И. Ленина в организации экономики страны.

Записки В. И. Ленина адресованы Л. Н. Крицману (1890—1938), занимавшему ряд руководящих постов в ВСНХ. В 1921 году, к которому относятся обе записки В. И. Ленина, Л. Н. Крицман возглавлял Комиссию использования материальных ресурсов РСФСР, являвшуюся междуведомственным органом при ВСНХ, а затем при СТО.

Одна из записок В. И. Ленина написана на обороте письма Л. Н. Крицмана В. И. Ленину. Текст этого письма следующий:

«Владимир Ильич. Последний раз Вы предложили мне созвониться с Вами о часе более продолжительного разговора. Сделать это не удалось.

Я твердо убежден в том, что осуществление в известных формах принятого СНК решения по вопросу о распределении означает невероятную путаницу и волокиту.

Если Вы считаете, что с таким убеждением я все же должен оставаться пока на моем месте, я просил бы Вас написать, через какой промежуток времени Вы сможете выслушать мои соображения. Л. Крицман».

Как можно предположить, это письмо связано с деятельностью Л. Н. Крицмана в Комиссии использования, которая планировала распределение всех материальных ресурсов страны между наркоматами (за исключением топлива). Эта комиссия была одним из первых планирующих органов страны. Все ведомства обязаны были представлять на ее рассмотрение свои материальные сметы с точным обоснованием их отдельных статей. Комиссия использования впоследствии была ликвидирована постановлением СТО от 16 декабря 1921 г.

На обороте письма Л. Н. Крицмана В. И. Ленин написал карандашом:

Попробуйте созвониться завтра (11—4).

Не лучше ли, однако, если Вы в 20 строках изложите Ваши доводы и Ваше практическое предложение? (Отменить решение СНК?).

Другой документ В. И. Ленина — записка, написанная чернилами на узком листочке, вырванном из блокнота. Она так же, как и первая, адресована Л. Н. Крицману как председателю Комиссии использования и относится к началу 1921 г., когда после разгрома Красной Армией белогвардейских войск Врангеля в Крыму встал вопрос о распределении и использовании трофейного имущества для нужд восстановления разрушенного гражданской войной хозяйства страны.

В этой записке В. И. Ленин высказывается против нерационального распределения части крымского трофейного имущества. Он писал:

Т. Крицман!

Комиссия использования распределила крымское трофейное имущество. 5—10% разных вещей Морведу.

Зачем это?

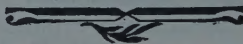
Мы нищие, а будем содержать и развивать Морвед, не имея никаких гарантий, что Франция не будет топить наши суда.

По-моему, тут не видно ни плана, ни мысли. Боюсь, что это просто рутина.

Ответьте мне.

Ленин

Публикуемые документы подготовлены к печати Б. В. Левшиным. Подлинники переданы в Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и хранятся в фонде документов В. И. Ленина (ф. 2).

т. Крицман!

К-сия использ. распределила крымское трофейное имущество.

5–10% разных вещей Морведу.

Зачем это? Мы нищие, а будем содержать и развивать морвед, не имея никаких гарантий, что Франция не отдаст Врангелю наши суда.

По моему, тут не видно ни ума ни мысли. Боюсь, что это просто рутина.

Ответьте мне.

Ленин

Записка В. И. Ленина Л. Н. Крицману. 1920 г.

попробуйте и мне созвониться завтра (11–4). Не лучше ли однако, если все в 20 строках изложить наши доводы и наше предл.? (ориентир. практ. реш. СНК ?).

Ответ В. И. Ленина на письмо Л. Н. Крицмана. 1920 г.

ПИСЬМА М. А. УЛЬЯНОВОЙ

(1898—1915 гг.)

Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

Публикуемые письма Марии Александровны Ульяновой своим детям представляют известный интерес для биографии В. И. Ленина и членов семьи Ульяновых. Письма эти в некоторой степени дополняют имеющиеся в литературе сведения о В. И. Ленине как о человеке, о жизни семьи Ульяновых в разные периоды, о взаимоотношениях членов семьи и т. д.

М. А. Ульянова (1835—1916) была передовой и образованной женщиной своего времени. Родилась она в семье врача — А. Д. Бланка. Потеряв рано мать, Мария Александровна воспитывалась сестрой матери, которая жила у них в семье. С раннего возраста все дети в семье приучались к труду, не допускалось никаких излишеств и изнеженности, поощрялось все передовое. Любовь к труду и природе, к хорошей книге и музыке, честность и идейность,— все эти качества, заложенные с детства, сохранились у Марии Александровны на всю жизнь.

Обладая большой силой воли и незаурядными педагогическими способностями, Мария Александровна сумела эти черты привить своим детям.

После смерти Ильи Николаевича Ульянова в 1886 г. Мария Александровна стала центром семьи, к ней тянулись все нити семейных связей. Через нее главным образом шла переписка членов семьи Ульяновых, горячо любивших свою мать. Все дети часто писали матери, являвшейся их близким другом. Достаточно сказать, что из 274 писем В. И. Ленина, опубликованных в 37 томе 4-го издания его Сочинений, 169 писем написаны к матери; из 54 писем Н. К. Крупской, опубликованных в том же томе, 33 письма написаны к Марии Александровне.

Публикуемые документы показывают, какое большое внимание уделяла Мария Александровна Владимиру Ильичу, находившемуся долгие годы вдали от нее,— то заброшенному в таежные места Сибири, то вынужденному жить на чужбине, вдали от родины. Мария Александровна упоминает о нем с особой теплотой почти в каждом своем письме, беспокоится о его здоровье, грустит о нем, радуется, если ему удалось устроиться с литературной работой, с отдыхом или просто с квартирой.

Письма Владимира Ильича к матери занимали особое место в переписке Ульяновых. Мария Александровна посылала его письма «вкруговую» всем членам семьи или излагала краткое содержание их в своих письмах детям в тех случаях, если письмо Владимира Ильича по каким-либо причинам задерживалось у нее. Мария Александровна старалась

сообщать его сестрам и брату все, что знала о жизни Владимира Ильича, а Владимиру Ильичу в свою очередь писала о них.

Большое значение и ценность писем М. А. Ульяновой заключаются и в том, что в ряде случаев они доносят до нас содержание писем В. И. Ленина, по тем или иным причинам не дошедших до нас или вовсе не сохранившихся. Нередко письма Марии Александровны помогают уточнить отдельные факты и даты биографии В. И. Ленина, как например: приезд его в Уфу в июне 1900 г., в Саблино в 1906 г. и др. (см. док. №№ 4, 6, 11, 12).

Личная жизнь Ульяновых и их революционная деятельность тесно переплетались. Письма Марии Александровны зачастую объективно выполняли службу партийной связи. Из ее писем через сокращенные фамилии или условные обозначения — «больной», «монах» и т. д.— Ульяновы нередко узнавали о судьбе и жизни своих товарищей по революционной работе (см. док. №№ 5, 12, 16 и др.).

Публикуемые документы имеют большое воспитательное значение, они содержат новые данные об исключительно дружной семье Ульяновых, каждый из членов которой был проникнут глубокой любовью и заботой друг о друге. Причем эти чувства были продиктованы не только родственными связями, но главным образом единством взглядов и убеждений.

Письма дают читателям документальный материал, рисующий Марию Александровну как мать, воспитателя, друга и помощника революционеров Ульяновых, преданную своим детям и их великому делу. В предисловии к сборнику «В. И. Ленин. Письма к родным» изд. 1930 г. М. И. Ульянова писала: «Наша мать... с полным сочувствием относилась к нашей революционной деятельности» [1].

Публикуемые письма М. А. Ульяновой являются лишь небольшой частью ее переписки, хранящейся в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Письма Марии Александровны — автографы, за исключением ее писем к Владимиру Ильичу, которые сохранились как фотонегативы с автографов, и одного (док. № 16) — перлюстрированной копии. Сокращенные слова в текстах документов расшифрованы без квадратных скобок. Отточия в документах — авторские. Все письма датированы по старому стилю, в том числе и присланные из-за границы.

Ю. Я. Махина

№ 1

М. И. Ульяновой в Брюссель

4 ноября 1898 г.

Сейчас получила я, дорогая Маня, письмо твое, в котором ты просишь ответить тебе телеграммой. Но ответ мой может быть только гадательный. Могу ли я знать где — т. е. в Брюсселе или в Льеже — тебе больше понравится, и где именно ты можешь заняться с бо́льшим успехом? Как ни желала бы я указать тебе, посоветовать, но... опять повторяю, что заглазно не могу этого сделать. Поэтому и не телеграфирую тебе, а выскажу тебе в письме мой взгляд на это.

Ты пишешь, что тебе не нравятся двое из профессоров — по химии и физике, но почем же ты знаешь, что в Льеже они тебя более удовлетво-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 37, стр. XII—XIII.

рят? Вообще, там можешь встретить другого рода недостатки, вследствие которых ты будешь себя дурно чувствовать. Ты говоришь, что все кругом советуют переехать в Льеж. Насколько можно положиться на основательность этих советов,— не знаю! Думаю все же, что лучше было б самой лично убедиться в этом, т. е. как только возникло у тебя сомнение и в то же время желание переменить университет,— то ты могла бы съездить на неделю с подругой своей в Льеж, если это так близко, 2 часа езды, послушать интересующие тебя лекции, собрать на месте нужные сведения и проч., проч. Хотя с другой стороны опять является вопрос, была ли бы такая поездка целесообразна, успела ли бы ты основательно узнать что-нибудь в такое короткое время? Первое впечатление могло бы быть хорошее, как и в Брюсселе, а потом, если окажутся другого рода недостатки,— может случиться даже так, что ты пожалеешь очень, что поспешила переменить университет! Наконец, ты сама же пишешь, что в Льеже придется пробыть 4 года и что ты боишься закабалить себя на такой срок. Это опять говорит против такого быстрого переезда в Льеж! Кроме того, вы сделали некоторые письменные вопросы в Льежский университет, и какого рода будет ответ — я опять не знаю!

Из твоего письма видно, что ты страшно волнуешься, колеблешься... а в таком состоянии трудно решать. И почему ты просишь телеграфировать? Неужели так важно явиться в Льежский университет 3—4 днями раньше или позже, раз уже ты так много пропустила? И не будет ли тебе там — владея плохо французским языком — очень трудно догонять пройденное? — Пишу тебе все это не потому, чтобы я непременно желала, чтобы ты осталась в Брюсселе — ты знаешь, что я стояла за Женеву, отчасти вследствие хорошего отзыва о естественном отделении со слов Шухта [1], который занимался там сам — и не потому также, что ты внесла уже деньги, но я боюсь от слишком быстрого и необдуманного решения — новой неудачи,— худшей пожалуй!... А в таком взволнованном, возбужденном состоянии, в каком ты, видимо, находишься,— трудно решать. Не лучше ли остаться лишний год — т. е. этот — который употребишь с пользой на изучение французского языка, пользуясь в то же время и некоторыми лекциями, практическими занятиями по химии. А может быть, можно будет перейти и после первого семестра? Там тебе яснее видеть все это, особенно не торопясь, осматриваясь и обдумывая. Кажется в Брюсселе есть и другой старый университет, что ты слышала о нем? Каковы там профессора? К тому же, ты кажется колеблешься даже, пойдут ли у тебя занятия по естественным наукам,... а в таком случае — если я так поняла из письма твоего — лучше обождать, пока ясно не выяснится решение твое.

Я только одного желаю, чтобы ты чувствовала себя хорошо и была бы довольна делом своим — тогда оно и пойдет успешно.— Я так рада была предыдущему письму твоему, веселому и довольному, в котором ты писала, что занимаешься с жаром, и если б я была *уверена,* что в Льеже тебе будет не хуже, а лучше, то стояла бы за переход. Но я сильно боюсь, чтобы ты, осмотревшись в Льеже, не пожалела бы очень, что поспешила перейти!... Было же у тебя основание предпочесть Брюссель Льежу? Основанное, вероятно, тоже на слухах. Могу прибавить одно: обдумай покойно, не волнуйся и не торопись. Если потеряешь год — не беда, тем более, что ты еще плохо владеешь французским языком, что может очень затормозить дело, особенно при переходе в Льеж, где уже много пропущено этого семестра и поневоле еще пропустится: придется устраиваться, осматриваться, привыкать снова, ...торопиться, заниматься слишком усидчиво. Все это — особенно, если что не понравится и вкрадется опять сомнение и недовольство — повлияет скверно и на расположение и на здоровье...

Сейчас перечла твое письмо, в котором ты пишешь, что тебе так нравится Брюссель, что ты так колеблешься и боишься закабалиться на 4 года!... Почему так на 4 года? не понимаю! Еще прибавляешь, что не знаешь, как пойдут у тебя по естеств. занятия... Думаю, не лучше ли обождать с переходом, может быть и ничего не потеряешь — т. е. времени — подготовишься в летнюю вакацию из химии и физики и поступишь на 2-й год в другой университет.

Ну, целую крепко и прошу не волноваться и обдумать все покойнее.

Пиши же скорей твоей маме.

Посылаю сейчас телеграмму, обождать мое письмо.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 7, лл. 5—7.— Автограф.

№ 2

М. И. Ульяновой в Брюссель

5 марта 1899 г.

В ожидании большого письма, которое собираются наши написать тебе, пишу открытку. Сейчас я одна дома, Аня [2] поехала вчера к jour-fixe, а Марк [3] сегодня покупать ружье Володе [4]. Относительно заграничного паспорта Аня хотела навести справки, но во *всяком* случае не стесняйся этим, а возвращайся, когда надумаешь, я просто спросила тебя — конечно, гораздо лучше ехать тебе с подругами, а потом подольше будешь практиковаться из французского. Перевод твой [5] получили еще 28 и читали вместе за чаем — и Маруся [6] была у нас — всем понравился. Прекрасно делаешь, что практикуешься в переводе, хвалю за это и советую продолжать. Эту статейку надеются пристроить где-нибудь. Присылай еще. Я переводила бы с удовольствием тоже, но не найду ничего здесь...

В. и Н.[7] заленились писать, если В. пишет, то только о Рынках [8] с разными примечаниями, замечаниями и проч. и проч., а о себе ничего. Хочу браниться с ними. Погода сейчас приятная, и я много гуляю, но далеко не то, что по описанию у вас. Пиши подробнее о себе. Пожелала ли бы ты ехать к В.— мы поедем, может быть, с Аней — или остаться здесь с Митей? [9]Крепко целую и желаю быть здоровой и проч. проч.

Твоя М.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 7, л. 21.— Автограф.

№ 3

М. И. Ульяновой в Брюссель

Подольск, Московской губ., 15 марта 1899 г.

Долго не было писем от тебя, дорогая Маня, и я начала уже тревожиться, не понимая причины такого долгого молчания. Но вот, наконец, в субботу (13) приносят коротенькое письмо твое (странно, что оно пришло на 9-й день!), а на другой день, в воскресенье, получили 2-е письмо от тебя (тоже коротенькое!), уже на 5-й день. Непонятно, почему так вышло. Получили также от Володи письмо: пишет на одной страничке,

М. А. Ульянова. 1913 г. Вологда

А. И. Елизарова и М. И. Ульянова. 1912 г. Саратов

а на другой отмечает пропуски и опечатки, просмотренные корректурой, почему и не посылаю его письма. Пишет он вот что. Разъехались гости, что прогостили у них 5 дней на масляной: Глеб [10], Базиль [11], Зиночка [12] и некоторые еще. Тоничка [13] не приезжала, она служит фельдшерицей — временно — в каком-то селе. Провели время очень весело. К лету желали бы они переехать в Шушенское, так как в М[инусин]ске жить летом скверно. Неизвестно удастся ли это и не будут ли еще препятствием материальные средства, как полагает Володя. Наденька совсем не пишет!

Относительно дачи не могу ничего сказать. Вопрос этот стоит открытым... Смотрели много, но ничего еще не выбрали: то дорого, то нет купанья хорошего, то какое-нибудь другое но... главное же то, что не решено еще, едем ли к Володе или нет. Если поедем, то почти на все лето; ведь одна дорога — месяц, если не больше! да у него проживем не меньше, а то и больше месяца. Тогда наши молодые люди — будущие студенты — останутся одни на все лето — в таком случае нужна будет совсем иная дача, а пианино и иную движимость придется везти в М[оск]ву на хранение. А признаться мне не хотелось бы делиться на это лето! Хорошо бы провести его всем вместе!... Митя говорит, что если поедем — он устроится где-нибудь, например, хоть у Богданова [14]... уж этого мне ужасно не хотелось бы! Провести ему третье лето в такой неинтеллигентной семье!... Если б ему пристроиться к делу, это бы совсем что иное...

У нас совсем зима. Напал свежий снег, морозы, хотя солнце греет сильно, вероятно, будет нынче поздняя весна.

Аня писала тебе недавно, получила ли ты ее письмо? Она собирается опять писать тебе. Она получила нынче письмо из М[оск]вы от знакомых, приглашающих ее приехать, и она отправилась со скорым поездом; мы сели было с Митей читать немецкое, а тут явилась Кирьякова и уселись они за шахматы...

Пиши же больше о себе, что делаешь, чем занимаешься и проч., проч. Напиши также, когда и сколько прислать денег, я забыла когда послано.

До свидания, дорогая, крепко обнимаю тебя, будь здорова! Митя собирается писать тоже, а так как ему помешали, то придется отправить это письмо, вероятно, только завтра.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 7, лл. 22—23.— Автограф.

№ 4

М. И. Ульяновой в Подольск

15 июня 1900 г. Уфа [15]

Приехали наконец в 12 ч. И здесь также льют дожди, так что и в город — 4 версты в гору — пришлось ехать отчасти под дождем, грязь страшная. Н.[16] и Е. В.[17] здоровы и кланяются вам. Заходили к М. Грачевской[18], но, к сожалению, не застали — уехала на хутор, верст за 50. Квартира у наших не нравится нам очень. Низкие комнаты, духота страшная и к тому высокая крутая лестница, по которой приходится часто подниматься. Жду письма от вас, если нужно будет, то телеграфируйте. Крепко целую обоих вас [19], дорогие мои.

Ваша мама

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 7, л. 33.— Автограф.

№ 5

М. И. Ульяновой в Самару

Франция. Логиви. 18 июля 1902 г.

Получила письмо твое от 9/VII, дорогая моя Маня! Большое merci за него! Очень рада бываю вести от тебя. Веселый день был третьего дня, получила по письму от отсутствующих, дорогих моих: от тебя, Володи и Мити. От Володи было первое письмо после отъезда его [20]; писал, что хорошо доехал, что чувствует себя гораздо лучше — катар почти прошел. Ел. В. вернулась, и она и Надя шлют всем сердечные приветы. Жаль мне очень, что Володя не мог долее погостить здесь, это было бы очень здорово для него! Воздух здесь у моря очень хорош, а также морское купанье нравилось ему и, как я, кажется, уже писала тебе, он высмотрел очень хорошо и сильно загорел, потому что проводил целые дни на воздухе.

Митя пишет, что пробудет в своей грязелечебнице [21] до 25 авг., что он трудно понимает многих больных — малороссов, к которым ездит иногда на беговых дрожках, так как многие по слабости и бедности не могут приходить в лечебницу. Вероятно, он пишет тебе часто. Он выписал нам «Русские ведомости», которые мы получаем каждый день, что очень приятно, кроме того, получаем здесь французскую газету. Очень жаль мне, что не удастся повидать Наденьку, но она отказывается приехать по разным причинам, а я также боюсь предпринять путешествие к ним, далеко довольно и утомительно; кроме того, я начала лечение, прописанное мне в Германии, как я писала тебе, и прерывать его не хочется, надо продолжить его не менее четырех недель. Надо видеть, какие результаты оно даст, и на обратном пути зайти к доктору. Новая квартирка их очень тесна, всего 2 небольшие комнаты, одна для них, а другая для Е. В., и тут же и столовая их и кухня, готовят они сами. Вода в нижнем этаже, и Надя ходит за ней, вообще она много работает по хозяйству, с которым справлялась одна в отсутствии Ел. В.

Мы проводим тоже большую часть дня на воздухе: утром, сидя на скале у моря,— прекрасные тут места в скалах, все море перед глазами и воздух такой свежий, приятный. Берем с собой книгу и работу, в 12 Аня спускается купаться, большей частью и я с нею, вчера рискнула даже купаться — купаюсь 1—2 м. и сильно растираюсь, вода очень соленая — день был особенно теплый и тихий, но к ночи подул опять ветер, пошел дождь и нынче с утра гораздо холоднее... часто меняется здесь погода!

Море особенно хорошо в прилив, и, сидя на скале, мы наблюдаем, как вода постепенно поднимается и заливает наконец те места, где мы проходим иногда вперед,— спускаемся уже по горам — в отливе оно уже совсем не то... прилив и отлив происходит 2 раза в сутки и вода поднимается, как говорят, на несколько саженей. От часу до двух обедаем,— готовим себе сами: я купила в Париже керосинку — здесь спирт дорог — она прекрасно служит нам, варим на ней даже суп и все проч., посуду моет нам хозяйка; свежих яиц, молоко, масло и рыбу, только что выуженную, получаем здесь, мясо привозят иногда из Paimpol'а. После обеда отдыхаем немного, а там гуляем или же сидим опять у моря. Аня купается каждый день, что ей особенно полезно.

Если Маруся еще у тебя, то кланяйся ей от меня. Очень рада, что она гостит у тебя, хорошо если б подольше! Жаль только, что приходится вам жить в городе! Жара и пыль верно страшные... и предсказание, что лето будет дождливое, не сбылось верно? Как с билетом моим, жаль будет, если не отсрочат его! Жду его обратно. О сроке возвращения моего не могу

пока ничего сказать... напишу, когда определится, а пора уже подумать о том, неправда ли, дорогая моя? Я соскучилась уже о тебе... Была бы ты только здорова, родная моя!... Что слышно о деле, объявляли ли тебе чего? [22] Пиши мне *тотчас* же, если что узнаешь. Крепко обнимаю и целую тебя, береги себя, прошу тебя! До свиданья, дорогая, твоя мама.

P. S. Как наша мебель, не мешает ли кому? Если все те же постояльцы там, которые согласились взять нашу движимость, то конечно ничего, а может быть другие? А как те, вернулись ли с лечения? как чувствует себя больной [23], слыхали ли чего о нем? Поклон от меня хорошим знакомым [24]. Напиши, какая вообще погода у вас, сильные ли жары или нет. В Париже стояли такие жары в июле, что со многими были солнечные удары, и масса народу заболели от жара.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 14, ед. хр. 250, лл. 14—15.— Автограф.

№ 6

А. И. Елизаровой в Самару

12 июля 1906 г. ст. Саблино, Николаевской ж. д.

Дорогая Аничка!

Поджидала все вести от тебя из Самары и все не было... наконец, вчера уже под вечер принесли мне письмо твое от 7-го, которое очень порадовало меня! Хорошо, что вам удалось вовремя выбраться из Сызрани. Что такое было с Марком? Я не слыхала ничего о болезни его. Первое письмо твое из Сызрани пропало, вероятно. Пожалуйста, пиши почаще! Как устроились вы в Самаре? Конечно там жарко и пыльно, устроиться бы вам где-нибудь за городом, на даче, где можно бы купаться. У нас, после отъезда твоего ненастная погода: проглянет на несколько часов солнышко и опять дождь и ночи холодные, и я не хожу купаться на реку. Иногда вечера бывают теплые, и мы устраиваемся тогда с чаем в беседке. Так было в субботу, 8-го приехали наши [25]. Володя пошел купаться, а потом посидели в беседке. Пробыли у нас и следующий день, Володя думал даже погостить у нас с неделю, но газеты в понедельник утром так заинтересовали его, что он и Надя улетели и Маня с ними... Вы знаете, конечно, давно о печальной участи Думы...

Маня вернулась в тот же вечер, она не оставляет меня надолго и ночует всегда дома.

Мы обе совершенно здоровы. Сегодня ясно и солнце печет и если не изменится погода — позову Маню купаться.

Получено вчера уведомление из Коммерческого банка, что по независящим обстоятельствам директор Корсак[ов] не может определить Марка на службу.

Жду более подробного письма от тебя, дорогая моя!

Спешу отправить письмо к почтовому, итак всего хорошего! Марку поклон от нас. Крепко целую тебя и еще раз прошу писать больше.

Будь здорова, дорогая!

Твоя мама

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 5, лл. 36—37.— Автограф.

№ 7

В. И. Ленину в Женеву

27 сентября 1908 г.

ст. Михнево, Серпуховского уезда, Московской губ.

Дорогой Володя!

Большое спасибо тебе за письмо твое [26], очень рада была я ему. Я тоже давно не писала тебе, вообще ленива стала я теперь писать... Получила вчера письмо Наденьки к Мане и пересылаю его ей нынче. Она уже с неделю в М[оск]ве, были различные хлопоты по экзамену [27], надо было сняться, наводить некоторые справки и проч. Поместилась в меблированной комнате и, как пишет, зубрит, 2 октября у ней первый экзамен, а всего на экзамены устные и письменные потребуется полторы недели, как она слышала раньше. Она ответит тотчас же Наденьке, когда может выехать. Маня ликовала, когда узнала, что ты собираешься в Италию и хочешь взять ее с собой, это была бы прелестная поездка, лишь бы не задержал ее здесь экзамен! Я так рада буду, когда она покончит с ним и отдохнет.

Жалею очень, что Митя не хочет ехать — или как он говорит не может — для него было бы очень полезно встряхнуться, уехать отсюда... ну, всего не напишешь, Маня расскажет тебе.

Вчера вернулась Аня из Петербурга, хлопот было немало с упаковкой и отправкой движимости нашей, прожила она там около двух недель. Просила она передать тебе поклон и сказать, что второе письмо твое получила и напишет тебе скоро.

Теперь будем перебираться в Москву, как только прибудут вещи, надумали жить поближе к Мите. Кочую я все это последнее время, ну, да это все пустяки...

Дорогой мой, не слишком ли много сидишь ты за работой, это вредно для тебя, надо больше отдыхать, гулять, не забывай этого, прошу тебя!

Целую крепко дорогую Наденьку и шлю сердечный привет Елизавете Васильевне. Как здоровье ее?

Обнимаю и крепко целую тебя, дорогой Володя, будь здоров, милый мой! Спешу воспользоваться случаем на вокзале.

Твоя мама

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 4, лл. 1—3.— Фотонегатив с автографа.

№ 8

В. И. Ленину в Женеву [28]

16 ноября 1908 г. Москва

Дорогой Володя!

Давно собиралась писать тебе, но после болезни чувствовала долго слабость и не писалось. Теперь я уже совершенно поправилась и с неделю выхожу каждый день на воздух. Погода стоит прекрасная весь ноябрь, небольшие морозы без ветра, и я гуляю с большим удовольствием. Разрешил мне так скоро прогулки доктор, с которым познакомил нас Митя — бывший товарищ его, которого он пригласил, так как сам колебался поставить верный диагноз и думал, что со мной опять малярия.— Доктор этот —

он старше Мити и много практикует — тотчас определил мою болезнь и только что температура спала — посоветовал мне выходить на воздух, что меня очень подкрепило.

Как порешили вы с переездом? Жду с нетерпением вестей от вас. Вчера была открытка от Мани из Парижа, ищет себе комнату на время, до вашего приезда [29)]. Жаль, что пришлось ей так поспешить с отъездом, может быть, вы раздумаете переезжать и в таком случае лучше бы ей оставаться в Женеве и прослушать лекции вместо одного полтора семестра. Я очень желала бы, чтобы она устроилась с вами хоть близко от тебя, если не удастся устроиться коммуной. Ну, буду надеяться и ждать.

Мне кажется, что жаль оставлять велосипеды, они послужат вам, а ты ведь любишь кататься и тебе это здорово — конечно, если ездить умеренно и не потеть сильно, чтобы не простудиться,— а в окрестностях Парижа, вероятно, прекрасные дороги. Митя страстный охотник ездить на велосипеде — говорил в последний приезд свой сюда, что поступил бы так: довез бы велосипед до границы, оставил бы его на время на сбережении, а потом переехал бы на нем границу. Не знаю, удобно ли поступить так?

Крепко обнимаю и целую тебя, дорогой мой, будь здоров, не утомляйся слишком работой и гуляй больше. Ждем письма от тебя.

Привет и поцелуй Наденьке и Е. В.

Твоя мама

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 4, лл. 4—6.— Фотонегатив с автографа.

№ 9

В. И. Ленину в Париж

10 апреля 1909 г.

Дорогой Володя!

Поздравляю тебя со днем рожденья, дорогой мой; будь здоров весь следующий год, и не было бы у тебя таких неудач и неприятностей с твоей литературной работой, как нынешний год. Пишу тебе с дороги, выехали вчера в 9 ч. вечера. Очень рада, что выбрались, наконец, из Москвы, где я проболела почти всю зиму и где я совсем не могла пользоваться хорошим воздухом по случаю постоянного ненастья.

Поместились мы с Аней очень хорошо, едем с комфортом в первом классе. У Ани был билет бесплатный, выписанный ей еще Марком из Нерчинска, а чтобы нам помещаться вместе, доплатили мы разницу для меня между первым и вторым и удалось нам даже поместиться в отдельном купе. Здоровье мое почти совсем восстановилось, только ноги огорчают меня, все еще слабы; пройдусь совсем медленно шагов 20 и должна отдохнуть, посидеть. Доктора говорят, что это обычное последствие тяжелой болезни, особенно у старых людей. Ну, теперь приближаемся к югу, с каждым днем, надеюсь, будет теплее, это приятно, я стала очень зябкая. Как приедем в Крым и устроимся — напишу вам и сообщу наш адрес, будем ждать вестей от вас. Передай привет и поцелуй от меня всем твоим. Мане напишу уже по приезде. Прощай, дорогой мой, будь здоров, собираетесь ли на север Франции, где мы пожили вместе несколько лет тому назад [30)]. Мне очень нравилось там.

Крепко обнимаю, твоя мама

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 4, лл. 8—9.— Фотонегатив с автографа.

№ 10

В. И. Ленину в Париж

25 апреля 1909 г.

Дорогой Володя!

Вчера получила письмо твое от 27-го, очень рада была иметь вести от тебя. Мы устроились здесь хорошо. Из Севастополя доехали сюда прекрасно на лошадях (65 верст), дорога меня нисколько не утомила, напротив, это была очень приятная поездка. На полдороге у Байдарских ворот останавливались на $1^1/_2$ часа, чтобы дать отдохнуть лошадям. Тут я в первый раз увидала море и с удовольствием погуляла по берегу. Устроились мы здесь хорошо, и погода стояла совершенно летняя эти две недели, днем было даже жарко. Со вчерашнего дня заморосил дождь и подул сильный ветер с моря. Комната у нас удобная и большой балкон, где я провожу почти весь день, солнце показывается там только утром до 11 часов. Море точно совсем близко от нас и вид очень красивый. Есть и садик при доме, и я ограничиваюсь этим, в дальние прогулки не пускаюсь, только раз ездила с Аней на берег моря и просидели там часа 2, это была прелестная прогулка, но подниматься к нам надо по крутой горе, и это пока не по моим силам. Аня ходит туда часто с нашими хорошими знакомыми, Луначарскими [31)], которые поселились с нами на одной даче.

Очень приятно было видеть из твоего письма, что и вы гуляете иногда и что окрестности Парижа хорошие, но эти прогулки, вероятно, редкие, а Маня все сидит и зубрит и все волнуется, что не выдержит экзамен... [32)] Мне кажется, зачем ей спешить с экзаменом, раз она чувствует, что плохо подготовлена. Смущает ее учительница ее, не зная мнительного характера Мани. Она раньше еще писала мне, что в один год трудно подготовиться. Я боюсь, что такие усиленные занятия плохо повлияют на ее здоровье, особенно после продолжительной и упорной болезни уха... и рада была бы услышать, что она откладывает экзамен и отдыхает лето, но она пишет, что соскучилась обо мне и спешит вернуться. Говорила ли она тебе о моих планах на осень? Я тоже соскучилась о вас и *очень* желала бы повидать вас. Думаю ехать в конце лета в Париж, поселиться с Маней в комнате, по возможности ближе к вам, и она может тогда не переутомляясь готовиться. Ведь ей необходима еще практика, она совсем не говорит по-французски, все боится делать ошибки, это очень жаль! Поговори с нею об этом, дорогой мой.

Шлем привет всем вам, будьте здоровы! Крепко обнимаю и целую тебя милый, дорогой Володя.

Твоя мама

P. S. Вчера получили письмо от Марка, хлопочет в Питере о каком-нибудь занятии, но пока ничего не предвидится. Неизвестно, где он устроится...

Алупка, Ялтинская ул., дача Никольской.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 4, лл. 10—13.— Фотонегатив с автографа.

№ 11

А. И. Елизаровой в Териоки

31 августа 1910 г. Стокгольм

Дорогая Аничка!

Сегодня утром отправили тебе телеграмму, а сейчас опишу тебе наше путешествие [33)]. Доехали мы прекрасно: по железной дороге помещались

очень хорошо, вышла только маленькая неудача, которую описала тебе Маруся. На пароходе было очень хорошо: отправились мы к морю, пообедав в Або, где погуляли в хорошеньком садике,— против самого вокзала — и по некоторым улицам. На пароходе имели хорошую каюту на 2 места, погода стояла прекрасная все время, и мы были постоянно на палубе. Качки совсем не было.

Ночью проснулась я в 4 ч. и вижу, что пароход стоит, хотелось узнать почему. Оделась и только вышла из каюты нашей, как встретила молодую особу, немку, только что сошедшую с палубы, которая и объяснила мне, что пароход остановился у маленького городка, чтобы сдать лишний багаж, и тотчас же тронется дальше. Действительно, он отплыл тотчас же, а я вернулась, чтобы снова лечь и тут почувствовала маленькую качку, точно я лежу в зыбке и меня качают — но это не помешало, а напротив способствовало тому, чтобы мне быстро уснуть, и я прекрасно проспала до утра. Маня спала тоже хорошо и тоже заметила маленькое колебание под утро, но спали прекрасно и много.

Утром вышла я рано на палубу и видела трех дам, с которыми была легкая морская болезнь и которые лежали на палубе. Они ужинали в половине десятого,— как принято на пароходе, но мы предпочли поесть, как обыкновенно делали, в 7 ч. и легли в 9 ч. как стемнелось, чтобы встать раньше. Утром провели с удовольствием несколько часов на палубе, погода была прекрасная. Пароход опоздал и подошел к Стокгольму в начале 10-го.

Мы стояли с Маней у самого барьера и вскоре увидали Володю. Я не узнала бы его, если б Маруся не указала. Она прямо взвизгнула от радости, когда увидала его... Я нашла его очень похудевшим и изменившимся, но он уверяет, что чувствует себя очень хорошо. Сняли 2 комнаты: одна побольше, для меня и Мани, другая, для него, очень хорошенькие и уютные, невысоко подниматься. Снял он их на 12 дней. Ходим вместе обедать, и мне очень понравился здешний стол, можно получить и овощи и каши и самых свежих яиц и молоко.

У Володи есть тут знакомая, еврейка, которая живет здесь с семьей 4 года; он хочет познакомить нас с нею, и она укажет нам, где лучше что купить. Посмотрю, стоит ли купить здесь Мане зимнее пальто. Город мне очень нравится, насколько я видела его. Погуляем завтра и посмотрим его. Я чувствую себя совершенно хорошо и прокатилась с удовольствием на пароходе. Как-то ты живешь, дорогая моя, здорова ли вполне? Хлопот с укладкой будет тебе много... страшно жалею, что не могу помочь тебе! Не утомляйся слишком, родная моя, укладывай понемногу. Боюсь, что к 9-му не поспеем, напишу скоро опять. Будь здорова, дорогая Аничка, будь осторожнее и внимательнее к здоровью... обнимаю и крепко целую тебя.

Твоя мама

Маня целует тебя.

Пиши, пожалуйста, если надумаешь что-нибудь купить здесь, с большим удовольствием исполню все...

Не было ли письма от Мити или Тони? Напиши, если что узнаешь о них. Что пишет Марк? Хочу писать ему отсюда.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 5, лл. 110—111.— Автограф.

№ 12

А. И. Елизаровой в Териоки

3 сентября 1910 г. Стокгольм

Дорогая Аничка!

Послали мы тебе в день приезда телеграмму, а на другой день большое письмо, получила ли ты то и другое? Сегодня захотелось писать тебе опять и вот я засела. Наши пошли обедать, а я пообедаю дома; хозяйка наша варит мне кое-что на газе, а также кофе утром и воду кипятит для чая. Керосинку раздумали покупать, пачкотни много и хозяйка против этого, говорит, что за газ приплатим немного, а в комнатах так чисто и изящно, что ставить керосинку и проч. неудобно.

Гуляем эти дни очень много, осматриваем город и окрестности: прелестные здесь скверы и парки, масса цветов, красивые фонтаны. Вчера сидели долго в одном парке, слушали музыку. Любовалась я, глядя на целый лес роскошных пальм, лучше тех, что видели в Крыму. Сегодня утром ходила я с Марусей по магазинам: глаза разбегаются... но купили мало, не можем объясняться, не зная местного языка, это огромное неудобство, для нас здесь, и хозяйка наша почти или мало понимает по-немецки. Володя навык немного и объясняет ей, а потом купили маленькое руководство для русского в Швеции.

Завтра повидаюсь с женой одного рабочего, она еврейка, живет здесь уже 4 года, похожу с нею по магазинам и лавкам. Зашли сегодня в один магазин — распродажа всего — соблазнилась шитьем; куски все в 4 метра, но цены разные, смотря по ширине узора, взяли один кусок — годится больше для панталон, кажется очень прочное, крона и 60 öре. У нас такого прочного не найдешь. Есть много шитья тонкого, край и прошивки, можно будет еще купить, как ты думаешь? Пиши скорей, если тебе нужно что, изящного здесь много. Сейчас принесли первое письмо твое, очень рада ему и письму от Тони. Merci дорогая, что написала!

Вчера Володя читал реферат [34]), Маня пошла с ним, а я залегла раньше спать — постель у меня здесь роскошная! Следующую субботу Володя собирается опять читать реферат, а воскресенье, 25-го проводит нас на пароход и тотчас же обратно в Париж, где ждут его. Я желала бы раньше ехать и не очень довольна, что отъезд наш так затягивается... можно ли будет тебе ждать нас так долго?... но что поделаешь теперь?... и хотелось бы побыть с Володей и неудобно прожить здесь долго... Писала ли я тебе, что Володя похудел на мой взгляд, но смотрит бодрым и чувствует себя, как говорит, прекрасно. Очень много ездил на велосипеде и много ходил, думает, что от этого похудел, считает, что это хорошо...

Погода здесь прекрасная, делаем большие прогулки и нынче собираемся в зоологический сад и в музей, это недалеко от нашей квартиры. Писал ли Марк что-нибудь о монахе [35]), уехал ли он за границу, если да, не может ли он достать его адреса, было б очень нужно... Письма приносят нам на квартиру.— Володя сделал заявление об этом, что очень удобно, так как почтамт далек.

Ну, до скорого свидания, дорогая, будь здорова и не переутомляйся! Крепко обнимаю и целую тебя мысленно. Еще раз будь здорова, родная моя! Пиши опять. Я совершенно здорова и вообще чувствую себя хорошо.

Твоя мама

Маня целует тебя крепко. Я писала сегодня Марку, напиши как он живет. Володя шлет тебе поклон и поцелуй.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 5, лл. 112—113.— Автограф.

№ 13

М. И. Ульяновой в Саратовскую тюрьму

19 августа 1912 г. Саратов

Дорогая Маруся!

Вчера, вернувшись домой, застала письмо от Нади; она спрашивает про тебя и просит передать тебе от всей семьи поклоны и крепкие поцелуи и лучшие пожелания. Перебираются они с 1 сентября на новую квартиру, в город или лучше сказать на другой край города, так как тут, где лето провели, будет непролазная грязь и до библиотеки и вокзала далеко, а с новой квартиры всего 10 минут ходьбы. Квартира очень хорошая, в нижнем этаже, 2 комнаты, с ванной и душем, с газом и электричеством. Надя очень рада переезду, так как на старой квартире было немного бестолково с хозяйством на две семьи. Будет приходить к ним на все утро та же прислуга, что жила у них летом, очень хорошая женщина, все умеет и все их интересы к сердцу принимает. Надумали они ехать втроем к знакомым за 60 верст, но Надя раздумала, боясь такого длинного пути, и вот Агаша — их прислуга — наготовила и уложила им всякой всячины в дорогу. Летом делали они большие прогулки на велосипедах, останавливались для отдыха в харчевнях, пили молоко и ели простоквашу. Как-то раз проехали около 50 верст, и Надя обезножила, даже ноги распухли, и другой раз, после большой поездки вперед, вернулись усталые по железной дороге.

Вообще гуляли много летом и чувствуют себя хорошо. Одно жаль, прибавляет Надя, что знакомых у них мало, летом это ничего, но зимой скучновато будет. Ел. В. шлет всем привет, она все прихварывает; было несколько припадков сердцебиения и большая слабость, что очень беспокоит Надю.

Сегодня пришла к нам опять Муся, хотела просить Марка заняться с нею из арифметики,— ей предстоит переэкзаменовка из этого предмета,— но, к сожалению, Марку не удалось заняться с нею: утром он был на службе и проч., а к обеду зашел знакомый наш шахматист [36] и тотчас после обеда уселись они играть в шахматы, и конца игры их не предвиделось...

Салфеточку твоей работы отыскала и отвезу ее к знакомой нашей, собираемся к ней на днях.

Ну, всего хорошего, дорогая моя Маруся, крепко целую тебя, будь здорова, родная моя!

Твоя мама Мария Ульянова

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 8, лл. 34—35.— Автограф.

№ 14

М. И. Ульяновой в Вологду

25 февраля 1913 г. Саратов

Дорогая Маруся!

Сейчас получила письмо твое от 22, а вчера вечером открытку и вслед за ней ответ на Анину телеграмму. Я не знала, что она телеграфировала тебе, она прочла что-то о В[олог]де в газете, что встревожило ее, но мне не

сообщила этого, чтобы я не беспокоилась. Ответ твой и открытка успокоили нас, слава богу, что ты здорова, родная моя!! У нас сидели Е. В.[37] с мужем, спрашивали про тебя и просили передать тебе от них большой привет.

Я писала тебе 21-го, получила ли это письмо? Вложила я в него письма наших и отвезла на вокзал, чтобы пошло в тот же день; Аня тоже писала тебе, кажется, в тот же или на другой день, ждем ответа твоего на письмо ее...

Ты пишешь, что уложила шубы, значит, ты выходишь в своей ватной — не рано ли? Аня одела вчера в первый раз ватную кофту с большим меховым воротником — что купила в Питере — а вниз теплый платок, день был солнечный, с крыш капало, но в то же время резкий ветер; я не расстаюсь еще с моими зимними теплышками.

Про квартиру, которую ты имеешь в виду для нас, я писала тебе в последнем письме; мне кажется, что она очень подходит нам, даже садик и огород! Про вторую, о которой ты пишешь в последнем письме, не знаю, что сказать, не было бы хлопот со сдачей комнаты... заглазно трудно решить, тебе лучше видно. Что она выходит на улицу,— не преимущество, может быть, больше пыли и шуму, а первая выходит, вероятно, во двор?

Предоставляю тебе выбор, голубушка моя, осмотри их и решай, как тебе лучше покажется, но может быть это успеет еще... будем ждать ответа твоего на Анин вопрос... пиши скорей! Теперь о другом. Очень приятно было узнать, что ты имеешь урок и рада этому, кстати не нужны ли тебе французские учебники, которые не послали тебе по ошибке раньше. Аня просила спросить тебя об этом, так как хочет уложить все книги, а также что из весеннего и летнего туалета понадобится тебе,— так как все лишнее будет тоже уложено,— например, пальто драповое, костюм весенний, калоши легкие и что еще? перечисли, пожалуйста, все, и мы вышлем тебе...

Как понравился тебе концерт? Желательно, чтобы ты чаще могла пользоваться таким удовольствием, конечно, если концерты недурны и могут доставить удовольствие. Аня посещает их здесь больше в консерватории, и многие нравятся ей очень. Она познакомилась там с одной ученицей, оканчивающей курс, звала ее к нам. Симпатичная девица, она была у нас на днях, играла очень много и все на память, большие вещи, играет очень хорошо, особенно понравилось мне, как она исполняла «Бурю на Волге»; играла с нею и в 4 руки из наших пьес. Звала меня к себе играть; взяла пианино на прокат и помещается в маленькой комнате, играет часа 4—5 в день! К ней не соберусь, далеко, и я не выхожу по вечерам... пусть приходит к нам.

Продажа нашей обстановки идет туго, пока продали только стулья дюжину Е. В. Что не продастся, надо будет упаковать и отдать на хранение, пока не выяснится куда переправить.

Пора кончать, до свиданья, дорогая моя! Обнимаю и целую тебя горячо, будь здорова! Береги здоровье! всего хорошего желаю тебе!

Твоя мама

P. S.

А. И.[38] писал мне, что послал тебе свою фотокарточку, но от тебя не получил ни ответа ни привета... Напиши ему, он будет очень рад.

Не удалось отправить вчера письмо, посылаю его нынче 26-го.

Объявили ли тебе, что тебе сбавляется год ссылки? Не забудь ответить.

Не повторить ли просьбу относительно лечения больного уха твоего, что ты думаешь об этом? Жду ответа твоего. Во всяком случае мы прежде повидаемся с тобой.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 9, лл. 17—18.— Автограф.

№ 15

30 апреля 1913 г. Феодосия

Дорогая моя Маруся!

Писала тебе на днях и вложила в конверт письма наших, которых давно поджидала. Надя пишет, что ей лучше — т. е. сердцу и глазам, кажется успокоить меня хотела, писала не совсем искренно... Сейчас получила письмо от Володи, в котором он пишет также Мите, сообщает ему, что, несмотря на лечение электричеством в продолжение трех недель, глаза, шея и сердце по-прежнему... Знакомые советуют везти Надю в Берн к Кохеру,

Д. И. Ульянов, М. И. Ульянова, М. Т. Елизаров. 1900—1904 гг.

первоклассная знаменитость по болезням такого рода — вылечит мол, но запускать рискованно, болезнь серьезная, ничего не поделаешь потом...

И вот Володя в большом затруднении, бросать ли дачу, куда они уже переехали — расположена на горе, воздух прекрасный горный, как советовали ей, или везти к Кохеру, он же хирург, вздумает, пожалуй, резать, а многие говорят, что операции в подобных болезнях трудны и сомнительны по исходу... и вот Володя спрашивает совета Мити. Правда положение Володи трудное... Я послала бы тебе письмо Володи, но Митя не вернулся еще, ждем его завтра утром, что-то он ответит Володе. Но что может он советовать, ведь он неопытный врач! просматривает медицинские книги свои и делает выписки.

Мы с Аней думаем, что слушать советы знакомых нельзя, а надо посоветоваться с опытным врачом, хоть в Вене, везти туда Надю. Аня хотела писать Володе об этом, надо подождать до утра Митю, посмотрим, что он

скажет... А болезнь серьезная! Кроме припадков сердцебиения, у ней распухла сильно шея и глаза выступают... Я писала тебе в прошлом письме, что Митя поехал в Симферополь на несколько дней по делам службы, кроме того, готовилось там какое-то торжество, звали и Тоню [39], и она съездила туда с удовольствием на два дня и нынче утром вернулась.

Мы живем по-прежнему: гуляем, спим и едим... погода теперь совсем теплая, вчера был сильный ливень, а сегодня яркий летний день, совсем теплый, с утра тихо и тепло, но постепенно поднимается свежий ветер... Я встаю рано и часто иду гулять к морю до кофе. Как жаль, что нет у тебя соломенной шляпы, в крымской пожалуй жарко будет... я хожу в ней пока; твоя уложена в одной из корзин больших, с платьем твоим. А знаешь что, Маруся, купи соломенную с полями или какая понравится тебе (хоть простенькую) на мой счет, конечно, она будет служить мне потом к лету, а мы привезем тебе твою, вероятно, после половины мая. Наши шлют тебе поцелуи. Мы продолжаем собирать ракушки всех сортов, украсили ими 2 вазы по образцу прежней Митиной, вышли очень красивые, наряднее старой, но везти с собой такую трудно, возьмем только ракушек с собой, может быть и тебя займет эта работа. Аня говорит, что взять бы с собой целый пуд и открыть мастерскую в Вологде!!...

А взяла ли ты баночку с вареньем из ж. сундука и кушаешь ли его? а пожалуй оно не уцелело!?... напиши об этом! Ты спрашиваешь, как поливать гвоздику: если она в грунту на воздухе,— надо сильнее, а на окнах в банках — менее сильно, но чтобы не засохла. А как поступила с георгиновыми корнями? Я займусь цветами с удовольствием, когда приеду!

Желаю очень тебе найти симпатичную жилицу, и чем скорей, тем лучше! А как нравится тебе приходящая прислуга твоя, не может ли она, пока нет никого, проводить ночи у тебя? Одной оставаться жутко... это беспокоит меня!

Крепко целую тебя, дорогая моя, пиши больше о себе и не утомляйся очень.

Будь здорова, родная моя!

Твоя мама

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 9, лл. 59—60 — Автограф.

№ 16

В. И. Ленину в Берн

1 февраля 1915 г. Петроград

Дорогие мои Володя и Наденька, давно нет вестей от вас и мы, кажется, давно не писали, может быть, не все письма доходят; скучно и грустно, что корреспонденция так медленно двигается и письма не всегда как видно доходят. У нас все по-прежнему; была довольно суровая зима и только со вчерашнего дня оттепель; квартира у нас сухая, теплая и солнца много. Мы все здоровы. Марк вернулся с неделю из продолжительной поездки, был в Ялте и в Севастополе, провел сутки у Мити [40], на что требовалось разрешение у губернатора, о чем хлопотал уже Митя, он был очень рад видеть Марка. В Ялте Марк застал полную весну, тепло, все зелено, фиалки в цвету, набрал — или скорее купил — букет для Ани, она писала ему привезти ей непременно фиалок...

Маня не расстается с Москвой, где ей очень нравится, и знакомых много и уроки нашла, вероятно она пишет вам, мы часто переписываемся

с нею, письма доходят через день. Видались мы несколько раз с Лидией Ми.[41]: она отправилась в Крым лечиться, чувствовала себя плохо последнее время и спешила в Крым, где и раньше жила и чувствовала себя там особенно хорошо. Вот и масленница прошла, особенно тихо здесь, как мне показалось, хотя дальше садика я никуда не хожу, но блины пекли каждый день, Марк охотник до них.

А как у вас, пекли ли вы блины? Сколько мне помнится, Володя небольшой охотник до них, не знаю, как ты, Наденька, и Е. В. Довольны ли вы немецким обедом, там много овощей и плодов, очень вкусное и здоровое питание. Как здоровье Е. В.? Я думаю, что ей нравится в Берне, хороший это городок, мне он очень нравился, когда мы останавливались в нем, проезжая по Швейцарии. Передайте ей от меня привет и пожелание ей здоровья и всего лучшего. Вероятно, ее не тянет теперь в Россию, здесь нехорошо теперь, только и слышишь, только и читаешь каждый день об ужасах войны. Аня шлет вам поклоны и поцелуи, собирается тоже писать вам. Марк просил также передать вам привет от него. Получаешь ли ты, Володя, газету, выписанную Аней, доходит ли она аккуратно, не желаешь ли еще какую-нибудь газету?

Крепко обнимаю тебя, дорогой мой, а также дорогую Наденьку, как рада была б я повидать вас. Будьте здоровы, дорогие мои, пишите, пожалуйста, почаще, жду большого письма от тебя, милая Наденька, напиши, как вы чувствуете себя, как проводите время и проч. и проч., очень порадуешь меня таким письмом.

Ваша М. У.

Был у нас вчера Ник. Ст. Долгов[42], помнишь ли ты его, Володя? Постарел он очень, с длинной седой бородой, я не узнала бы его. Петя его играет хорошо на скрипке, купил себе дорогую, в тысячу рублей, и продолжает совершенствоваться, он женат давно.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 461, ед. хр. 34468, лл. 2—4.— Перлюстрированная копия.

№ 17

М. И. Ульяновой[1]

23 апреля 1915 г. Петроград

Дорогая Маруся!

Вчера поздно вечером принесли открытку твою, обрадовалась я очень вести от тебя, поджидала ее с нетерпением. Буду ждать письма твоего из Львова с новым адресом и тотчас же напишу тебе опять и буду писать тебе часто, как обещала, и ты пиши чаще и больше; смотрели с Аней на карте, по какому маршруту поедете, вероятно, на Киев. Ты опишешь нам и дорогу и как Львов понравится и проч... Здесь все еще нет настоящей весны, хотя солнечные дни, а холодно, и я кутаюсь, как зимой, когда выхожу на воздух. Получила вчера письмо от Нади, заболела она опять базедкой, опять сердцебиение, обратилась к врачу, прописал микстуру и советовал ехать в горы (выше 1000 метров), думают ехать, когда почувствует себя лучше. Переменили квартиру: Waldheimstrasse 66, parterre, есть ванна и душ, что очень приятно для Володи. Квартира на солнце и недалеко от леса, а там уже полная весна. У нас еще не решено с дачей, Марк

[1] Письмо было послано с оказией в армию, где служила М. И. Ульянова.

осматривал уже многие, но ни на одной не остановился, жаль, что нельзя поселиться в Финляндии!

Возвращаюсь опять к поездке твоей и опять прошу тебя, родная моя, быть осторожнее, беречь здоровье, думаю об этом беспрестанно!...

Обнимаю и крепко целую тебя, дорогая моя, будь здорова!

Еще раз целую тебя, твоя мама.

Если что нужно будет, чего не найти в Львове,— пиши, можно будет выслать отсюда. Ст.[43] поклон и лучшие пожелания от нас.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, оп. 2, ед. хр. 11, л. 57.— Автограф.

№ 18

Д. И. Ульянову в Севастополь

23 мая 1915 г. Петроград

Дорогой Митя, получили милое письмо твое, в котором ты описываешь так хорошо твою жизнь и обстановку в Севастополе; я перечитывала его и радовалась, что тебе живется так хорошо там! С каким удовольствием отправилась бы я к тебе хоть на денек... но увы, это только мечта! Живем мы все еще в душном, пыльном Петербурге, о даче только поговариваем, ничего не имеется в виду. Марк уехал, хотелось ему поселиться около Саблино, но дачки там все заняты, желает чтоб ему со службы было ближе к даче... Маня выполняет пока обязанность сестры милосердия, что ей очень по душе, как она пишет; беспокойно за нее и тоскливо. Наши шлют тебе привет, а я крепко обнимаю тебя, дорогой мой, и прошу очень писать нам опять.

Будь здоров! твоя мама
Жду письма!

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 15, ед. хр. 10, л. 1.— Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Шухт А. А. (1860—1933) — после ссылки в Сибирь по делу революционных военных кружков в Петербурге некоторое время жил в Самаре, где познакомился с В. И. Лениным и семьей Ульяновых. Позднее Шухт переехал в Швейцарию, в Женеву, где также встречался с Ульяновыми.— 7.

2) Аня — А. И. Елизарова.— 8.

3) Марк — М. Т. Елизаров.— 8.

4) Володя — В. И. Ленин.— 8.

5) О каком переводе идет речь, установить не удалось.— 8.

6) Маруся — по-видимому, племянница М. А. Ульяновой.— 8.

7) В. и Н.— В. И. Ленин и Н. К. Крупская.— 8.

8) Имеется в виду книга В. И. Ленина «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности».— 8.

9) Митя — Д. И. Ульянов.— 8.

10) Глеб — Г. М. Кржижановский (р. 1872), член КПСС с 1893 г. Один из основателей Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»; отбывал ссылку вместе с В. И. Лениным в Восточной Сибири. Один из организаторов II съезда РСДРП, активный участник революции 1905—1907 гг. Видный ученый-энергетик, академик.— 9.

11) Базиль — В. В. Старков (1869—1925), инженер-технолог. По делу Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» был арестован и выслан в Восточную Сибирь вместе с В. И. Лениным и Г. М. Кржижановским.— 9.

12) Зиночка — З. П. Невзорова-Кржижановская (1869—1948), арестованная по делу Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», отбывала ссылку в Восточной Сибири. Старый член Коммунистической партии, принимала участие в искровских организациях.— 9.

13) Тоничка — А. М. Розенберг, сестра Г. М. Кржижановского, последовала в ссылку вслед за своим женихом В. В. Старковым; служила фельдшерицей.— 9.

14) О каком Богданове идет речь, не установлено.— 9.

15) Летом 1900 г. М. А. Ульянова и А. И. Елизарова сопровождали В. И. Ленина в его поездке на пароходе в Уфу, где отбывала конец ссылки Н. К. Крупская. Письмо М. А. Ульяновой уточняет дату приезда В. И. Ленина в Уфу.— 9.

16) Н.— Н. К. Крупская.— 9.

17) Е. В.— Елизавета Васильевна Крупская (1842—1915) — мать Н. К. Крупской, жила с ней и В. И. Лениным в ссылке и эмиграции; помогала им — переписывала работы Ленина, хранила нелегальную литературу и т. п.— 9.

18) М. Грачевская — двоюродная сестра В. И. Ленина по матери.— 9.

19) Имеются в виду М. И. Ульянова и Д. И. Ульянов.— 9.

20) Летом 1902 г. Мария Александровна в сопровождении Анны Ильиничны отдыхала на севере Франции в дер. Логиви на берегу моря. Вместе с ними некоторое время отдыхал Владимир Ильич, приезжавший из Лондона, где в то время жил.— 10.

21) Д. И. Ульянов в это время служил врачом на Хаджибейском лимане в грязелечебнице (под Одессой).— 10.

22) М. И. Ульянова была арестована осенью 1899 г. и выслана в Нижний Новгород, затем вернулась в Москву и была снова арестована в марте 1901 г., получила год гласного надзора, который отбывала в Самаре.— 11.

23) Больной — о ком идет речь, не установлено.— 11.

24) Хорошие знакомые — по-видимому, речь идет о Кржижановских.— 11.

25) Речь идет о В. И. Ленине и Н. К. Крупской, которые жили тогда в Финляндии, на даче «Ваза» близ станции Куоккала.— 11.

26) См. В. И. Ленин. Соч., т. 37, стр. 312.— 12.

27) М. И. Ульянова готовилась к поступлению на курсы в Сорбонне (Париж).— 12.

28) Письмо Марии Александровны является ответом на письмо В. И. Ленина от 4(17) ноября 1908 г. (см. В. И. Ленин. Соч., т. 37, стр. 317—318).— 12.

29) В. И. Ленин переехал из Женевы в Париж между 29 ноября и 1 декабря (12 и 14 декабря) 1908 г.— 13.

30) См. прим. 20.— 13.

31) По-видимому, речь идет о семье А. В. Луначарского.— 14.

32) М. И. Ульянова готовилась к сдаче экзаменов в Сорбонне на звание учительницы французского языка.— 14.

33) В августе — сентябре 1910 г. Мария Александровна вместе с Марией Ильиничной отправилась в Стокгольм для встречи с В. И. Лениным, приехавшим туда из Копенгагена после окончания работы конгресса II Интернационала. Настоящее письмо дает возможность уточнить дату приезда В. И. Ленина в Стокгольм для встречи с матерью и сестрой.— 14.

34) О реферате В. И. Ленина в Стокгольме 2(15) сентября 1910 г. становится известно впервые из настоящего письма, уточняющего дату второго реферата В. И. Ленина в Стокгольме — о Международном социалистическом конгрессе, а также дату отъезда В. И. Ленина из Стокгольма в Париж.— 16.

35) Монах — о ком идет речь, не установлено.— 16.

36) По-видимому, речь идет о саратовском шахматисте А. Н. Хардине.— 17.

37) Е. В. — о ком идет речь, не установлено.— 18.

38) А. И. — о ком идет речь, не установлено.— 18.

39) Тоня — А. И. Нещеретова — жена Д. И. Ульянова.— 20.

40) Д. И. Ульянов служил в это время старшим ординатором 2-го Севастопольского крепостного временного госпиталя.— 20.

41) Возможно, речь идет о Лидии Михайловне Книпович (1857—1920).— 21.

42) Долгов Н. С.— о ком идет речь, не установлено.— 21.

43) Ст.— Станислав Станиславович Кржижановский — близкий товарищ М. И. Ульяновой, социал-демократ, большевик. Был арестован по делу Саратовской с.-д. организации вместе с М. И. Ульяновой и выслан в Вологду.— 22.

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ И. Н. УЛЬЯНОВА

Илья Николаевич Ульянов принадлежал к числу тех немногих деятелей просвещения в России, жизнь и труды которых как бы воплощают в себе историю первых лет начального образования в нашей стране.

Привлекая внимание своим богатым содержанием, сведения о жизни и деятельности И. Н. Ульянова представляют известный интерес и для изучения биографии Владимира Ильича Ленина.

Влияние Ильи Николаевича на юного Ленина, его братьев и сестер было исключительно велико. Как отмечает М. И. Ульянова, «...горячей любовью к детям, стремлением порадовать и повеселить детей, не стеснять без нужды их свободы, отец и мать привили им большую жизнерадостность, крепкую любовь к жизни. Счастливое детство, полное самоотверженной любви и внимания, оказало благотворное влияние на всю их дальнейшую жизнь. Старшие дети были во многом обязаны этим отцу» [1].

Биографических сведений об И. Н. Ульянове в литературе немного. Они ограничиваются главным образом теми данными, которые имеются в цитированной выше монографии М. И. Ульяновой и в материалах «Юбилейного сборника памяти И. Н. Ульянова» [2]. Эти работы, увидевшие свет более 25 лет назад, давно нуждаются в переиздании. Необходимы также поиски и публикация новых документов об одном из выдающихся деятелей начального народного образования в России.

Публикуемые документы относятся к раннему периоду жизни И. Н. Ульянова и первых лет его научно-педагогической деятельности. Они раскрывают остававшиеся ранее неизвестными обстоятельства, связанные с зачислением И. Н. Ульянова в университет, а также освещают и уточняют отдельные стороны его деятельности в Пензенском дворянском институте.

Документы извлечены из Архива Института марксизма-ленинизма и Центрального государственного архива Татарской АССР (ЦГА ТАССР).

Б. В. Федоренко

---

[1] М. И. Ульянова. Отец Владимира Ильича Ленина: Илья Николаевич Ульянов, 1831—1886, М.— Л., ОГИЗ, 1931, стр. 64—65.

[2] Юбилейный сборник памяти Ильи Николаевича Ульянова (1855—1925 гг.), Пенза, 1925.

№ 1

Ходатайство директора училищ Астраханской губернии А. П. Аристова управляющему Казанским учебным округом Н. И. Лобачевскому о зачислении И. Н. Ульянова в Казанский университет на казенное содержание

31 мая 1850 г.

Его превосходительству, господину управляющему Казанским учебным округом, помощнику попечителя и кавалеру

Ученик вверенной мне гимназии, оканчивающий нынешний год курс гимназического учения с весьма хорошими познаниями наук при отличном поведении, сын астраханского мещанина Илья Ульянов, просит моего ходатайства о помещении его на одну из стипендий астраханского при гимназии пансиона в Казанский университет для дальнейшего образования.

Ученик Ульянов с самого начала поступления своего в гимназию, по окончании полного курса в уездном училище в 1843 году, в каждом классе гимназии обучался постоянно при хороших способностях с весьма хорошими успехами, при отличном поведении и ежегодно был переводим в высшие классы с похвалою; и теперь оканчивает курс гимназического учения с весьма хорошими познаниями всех предметов; но очень недостаточное состояние родного его брата [1)], его воспитывающего, преграждает этому даровитому мальчику путь к дальнейшему образованию умственных способностей в университете: он совершенно беден и круглый сирота.

Принимая участие в судьбе Ульянова, и желая с своей стороны подать способы к усовершенствованию его познаний и способностей, я осмеливаюсь покорнейше просить ваше превосходительство, если можно будет, о помещении ученика Ульянова стипендиатом в Казанский университет, на счет сумм, определенных штатом содержания при Астраханской гимназии 20-ти казенных воспитанников и в Казанском университете четырех стипендиатов, высочайше утвержденных в 1-й день июня 1846 года [2)], подобно тому, как оказано было такое снисходительное благодеяние ученику сей же гимназии Лебедеву в 1848 году.

Директор училищ Аристов

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, № 25967, лл. 1—3.— Подлинник.

№ 2

Свидетельство И. Н. Ульянова об окончании Астраханской гимназии

19 июля 1850 г.

Казанский учебный округ

Свидетельство

Предъявитель сего Илья, Николаев сын, *Ульянов*, сын астраханского мещанина, имеющий ныне от роду восемнадцать лет, обучался в Астраханской гимназии с 7-го сентября 1843 по 10-е июня 1850 года; во все время учения своего был поведения отличного и в преподаваемых предметах оказал успехи:

в законе божием, священной и церковной истории *отличные*,
русской грамматике и словесности *отличные*,
математике *отличные*,

физике *отличные*,
истории *хорошие*,
географии *хорошие*,
законоведении *отличные*.
В языках:
французском *отличные*,
немецком *хорошие*.
В рисовании, черчении и чистописании *отличные*.

В удостворение чего, с утверждения г-на попечителя Казанского учебного округа от 6 июля 1850 года за № 2875, дано ему, *Ульянову*, сие свидетельство за надлежащим подписанием и с приложением гимназической печати, но с тем, что ему, *Ульянову*, как происходящему из податного состояния, не предоставляется тем никаких прав для вступления в гражданскую службу [3]. Астрахань, июля 19 дня, 1850 года.

Директор училищ Аристов
Инспектор гимназии Рафаелев
Старший учитель Тимофеев, старший учитель Степанов, старший учитель Рихтер, старший учитель Дьяконов, старший учитель Ахматский

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, № 25966, л. 18 и об.— Подлинник.

№ 3

Прошение И. Н. Ульянова ректору Казанского университета И. М. Симонову о приеме в число своекоштных студентов университета

5 августа 1850 г.

Его превосходительству, господину ректору имп. Казанского университета, действительному статскому советнику и кавалеру Ивану Михайловичу Симонову

Окончившего курс наук в Астраханской гимназии Ильи Ульянова

Покорнейшее прошение

Желая для окончательного своего образования выслушать полный курс наук в имп. Казанском университете по математическому факультету, осмеливаюсь утруждать ваше превосходительство покорнейшей просьбой о принятии меня в число своекоштных студентов, по выдержании мною установленного для поступления в университет экзамена. При сем имею честь приложить следующие, принадлежащие мне, документы: 1) метрическое свидетельство, 2) увольнительное от Астраханского мещанского общества свидетельство; 3) свидетельство Астраханской врачебной управы о здоровье и об оспе; и 4) свидетельство, данное мне от Астраханской гимназии об окончании в оной полного курса наук.

К сему прошению окончивший курс наук в Астраханской губернской гимназии Илья Николаевич Ульянов руку приложил. 1850 года, августа 5-го дня.

Резолюция И. М. Симонова: Во избежание дальнего пути просить Думу о присылке увольнительного свидетельства.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, № 25966, л. 2.— Подлинник.

№ 4

Выписка из протокола заседания правления Казанского университета об утверждении И. Н. Ульянова студентом университета

8 февраля 1851 г.

Докладовано: В прошлом 1850 году окончивший курс науки в Астраханской гимназии Илья Ульянов по экзамену Советом университета удостоен поступления в студенты, но правлением университета в этом звании не утвержден, потому что увольнительное от Общества свидетельство, выданное ему из Астраханской градской думы, составлено было несогласно с правилами, изложенными в 39 и 40 статьях 3 тома свода законов. Почему таковое свидетельство для перемены отослано было в Астраханскую градскую думу и сообщено было Астраханскому губернскому правлению с тем, чтобы оно подтвердило Астраханской градской думе на будущее время, при составлении свидетельств молодым людям для поступления в учебные заведения, строго соображаться с существующими на сей предмет узаконениями, о чем также было сообщено и во все губернские и областные правления, так как правление университета неоднократно замечало подобного рода упущения, допускаемые и прочими градскими думами и ратушами при составлении увольнительных свидетельств. Между тем он, Ульянов, допущен был к слушанию лекций в качестве приватного слушателя и на основании разрешения г-на управляющего Казанским учебным округом от 15 сентября 1850 г. № 3737 освобожден от платы за слушание лекций. Астраханская же градская дума прислала после в правление новое свидетельство об увольнении Ульянова из общества, которое по рассмотрении оказалось составленным согласно с законным требованием.

Определено: Так как Ульянов к слушанию лекций допущен с начала сего учебного года и неполнота в увольнительном его акте произошла не от него самого, а единственно от несоблюдения Астраханской градской думой, при составлении оного, законного порядка, то просить разрешения г-на попечителя Казанского учебного округа утвердить Ульянова студентом с зачетом сего учебного года.

Подлинный за подписом гг. присутствующих и скрепою секретаря.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, № 25966, лл. 12—13 об.— Черновик.

№ 5

Предложение декана физико-математического факультета П. И. Котельникова профессору М. А. Ковальскому рассмотреть сочинение И. Н. Ульянова на степень кандидата математических наук

10 мая 1854 г.

Имею честь покорнейше просить г-на профессора астрономии М. А. Ковальского рассмотреть это сочинение, представленное г-м студентом 4-го курса Ильею Ульяновым на степень кандидата математических наук

и, по рассмотрении, доставить факультету письменное мнение о достоинстве сочинения, а самое сочинение препроводить к прочим господам членам для прочтения.

Декан факультета Петр Котельников

10 мая 1854 года

Его превосходительство
Э. А. Эверсман.
П. Я. Корнух-Троцкий.
П. И. Котельников.— Читал П. Котельников
П. П. Вагнер.— Читал П. Вагнер
А. Ф. Попов.— Читал Попов
А. С. Савельев.— Читал А. Савельев
М. А. Ковальский.— Читал и отзыв поместил на второй странице Ковальский
П. С. Гесс.— Читал П. Гесс

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, № 44296, л. 1 об.— Подлинник.

№ 6

Отзыв М. А. Ковальского о сочинении И. Н. Ульянова «Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Klinkerfues'а 1853 г.»

14 мая 1854 г.

Сочинение студента 4-го курса г-на Ульянова представляет полное изложение способа Ольберса для вычисления параболической орбиты кометы с дополнениями Энке и Гаусса. Применение этого способа к вычислению элементов кометы, виденной простым глазом в прошлом году, и согласие результатов г. Ульянова с результатами, публикованными в Astr[onomisches] Nachr[ichten], показывает, что г-н Ульянов постиг сущность астрономических вычислений, которые, как известно, весьма часто требуют особых соображений и приемов. Это сочинение я считаю вполне соответствующим степени кандидата математических наук.

Проф. астрономии М. Ковальский

Казань 14 мая 1854 г.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, № 44296, л. 3.— Подлинник.

№ 7

Диплом И. Н. Ульянова об окончании Казанского университета и утверждении в ученой степени кандидата физико-математического факультета по разряду математических наук

13 декабря 1854 г.

Под высочайшим покровительством всепресветлейшего, державнейшего, великого государя Николая Павловича, императора и самодержца всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Императорский Казанский университет свидетельствует, что студент *Илья, Николаев* сын, *Ульянов,* из мещан, при поступлении в сие заведение в 1850 году из Астраханской гимназии, представил в доказательство своего происхождения: метрическое свидетельство о рождении и крещении, выданное из Астраханской духовной консистории от 4 июня 1850 года за № 1652 и увольнительное свидетельство от Общества мещан, выданное

Астраханской градскою думой от 2-го декабря 1850 года за № 7521. Во время нахождения в университете, при способностях, прилежании и поведении *отличных,* обучался на *своем* содержании, физико-математического факультета, в разряде математических наук, общим предметам: богословию и церковной истории с успехами *хорошими;* главным предметам: алгебраическому анализу, аналитической геометрии, тригонометрии, дифференциальному, интегральному и вариационному вычислениям, астрономии и геодезии, физике, физической географии с метеорологией, механике твердых и жидких тел — с успехами *отличными;* дополнительным предметам: неорганической химии, минералогии и геогнозии, системе растительного царства, системе животного царства, архитектуре, технической химии, французскому языку, российским государственным законам, логике и психологии — с успехами *хорошими.* Окончив полный курс сих наук и на публичных испытаниях доказав свои познания совершенно удовлетворительными ответами, он представил письменное рассуждение на избранную им тему: *«Способ Ольберса и его применение к определению орбиты кометы Клинкерфюса»,* которое, при рассмотрении в факультете, одобрено. Почему, согласно удостоению факультета и Совета университета, и по исключении Астраханской казенной палатой из мещанского общества, что видно из отношения ее от 5-го ноября 1854 года за № 4593, господином попечителем Казанского учебного округа, на основании § 30 Положения о производстве в ученые степени, высочайше утвержденного в 6-й день апреля 1844 г., утвержден, *восемнадцатого ноября тысяча восемьсот пятьдесят четвертого года,* физико-математического факультета по разряду математических наук *кандидатом,* со всеми правами и преимуществами, как сим Положением, так и Общим уставом императорских российских университетов, высочайше утвержденным в 20 день июля 1835 года, и другими узаконениями сей ученой степени дарованными. В удостоверение чего и дан ему, г. *Ульянову,* сей диплом за надлежащим подписанием и с приложением казенной печати. Причем выдано ему обратно упомянутое выше метрическое свидетельство. Казань, декабря 13 дня 1854 года.

Ректор императорского Казанского университета, заслуженный профессор, действительный статский советник и кавалер

Декан физико-математического факультета императорского Казанского университета, ординарный профессор, статский советник и кавалер

Секретарь Совета

ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, 1850, № 6351, л. 3 и об.— Копия с отпуска.

№ 8

Прошение И. Н. Ульянова попечителю Казанского учебного округа В. П. Молоствову о допуске к испытанию для получения вакантного места старшего учителя математики

30 декабря 1854 г.

Его превосходительству попечителю Казанского учебного округа, генерал-майору и кавалеру Владимиру Порфирьевичу Молоствову

Кандидат физико-математического факультета Ильи Николаева Ульянова

Прошение

Желая служить по Министерству народного просвещения, покорнейше прошу ваше превосходительство приказать подвергнуть меня узаконен-

ному испытанию для получения вакантного места старшего учителя математики в Пензенском дворянском институте. При сем имею честь приложить диплом на степень кандидата, выданный из Казанского университета за № 1041 и метрическое Астраханской консистории свидетельство за № 1652. К сему прошению кандидат физико-математического факультета Илья Николаев Ульянов руку приложил.

Казань 1854 года, декабрь 30 дня

Резолюция В. П. Молоствова: Доложить. Предложить Испытательному комитету допустить Ульянова к пробной лекции.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, № 44299, л. 2.— Подлинник.

№ 9

Протокол заседания Комитета при Казанском университете об испытании И. Н. Ульянова на звание старшего учителя математики и физики

21—26 февраля 1855 г.

1855 года февраля 21—26 дня, в Комитете для испытания кандидатов учительства, вследствие предложения господина попечителя Казанского учебного округа от 5 января 1855 года № 27, производимо было испытание ищущему место старшего учителя математики и физики в гимназии кандидату Ульянову, который читал в присутствии Комитета пробную лекцию: 1) из математики: аналитическое изложение конических сечений — ясно и основательно, 2) из физики: о лучистом теплороде — удовлетворительно, и затем написал рассуждение на заданную от Комитета тему: 1) из математики: проведение касательных к коническим сечениям — удовлетворительно; 2) из физики: об оптических инструментах — достаточно.

Вследствие того Комитет, признавая с своей стороны просителя кандидата Ульянова способным преподавать математику, но не физику, в гимназии, определил: приложив копию с настоящего протокола и рассуждение просителя, представить о том на благоусмотрение господина попечителя Казанского учебного округа.

Председатель Комитета: Осип Ковалевский
Члены: Д. Мейер, Н. Иванов, А. Попов, А. Савельев, В. Григорович, А. Владимирский
Секретарь Комитета: М. Сильванов

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, № 44299, л. 5.— Подлинник.

№ 10

Прошение И. Н. Ульянова Н. И. Лобачевскому о допуске к испытанию на звание старшего учителя физики

7 апреля 1855 г.

Его превосходительству господину помощнику попечителя Казанского учебного округа действительному статскому советнику и кавалеру Николаю Ивановичу Лобачевскому

Кандидата физико-математического факультета Ильи Ульянова

Прошение

Желая служить по Министерству народного просвещения, я входил прошением об определении меня на вакантное место учителя математики в Пензенском дворянском институте. По отзыву Испытательного комитета я допущен к преподаванию математики, но не физики; между тем я продолжал постоянно заниматься физикою и теперь чувствую себя способным дать удовлетворительный отчет в моих познаниях по этому предмету, а посему и осмеливаюсь просить ваше превосходительство о допущении меня к вторичному испытанию по физике. Апреля 7 дня 1855 года. К сему прошению кандидат Илья Ульянов руку приложил.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, № 44299, л. 11.— Подлинник.

№ 11

Предложение Н. И. Лобачевского профессору А. С. Савельеву представить мнение о поручении И. Н. Ульянову метеорологических наблюдений и назначении его учителем математики в Пензенском дворянском институте

12 апреля 1855 г.

Г-ну экстраординарному профессору Казанского университета Савельеву

Донесение Ваше к г-ну попечителю Казанского учебного округа от 3 минувшего марта за № 18 о замеченной Вами неисправности в метеорологических наблюдениях, производимых в Пензенском дворянском институте, было сообщено директору этого института, с тем чтобы он немедленно заменил производителя метеорологических наблюдений в институте другим лицом более надежным и сведущим в этом деле.

Ныне директор донес мне, что в настоящее время в институте один только учитель математики, а место другого считается вакантным и потому нет возможности заменить учителя Панова при делании метеорологических наблюдений другим лицом более надежным и сведущим. Гг. старшие учителя института, которым было предложено не пожелает ли кто из них производить метеорологические наблюдения объявили, что они считают учителя математики в этом деле более сведущим.

Вследствие чего предлагаю Вам, милостивый государь, донести мне не имеете ли Вы в виду кандидата, который бы с пользою мог занять должность второго учителя математики в Пензенском дворянском институте и

производить в оном метеорологические наблюдения и не можете ли рекомендовать кандидата Ульянова, который в поданном ныне ко мне прошении желает занять должность учителя математики в одном из учебных заведений округа.

ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, 1851, № 6609, л. 30 и об.— Отпуск.

№ 12

Протокол заседания Комитета при Казанском университете об испытании И. Н. Ульянова на звание старшего учителя физики

21 апреля 1855 г.

1855 года апреля 21 дня, в Комитете для испытания кандидатов учительства, вследствие предложения господина попечителя Казанского учебного округа от 13 апреля № 1107, производимо было испытание ищущему место старшего учителя физики кандидату Ульянову, который читал в присутствии Комитета пробную лекцию: «О теориях гальванического тока» — хорошо, и затем написал рассуждение на заданную от Комитета тему о скрытом и удельном теплороде — также хорошо.

Вследствие того Комитета, признавая, с своей стороны, просителя кандидата Ульянова достойным искомого им звания, определил: приложив копию с настоящего протокола и рассуждение просителя, представить о том на благоусмотрение господина попечителя Казанского учебного округа.

Председатель Комитета О. Ковалевский
Члены: Н. Иванов, Д. Мейер, В. Григорович, А. Владимирский, А. Савельев, А. Попов
Секретарь Комитета: М. Сильванов

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, № 44299, л. 14.— Подлинник.

№ 13

Донесение А. С. Савельева Н. И. Лобачевскому с отзывом об И. Н. Ульянове

5 мая 1855 г.

Господину попечителю Казанского учебного округа

На предписание вашего превосходительства от 12 апреля сего года за № 1099 честь имею донести, что кандидат Ульянов, окончивший ныне испытание свое на должность старшего учителя физики, может быть мною рекомендован для занятия этой должности в Пензенском дворянском институте и для производства метеорологических наблюдений, которыми он занимался уже в продолжение полугода под моим руководством при здешней метеорологической обсерватории.

При сем честь имею просить ваше превосходительство о том, чтобы кандидат Ульянов в случае определения его на означенную должность перед отъездом своим из Казани явился ко мне для получения необходимых для наблюдений инструкций.

Э. орд. проф. Савельев

Резолюция Н. И. Лобачевского: Ульянов определен 7 мая 1855 г. Объявить г. Ульянову, чтобы явился к г-ну Савельеву пред отъездом, а директору дать знать, что он может поручить г-ну Ульянову наблюдения. Г-н Ульянов должен явиться пред отъездом и к г-ну помощнику попечителя.

ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, 1851, № 6609, л. 31 и об.— Подлинник.

№ 14

Представление Н. И. Лобачевского министру народного просвещения А. С. Норову о назначении И. Н. Ульянова старшим учителем математики Пензенского дворянского института

7мая 1855 г.

Г-ну министру народного просвещения

На имеющуюся вакансию старшего учителя математики в Пензенском дворянском институте я назначил исправляющим должность кандидата Казанского университета Илью Ульянова, выдержавшего установленное испытание в Комитете, учрежденном при университете для испытания кандидатов учительства, и признанного означенного звания достойным.

Представляя у сего свидетельство о рождении и крещении Ульянова, выданное из Астраханской духовной консистории 4 июня 1850 г. за № 1652, и диплом на степень кандидата, выданный из Казанского университета 13 декабря 1854 г. за № 1041, я имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего превосходительства об определении его старшим учителем математики в Пензенский дворянский институт.

Помощник попечителя Казанского учебного округа

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, № 44299, л. 21 и об.— Отпуск.

№ 15

Предписание Н. И. Лобачевского директору Пензенского дворянского института Н. А. Панютину о поручении И. Н. Ульянову метеорологических наблюдений в Пензенском дворянском институте

25 мая 1855 г.

Г-ну директору Пензенского дворянского института

Назначенный 7 текущего мая к исправлению должности старшего учителя физики во вверенном Вам институте кандидат Ульянов рекомендован мне ныне экстраординарным профессором Казанского университета Савельевым для производства метеорологических наблюдений, которыми г-н Ульянов занимался уже в продолжение полугода под руководством его, г-на Савельева, при здешней метеорологической обсерватории.

Давая об этом знать Вам в ответ на донесение Ваше от 19 марта сего года, я предлагаю Вам, милостивый государь, допустить г-на Ульянова к производству метеорологических наблюдений во вверенном Вам институте.

ЦГА ТАССР, ф. 92, оп. 1, 1851, № 6609, л. 32 и об.— Отпуск. Процитировано в работе Н. И. Алпатова «Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова», М., 1956, стр. 23.

№ 16

Отношение А. С. Норова Н. И. Лобачевскому с отказом удовлетворить его ходотайство о назначении И. Н. Ульянова старшим учителем математики Пензенского дворянского института

8 июня 1855 г.

Господину помощнику попечителя Казанского учебного округа

Вследствие представления вашего превосходительства от 7 минувшего мая имею честь Вас, милостивый государь, уведомить, что я затрудняюсь в настоящее время удовлетворить ходатайству Вашему об определении кандидата Казанского университета Ульянова, старшим учителем математики в Пензенский дворянский институт, так как должность эта по предстоящему выпуску студентов из Главного педагогического института и по неимению для них ввиду достаточного числа вакантных мест, должна быть предоставлена одному из студентов сего института.

Впрочем я представляю вашему превосходительству возобновить об Ульянове представление по размещении на службу студентов Главного педагогического института, если означенная должность останется вакантной или будет иметься в виду для сего кандидата другое свободное место.

Приложенные к представлению Вашему два документа Ульянова при сем возвращаются.

Министр народного просвещения А. Норов
Директор П. Гаевский

Резолюция Н. И. Лобачевского: Оставить до получения распоряжения о размещении студентов Педагогического института.

Резолюция попечителя Казанского учебного округа В. П. Молоствова: Как при распределении студентов Главного педагогического института, изложенном в предписании г-на министра 17 августа № 6568, должность старшего учителя математики в Пензенском институте не замещена, то следует утвердить Ульянова, на основании настоящего предложения; возобновить ходатайство.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, № 44299, лл. 24—25.— Подлинник.

№ 17

Представление В. П. Молоствова А. С. Норову о назначении И. Н. Ульянова старшим учителем математики Пензенского дворянского института

3 сентября 1855 г.

Г-ну министру народного просвещения

7 мая текущего года за № 1399 помощник мой ходатайствовал об определении кандидата Казанского университета Ульянова старшим учителем математики в Пензенский дворянский институт.

Ваше высокопревосходительство от 8 прошедшего июня за № 4617, предложили возобновить об Ульянове представление по размещении на службу студентов Главного педагогического института, если означенная должность останется вакантной или будет иметься в виду для сего кандидата другое свободное место.

Как при распределении студентов Главного педагогического института, изложенном в Вашем, милостивый государь, предписании от 17 минувшего августа за № 6568 должность старшего учителя математики в Пензенском дворянском институте осталась незамещенной, то я на полученном прежде основании, имею честь возобновить ходатайство помощника моего об определении кандидата Ульянова старшим учителем математики в Пензенский дворянский институт.

Свидетельство Ульянова о рождении и крещении от 4 июня 1850 г. за № 1652 и диплом на степень кандидата от 13 декабря 1854 г. за № 1041 приложить честь имею.

Попечитель Казанского учебного округа

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, № 44299, л. 26 и об.— Отпуск.

№ 18

Отношение А. С. Норова В. П. Молоствову об утверждении И. Н. Ульянова старшим учителем Пензенского дворянского института

24 ноября 1855 г.

Господину попечителю Казанского учебного округа

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 11 текущего ноября (№ 217), кандидат Казанского университета Ульянов определен в службу старшим учителем Пензенского дворянского института.

О сем имею честь сообщить вашему превосходительству к надлежащему исполнению, в разрешение представления Вашего от 3 сентября текущего года, присовокупляя, что документы Ульянова будут возвращены по получении из Инспекторского департамента гражданского ведомства.

Министр народного просвещения А. Норов
Директор П. Гаевский

Резолюция В. П. Молоствова:

Директору Пензенского дворянского института.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 11, № 44299, л. 27.— Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Речь идет о В. Н. Ульянове (1822—1878 гг.).— 25.
2) Имеется в виду «Положение об облегчении чиновникам Астраханской губернии способов к воспитанию детей их» (см. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, т. II, отд. второе (1840—1855). СПб., изд. 2-е, 1876.— 25.
3) Согласно статье четвертой Устава о службе, по определению от правительства запрещалось принимать на гражданскую службу «мещан и вообще людей, принадлежащих к податным состояниям» (см. Свод законов Российской империи, ч. третья, СПб., 1842, кн. первая, стр. 4).— 26.

ДОКЛАДЫ И. И. ВАЦЕТИСА В. И. ЛЕНИНУ

(февраль — май 1919 г.)[1]

№ 3

О положении на фронтах

17 апреля 1919 г.[2]

Начиная с конца 1918 г. на Восточном фронте наш боевой участок испытывает различные колебания. В то время, когда в южной части фронта мы имели весьма значительный боевой успех, в средней и северной частях его, а именно в направлениях на Уфу, Сарапул и Пермь, противник берет над нами верх и заставляет шаг за шагом наши армии отходить к западу.

В скором времени с разливом реки Камы Восточный фронт временно будет разделен ею на два самостоятельных участка: Северный на правом берегу Камы в составе наших II и III армий и Южный к югу от реки Камы в составе наших V, VI, I и Туркестанской армий. Поддерживать связь в действиях между двумя этими группами возможно будет лишь при помощи речной флотилии. В свою очередь также и фронт противника рекой Камой будет разрезан на две части. От разрозненности действий меньше всего пострадает та из сражающихся сторон, которая будет иметь лучшую флотилию на Каме и лучше сумеет использовать ее в целях содействия своей Северной или Южной группе.

Ко времени развития операции противника на Восточном фронте группировка сил обеих сторон, т. е. к 15 марта, была такова:

Пермский район. Силы противника — 32 тыс. штыков и сабель при 84 орудиях, наши (III армия) — 30 тыс. штыков и сабель при 78 орудиях. Незначительное превосходство на стороне противника.

Сарапульский район. Силы противника — 21 тыс. штыков и сабель при 67 орудиях, наши (II армия) — 19 800 штыков и сабель при 76 орудиях. Силы почти равные.

Уфимский район. Силы противника — 40 тыс. штыков и сабель при 563 орудиях (?), наши (V армия) — 11 тыс. штыков и сабель при 50 орудиях. Подавляющие силы на стороне противника.

Оренбургско-Уральский район. Силы противника — 19 тыс. штыков и сабель при 110 орудиях, наши (I и IV армии) — 36 тыс.

---

[1] Окончание. Начало см. журнал «Исторический архив», 1958, № 1.

[2] Дата установлена на основании доклада от 9 мая 1919 г. (см. ЦГАКА, ф. 4, оп. 2, д. 125, л. 14).

штыков и сабель при 173 орудиях. Почти двойное превосходство сил на нашей стороне.

Всего на Восточном фронте у противника 112 тыс. штыков и сабель при 764 орудиях (?) против наших 96 тыс. штыков и сабель при 377 орудиях.

Таким образом, к этому времени противник имел на всем фронте лишь на 16 тыс. штыков и сабель больше, нежели у нас, но на его стороне было значительно большее количество артиллерии. Что же касается группировки по отдельным районам, то таковая, отвечая задачам обеих сторон, давала нам преимущества в южной части фронта, где мы имели двойное превосходство сил; противник же сосредоточил значительные силы в Уфимском районе, двинув сюда и большую часть своей артиллерии и достигнув подавляющего количественного превосходства на этом направлении.

С этого времени рядом принятых мер, направленных к увеличению сил Восточного фронта и, в частности, Уфимского направления и выразившихся прежде всего соответствующими перегруппировками на фронте, а затем и усиленным движением подкреплений из центра, соотношение сил на опасных направлениях постепенно изменялось в лучшую для нас сторону и к настоящему времени группировка сил противника и наша представляется следующей:

Пермское направление. Силы противника — 32 тыс. штыков и сабель при 84 орудиях, наши — 21 тыс. штыков и сабель при 39 орудиях.

Сарапульское направление. Силы противника — 21 тыс. штыков и сабель при 67 орудиях, наши — 16 тыс. штыков и сабель при 34 орудиях.

Уфимское направление. Силы противника — 40 тыс. штыков и сабель при 560 орудиях, наши — 24 тыс. штыков и сабель при 90 орудиях.

Оренбургское и Уральское направления. Силы противника — 19 тыс. штыков и сабель при 39 орудиях, наши — 23 тыс. штыков и сабель при 90 орудиях.

Всего на Восточном фронте у противника имеется 112 тыс. штыков и сабель при 764 орудиях, против которого оперируют наши 88 тыс. штыков и сабель при 252 орудиях.

Из сравнения количественного соотношения сил обеих сторон видно, что и в настоящее время превосходство остается на стороне противника как на всем фронте, так и на главных направлениях, причем на важнейшем Уфимском направлении противник уже не имеет тройного превосходства и здесь частичной перегруппировкой уже возможно сосредоточить достаточные средства для того, чтобы парировать удары противника, что и применялось уже, как будет доложено ниже.

Действия противника на Уфимском направлении

В средней части Восточного фронта перед нами в настоящее время имеется активная группа противника, наступающая со стороны Уфы. Противник ведет наступление в общем направлении на среднюю Волгу на участок Симбирск — Самара. Его продвижение от начала боев под Уфой и до настоящего времени надо признать успешным. Эта успешность продвижения противника к Волге достигается не столько превосходством его сил, сколько той крайней неустойчивостью, которой так невыгодно себя зарекомендовала наша V армия с самых первых дней начала сражения под Уфой. В настоящее время все части V армии отходят не сражаясь и отходят всюду, где только обозначается нажим противника. Противник же,

учитывая неустойчивость V армии, отказался от фронтальных ударов, а производит обходы флангов, забирается малыми партиями в тыл частям расстроенной V армии, чем и добивается желательного для него нашего отхода к стороне Волги.

Меры с нашей стороны до настоящего времени

Чтобы дать возможность частям V армии получить желанную передышку, чтобы привести их в порядок, я приказал командующему Восточным фронтом перейти в наступление со свежими частями с юга во фланг и тыл той группы противника, которая движется от Уфы на Самару. С этой целью собраны были в начале апреля 12 полков, чем было достигнуто превосходство в силах в пункте удара. Организованный удар нацелен был отлично, и в начале боевой успех был на нашей стороне. Противник, учитывая крайнюю опасность для себя успешных результатов нашего наступления, бросил навстречу нам последний имевшийся у него резерв в составе Ижевской бригады, которая прорвала фронт одного из наших полков и обратила его в бегство, а этот полк увлек за собой и соседние полки. Таким образом, эта мера, единственно дававшая возможность временно вырвать инициативу из рук противника, если и не достигла цели, то лишь вследствие неустойчивости наших частей.

Меры, предпринимаемые нами в настоящее время

В настоящее время приняты следующие меры для разгрома армии Колчака:

1) Приказано кинуть на помощь V армии всю I армию и части IV армии.

2) На Восточный фронт в направлении на Самару — Бугуруслан двинуты:

а) вся 2-я стрелковая дивизия (из Московского военного округа).
б) 3-я бригада 10-й стрелковой дивизии (из района Вятки).
в) 3-я бригада 4-й стрелковой дивизии (из Брянска и Витебска).
г) Отряд ВЦИК Панюшкина (из Петрограда).
д) Рабочий полк (из Владимирской губернии).
е) Калмыцкий образцовый полк (из Астрахани).
ж) Дивизион тяжелой артиллерии особого назначения (из Смоленска).
з) Назначено 22 000 [человек] маршевых частей пополнения.

Все это в ближайшее время увеличит численность войск Восточного фронта не менее как на 50 000 штыков и сабель и 100 орудий.

3) Кроме того Восточному фронту переданы вновь формирующиеся 35-я стрелковая дивизия (район Казань, Симбирск и Алатырь) и две бригады (район Самара, Сызрань, Пенза); одна из них развертывается из кадров запасных батальонов, другая формируется распоряжением Всевобуча.

4) Броневые средства усиливаются придачей фронту:

а) 5 броневых поездов и площадок, число которых доводится, таким образом, до 14, против 5 таковых у противника.
б) 38-го автобронеотряда.

5) На Восточный же фронт предполагаю направить части XI армии, формирующейся в настоящее время в районе Астрахани, но ее отправка возможна будет лишь по вскрытии Волги, так как железной дороги подходящего направления в район сосредоточения нет. После вскрытия Волги XI армия будет переброшена на судах к Самаре и там получит должное направление.

6) Для того чтобы в возможно кратчайший срок восстановить боеспособность V армии, временно подчинены Революционному военному совету Восточного фронта Приуральский военный округ и Волжский военный округ[1] с тем, чтобы все средства укомплектования и технического снабжения были бы немедленно употреблены на восстановление боеспособности V армии.

7) Ввиду временной неустойчивости войск в северной и средней частях Восточного фронта, я предлагаю заминировать устье реки Белой, дабы не дать противнику прорваться на реку Вятку и использовать наиболее благоприятно остальную часть реки Камы для действия нашей флотилии, на которую ложится крупнейшая задача — разобщить группы противника, оперирующие по обоим ее берегам, что позволит бить их по частям и, кроме того, не дать противнику использовать судоходную реку, как крупную составную часть его коммуникационной линии на Казанском направлении. Наша Волго-Камская речная флотилия состоит из 40 судов разного водоизмещения и вооружения.

На стороне противника — 16 боевых судов, зимующих на Верхней Каме и реке Белой.

Таким образом, на главном направлении нашего удара — Уфимском — против армии Колчака будет сосредоточено 31 полк пехоты с 6 дивизионами конницы и около 150 орудий и другие технические средства дивизии, не считая сил V, I и IV армий. В общей же сложности для действий на Уфимском направлении с нашей стороны будет сосредоточено около 100 000 штыков и сабель с более чем 250 орудиями. При более устойчивом поведении войск в бою, имея такие громадные силы, мы можем рассчитывать на полную победу.

Причины слабости Восточного фронта в настоящее время

Войска Восточного фронта в период войны с чехословаками и после

В свое время, т. е. в начале войны с чехословаками, на Восточный фронт были брошены решительно все силы и технические средства, имевшиеся в стране. Благодаря этому удалось разбить противника на Волге и отбросить его восточнее линии Уфа—Оренбург. В северной же части Восточного фронта, после отхода к Екатеринбургу, начались колебания. Действия там приняли характер неустойчивости с первых чисел декабря месяца. По докладу бывшего командующего III армией Берзина[2] причины такой неустойчивости III армии были те, что во время жестоких, беспрерывных боев, начиная от Челябинска, лучшие боевые элементы, состоявшие из рабочих уральских заводов, выбыли из строя убитыми и ранеными. С начала декабря, по словам тов. Берзина[2], III армия уже не была способна к активным действиям.

Что же касается II армии, то хотя она после взятия нами Ижевского и Воткинского заводов и была сильно ослаблена, а влитые в нее свежие пополнения прибыли недостаточно подготовленными к боевой работе, тем не менее войска этой армии отличались значительной устойчивостью и более успешно выполняли поставленные им задачи.

V армия совместно с I отбросила противника к востоку от Уфы. После этого V армии дана была задача активной обороны Уфы; I же армия, в

[1] Официальное наименование названного военного округа — Приволжский военный округ.

[2] В тексте ошибочно — «Березина».

силу поставленной ей задачи, — скорейшего продвижения на Туркестан, была брошена на помощь IV армии для овладения южным Уралом, т. е. Оренбургской и Уральской областями. Выполнив эту задачу, I и IV армии до настоящего времени весьма успешно развили свои действия. Таким образом, мы видим, что Восточный фронт [в] сравнительно короткое время, в течение около 8 месяцев, совершил огромную боевую работу, дал весьма значительные успехи, выдержал многочисленные бои, в которых понес весьма значительные потери в лице лучших бойцов. Эти успехи были достигнуты тем, что мы бросили на Восточный фронт максимум лучших сил, имевшихся у нас в Республике.

Причины переброски частей Восточного фронта на Южный и Западный фронты

Но вслед за нашим успехом на Восточном фронте нам пришлось образовать Южный фронт, так как красновские войска были недалеко от Балашова и Воронежа. На Южном фронте мы должны были во что бы то ни стало остановить успехи противника, так как в противном случае мы рисковали потерять Воронеж и Саратов, а в случае дальнейшего продвижения противника к северу, мы могли бы потерять и пути от Сызрани на Пензу, т. е. Восточный фронт мог быть отрезан от центра Республики.

Такая обстановка создалась в ноябре и декабре месяцах. Чтобы остановить красновские войска, пришлось спешно снять несколько боевых дивизий с Восточного фронта, так как в центре Республики у нас не было войск, которые мы могли бы бросить на Южный фронт. Наскоро набранные полки, посланные на Южный фронт, оказались небоеспособными, сдавались в плен, разбегались и оставляли в руках противника богатую материальную часть. Пример — 11-я дивизия. Тогда пришлось снять с Восточного фронта Уральскую и Инзенскую дивизии и бросить их на Южный фронт. Это было необходимо. Без этой меры мы обойтись не могли, а обстановка на Восточном фронте позволяла без нанесения ему существенного ущерба снять часть сил, что и подтвердилось в дальнейшем: наш успех на востоке непрерывно развивался.

Необходимо иметь в виду, что мы ведем войну в состоянии полного окружения и не можем иметь в стране столько резервов, чтобы быть сильнее своего противника на всех фронтах и на всех участках. Мы вынуждены вести операции так, чтобы, снимая войска с тех участков, где разрешение боевых задач уже достигнуто, перебрасывать их на те боевые участки, где боевые задачи только лишь назревают.

Кроме того, на Восточном фронте со взятием Уфы и Оренбурга, ввиду сурового зимнего времени, продвижение в Западную Сибирь должно было временно приостановиться. Зимняя кампания в Уфимском направлении не могла дать успеха, так как нам предстояло бы форсировать Уральский хребет, находившийся в руках противника. Между тем на Южном фронте необходимо было развивать зимнюю кампанию с полной интенсивностью с тем, чтобы использовать наше выгодное положение, как стороны, наступающей пехотными частями, более приспособленными к ведению зимней войны против казаков, которые, воюя против нас на конях, к продолжительной зимней кампании были совершенно неспособны. Продолжительные зимние бои должны были совершенно уничтожить казачью конницу и вывести казака из строя, что большей частью и случилось.

Южный фронт нам пришлось строить заново и бросить туда лучшие наши формирования из центра. Что расчет мой относительно свойств обоих театров военных действий — Восточного и Южного был правилен, дока-

зывается нашими весьма крупными успехами на Южном фронте. Если бы наши силы были равномерно распределены между Восточным и Южным фронтами, то в настоящее время и на Южном фронте мы должны были бы отбиваться от наседающего противника, подобно тому, как нам приходится это делать теперь на Восточном фронте.

Превосходство наших сил на Восточном фронте будет достигнуто сосредоточением там всех свободных сил, где бы они у нас ни были в настоящее время. Однако я считаю необходимым довести операции против Дона до конца, т. е. до полного очищения правого берега Дона от войск донских казаков и Добровольческой армии Деникина, после чего освободившиеся силы будут переданы на Восточный фронт.

По вопросу об ослаблении Восточного фронта выделением из его состава войсковых частей на Западный фронт необходимо отметить, что в свое время (декабрь 1918 г.) это считалось неизбежным по политическим требованиям, когда на Западном фронте образовались самостоятельные Советские Республики. Так например, из III армии были выделены эстонские, финские и латышские части; из V армии выделены были 2 латышских стрелковых полка, латышский кавалерийский полк и латышская конная батарея; с Южного же фронта снята была брошенная туда 3-я латышская бригада и польские части. Все эти перегруппировки со стратегической точки зрения являлись совершенно недопустимыми, так как они несомненно, хотя и в меньшей степени, имели такие же дезорганизующие последствия, как в свое время в старой армии случилось с украинизацией, мусульманизацией, латышизацией фронта старой армии, т.е. сниманием этих полков был расшатан фронт и дисциплина. Глядя на то, как уводятся с Восточного фронта латыши, эстонцы, финны, поляки, такое же желание высказывали в двукратных своих депутациях и уральские казаки, входящие в состав III армии целой дивизией. Однако, ослабляя Восточный фронт рядом неизбежных выемок войсковых частей, мною обращалось внимание на пополнение Восточного фронта маршевыми частями из центра Республики, так что численность Восточного фронта не убавлялась, а росла.

Состояние Восточного фронта после переброски частей на другие фронты

Снятые с фронта в декабре Инзенская и Уральская дивизии (на Южный фронт) и эстонские, латышские, финские и польские части заменялись другими войсковыми частями из центра, не говоря уже о непрерывном притоке пополнений маршевыми частями, поступление которых на фронт к февралю 1919 г. достигло 42 тыс. человек. За период с декабря по март включительно на Восточный фронт переброшено:

Бригада 4-й стрелковой дивизии
Бригада 20-й стрелковой дивизии
7-я стрелковая дивизия (без одной бригады)
5-я стрелковая дивизия
10-й стрелковый полк
Мелкие части всех родов войск
Маршевые роты и команды пополнения (55 тыс. человек)
Всего более 80 тыс. штыков и сабель

Таким образом, вынужденная переброска испытанных в боевой обстановке частей с Восточного фронта на Южный (по требованиям боевой обстановки) и на Западный (по политическим условиям) компенсирована настолько, что вопрос об ослаблении фронта отпадает. Численное соотно-

шение сил наших и противника как в настоящее время, так и к началу операций противника, приведших к отходу наших Северной и Средней групп фронта, не дает оснований для отнесения этих данных к причинам неудач.

Причины наших неудач

Эти причины заключаются, главным образом, в неустойчивости наших частей, как следствие:

1) Недостаточной опытности значительной части командного состава, тогда как армия Колчака комплектуется командным составом, хорошо подготовленным и испытанным в боях минувшей войны, что ярко проявляется в действиях противника, успешно маневрирующего на поле сражения.

2) Отсутствия должной дисциплины в противовес армии противника, где установлен твердый воинский порядок, где в то же время проведена правильная и однообразная организация войск.

3) Преимущества армии противника в отношении снабжения техническими средствами, добываемыми ими при содействии Антанты, тогда как мы вынуждены довольствоваться ограниченными средствами своей страны.

4) Влияния внутренних политических событий (восстания, в особенности в ближайшем тылу, например, Воткинское).

При всем этом необходимо отметить, что немаловажное значение отрицательного свойства имели те трения между военными специалистами и политическими деятелями, которые возникали в этот период (особенно в V армии) и продолжают местами вспыхивать и в настоящее время на почве разрешения различных вопросов.

Заключение

1) Для приведения в порядок и быстрого формирования намеченных для Восточного фронта резервов необходима самая интенсивная работа политических деятелей над созданием должной дисциплины в войсковых частях.

Необходимо путем ораторского слова снова поднять настроение в войсках, которое под влиянием утомления в значительной степени пало как среди командного состава, так и среди красноармейцев.

2) Необходимо, наконец, обратить внимание на совершенно недопустимое отношение к Красной Армии со стороны чрезвычайных и ординарных органов, стоящих во главе снабжения армии. Так, например, командированный для инспектирования 2-й дивизии член Реввоенсовета Республики тов. Окулов доносит, что 2-я дивизия имеет и людской и командный составы, но красноармейцы ходят в оборванных сапогах, валенках, а часть из них даже босая и вынуждена сидеть в казармах за неимением обуви. Такая картина была бы еще мыслима на фронте, после длительного похода или боя, где действительно солдат может оборваться до последней нитки, но в тылу это является преступлением против революции и против страны. Часто получаются жалобы на то, что нет одежды, что не хватает сукна для шитья обмундирования. Эти жалобы также совершенно непонятны и свидетельствуют об известной неосведомленности, если не сказать больше того. Доподлинно известно, что в Республике имеются огромнейшие склады сукон, из которых можно сшить сотни тысяч пар солдатского обмундирования. Эти склады состоят в ведении Центротекстиля и находятся в хаотическом состоянии. Во имя блага стра-

ны центральная власть должна заставить эти материалы передать в Центральное управление снабжения для изготовления необходимой Красной Армии одежды.

3) Особенно остро обстоит вопрос с патронами. Патронов в стране осталось мало (сорок один миллион). Мое указание на то, что обстановка нашей войны требует, чтобы в неприкосновенных запасах центрального склада имелось бы всегда не менее 100 миллионов патронов, ни в какой мере не выполнено; мало того, имевшиеся неприкосновенные запасы приходят к концу и армия рискует в самый напряженный момент борьбы остаться без патронов. В настоящее время патроны изготовляет только Тульский завод. Работа идет неудовлетворительно, потому что не принимаются в полной степени меры к соответствующему развитию интенсивного труда.

Тульские рабочие жаловались на плохое питание и на совершенное отсутствие каких бы то ни было жиров и добивались перевода их на красноармейский паек. В начале марта это им было обещано и объявлено официально. Обещание это было передано членом РВСР тов. Окуловым на митинге в Тульском заводе, на основании телеграммы председателя Чрезвычайной комиссии по снабжению армии тов. Красина. Однако в конце марта получился отказ в выдаче тульским рабочим красноармейского пайка. С тех пор среди рабочих началось брожение, которое постепенно развивается и углубляется. Несмотря на наступившее затишье, не исключена еще возможность повторения забастовки [1]. В случае же открытия мятежа на заводе, изготовляющем оружие и патроны, последствиями может явиться поломка таких станков и машин, каких у нас в запасе не имеется для замены испорченных; тогда работа завода совсем остановится.

На мой запрос, почему не обращается должного внимания на удовлетворение просьбы тульских рабочих, я получил в ответ довольно странное объяснение, а именно, что тульских рабочих нельзя поставить в особое положение, что они должны получать то же самое, что и прочие рабочие. Такое объяснение является неосновательным, непрактическим и недопустимым. Отстаивающие одинаковые условия существования рабочих, в смысле пайка, однако, ни словом не заикнулись еще о том, что все рабочие одинаково должны идти на фронт сражаться, а не сидеть дома без работы и ожидать очереди, когда по отношению к ним будут приняты общие меры.

Я считаю крайне необходимым обратить внимание Совета Обороны Республики на положение Тульского завода и принять такие меры, чтобы рабочие этого завода дали бы максимум продуктивности в работе по изготовлению вооружения и патронов.

Подписали: Главнокомандующий всеми вооруженными силами
Республики Вацетис
Военный комиссар, член РВСР Аралов,
Начальник Полевого штаба, Генерального штаба Ф. Костяев

На документе штамп:

Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики. г. Серпухов.

ЦГАКА, ф. 4, оп. 2, д. 125, лл. 15—22.— Машинописная копия.

№ 4

О необходимости усиления Красной Армии и улучшения снабжения ее всем необходимым

9 мая 1919 г.

В докладе моем от 23/25 февраля с. т. № 849/оп [1], т. е. $2^{1}/_{2}$ месяца тому назад, заблаговременно было предусмотрено развитие крупных операций на всех фронтах с наступлением весны, и, в зависимости от этого, мною было указано как Всероглавштабу, так и всем довольствующим учреждениям на необходимость развития наиболее интенсивной работы с целью усиления нашей Красной Армии на 250 тыс. штыков и для доведения ее в техническом отношении до удовлетворительного состояния.

В настоящее время противник, как мною и предполагалось, усилившись за эти $2^{1}/_{2}$ месяца, перешел к решительным активным действиям на Восточном и Южном фронтах и уже подготавливает решительные операции на Западном.

Несмотря на то, что как Всероглавштабом, так и ЦУС'ом задания, данные мною, считались приемлемыми, эти задания были выполнены только отчасти, причем численность наших вооруженных сил не только не увеличилась, но даже еще и уменьшилась до 20% в то время, когда численность противника увеличилась и сорганизованность еще более усилилась.

Таким образом, к предстоящим решительным операциям мы не только не оказались сильнее противника, но оказались численно значительно слабее, как это будет изложено ниже.

На совещании 28 апреля РВСР решено было увеличить вооруженные силы на 300 тыс. человек, мобилизовав для этого все боеспособное население страны.

Я очень опасаюсь, что выполнение этой мобилизации, а в особенности снабжение мобилизованных, не оказались бы по результатам такими же отрицательными, как и за минувшие $2^{1}/_{2}$ месяца, потому что как вопрос со снабжением, так и вопрос о пополнении людьми у нас обстоит далеко неблагополучно; и если мобилизацией лучшей части рабочего населения еще можно рассчитывать увеличить численность армии, то совершенно не представляется возможность сказать, что и мобилизованные и Действующая армия будут вполне обеспечены вооружением и в особенности винтовками и патронами.

Необходимо иметь в виду, что заводы, работающие на оборону, не выполняют всех тех заданий, которые они могли бы выполнить. Особенно остро стоит вопрос с винтовками и прямо катастрофически с винтовочными патронами.

Патронов, при предстоящей интенсивной борьбе с противником, при существующем боевом составе наших армий, хватит всего лишь на 2—3 месяца, после чего грозит наступлением период, когда все патроны в Республике как в тылу, так и на фронтах будут израсходованы.

Для иллюстрации всего изложенного представляю данные о современном состоянии Красной Армии, а также о пополнениях, вооружении и снабжении армии за последние $2^{1}/_{2}$ месяца, т. е. с 15 февраля по 1 мая.

---

[1] См. док. № 1.

Общая группировка и боевой состав вооруженных сил Республики к 1 мая

Группировка вооруженных сил Республики за последние $2^1/_2$ месяца с 15 февраля по 1 мая осталась без перемен, т. е. все вооруженные силы остались сгруппированными на четырех фронтах: Западном, Украинском, Южном и Восточном и в двух отдельных армиях: VI на Архангельском направлении, связывающей действия Восточного и Западного фронтов, и XI на Астраханско-Владикавказском направлении, связывающей действия Восточного и Южного фронтов.

Боевой состав всех вооруженных сил к 1 мая:

Категории войск	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
Действующая армия: на фронтах и в отдельных армиях	303 600[1]	26 400	7 600	2 243
В военных округах	27 200[1]		369	116
Всего	357 200		7 969	2 359

По данным к 15 февраля в тех же категориях войск числилось:

Категории войск	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий
В Действующей армии (на фронте)	343 200	39 000	6 561	1 697
В военных округах	60 000[1]		629	314
Всего	442 200		7 190	2 011

[1] По числу имеющихся винтовок.

Сравнивая эти данные с боевым составом вооруженных сил в настоящее время, видим, что к 1 мая:

а) в Действующей армии (на фронте)

число штыков уменьшилось на 39 600
» сабель » » . . . . 12 600[1]
» пулеметов увеличилось на 1 039
» орудий » » 546

б) в военных округах уменьшилось

число штыков и сабель на 32 800
» пулеметов на 260
» орудий на 198

Во всех вооруженных силах Республики число штыков и сабель за $2\ ^1/_2$ месяца:
уменьшилось на 85 000
число пулеметов увеличилось на 779
число орудий увеличилось на 348

В боевой состав вооруженных сил не введены войска вспомогательного назначения, как-то: караульные части, войска ВЧК, железнодорожной

[1] В тексте ошибочно указано «13 600».

охраны, продовольственной армии и т. д., как войска не имеющие боевого значения, но численность которых равнялась к 1 мая 105 500 штыков и сабель (1794 пулемета и 23 орудия) и сравнительно с численностью к 15 февраля увеличилась на 23 тыс. штыков и сабель (525 пулеметов).

К концу февраля, как и в настоящее время, на фронтах, в Действующей армии и во внутренних округах имелось и формировалось всего 125 бригад пехоты и 9 бригад конницы.

Эти бригады для уменьшения общей численности войск должны содержаться в некомплекте до 35% за счет тыловых учреждений и вспомогательных войск.

Исходя из этого боевой состав вооруженных сил Республики:

а) Должен был быть по штатам	б) В действительности было к 15 февраля	в) До штатов не доставало (некомплект)
650 тыс. штыков	ок. 400 тыс. штыков	250 тыс. штыков (41%)
70 тыс. сабель	» 40 тыс. сабель	30 тыс. сабель (31%)
ок. 19 500 пулеметов	» 7200 пулеметов	12 300 пулеметов (65%)
ок. 4500 орудий	» 2000 орудий	2600 орудий (60%)

Предполагалось этот некомплект в течение 2—2½ месяцев, т. е. к середине мая, пополнить людьми — полностью, а оружием — в мере возможного, причем, как программа необходимого увеличения всех вооруженных сил Республики, намечалось, что, при полном напряжении всех сил страны, вооруженные силы Республики к началу мая могут быть доведены до 700—720 тыс. штыков и сабель при 10 000 пулеметах и 2500 орудиях, из которых около 600 тыс. штыков и сабель будет находиться на фронте и около 100—120 тыс. во внутренних округах, как резерв Главнокомандующего.

В действительности за истекшие 2½ месяца для пополнения самого острого некомплекта в Действующей армии Всероссийским главным штабом дано было военным округам нарядов всего лишь на 157 тыс. человек, из которых фронты получили 111 900 человек, т. е. 71% наряженного числа.

Таким образом, не только не была выполнена программа увеличения вооруженных сил Республики, к периоду наибольшего напряжения операций доведением их до 700—720 тыс. штыков, но не было даже выполнено требование пополнений в размере 250 тыс. штыков для доведения вооруженных сил до штатной их численности.

В результате, пополнения, даваемые армиям, не могли даже пополнить естественную убыль людей на фронтах и убыль от развивающегося чрезмерного дезертирства [2)], и в настоящее время число штыков и сабель как в Действующей армии, так и в частях внутренних округов уменьшилось на 85 тыс. штыков и сабель, т. е. около 20%.

Вопрос о пополнении вооружения

Для имеющихся и формирующихся в настоящее время 125 бригад пехоты и 9 бригад конницы по нормам, установленным приказом РВСР 1918 г. № 467, положено содержать:

Общие сведения

721 407	3-линейных винтовок
19 717	пулеметов
4 411	орудий

К марту месяцу на вооружении, запасах и складах всего состояло:

469 636	3-линейных винтовок
7 209	пулеметов
1 709	орудий

В течение марта и апреля наличное число винтовок, пулеметов и орудий выделкой на заводах и исправлением было увеличено и к 1 мая состояло:

575 360	винтовок
8 548	пулеметов
2 292	орудия

т. е. увеличение выразилось в:

105 724	винтовках	—38%	предполагавшегося увеличения
1 339	пулеметах	—12%	к 1 мая
583	орудиях	—22%	»

Таким образом, в настоящее время некомплект вооружений до штатного числа выразится к 1 мая в следующих цифрах:

147 047	винтовок
11 168	пулеметов
2 119	орудий

Пополнение винтовок

Производительность единственного у нас в настоящее время Тульского оружейного завода может быть принята около 20 000 винтовок в месяц; кроме того по сведениям Главного артиллерийского управления в течение ближайших месяцев ожидается исправление в мастерских около 22 500 винтовок; таким образом, до 1 июня возможно рассчитывать получить около 43 000 винтовок, а в течение ближайших двух месяцев (мая и июня) — 63—65 тыс. винтовок.

Главное артиллерийское управление рассчитывает получить еще в течение мая и июня от комиссариатов и населения около 62 000 винтовок, но этой цифры нельзя принимать при составлении расчетов, требующих совершенно реальных оснований; поэтому надо рассчитывать, что некомплект винтовок в течение ближайших двух месяцев все же будет доходить до 80 тыс.

В настоящее время в запасах Главного артиллерийского управления имеется всего только 1000 винтовок.

Таким образом, даже при пополнении армии людьми в ближайшие два месяца, когда операции на фронтах могут принять решительный характер, необходимого числа штыков мы иметь не будем.

Пополнение пулеметов

Некомплект 11 168 пулеметов исчислен, принимая во внимание положение согласно приказу РВСР 1918 г. № 220, на полк — 48 пулеметов. Приказом РВСР 1918 г. № 487 количество пулеметов в полках уменьшено на 50%, почему недостаток пулеметов, принимая в расчет новые штаты, выразится всего около 1000.

Этот некомплект можно пополнить ожидаемым поступлением, согласно сведений Главного артиллерийского управления, с Тульского завода ежемесячно выделкой 300 пулеметов, т. е. в течение ближайших двух месяцев возможно рассчитывать на 600 пулеметов, и, кроме того, Главное

артиллерийское управление предполагает получить от различных комиссариатов 500 пулеметов.

Для расчетов необходимо принять цифру производительности Тульского завода, так как рассчитывать на получение от комиссариатов 500 пулеметов нет положительных оснований.

Вопрос о ружейных патронах

3-х линейных винтовочных патронов в складах фронтов, округов и в Действующей армии в настоящее время состоит около 189 000 000.

По числу наличных в войсках винтовок и пулеметов, считая на одну винтовку 500 патронов и 10 000 патронов на пулемет, для штатного числа в запасах необходимо иметь:

Для 575 360 винтовок	—287 880 000 патронов
Для 8 548 пулеметов	— 85 480 000 патронов
Всего	—373 360 000 патронов

Таким образом, недостаток патронов до штатного числа уже в настоящее время равняется 184 000 000.

Производительность единственного у нас Тульского завода равна около 20 000 000 патронов в месяц, между тем как по имеющимся данным в период ведения напряженных операций расход патронов в месяц на всех фронтах достигает 70—90 миллионов.

В настоящее время наступает период не только напряженных, но и длительных и решительных операций, когда расход патронов может только увеличиться; но при таком расходе, основанном на опытных данных, всех имеющихся в настоящее время запасов патронов в Республике может хватить всего лишь на 2—2½ месяца.

Таким образом, месячный расход патронов на фронтах в период операций может быть пополнен Тульским заводом в течение 4-х месяцев, а при таких условиях убыль патронов никогда пополнена быть не может и армии должны будут вести свои операции только за счет имеющихся запасов, что неизбежно будет отражаться на самих операциях, которые недостатком патронов будут скованы, и мы можем подойти к такой катастрофе, когда отсутствие патронов вынудит прекратить всякие военные действия. Такое положение надо признать критическим, которое может поставить ребром вопрос о боеспособности армии.

Орудия и патроны к ним

Орудий разных калибров к 1 мая состоит 2292 и некомплект до штатного числа равен 2119. За март и апрель число орудий увеличилось на 583.

В течение мая и июня Главное артиллерийское управление рассчитывает дать еще около 550 орудий и, таким образом, число орудий в войсках может быть доведено до 64% штатного числа; недостающие остальные 36% орудий в скором времени пополнены быть не могут.

Число имеющихся в складах и запасах орудийных патронов различных калибров надо признать достаточным.

Снабжение войск обмундированием

По сведениям, полученным от ЦУС, наличность главных видов обмундирования к 1 мая выражалась в следующих цифрах:

	Шинелей 190 400	Летних гимнастерок 1 196 100	Шаровар 610 300	Обуви 388 600
Из этого запаса отпускается:				
фронтам	73 000	433 800	215 000	207 000
округам	54 400	157 800	157 800	117 200
Всего	127 400	591 600	372 800	324 200
Остаток к 1 мая	63 000	604 500	256 500	64 400

Кроме того ЦУС'ом предположено изготовить в течение мая месяца 400 000 шинелей, 450 000 [пар] обуви и в течение июня месяца 372 000 [пар] обуви.

Таким образом, вопрос о снабжении армии главными видами обмундирования можно считать почти удовлетворительным.

Заключение о снабжении

Из всего изложенного и из всех цифровых данных ясно видно, что программа, намеченная $2^1/_2$ месяца тому назад, ни Всероглавштабом, ни ЦУС'ом выполнена не была.

Вопросы снабжения обстоят особенно остро с винтовками и патронами; последний, повторяю, близок к катастрофе, так как через 2—3 месяца, при решительных действиях на фронтах, в нашем распоряжении как в тылу, так и на фронтах может не оказаться ни одного патрона.

Все это указывает на необходимость принятия чрезвычайных мер и героических усилий для поднятия производительности в первую очередь Тульского завода и для оборудования патронных заводов в Симбирске и Подольске.

Что касается пополнения людьми, то необходимы мероприятия, чтобы не только восполнялась естественная убыль на фронтах, но и чтобы армии действительно росли численно. Для этого необходимо, чтобы задания по укомплектованию и пополнениям, даваемые Всероглавштабом, в действительности выполнялись бы на местах, и чтобы против дезертирства, как одной из серьезнейших причин убыли в войсках, были бы приняты решительные и действенные меры.

Только при таких условиях мы за 2 предстоящие ближайшие месяца можем рассчитывать на увеличение нашей Красной Армии, но при условии, что вопрос с патронами будет разрешен благополучно и в первую очередь.

В заключение этого доклада считаю долгом подчеркнуть следующее: невыполнение за минувшие $2^1/_2$ месяца нарядов Главного командования произошло не только от общих условий, сложившихся в Республике, но, отчасти, также и от того, что наша система страдает оторванностью тыла от фронта не только в общегосударственном масштабе, но также и даже в рамках военного ведомства.

Я мог бы привести много примеров для иллюстрации этой оторванности, но остановлюсь лишь на нескольких.

Тульский завод, единственно надежно обеспеченный всеми средствами производительности и находящийся в полосе полной безопасности, вследствие забастовок и других причин уменьшил свою производительность до минимума. В сумме это дало большие отрицательные результа-

ты для армии, так как лишило ее 15—20 миллионов патронов, 500 пулеметов, 25 000 винтовок.

Заводы Симбирский и Подольский не получили должного развития, и только, кажется, теперь собираются обратить внимание на этот вопрос.

Наряды Главного штаба на местах полностью не исполняются, причем в эти наряды часто вносятся изменения, не известные даже Главному командованию.

На днях мною получен ряд телеграмм от командования Южным фронтом, что он совершенно не получает пополнения и у него остались лишь кадры.

Оказалось,— наряды, данные на Южный фронт, все брошены на восток, что совершенно не согласуется с идеей Главного командования, которое считает значение Южного фронта не менее важным, чем Восточного, что подчеркнуто последним моим докладом от 17 апреля [1].

Считаю крайне необходимым более согласованной работы всего тыла Республики с фронтами, а для этого, как мероприятие, предлагаю нижеследующее:

1) Полную согласованность работы ЦУС'а и Всероглавштаба с Главным командованием, для чего вся работа этих учреждений должна протекать под контролем Главного командования.

Всероглавштаб и ЦУС обязаны Главному командованию делать по вопросам принципиального характера еженедельно доклады, причем перемены нарядов могут быть произведены лишь с согласия Главного командования.

2) Конституцией хотя мне и предоставлено право входить с докладом в Совет Обороны, но я ни разу не получил уведомления с приглашением присутствовать в Совете Обороны при решении иногда вопросов капитальной важности для военного ведомства.

Я считаю желательным установить периодические заседания Совета Обороны по принципиальным вопросам с обязательным моим участием.

Подлинный подписал: Генерального штаба Вацетис

На документе штамп:

Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики. 9 мая 1919 года. № 1000/оп. гор. Серпухов

ЦГАКА СССР, ф. 4, оп. 2, д. 125, лл. 7—11.— Машинописная копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Воспользовавшись огромными трудностями в области снабжения продовольствием рабочих, контрреволюционеры организовали в апреле 1919 г. забастовку рабочих Тульского патронного завода. В результате важнейший завод, поставлявший армии винтовочные патроны, в апреле работал только 18 дней и выдал всего лишь 12 839 340 винтовочных патронов (см. ЦГАКА, ф. 32562, оп. 1, д. 239, л. 37).— 43.

2) Менее устойчивая часть крестьянского населения, поддаваясь антисоветской агитации, уклонялась от призыва или дезертировала из армии. Партийные организации провели огромную политико-воспитательную и разъяснительную работу среди личного состава армии и трудящегося населения. 25 декабря 1918 г. Совет Обороны принял постановление о борьбе с дезертирством. Большую роль сыграло установление недель добровольной явки дезертиров. За период июнь — декабрь 1919 г. добровольно явились властям до 480 тыс. дезертиров. Таким образом, массовое дезертирство было ликвидировано и в дальнейшем случаи дезертирства были единичными (см. ЦГАКА, ф. 5, оп. 1, д. 49, лл. 41—43 и ф. 11, оп. 5, д. 1047, лл. 27—30).— 46.

[1] См. док. № 3.

ИЗ ИСТОРИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ СОВЕЩАНИЙ НА УРАЛЕ

(1924—1925 гг.)

Первые производственные совещания в качестве единичных случаев имели место еще в начале 1921 г. в связи с деятельностью Всероссийского бюро производственной пропаганды, но массовым явлением, получившим определенные организационные формы, они становятся с 1923 г. в условиях того сплочения рабочего класса вокруг партии, которое явилось закономерным результатом успешного проведения новой экономической политики.

Коммунистическая партия высоко оценила роль и значение производственных совещаний с первых же дней их возникновения: «Наилучшей формой втягивания широких рабочих масс в дело практического строительства советского хозяйства, воспитания в них понимания тесной зависимости интересов трудящихся от степени хозяйственных успехов социалистического государства, выдвижения и воспитания новых кадров хозяйственников и администраторов из среды рабочих являются производственные совещания при фабриках, заводах и других крупных предприятиях и хозяйствах» [1].

Декабрьский Пленум ЦК КПСС 1957 г. вновь с особой силой подчеркнул большое значение производственных совещаний в деле вовлечения трудящихся в управление производством. Пленум ЦК КПСС поставил перед профсоюзами задачу «превратить производственные совещания на предприятиях и стройках в постоянно действующие, проводящие свою работу при широком участии рабочих, инженерно-технических работников и служащих и включающие в себя представителей администрации, партийных и комсомольских организаций, научно-технических обществ».

К сожалению, вопрос о возникновении и деятельности производственных совещаний почти не затронут исследователями, между тем это одна из замечательных страниц истории рабочего класса нашей страны, развития социалистического соревнования как важнейшей движущей силы советского общества.

Публикуемые материалы посвящены начальному периоду производственных совещаний на Урале — крупнейшем промышленном районе страны.

Первые производственные совещания на Урале возникают осенью 1923 г. В октябре 1923 г. производственные совещания возникли на Верх-Исетском металлургическом и Мотовилихинском заводах, в ноябре

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, изд. 7, М., Госполитиздат, 1953, стр. 98—99.

1923 г.— в типографии «Гранит» [1]. А в начале 1924 г. они получают широкое распространение на уральских предприятиях.

Народное хозяйство Урала к концу 1923 г. еще не оправилось от тяжелых последствий первой мировой войны, иностранной интервенции и, главным образом, колчаковщины. Выпуск валовой продукции промышленностью Урала в 1922—1923 гг. составлял 27,1% к уровню 1913 г.[2]. Грузооборот Пермской железной дороги достигал 59,52% довоенного уровня [3]. Сельское хозяйство Урала также переживало упадок, усиленный неурожаем 1921 г. Посевные площади в 1923 г. составляли 64,8% к уровню 1916 г.[4].

Но несмотря на эти трудности, и на Урале к этому времени были сделаны первые шаги вперед на рельсах новой экономической политики, достигнуты первые успехи по пути хозяйственного подъема. Валовая продукция Уральской области выросла в 1922—1923 гг. на 26,5% по сравнению с 1919 г. В 1921—1922 гг. были переоборудованы Верх-Исетский, Билимбаевский, Артинский заводы, построены электростанции на Бисертском, Шайтанском, Березовском заводах [5].

Передовые рабочие стали участвовать в работе технических совещаний, на которых обсуждались вопросы, связанные с восстановлением предприятий и организацией производственного процесса. Постепенно все новые и новые рабочие вливаются в ряды участников технических совещаний, и к началу 1924 г. количество их так выросло, что технические совещания переросли в производственные, охватившие основную массу рабочих каждого предприятия. Это явилось ярким свидетельством пробуждения творческих сил рабочего класса, вызванного победой Октябрьской социалистической революции, правильной политикой и деятельностью Коммунистической партии.

На первых порах деятельности производственных совещаний не было единообразной формы их организации, положения о производственных совещаниях еще не были разработаны, и каждое предприятие, каждая профессиональная организация находили свою форму и строили работу производственных совещаний по-своему. Во многих случаях производственные совещания ограничивались лишь заслушиванием общих докладов представителей администрации, по которым выносили и очень общие решения. Однако уже первые итоги работы производственных совещаний показали их важную роль (док. № 1) в подъеме производительности труда, в борьбе за более полное использование внутренних резервов производства, за снижение себестоимости продукции.

С первых дней возникновения производственных совещаний партийные организации Урала оказывали им всемерную поддержку и помощь. Вопросы об их деятельности обсуждались на областных, окружных партийных конференциях, на заседаниях пленумов партийных комитетов. При партийных комитетах создавались комиссии по изучению, обобщению и распространению опыта производственных совещаний, созывались партийно-производственные конференции и совещания по обсуждению вопросов, связанных с улучшением руководства их работой (док. №№ 2 и 4).

Важную роль в оживлении и расширении деятельности производственных совещаний сыграл проведенный в 1925 г. по инициативе Уральского обкома РКП(б) конкурс производственных совещаний на предприятиях Уральской области (док. № 5).

---

[1] СОГА, ф. 272, оп. 1, д. 271, лл. 421, 424, 437; д. 776, л. 298; ф. 216, оп. 1, д. 93, л. 33.

[2] «Уральское хозяйство в цифрах 1927 г.». Краткий статистический справочник, Свердловск, 1927, стр. 280.

[3] «Социалистическое строительство Урала за 15 лет», Свердловск, 1932, стр. 34.

[4] Там же, стр. 42—43.

[5] «В нашем краю», стр. 54.

Публикуемые документы представляют собой лишь очень незначительную часть документальных материалов по истории производственных совещаний на Урале в 1924—1925 гг., хранящихся в фондах Свердловского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и особенно в фондах Свердловского областного государственного архива (СОГА), и, естественно, не отражают многих сторон деятельности производственных совещаний. Составители и не ставили себе задачи всестороннего освещения работы производственных совещаний на Урале, они только хотели этой публикацией обратить внимание исследователей на наличие серьезной документальной базы для изучения слабо разработанного вопроса о возникновении и деятельности производственных совещаний.

В. М. Готлобер, Л. И. Новоселов

№ 1

Сводка результатов работы производственных совещаний по союзам

5 декабря 1924 г.

Союз металлистов

Нижне-Тагильский завод

Снижением расценок на перевозки хлебофуража достигнута экономия на 900 рублей.

Мотовилиха

Введением тщательной браковки инструмента, упрощением способа выдачи инструмента и разными предложениями, направленными к поднятию производительности, достигнута экономия в рабсиле на 1900 рабочих часов.

Златоустовский завод

1. Закалочные печи переведены на нефтяное топливо, чем достигнута экономия на топливе 216 руб. в месяц.

2. Ускорением работы автоматической машины «Форвейт» для точки сенокосных ножей достигнуто упрощение производства и экономия в 250 руб. в месяц.

3. Кузнечным цехом процент брака с 10 понижен до 5, экономия в месяц 2956 руб.

4. Перевод кузнечного цеха на минеральное топливо (уголь и нефть) дал экономию в расходах на топливо 300 руб.

5. Уменьшением топочной камеры печи № 3 достигнута экономия топлива на 132 руб. в месяц.

6. Изменением инструмента на штамповке достигнута большая стойкость инструмента, давшая экономию ежемесячно 450 руб.

7. Увеличился выход полезного фабриката и уменьшен расход работы, в [общей] сложности достигнута экономия 1891 руб. в месяц.

8. Установкой станка для прокатки проволоки достигнута экономия на 25 руб. в месяц.

9. Постройкой и удлинением ширококолейного пути достигнута возможность единовременной работы на 2-х печах и сокращена на 25% гужевая перевозка, давшая экономию в месяц 90 руб.

10. Увеличен подвижной состав двумя паровозами, ими достигнута экономия в арендной плате на 3600 руб. в месяц.

11. Удлинением и ремонтом узкоколейки сокращена гужевая перевозка, что дает экономию в 270 руб. в месяц. Своевременной заготовкой материалов по столярной мастерской достигнута экономия на 200 руб.

12. По строительному цеху путем рационализации расхода и своевременности подвозки материалов получена единовременная экономия в 1080 руб.

13. Пересмотр норм выработки дал повышение производительности труда: по листопрокатному [цеху] на 37%, по мартеновскому — 13%, по доменному — 50%.

14. Пересмотр штата дал снижение процента вспомогательных рабочих к основным с 98% до 63%.

15. Перерыв на обед сокращен с 30 минут до 15.

16. На чистку машин перед концом работ норма с 10 минут уменьшена до 5.

17. Борьба с прогулами дала уменьшение прогулов на 25%.

18. Путем хронометража проведена загрузка[1] рабочих Катав-Ивановского завода, вследствие чего сокращен штат на 18%.

Надеждинский завод

1. Увеличением тщательности работы листобойного передела достигнуто увеличение выхода 1-го сорта на 15%.

2. Уменьшением обрезки красных листов получена экономия на 1 пуд железа 8,5 коп.

3. Введением должности помощника чертежника уменьшилось количество простоев из-за задержки копий чертежей, чем достигнута экономия ежемесячно 17 руб. 80 коп.

4. Уплотнение дня рабочих механического цеха дало экономию в месяц 30 руб.

1-й Уральский трубный завод

1. Хронометражем достигнуто полное уплотнение рабочего дня по мартеновскому цеху, что дало за IV квартал экономию на 2470 руб.

2. Увеличение норм выработки дало за IV квартал экономию на 3406 руб. 33 коп.

Лебяженский рудник

1. Замена одноконных забойщиков двухконными дала увеличение производительности на 300%.

Завод «Металлист»

1. Собирание остатков чугуна при литье дало экономию металла на 25 руб. в месяц.

Верх-Исетский завод

1. Устранением мелких недочетов увеличился выход полезного материала на 3%.

2. Изучением причин поломки прокатных валов найдена возможность уменьшения количества поломок с 15 (в течение 2-х недель) до 2.

3. Достигнуто снижение процента расхода топлива на единицу производства с 11,5% до 5,5%.

Миасский напилочный завод

1. Переводом[2] закалки с свинцовых печей на пламенные достигнута экономия расхода на 1000 предметов на 70 руб. 50 коп.

2. Перевод предприятия с древесного топлива на нефтяное дает повышение производительности на 10% и экономию в расходе на топливо на 650 руб. в месяц.

---

[1] В тексте «нагрузка».
[2] В тексте «переходом».

3. Переход очистки напильников с пароструйных аппаратов на сжатый воздух дает экономию в месяц на 500 рублей.

Дорпрофсож Пермской железной дороги

Свердловские мастерские

Упрощение галлерейных брусьев вагонов дает экономию на 20 рублей с каждого вагона.

Обрубка швеллеров взамен обрубки на долбежных станках дает экономию в 6 рублей с каждой вагонной рамы.

Утилизируются части старых вагонов — экономия до 60 рублей в месяц.

Нормированием расхода маневренных материалов достигнуто уменьшение расхода на 10%.

Взамен тигельной плавки в меднолитейном [цехе] пущена вагранка, достигнута экономия топлива в месяц на 64 рубля.

Сформирована ночная бригада чернорабочих для разъемки...[1] — освобождена от этой работы квалифицированная рабсила и увеличена производительность литейной на 200 пудов в месяц и [достигнуто] снижение себестоимости на 15 коп. на 1 пуд литья.

Заменены деревянные стержни при барабанных отливках железными — дало экономию в 30 рублей в месяц.

Замена при формовке новых гвоздей и проволоки горелыми дала экономию в 8 руб. в месяц.

Для просушки больших формовок сделана железная переносная печь — дало экономию в топливе на 15 руб. в месяц.

Станция Левшино

Заменена постоянная кондукторская бригада составительской, достигнута экономия на 340 рублей.

Пермские мастерские

Путем постройки штампа для выработки накладок на концы паровозных рессор достигнута экономия в работе на 216 часов на 1 паровоз.

[В] кузнечной мастерской газогенераторный горн переведен на нефть, дало экономию в расходе на 25 руб. в месяц [на] 1 горн.

Ремонтом нижней трансмиссии достигнута экономия энергии на 135 руб. в месяц.

Главные мастерские

Перенесен станок для обрезки жаровых труб, в результате экономия 12 рабочих в месяц.

Кушва

Уменьшением веса состава увеличено количество рабочих паровозо-часов, в результате за 6 дней перевезено[2] груза больше на 109 000 пудов.

Союз горнорабочих

Кизелкопи

Снижением зарплаты машинистам электровозов получилась экономия в сумме 67 руб. ежемесячно.

Копь Володарского

Указано на плохой подбор штата при врубовых машинах и на ряд технических недочетов, в результате [их устранения] получилось[3] увеличение производительности машины на 32,5%.

---

[1] Отточие в тексте.

[2] В тексте ошибочно «перевело».

[3] В тексте «в результате чего получилось».

Высокогорский рудник

Путем уплотнения рабочего дня понижена себестоимость 1 куб. саж. руды на 3 руб.

Красноуральский рудник

Рационализацией производства и премированием забойщиков достигнуто удешевление 1 пуда асбеста на 80,05 коп.

Союз текстильщиков

Арамильская фабрика

Изменением работы стригальной[1] машины достигнуто увеличение выхода сукна на 400 метров, экономия в месяц 1500 руб.

Черноусовская фабрика

Постановлением об отработке обеденного перерыва экономия на 30 поденщин в месяц. Общая сумма экономии, получившейся по фабрике от предложений производственных совещаний, выражается в сумме 30 000 руб.

Союз пищевиков

Госмельница № 2

Увеличением производительности премия достигает 10% заработка. Присоединение ручного сверлильного станка к трансмиссии дало экономию в рабсиле на 24 руб. в месяц.

Регулировкой расхода и правильным учетом расхода топлива понижен пережог топлива с 62% до 23%.

По требованию совещания был произведен частичный ремонт мельницы, чем увеличена производительность мельницы на 1000 пудов в сутки.

Макаронная фабрика

Увеличением норм выработки увеличена производительность фабрики в сутки с 22 до 30 пуд., т. е. доведена до 100% довоенной.

Пивзавод

Увеличением норм поднята производительность мойки и премированием бой бутылок снижен на 50%.

Столовые

Пересмотром норм в прачечной увеличена производительность на 5 фунтов[2] столового белья на 1 пуд.

Предложено изменить способ резки хлеба для обедов, чем достигнута экономия на 25% расхода.

Союз кожевников

Кожзавод № 2

Устранены ненормальности расхода топлива на паровом хозяйстве, достижение экономии топлива на 50%.

Сокращена вспомогательная рабсила на 23%.

Союз совработников

Облсоюз

Указанием на неправильную оплату тарифа сокращен расход на перевозку хлеба на 8 копеек на 1 пуд.

---

[1] В тексте ошибочно «строгальной».
[2] В тексте ошибочно «футов».

Резинотрест

Установлено наблюдение за рациональным расходованием тары, достигнута экономия до 500 руб.

Союз печатников

Типография «Гранит»

Установлением правильного распределения работ поднята производительность переплетной на 40%.

Союз деревообделочников

Завод «Уральский пролетарий»

Рассмотрением способов заготовки сырья, использованием отбросов, увеличением выхода полезного материала достигнуто снижение [себестоимости 1 куб. саж. пиломатериала] с 19 до 12 рублей.

СОГА, ф. 272, оп. 1, д. 271, лл. 31—37.— Копия.

№ 2

Резолюция Златоустовской окружной партийно-производственной конференции «Результаты работы производственных совещаний и программа их работы»

15—18 января 1925 г.

1. Главнейшей задачей партийных, профессиональных и хозяйственных организаций в области промышленности было и остается поднятие производительности труда и удешевление себестоимости продукции.

2. Огромную роль в деле поднятия производительности труда и удешевления себестоимости продукции в данный момент имеют организованные по заводам производственные совещания (общезаводские и цеховые).

3. Практика работы за 4 месяца с момента организации производственных совещаний показала значительный рост интереса к производству и поднятию производительности труда со стороны рабочих, показателем чего являются вносимые предложения и участие в хозяйственной деятельности предприятия.

4. Производственные совещания также улучшили взаимоотношения и сблизили рабочих с администрацией, техперсоналом на основе практической работы.

5. Для большей заинтересованности рабочих в деле улучшения производительности труда и снижения себестоимости продукции считать правильным установленные премии за каждое предложение сообразно с его полезностью.

6. Вместе с этим отмечается еще недостаточно активное участие в производственных совещаниях административно-технического персонала из рабочих; отсутствие планового метода работы и серьезной углубленной проработки конкретных вопросов производства.

7. Конференция обращает внимание на необходимость углубления и расширения производственных совещаний путем проведения в жизнь следующих мероприятий:

а) В самое ближайшее время закончить организационное оформление производственных совещаний на всех предприятиях Южного Урала, при этом кладя в основу их организационные формы, предложенные ВЦСПС и дополненные окружкомом РКП(б) и райкомом ВСРМ в положении о производственных комиссиях и совещаниях.

б) Ввести плановый метод работы производственных совещаний, подбирая и ставя на повестку дня этих совещаний вопросы не только в виде общего доклада завцеха о работе за отчетный месяц, но и наиболее понятные для рабочих конкретные вопросы деятельности цеха в части отдельных процессов работы, как-то: достижения в технических результатах выпуска продукции, брак, порядок использования рабочей силы, загрузка рабочего дня, борьба с простоями, улучшение условий труда и т. д.

в) Партийные ячейки при заводах должны быть активными проводниками и руководителями работ производственных совещаний и комиссий в деле улучшения производства, члены партии должны составлять основной актив производственных цеховых и общезаводских совещаний.

г) Углубить и расширить работу в области вовлечения в работу производственных совещаний рабочих от производства и административно-технического персонала, проводя кампанию по разъяснению важности производственных совещаний и необходимости участия в них, создавая должную обстановку взаимоотношений рабочих с техперсоналом.

д) Стремиться создавать должную обстановку для технического выполнения полезных предложений рабочих и быстрого разрешения вопросов, связанных с этими предложениями в комиссиях и совещаниях. Добиваться того, чтобы выполнение предложений не задерживалось хозорганами при наличии экономических возможностей.

е) Признать безусловно необходимым точный учет вносимых и проведенных в жизнь предложений со стороны рабочих и административно-технического персонала с выявлением достигнутой экономии материалов и улучшения производства. В плановом порядке отчитываться о достигнутых результатах на производственных совещаниях и общезаводских собраниях.

ж) В то же время фракции производственных совещаний и комиссий обязаны регулярно отчитываться в своей работе перед партийными ячейками, получая от последних нужные директивы.

Архив Свердловского филиала ИМЛ, ф. 4, оп. 3, д. 153, л. 31.— Копия.

№ 3

Выписка из протокола заседания президиума Уралпрофсовета о работе производственных совещаний

28 января 1925 г.

Слушали: § 429. Утверждение резолюции по докладу о работе производственных совещаний.

Постановили: § 429. Утвердить резолюцию в следующем виде:

1. Констатировать, что в результате работы производственных совещаний, в особенности за последние 2—3 месяца, имеется ряд производственных достижений, выразившихся в экономии топлива, снижении процента брака, уплотнении рабочего дня, увеличении интенсивности труда и ряде мелких усовершенствований. Это повлекло за собой снижение

себестоимости и улучшение качества продукции. Работа этих совещаний в ряде торговых учреждений также дала некоторые достижения.

2. Президиум отмечает, что организация и работа производственных совещаний и комиссий способствует укреплению самодисциплины.

3. Необходимо отметить значительный интерес, проявленный рабочими и служащими в отношении производственно-технических совещаний, а также и усиление участия в них и проявления инициативы специалистов. Этим самым изживаются существовавшие местами ненормальные отношения между рабочими и техническим персоналом.

4. Несмотря на благоприятные результаты производственно-технических совещаний, необходимо отметить, что таковые еще не на всех предприятиях и учреждениях организованы.

5. К основным недостаткам работы производственных совещаний следует отнести:

а) разнообразие в формах организации производственных совещаний (не всюду проведено положение ВЦСПС),

б) отсутствие конкретного плана и системы,

в) недостаточное руководство со стороны вышестоящих союзных организаций завкомами, а последних — работой производственных совещаний,

г) отсутствие учета опыта работы,

д) недостаточное вовлечение рабочих и специалистов,

е) медлительность и неорганизованность проведения решений в жизнь,

ж) обсуждение общих вопросов и принятие явно невыполнимых решений,

з) недостаточная связь и отсутствие разграничения функций между производственными совещаниями и техническими совещаниями заводоуправлений,

и) слабое внимание со стороны хозорганов этой работе и ряд других организационно-технических недочетов в построении экономической работы предприятия и

к) в комиссии по союзу совработников не вводятся представители администрации.

6. В целях оживления работы производственных совещаний и их дальнейшего развития необходимо:

а) всем союзным организациям завязать живую непосредственную связь с завкомами, следя как за ходом деятельности производственных комиссий и совещаний, так и за правильной постановкой их работы. В частности, обратить внимание, чтобы центр тяжести работы не переносился бы из совещаний в комиссии. Организовать немедленно комиссии и совещания там, где они еще не организованы;

б) предложить всем профорганизациям немедленно приступить к составлению конкретных планов работ применительно к условиям производства;

в) просить Облсовнархоз и Уралвнуторг предложить всем хозорганам Урала под личную ответственность руководителей учреждений принимать активное участие в работе производственных совещаний и оказывать последним полное содействие в их работе. В частности, установить запись всех предложений, вносимых на совещаниях, и следить за их проведением в жизнь. Обязать ревизионные комиссии при хозорганах проверять своевременность исполнения предложений;

г) считать необходимым опубликование калькуляций цеха и завода на совещаниях и общих собраниях рабочих (стенгазетах, печати и т. п.);

д) считать обязательным ввод в состав технических совещаний при заводоуправлениях представителей заводских производственных комис-

сий. ОТЭ Уралпрофсовета и Облсовнархозу к 15 февраля представить свои предложения о возможном разграничении функций между производственными и техническими совещаниями;

е) поручить ОТЭ с привлечением областкомов (профсоюзов) и Уралсовнархоза приступить к разработке форм и методов учета работы производственных совещаний. До этого предложить всем союзным организациям, начиная с завкома, установить двухмесячные информационные письма, освещающие деятельность комиссий и совещаний. ОТЭ Уралпрофсовета на основе этого материала, получаемого от областкомов и окрпрофбюро, 1 раз в 2 месяца давать информационные письма о работе производственных совещаний. Эти информационные письма должны издаваться в достаточном количестве на предмет обеспечения ими всех профорганизаций, включая завкомы, месткомы;

ж) усилить работу по организации производственных совещаний в торговых, кооперативных и советских учреждениях. Считать необходимым, чтобы руководящие органы этих учреждений делегировали бы своих представителей в состав совещаний.

Особо отметить, что основной задачей производственных совещаний в советских учреждениях должно быть уплотнение рабочего дня служащих, введение строгой дисциплины в работе, своевременная явка на работу и улучшение постановки делопроизводства.

7. Считать необходимым на всех предприятиях и учреждениях, независимо от числа работающих, создать производственные совещания и комиссии. Поручить ОТЭ по этому вопросу дать указания по союзам.

8. Поручить ОТЭ разработать вопрос о периодическом созыве производственно-технических совещаний или конференций по трестам.

9. Поручить ОТЭ совместно с областкомами обсудить вопрос о целесообразности премирования рабочих за предложения, дающие определенные результаты, а также и о других методах поощрения.

10. В ближайший период на заседаниях президиума начать ставить систематически доклады областкомов о работе производственных совещаний, предварительно проработав материал совместно с ОТЭ.

СОГА, ф. 266, оп. 1, д. 26, лл. 18—19.— Копия.

№ 4

Резолюция Златоустовского окружного совещания секретарей цеховых партийных ячеек «О руководстве работой производственных совещаний»

8 марта 1925 г.

1. Заслушав доклад о руководстве работой производственных совещаний, совещание секретарей цеховых ячеек считает организацию производственных комиссий в их настоящем виде формой, наиболее обеспечивающей успех в работе, и дальнейшее руководство их профсоюзами необходимым.

2. Отмечая значительные практические достижения в их работе, как организационной, так и [в] экономии расходов, всю дальнейшую работу вести в том же направлении.

3. Чтобы обеспечить им большой успех в работе, секретарям ячеек необходимо принять большее участие в их работе, а также усилить партий-

ное влияние путем вовлечения в их работу наибольшего количества партийных товарищей, строго проверяя и учитывая их работу.

4. Наравне с вовлечением партийных товарищей необходимо также всячески вовлекать в их работу хозяйственно-технический персонал и беспартийных рабочих, в первую очередь — квалифицированных.

5. Ячейкам строго следить, чтобы все предложения производственных совещаний, направленные к повышению производительности труда и снижению себестоимости, незамедлительно проводить в жизнь, о чем периодически рабочим делать доклады — отчеты.

6. Имея в виду опыт групповых совещаний в мартеновском цехе металлургического завода, необходимо сделать попытки применения их и в других цехах и производствах, учтя характер и условия их.

7. Ячейкам через партколлективы заводов выяснить возможность организации производственных совещаний на лесоразработках (углевыжигательных печах и т. д.).

8. Ввести в практику устройство в цехах и клубах «производственных бесед» в целях повышения квалификации рабочих и распространения технической грамотности среди рабочих.

Архив Свердловского филиала ИМЛ, ф. 4, оп. 3, д. 151, л. 179.— Копия.

№ 5

Итоги конкурса производственных совещаний на предприятиях Уральской области

29 июля 1925 г.

Жюри конкурса, созданное при тарифно-экономическом отделе Уралпрофсовета, на заседании 29 июля 1925 года рассмотрело материалы, представленные к конкурсу в количестве 100 материалов.

При рассмотрении материалов жюри приняло во внимание те вопросы, которые были опубликованы и поставлены в начале конкурса как подлежащие освещению при представлении материалов.

Разнохарактерность способов изложения материалов послужила немалым тормозом при производстве сравнений, и жюри вынуждено было для освещения некоторых вопросов запрашивать дополнительные сведения от обласкомов союзов.

При рассмотрении конкурсных материалов ярко представилась картина работы совещаний на предприятиях.

Нужно отметить, что с этой сложной работой наши профессиональные организации справились, но несмотря на незначительность времени существования совещаний и отсутствие опыта, они дали громадный сдвиг на самодеятельность широких рабочих масс в деле изучения и управления своими предприятиями и приблизили административно-технический персонал к массе.

Наблюдавшийся разнобой в деятельности совещаний в период их организации по мере увеличения руководства центра постепенно начинает изживаться, но все же за год существования еще мало совещаний достигли правильных организационных форм, а в силу этого и не достигнуто достаточное вовлечение масс.

Конкурс показал, что с этой частью задач мы справляемся и справимся, но и немало недочетов выявилось в работе совещаний. Сплошь и рядом встречаются факты некоторого охлаждения интереса к совещаниям,

что создалось и слабостью постановки работы завкомами, пассивным отношением технического персонала, а главной причиной в большинстве случаев служит отсутствие учета результатов проведения предложений.

Из 100 конкурсных материалов получившими большее количество баллов оказались следующие:

1) Главные Свердловские мастерские Пермской железной дороги.
2) Лысьвенский завод.
3) Кизеловские копи.
4) Надеждинский завод.
5) Нижне-Кыштымский электролитный завод.
6) Егоршинские копи.
7) Златоустовские заводы.
8) Мотовилихинский завод.
9) Нижне-Тагильский платиновый округ.
10) Камышевская текстильная фабрика.
11) Типография «Гранит».
12) Госмельница № 2.
13) Завод «Металлист».
14) 1-й Уральский трубный завод.
15) Станция «Уфалей».
16) Свердловское отделение Резинотреста.

Жюри конкурса при распределении 5 премий пришло к заключению, что достойными к премированию первой премией с совершенно одинаковыми баллами по существу являются совещания двух предприятий, и нашло нужным выдать Главным Свердловским мастерским и Лысьвенскому заводу первую премию за счет увеличения второй премии до размера первой.

Третью и четвертую премии, как равные по своему размеру, жюри постановило считать второй.

Вторая премия присуждена Кизелкопям и Надеждинскому заводу и третья (вместо пятой) Нижне-Кыштымскому заводу.

Свердловские главные мастерские Пермской железной дороги

Еще до опубликования положения о производственных совещаниях в мастерских созывались так называемые технические совещания, на которых рассматривались вопросы производства.

С августа 1924 года на основании изданного ВЦСПС положения о производственных совещаниях в мастерских избраны общая и цеховые производственные комиссии.

В общую комиссию входят представители администрации мастерских, профсоюза и партячейки и от цехов входит цеховая производственная комиссия.

Таким образом, общая по мастерским производственная комиссия достигла численности в 65 человек.

Положительными сторонами такой комиссии являются:

а) благодаря большому составу комиссии предложения быстро прорабатываются и всесторонне обсуждаются представителями всех цехов, таким путем предложения быстро выносятся на рассмотрение совещаний;

б) участие в руководящей работе общей производственной комиссии участников цеховых производственных комиссий создали единообразие проведения работ совещаний по всем цехам мастерских;

в) аккуратно созываются совещания как по цехам, так и общие по мастерским.

Внимательное отношение к совещаниям со стороны администрации мастерских послужило большой помощью в отношении проведения предложений совещаний, а главным образом в отношении учета результатов проведенных предложений. Из внесенных совещанием предложений 60% проведено в жизнь.

Главные из экономических достижений:

1. Упрощением прежних галлерейных брусьев достигнуто снижение стоимости ремонта 1 вагона на 20 руб.
2. Обрубка швеллеров вместо обрезки дала экономию от рамы в 10 руб.
3. Организация труда на вагранке дает понижение[1] стоимости литья на 15 коп. на 1 пуд, увеличилась производительность вагранки на 100%.
4. Установка паропровода в механический и вагонный цехи дает экономию в 250 руб. ежемесячно.
5. Заготовка оконных рам на фрезерном станке понизила[2] стоимость работы с 2 руб. 20 коп. до 33 коп. за 1 раму.

Совещания дали рабочим возможность ближе ознакомиться с задачами своего производства, чем создалась заметная общность интересов с административно-техническим персоналом в отношении поднятия производительности.

Неуклонный рост выпуска ремонтированных вагонов, выразившийся в следующей динамике: в сентябре — 58 вагонов, в октябре — 87, ноябре — 98, декабре — 107 и в январе — 116, красноречивей слов говорит, что производственные совещания дали большую пользу в деле восстановления железнодорожного хозяйства.

Лысьвенский завод

Работа совещаний на Лысьвенском заводе, хотя и началась с октября 1924 г., к началу 1925 г. совещания уже изжили период обсуждения общих вопросов и к моменту конкурса совещания проходят с большим оживлением и рассматриваются вопросы организации производства.

Рабочие и технический персонал объединились и это послужило лучшим фундаментом к практичности обсуждаемых вопросов и ценности выносимых предложений и к массовому вовлечению рабочих в работу совещаний.

В отношении структуры производственных совещаний можно сказать, что по работоспособности и полноте охвата рабочего актива как цеховые, так и общезаводские лысьвенские совещания являются примерными.

Общезаводской производственной комиссией разработан план работы совещаний, который исправно до сих пор проводился, и совещания благодаря этому созываются вполне планомерно.

Учет результатов проведения предложений ведется аппаратом хозоргана под наблюдением производственной комиссии.

Что дали совещания заводу?

По листопрокатному и листобойному цехам увеличен выход на 1 куб. саж. топлива

по листопрокатному — 382 пуд. до 426 пуд.
» листобойному — 390 пуд. до 418 пуд.

По штамповальному цеху

Выработка на одного рабочего в месяц поднялась с 0,95 пуд. до 1,23 пуд. и увеличен выход годного [металла] с 72,15% до 75,25%. Уменьшен угар на 100 пудов заданного с 2,43% до 0,84%.

---

[1] В тексте ошибочно «положение».
[2] В тексте ошибочно «получила».

Увеличением количества обжигательных коробок и соответствующим ремонтом существовавших уменьшен процент пороков горелости с 4,7% до 2,92%.

Предложение мер борьбы с прогулами и уплотнение рабочего дня дали экономию в расходе рабсилы по 400 поденщин в месяц.

Указанные достижения являются лишь только частью того, что было внесено производственным совещанием, но и эта часть дает заводам сейчас до 3000 рублей экономии.

Кизеловские копи

Опыт привлечения рабочих к работе по поднятию производительности и удешевлению продукции практиковался еще до организации производственных совещаний административно-техническими совещаниями.

Накопившийся опыт от работы административных совещаний дал возможность рабочим копей с момента создания производственных совещаний сразу поставить таковые на деловую почву.

Предложения совещаний на копях являются ближайшим помощником администрации в деле устранения технических ненормальностей производства, а также и организации труда.

Путем рассмотрения положения с производительностью труда на копях на производственных совещаниях получился результат, ярко говорящий за себя, т. е. производительность копей увеличилась на 43% против прошлого года в то время, когда количество рабочих уменьшено с 7590 человек до 5120 человек.

При помощи обсуждения вопросов снижения себестоимости продукции на Усьвенской копи достигнуто снижение стоимости (угля) с 17 коп. за пуд за прошедший год до 9 коп. в текущем году.

Из целого ряда технических достижений нужно указать на давшие большие достижения. Изучение работы врубовых машин привело к предложениям, которые дали повышение производительности машин на 32,5%, усиление надзора за выкаткой увеличено, оборачиваемость подвижного состава сильно [возросла], увеличив производительность копей.

Характерным для совещаний на Кизеловских копях является то, что интерес массы к совещаниям развивается настолько сильно, что руководящие органы в лице рудкома зачастую отстают от запросов аудитории совещаний.

СОГА, ф. 272, оп. 1, д. 271, лл. 399—405.— Подлинник.

№ 6

Из итогов конкурса производственных совещаний на предприятиях Уральской области

29 июля 1925 г.

Завод «Красная кровля»

1. Совещания начались с октября 1923 г.
2. Сведений нет.
3. На общезаводских совещаниях присутствует 200—250 человек рабочих.

4. Техперсонал в работе как комиссий, так и совещаний принимает активное участие.

5. Производственная комиссия как цеховая, так и общезаводская существуют, причем общезаводская комиссия делится на две подкомиссии: одна — во главе с директором — разрабатывает вопросы производственного характера, а вторая — во главе с членами ФЗК — разрабатывает предложения по рабочему вопросу, а также остановки, поломки.

6. План работы совещаний есть, в него входит:

а) выполнение производственной программы, б) снижение себестоимости, в) труддисциплина, г) организация работы цехов, д) улучшение качества продукции, е) учет и рационализация расхода материалов по цехам и др.

7. Периодов созыва совещаний не указано.

8. Руководство работой комиссий и совещаний осуществляется ФЗК.

9. Списки исполнения предложений совещаний заводоуправлением не указаны.

10. Точных сведений о положении с учетом результатов нет.

11. Не указывается, кем вносятся предложения.

12. Подразделений предложений по характеру нет.

13. Достижения по мартеновскому цеху.

14. Улучшена футеровка ковша, стоявшая ранее всего 25—30 плавок, теперь выдерживает 45—50 плавок. Экономия за 5 месяцев до 623 руб. 36 коп.

Улучшением сортировки и предварительным обжигом кирпича уменьшилось разъединение стороновых кирпичей, а вследствие этого уменьшился уход металла, экономия 5464 руб. 32 коп.

Для уменьшения концов, при прокатке 50% слитков покрываются крышками, по предложению производственной комиссии количество концов уменьшится на 1% за счет увеличения процента годной сутунки, получится экономия в 2780 руб.

Количество простоев с 2,6 суток в месяц уменьшилось до 0,87 суток, экономия 2605 руб. 40 коп.

От экономного расходования материалов получено экономии 6588 руб.

Сокращение простоев дало экономию в топливе на 2987 руб. 60 коп. Всего по цеху [сэкономлено] 21 047 рублей.

Главным практическим достижением по рабочему вопросу нужно считать достигнутую через производственные совещания спайку администрации и рабочих этого цеха.

По листопрокатному, листобойному и листообрезному цехам.

Мероприятиями по уменьшению брака, последний снижен на 20—30%, что дало экономию в 18 497 руб. 90 коп.

По литейному цеху.

Выборка гвоздей из очищаемого литья дает экономию последнего на 50 пудов.

Увеличен выход чугуна на 1 пуд кокса с 5 пуд. до 7 пуд. 30 фун.

Выплавка меди на 1 пуд кокса увеличена с 4 пуд. до 7 пуд. 30 фун. и вместо штыковой меди теперь идет лом. Сооружением новой отражательной печи достигнута экономия в расходе топлива с 6 куб. саж. до 3,5 куб. саж.

Общая экономия по заводу, сравнивая период октябрь—февраль 1924/25 г. с этим же периодом 1923/24 г., получается в сумме 78 759 руб.

Как результат работы совещаний проводится снижение стоимости пуда кровельного железа, прошедшего с октября по январь с. г. до 2 руб. 78 коп., а средняя годовая прошлого года была 3 руб. 79 коп. пуд, по смете на текущий год установлена была 2 руб. 98 коп.

Нижне-Кыштымский электролитный завод

1. Начало созывов совещаний относится к ноябрю 1923 года, но систематичность их установилась с апреля 1924 г.

2. Совещания состоят из рабочих, администрации, цеховых комиссий и цеха служащих [1].

3. Совещания посещаются всеми свободными от работ рабочими и служащими.

4. Техперсонал относится к совещаниям с большим вниманием и считает их работу первоочередной в производстве.

5. План работы совещаний существует.

6. Цеховые совещания созываются ежемесячно числа 5—10 следующего за отчетным месяца.

7. После прохождения совещаний во всех цехах числа 15—20-го созывается административно-техническое совещание с участием ФЗК, цеховых производственных комиссий, представителей служащих, а также присутствуют все свободные от работы рабочие. Последнее явление единственное, когда работа административно-технических совещаний связана с производственными совещаниями рабочих.

8. Работой совещаний руководит ФЗК.

9. Не указано.

10. »

11. »

12. На каждом цеховом совещании администрация цеха делает доклад о ходе работ за истекший месяц. Информирует об исполнении или неисполнении внесенных на прошлом совещании предложений. Рабочими вносятся предложения как по части улучшения производства, так и увеличения сдельных работ.

13. Достижения по медеплавильному цеху:

Выработка анодов на 1 человека увеличилась с 39 пуд. в 1923/24 году до 40,88 пуд. в 1925 году; выработка вайэрбарсов увеличилась с 28,64 пуд. в 1915 году до 35,5 пуда в 1924/25 году.

По электролитному цеху.

Выработка катодов в 1915 году на 1 человека в день была 16,48 пуд., стала в 1925 г.— 21,3 пуда.

Увеличилось содержание меди с 99,92% в 1913 году до 99,95% в 1925 году.

По электролизу: ванна до войны давала 60 пудов, теперь 120—115 пуд.

Самовольные прогулы уменьшились с 0,5% в 1923/24 году до 0,25% в 1-й квартал 1924/25 года.

СОГА, ф. 272, оп. 1, д. 271, лл. 421—424.— Подлинник.

[1] Так в тексте.

А. М. ГОРЬКИЙ — ОРГАНИЗАТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

(1918—1921 гг.)

Работу издательства «Всемирная литература» нельзя рассматривать вне тех грандиозных мероприятий, которые были проведены молодым Советским государством на заре его существования. Советскому народу, руководимому Коммунистической партией, приходилось решать совершенно новые вопросы государственного и культурного строительства. В частности, при строительстве новой культуры ему пришлось столкнуться с таким трудным вопросом, как проблема традиций и новаторства.

Как известно, после Великой Октябрьской социалистической революции довольно широкое распространение получило движение пролеткультовцев. Деятели этого движения полагали, что новая пролетарская культура не имеет никакой преемственной связи с культурой прошлого, которая, по их мнению, так заражена духом эксплуататорских классов, что не может ничем помочь формированию новой культуры социалистического общества.

Коммунистическая партия, Советское государство вели борьбу с такой нигилистической точкой зрения. Великий вождь советского народа В. И. Ленин говорил о бережном отношении к культуре прошлого, о ее творческом освоении.

Поэтому Советское правительство благожелательно отнеслось к созданию Горьким в 1918 г. издательства «Всемирная литература». Публикация ряда важнейших документов, связанных с организацией и работой этого издательства в 1918—1921 гг., имеет огромное значение для дальнейшего изучения политики партии в области литературы, для выяснения той роли, которую сыграл Горький в строительстве молодой советской культуры.

В политической биографии Горького период работы по организации издательства «Всемирная литература» был в известной мере переломным: изживая ошибочное представление о Великой Октябрьской социалистической революции, писатель все активнее включался в будни социалистического строительства. Злодейское покушение на жизнь В. И. Ленина 30 августа 1918 г. произвело на Горького потрясающее впечатление. В беседе с Луначарским 4 сентября 1918 г. Горький заявил, что этот чудовищный акт побудил его «окончательно вступить на путь тесного сотрудничества с Советской властью» [1]. Эта беседа происходила в тот день, когда был подписан договор между Наркомпросом и литературно-издательской группой об организации издательства «Всемирная литература» (см. док. № 2).

[1] «Известия» № 195 (459), 10 сентября 1918 г.

Через несколько дней Горький передал право на издание своих произведений ЦК РКП(б).

Горький никогда не смотрел на издательство «Всемирная литература» как на коммерческое предприятие. Он полагал, что оно должно выполнять две основные задачи: дать нашему народу лучшие произведения мировой литературы и показать всему миру творческий характер нашей революции.

В конце 1918 г., выступая на международном митинге в Петрограде, Горький заявил: «В самом деле: русский рабочий-социалист привлек к себе внимание всего мира. Он как бы сдает пред лицом человечества экзамен своей политической зрелости, он показывает себя всем людям земли творцом новых форм жизни» [1]. В этом аспекте следует рассматривать и работу издательства «Всемирная литература». В предисловии к каталогу Горький отмечал: такого издательства не знает Европа, «честь осуществления этого предприятия принадлежит творческим силам русской революции», наш «народ имеет право сказать, что он ставит себе самому памятник, достойный его» [2]. Публикуемые документы дополняют эту оценку. Это дело «обещает колоссальные результаты»,— писал Горький Ленину (док. № 3); оно имеет большое «агитационное значение», ибо за решение такой грандиозной задачи не брался никто в Европе, отмечал он в письме к Воровскому (см. док. № 5).

Поэтому в январе 1919 г. Горький обратился к Ленину с таким предложением: «На днях закончим печатание перечня книг, предположенных к изданию «Всемирной литературой». Я думаю, что не худо будет перевести эти списки на все европейские языки и разослать их в Германию, Англию, Францию, скандинавские страны и т. д., дабы пролетарии Запада, а также Уэллсы и разные Шейдеманы видели воочию, что российский пролетариат не токмо не варвар, а понимает интернационализм гораздо шире, чем они» [3]. Как свидетельствуют публикуемые документы, каталоги издательства с предисловием Горького, тщательно изданные на четырех языках, были отосланы многим видным деятелям европейской культуры и получили их высокую оценку (см. док. № 21).

Публикуемые материалы позволяют более подробно изучить и вопрос о том, как складывался и расширялся план издательства «Всемирная литература».

Необходимо подчеркнуть, что план издательства «Всемирная литература» не представлял собой набора случайных книжек, а был построен по строго продуманной системе. «Все вместе книги,— писал Горький,— составят обширную историко-литературную хрестоматию, которая даст читателю возможность подробно ознакомиться с возникновением, творчеством и падением литературных школ, с развитием техники стиха и прозы, со взаимным влиянием литературы различных наций и, вообще, всем ходом литературной эволюции в ее исторической последовательности от Вольтера до Анатоля Франса, от Ричардсона до Уэльса, от Гете до Гауптмана и т. д.» [4]. Каждую книгу, иностранную и русскую, издательство предполагало снабдить вступительной статьей о творчестве автора, его биографией, необходимыми примечаниями, портретом [5].

Публикуемые документы дают новый и интересный материал и для изучения организации работы в издательстве.

---

[1] М. Горький. Собрание сочинений, Гос. изд. худ. лит-ры, М., 1955, т. 24, стр. 195.

[2] М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи, Гослитиздат, 1941 г., стр. 281.

[3] М. Горький. Собрание сочинений, т. 29, стр. 388.

[4] М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи, стр. 279.

[5] См. Горький. Собрание сочинений, т. 24, стр. 191.

Договор между Наркомпросом и литературно-издательской группой об организации издательства «Всемирная литература» (см. док. № 2) решал не только важнейшие организационные вопросы, но и устанавливал правовой статут издательства. Оно работало при Народном комиссариате просвещения, пользовалось полной автономией в подборе сотрудников, в выборе подлежащих изданию книг, в установлении их тиража, в определении характера вступительных статей, комментариев, иллюстраций. Комиссариат брал на себя обязательство финансировать издательство, которое должно было отчитываться перед ним в истраченных суммах, издавать подготовленные им книги, принимать меры к тому, чтобы передать в его полное распоряжение типографию.

В 1920 г. издательство «Всемирная литература» перешло в ведение Госиздата, но продолжало работать по прежней программе и в прежнем объеме (см. док. № 21). Большой интерес представляет переписка по этому поводу между Луначарским и Горьким. Луначарский предлагал сблизить издательство «Всемирная литература» с Госиздатом (новые договоры должны поступать на заключение редакционной тройки, технические отделы сливаются и т. д.). Горький резко возражал против проведения этих мероприятий, полагая, что они не обеспечат более быстрого выпуска художественной литературы (см. док. № 18).

Издательство «Всемирная литература» привлекло к работе очень широкий круг литераторов — всего в редакционном отделе издательства работало около 350 человек (см. док. № 9). В публикуемой записке издательства в Наркомпрос от 16 июня 1919 г. (см. док. № 9) названы лица, входящие в руководящие органы издательства — организаторы издательства и редакционная коллегия экспертов, и наиболее видные литераторы, принимающие участие в его работе. Этот список показывает, какие по существу далекие люди сотрудничали в издательстве: рядом с активными строителями новой культуры — Горьким, Луначарским, Брюсовым, Блоком, Тихоновым, Коганом, Чуковским работали такие модернисты и декаденты, как Айхенвальд, Гиппиус, Мережковский, Гумилев, Сологуб, Замятин и др., многие из которых скоро стали эмигрантами и злейшими врагами молодого государства. Разумеется, такой состав сотрудников не мог не оказывать известного влияния на характер деятельности издательства.

К. И. Чуковский в своих воспоминаниях очень ярко рассказал, как работала редакционная коллегия издательства, состоящая из писателей и ученых-словесников. «Словесность чуть не каждой страны,— писал Чуковский,— имела в этой коллегии своих представителей. Индусы были представлены академиком Ольденбургом. Арабы — академиком Крачковским. Китайцы — академиком Алексеевым. Монголы — академиком Владимирцевым... Александр Блок вместе с двумя профессорами-германистами ведал германской словесностью. Акиму Волынскому была вверена словесность итальянская. Мне — англо-американская» [1]. Душой издательства был Горький. Первоклассный знаток иностранной литературы, он иногда приводил в смущение какого-нибудь профессора, подробно рассказывая на заседаниях редколлегии о малоизвестных писателях Запада, давая меткие и яркие оценки их произведений. Горький дружески, с большим тактом относился к сотрудникам издательства: он часто сам подбирал и дарил нужные им для работы книги, он ежедневно уносил с собой толстый портфель с рукописями, чтобы на сотнях страниц сделать поправки, он почти ежедневно писал записки по поводу всякой прочитанной рукописи или намеченной к изданию книги, он давал дружеские творче-

[1] «М. Горький в воспоминаниях современников», Гослитиздат, 1955, стр. 568—569.

ские советы, но никогда не выдавал свое мнение за единственно правильное и бесспорное. «Работа была не из легких,— писал Чуковский,— нужно было наметить к изданию несколько тысяч книг, написанных на языках всего мира, нужно было найти квалифицированных мастеров-переводчиков, нужно было дать подробный, строго принципиальный разбор прозаических и стиховых переводов, сделанных переводчиками предыдущих эпох. Нужно было выработать лабораторным путем точные критерии для этой оценки» [1].

Издательством «Всемирная литература» была создана студия художественного перевода, где под руководством таких мастеров, как Блок, Горький, Чуковский, Лозинский и др., преподавалась теория художественного перевода и велись практические занятия. Это мероприятие помогло подготовить значительное число опытных переводчиков. Издательство выпустило также книгу «Принципы художественного перевода», которая в те годы выдержала два издания.

За время работы под руководством Горького издательство собрало большую библиотеку иностранной литературы, насчитывающую в своем составе около 80 000 томов; это было не только самое полное собрание иностранных книг в нашей стране, но и одно из самых значительных книгохранилищ в Европе по этому разделу (см. док. № 21).

При оценке результатов деятельности издательства «Всемирная литература» нельзя не учитывать того неимоверно тяжелого экономического положения, в котором находилась наша страна в те годы; поэтому целый ряд писем Горького к главе Советского государства В. И. Ленину и другим руководителям как опубликованных раньше, так и публикуемых впервые содержат настоятельные просьбы представить ему возможность печатания подготовленных книг и выделения хотя бы минимального количества бумаги. Советское правительство не могло в те годы удовлетворить полностью просьбы Горького.

В стране развивался книжный голод, о котором так красноречиво писал Горький VIII Всероссийскому съезду Советов [2]. Поэтому Горький пытался наладить печатание книг за границей и обращался с просьбой о помощи ему в этом деле к Воровскому (см. док. № 8), Ленину (см. док. № 14), полагая, что продажа части изданного тиража за рубежом обеспечит возможность снабжения нашего читателя дешевой книгой. Публикуемые документы свидетельствуют, с каким вниманием В. И. Ленин относился к этим проектам Горького и практически содействовал их осуществлению.

Вместе с тем, при выделении из скудных запасов республики бумаги, он запрашивал, на какие издания «Всемирной литературы» пойдет эта бумага? (см. док. № 4). Это был не праздный вопрос, так как из публикуемых документов видно, что руководители издательства не всегда учитывали актуальность выпускаемых изданий для народа. Едва ли первоочередное значение имело издание произведений таких эстетов как О. Уайльд или Г. д'Аннунцио или выпуск романа Мопассана «Сильна, как смерть», отнюдь не лучшего произведения французского писателя, или подготовка к изданию сочинений русских декадентов Гиппиус, Гумилева, Мережковского.

Выпуск книг издательством шел очень медленно. К середине 1919 года издательство не смогло выпустить в свет ни одной книги, но имело 300 листов матриц, сдало в набор по одному западному разделу около 500 листов и имело в портфеле 3000 листов рукописей (см. док. № 9). За 1919 и 1920 гг. было издано 14 книг основной серии и 36 брошюр

---

[1] «М. Горький в воспоминаниях современников», стр. 572.
[2] См. М. Горький. Собрание сочинений, т. 29, стр. 396—397.

(см. док. № 15). Публикуемые документы показывают, как постепенно образовывалась диспропорция между размахом редакционной работы и реальным выпуском книг. За два с лишним года издательство подготовило к печати 8000 печатных листов текста, т. е. 400 отдельных томов, а издало только 500 листов, т. е. 6% имеющегося материала.

Каков же общий итог работы издательства под руководством Горького в 1918—1921 гг.?

За это время было выпущено 59 книг общим количеством около одного миллиона экземпляров (см. док. № 21). В наши дни эта цифра не кажется грандиозной. Но в тот период выпуск такого количества книг был подвитом.

* * *

Публикуемые документы извлечены из фондов Совета Народных Комиссаров РСФСР (ф. 130), Государственного издательства (ф. 395) и Народного комиссариата внешней торговли (ф. 413), хранящихся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства СССР. Автограф В. И. Ленина — из Архива Института марксизма-ленинизма, куда он поступил в декабре 1957 г. Выявление документов, подготовка их к печати и комментарии выполнены М. В. Дзванкауской и М. И. Рыбинским.

А. С. Мясников.

№ 1

Договор между А. М. Горьким, А. Н. Тихоновым, З. И. Гржебиным и И. П. Ладыжниковым об организации издательства «Всемирная литература»

20 августа 1918 г.

Августа 20 дня, 1918 г. Мы, нижеподписавшиеся, Алексей Максимович Пешков (М. Горький), Александр Николаевич Тихонов, Зиновий Исаевич Гржебин и Иван Павлович Ладыжников, заключили между собой следующий договор:

1. Нижеподписавшиеся организуют издательство «Всемирная литература», которое ставит своей задачей: а) перевод на русский язык избранных произведений иностранной художественной литературы второй половины XVIII в., всего XIX и начала XX в., б) снабжение этих произведений вступительными статьями, примечаниями и рисунками и в) издание вышеуказанных произведений, а также избранных произведений русских писателей XVIII, XIX и XX вв.

2. Нижеподписавшиеся уполномачивают А. М. Пешкова заключать договоры с Комиссариатом народного просвещения по вопросу о подготовке к изданию и издании книг «Всемирной литературы» на средства Комиссариата народного просвещения.

3. Все права, обязательства и ответственность за выполнение договоров и обязательств, заключенных А. М. Пешковым, нижеподписавшиеся берут на себя в целом и безраздельно.

4. Все дела, касающиеся издательства «Всемирная литература», решаются всеми участниками коллегиально.

М. Горький
А. Тихонов
З. Гржебин
И. Ладыжников

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 27, л. 242.— Копия.

№ 2

Договор между Народным комиссариатом просвещения и литературно-издательской группой об организации издательства «Всемирная литература»

4 сентября 1918 г.

4 сентября 1918 г. Комиссариат народного просвещения Российской Федеративной Республики, в лице комиссара просвещения Анатолия Васильевича Луначарского, с одной стороны, и литературно-издательская группа, в лице Алексея Максимовича Пешкова (М. Горького), с другой, заключили настоящий договор в нижеследующем:

1. А. М. Пешков берет на себя обязанность образовать под своим руководством при Комиссариате народного просвещения издательство «Всемирная литература» для перевода на русский язык, а также для снабжения вступительными статьями, примечаниями и рисунками и вообще для приготовления к печати избранных произведений иностранной художественной литературы конца XVIII и всего XIX в.; Комиссариат народного просвещения обязуется на свой счет все эти произведения издать.

2. Указанные выше произведения издаются книгами двух типов: а) в форме брошюр, размером в среднем около двух печатных листов, считая в печатном листе 60 000 знаков, и б) в форме томов, содержащих в среднем около 20 печатных листов, считая в печатном листе 30 000 знаков. Общее количество брошюр должно быть не менее 2000 номеров, общее количество томов не менее 800.

3. Из приведенного выше числа книг издательство «Всемирная литература» в течение первого года обязано приготовить к печати не менее 800 брошюр и 200 томов, а в течение первых месяцев, считая от 1 сентября по 31 декабря 1918 г., не менее 200 брошюр и 60 томов. Комиссариат народного просвещения обязан все приготовленные издательством, соответственно вышеприведенным цифрам, рукописи сдавать полностью в печать, без всякой задержки.

4. Литературно-издательская группа в лице А. М. Пешкова в осуществлении своих задач пользуется полной автономией. А. М. Пешкову, а также его доверенным лицам, предоставляется право заключать от имени издательства «Всемирная литература» всякие договоры и обязательства, относящиеся, по их мнению, к деятельности издательства. А. М. Пешкову предоставляется полная свобода в организации издательства, как-то: в выборе подлежащих изданию книг, в установлении их тиража, в определении характера вступительных статей и примечаний, а также в выборе сотрудников, авторов, переводчиков и служащих издательства и в установлении размера и порядка их вознаграждения в пределах общей сметной ассигновки.

5. Все средства для выполнения своих задач издательству «Всемирная литература» предоставляются Комиссариатом народного просвещения, согласно приложенной при сем договоре смете [1]. Установленные сметой суммы расходов по административно-литературной части, согласно отделам I, II, VIII и IX прилагаемой сметы, вносятся полностью Комиссариатом в банк на текущий счет А. М. Пешкова. Расходование внесенных в банк денег производится по усмотрению А. М. Пешкова, а также лиц, им особо уполномоченных, по чекам, подписанным А. М. Пешковым или этими лицами.

---

[1] Смета в деле отсутствует.

6. Издательство обязано вести точный бухгалтерский отчет о всех израсходованных им средствах и представлять через каждые 6 месяцев полный финансовый отчет с приложением оправдательных документов.

7. Комиссариат народного просвещения обязуется принять все меры к тому, чтобы предоставить в полное пользование издательства «Всемирная литература» государственную или частную типографию или, в крайнем случае, в полное пользование — часть типографии.

8. Выполнение всех технических работ по набору и печатанию произведений «Всемирной литературы» производится техническими средствами и за счет Комиссариата народного просвещения, но под непосредственным руководством литературно-издательской группы в лице А. М. Пешкова. Группе предоставляется право для каждой стадии этих работ иметь своих инструкторов, которые могут остановить, впредь до усовершенствования, те работы, исполнение которых, по их мнению, не стоит на должной технической или художественной высоте.

9. Срок настоящего договора трехлетний, считая со дня его подписания.

10. Если до истечения трехлетнего срока Комиссариат народного просвещения пожелает отказаться от настоящего договора, он обязан известить об этом А. М. Пешкова не менее как за 3 месяца.

11. Если А. М. Пешков пожелает отказаться от настоящего договора до истечения трехлетнего срока, он обязан предупредить об этом Комиссариат народного просвещения не позднее как за 3 месяца до своего выхода и передать последнему в полном порядке все дела и отчеты по издательству «Всемирная литература».

12. Во всех случаях отказа одной или обеих сторон от договора или прекращения его силы по другим обстоятельствам, Комиссариат народного просвещения или орган, его заменяющий, обязан принять на себя полностью все обязательства, выданные А. М. Пешковым или лицами, им на то особо уполномоченными, от имени издательства «Всемирная литература».

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский
Алексей Максимович Горький — Пешков

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 9, лл. 1—2.— Копия.

№ 3

Телеграмма заведующего издательством «Всемирная литература» А. М. Горького В. И. Ленину об отсутствии бумаги у издательства[1]

6 марта 1919 г.

Для издательства «Всемирная литература» необходима бумага, коковая имеется у Комиссариата торговли [и] промышленности. Я неоднократно обращался [в] Главбум[1)] и Правбум[2)]. Главбум отказался категорически, Правбум выдал разрешение, [но] затем отобрал обратно. Положение критическое. Накладные расходы фантастически. Разно набрано шестьсот листов, дальнейший пабор бессмыслен: нас не включили даже в план общего распределения. Дело, в которое вложено столь много энергии и которое [обе]щает колоссальные результаты, должно погибнуть. Прошу Вашего содействия.

Горький

ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 3, д. 656, л. 20.— Телеграфная лента.

---

[1] Телеграмма адресована также народному комиссару торговли и промышленности Л. Б. Красину.

№ 4

Записка В. И. Ленина наркому торговли и промышленности Л. Б. Красину по вопросу об отпуске бумаги издательству «Всемирная литература»

12 марта 1919 г.

Т. Красин!

М. Ф. передала мне прилагаемые бумаги. Написано у Гржебина неясно. Кто такой «Правбум»? Нельзя ли достать копии его разрешения и его аннулирования? Кому подчинен «Правбум»? Я должен буду затребовать у него отзыва, а кстати запросить поточнее, на какие книги и брошюры просит «Всем. лит-ра».

Ваш Ленин

На обороте документа надпись:

Упорный отказ Питера в отпуске этой бумаги, месяцами лежащей без употребления, есть несомненный и злостный саботаж, не знаю лишь Правбума, Левбума [4)] или какого-либо иного бума.

17/III

Кр[асин]

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 24927, л. 1 и об.— Автограф на бланке Председателя СНК.

№ 5

Письмо А. М. Горького заведующему Госиздатом РСФСР В. В. Воровскому о деятельности издательства «Всемирная литература»

26 апреля 1919 г.

Дорогой Вацлав Вацлавович!

З. И. Гржебин передаст Вам смету и разные документы по делу об организации критико-исторического издания «Русской литературы XIX в.» [4)] — т. е. издания, которое даст для школ и общего рынка наилучшие образцы художественной литературы истекшего века в количестве 400—500 томов, с биографиями авторов, очерками эпохи и разного рода примечаниями.

Дело это начато давно, А. В. Луначарский его вполне одобряет, но до сей поры мы не можем провести смету и получить деньги, необходимые для организации редакционных работ, на покупку бумаги, набор и печать.

Очень прошу Вас по возможности ускорить решение вопроса, дабы к осени мы могли выпустить известное количество книг.

Вам могут указать, что «Всемирная литература» за шесть месяцев не выпустила ни одного тома.

Так, но это вина не наша: у нас шкафы ломятся от рукописей, готовых к печати, набрано около 1000 листов, а бумаги нам не давали, несмотря на строгие приказы Ильича и Красина.

Только неделю тому назад мы получили 8000 пуд., но ведь это — капля в массе, нужной нам!

З. И. покажет Вам документы, из которых Вы увидите, что нас идиотски саботировали. Каковы побуждения этого саботажа — не хочу говорить, ибо это противно.

Теперь нами организовано издание «Литературы Востока», в этой работе принимают участие крупнейшие наши востоковеды, люди с именами европейскими.

Мы даем новый перевод библии, а кроме того, тюбингенское критическое издание ее, даем литературу Китая, Японии, Тибета, Монголии. Персии, арабов, Тур[ции] и т. д., вплоть до индусской, египетской и ассирийского эпоса.

Это — огромная работа, и, конечно, она хорошо поставит Советскую власть в глазах интеллигенции Западной Европы. Но еще более крупным я считаю агитационное значение «Всемирной литературы», которая охватывает в нашем плане все, что создано европейской мыслью от Вольтера до Анатоля Франса, от Свифта до Уэльса, от Гете до Рихарда Демеля и т. д.

На днях будет готов наш проспект, напечатанный по-английски, по-немецки и по-французски, мы посылаем его во все страны: в Германию, Францию, Америку, Италию, Англию, скандинавам и пр.

Как видите,— задача грандиозная и никто еще до сей поры не брался за ее осуществление, никто в Европе.

Этому делу власть должна энергично помогать, ибо пока — это самое крупное и действительно культурное предприятие, которое она может осуществить.

Я очень прошу, Вацлав Вацлавович, Вашей помощи нам! И я надеюсь, что вы поймете, как ценна эта помощь.

Если б Вам понадобились более подробные разъяснения — телеграфируйте — к вам приедет А. Н. Тихонов и даст Вам все нужные справки.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего доброго!

А. Пешков

26.IV.19.

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 10, д. 44, лл. 3—4.— Автограф.

№ 6

Дополнительное соглашение к договорам между Народным комиссариатом просвещения и литературно-издательской группой «Всемирная литература»

29 апреля 1919 г.

29 апреля 1919 г. Народный комиссариат по просвещению в лице наркома Анатолия Васильевича Луначарского, с одной стороны, и литературно-издательская группа «Всемирная литература», в лице Алексея Максимовича Пешкова (М. Горького), с другой, в дополнение к соответствующим договорам от 4 сентября и 21 ноября 1918 г. [5)] заключили настоящее соглашение в нижеследующем:

1. Литературно-издательская группа в лице А. М. Пешкова открывает при издательстве «Всемирная литература» отдел «Русская литература XX в.» и берет на себя обязанность организовать редакционную и издательскую работу ликвидированного издательского отдела при Петроградском профессиональном союзе деятелей художественной литературы.

2. Народный комиссариат по просвещению передает издательству «Всемирная литература» все документы и рукописи ликвидированного издательского отдела, а также переводит на имя «Всемирной литературы» на счет отдела «Русской литературы XX в.» как все наличные средства ликвидированного издательского отдела при профессиональном союзе деятелей художественной литературы, так и имеющие быть выданными ему, согласно смете, ассигновки.

3. Издательство «Всемирная литература», принимая на себя все денежные и иные обязательства ликвидированного издательского отдела, обязуется в своей работе руководиться сметами вышеупомянутого издательского отдела, оставляя, однако, за собой право пересмотреть заново его редакционные планы.

4. Все взаимоотношения между Народным комиссариатом по просвещению и отделом «Русская литература XX в.», а также внутренний распорядок и организация отдела (как-то: ставки служащим, размер гонораров и т. д.) регулируются соответствующими пунктами договоров от 4 сентября и 21 ноября 1918 г., заключенных между Народным комиссариатом по просвещению и литературно-издательской группой «Всемирной литературы».

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский
Заведующий издательством «Всемирная литература»
М. Горький

На документе резолюция А. В. Луначарского: Принимаю условно, с тем, что окончательное утверждение будет дано при условии согласия заведующего Государственным издательством В. Воровского.

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 9, л. 5.— Заверенная копия.

№ 7

Препроводительное письмо А. М. Горького к дополнительному соглашению от 29 апреля 1919 г.[1]

4 мая 1919 г.

Уважаемый Вацлав Вацлавович!

Прилагая при сем копию договора «Всемирной литературы» с наркомом Луначарским, очень прошу Вас решить дело это возможно скорее.

Цель «Всемирной литературы» — взять в свои руки издание всей художественной литературы, в том числе и текущей, путем издания альманахов.

Необходимо внести в это дело [конкр]етный порядок, устранить параллелизм работы и т. д.

Как стоит дело с «Русской литературой XIX века»?

Крепко жму Вашу руку.

М. Горький

4.V.19.

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 27, л. 245.— Автограф.

---

[1] См. док. № 6.

№ 8

Письмо А. М. Горького В. В. Воровскому о печатании изданий «Всемирной литературы» за границей

21 мая 1919 г.

Дорогой Вацлав Вацлавович!

Очень извиняюсь, что снова беспокою Вас; знаю, как Вы заняты, и потому не жду ответа на прежнее мое письмо. Но будучи упрям, пишу снова.

Дело вот в чем: из тяжелого опыта «Всемирной литературы» и других начинаний такого рода я убеждаюсь, что в России нет возможности печатать книги: типографская техника расшатана, рабочих рук — мало, качество работы — ниже всякой критики, бумаги — нет, топлива — нет. В результате всего этого — нет книг в количестве, потребном для огромной страны, охваченной жаждою просвещения, то же, что издается,— ничтожно численно и дорого.

Где же выход из этого положения? Его — на мой взгляд — нашел мой старый приятель, Зиновий Исаевич Гржебин, человек энергичный и в книжном деле опытный.

Он предполагает печатать книги за границей. Финляндия и Швеция не дают бумаги, но книги печатать — будут, ни та, ни другая не войдут в сношения с Советской властью, но войдут в таковые с частным лицом, особенно, если узнают, что дело, им затеянное, имеет чисто культурный и научный характер.

Я прошу Вас познакомиться с планом затеваемого Гржебиным издательства; я принимаю в этом деле самое горячее участие, являясь организатором его редакционной части. Я пригласил в товарищи себе Десницкого-Строева, А. П. Пинкевича и в сотрудники — академика Стеклова, Филипченко, И. П. Павлова, Книповича, Шимкевича и др. столь же крупных ученых. Они организуют нам отдел естественно-научных книг.

Общественные науки и художественную литературу будем редактировать мы с Десницким.

Дело — огромное. Люди, призванные к работе просвещения народа, должны всячески способствовать его осуществлению и успеху.

И вот я горячо прошу Вас помочь всем, чем можете, Зиновию Гржебину осуществить это дело. Да, это будет частное предприятие, но где иной выход для снабжения страны духовной пищей? Г. «Сов. Вл.» [1] должна помочь осуществлению такого предприятия, если она действительно заинтересована в просвещении темных масс, в развитии культуры, и если она хочет бороться с эмоциями, которые губят революцию.

Нам нужно создавать новую интеллигенцию, орудием ее создания может быть только книга.

Я еще раз убедительно прошу Вас отнестись внимательно и сочувственно к затеянному хорошему делу.

Крепко жму Вашу руку [2].

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 9, л. 6.— Автограф.

---

[1] Так в тексте.

[2] Имеется также машинописная копия этого письма (за подлинной подписью М. Горького), в конце которого им же поставлена дата «21.V.19». (См. ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 10, д. 44, л. 1).

№ 9

Из записки издательства «Всемирная литература» в Народный комиссариат просвещения о деятельности издательства[1]

16 июня 1919 г.[2]

Издательство «Всемирная литература» имеет своей целью познакомить широкие слои русской демократии с избранными произведениями мировой художественной литературы XVIII—XX вв.

Во главе издательства стоит литературно-издательская группа в лице: М. Горького, З. И. Гржебина, И. П. Ладыжникова, А. Н. Тихонова. Общее редакционное руководство лежит на редакционной коллегии экспертов, состоящей из проф. Ф. Д. Батюшкова, А. А. Блока, проф. Ф. А. Брауна, А. Л. Волынского, Е. И. Замятина, М. Горького, Н. С. Гумилева, А. Я. Левинсона, Г. Л. Лозинского, А. Н. Тихонова и К. И. Чуковского.

Руководящей коллегией разработана подробная программа издания по литературам Франции с Бельгией и Провансом, Англии и ее колоний, Германии, Америки, Италии, Испании и испанской Америки, Португалии, Скандинавских стран. Списки эти снабжены вводной статьей М. Горького и будут опубликованы в ближайшем будущем.

Издательство выпускает две серии книг: основную и народную.

В основной серии в настоящее время печатается и подготовлен к печати ряд произведений Лили Браун, Вольтера, Диккенса, Лесажа, Лассаля, Флобера, Анатоля Франса, Кон[рада] Мейера, Бальзака, Гонкуров, Стендаля, Вальтер Скотта и др. под редакцией и со вступительными статьями Ф. Д. Батюшкова, Р. Григорьева, М. А. Кузмина, А. Я. Левинсона, Ф. К. Сологуба, К. И. Чуковского и др.

Параллельно, под непосредственным руководством М. Горького, подготовляются брошюры народного издания, ближайшие выпуски которого будут посвящены произведениям: Вольтера, Вальтер Скотта, Мультатули, Марк Твэна, О. Мирбо, Б. Ибаньеса, Г. Уэллса, О. Уайльда, А. Франса, М. Сьерра, Л. Нордстрема, Кольриджа, Дж. Бари, Г. Р. Хаггарда, Г. д'Аннунцио, Г. Деледда, Г. аф Гейерстама, Ю. Юргенсона и др.

Вместе с тем редакцией собран и подвергается обработке обширный материал рукописей. К работе над текстом привлечены все живые силы русской литературы, критики и науки. В трудах издательства принимают деятельное участие, кроме лиц, уже поименованных, следующие писатели: Е. А. Адамов, В. А. Азов, Ю. И. Айхенвальд, А. В. Амфитеатров, А. М. Аничкова, Ю. К. Балтрушайтис, К. Д. Бальмонт, А. Н. Бенуа, Е. М. Браудо, В. А. Брим, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, З. А. Венгерова, А. В. Ганзен, М. О. Гершензон, А. А. Гизетти, З. Н. Гиппиус, П. П. Гнедич, И. М. Гревс, Р. Г. Григорьев, Б. А. Грифцов, П. К. Губерт, А. Ф. Даманская, Ю. Н. Данзас, О. А. Добиаш, М. А. Жирмунский, Б. Я. Жуховецкий, С. М. Зарудный, Ф. Ф. Зелинский, Вяч. Иванов, В. П. Измалкова, Вл. Каренин, Л. П. Карсавин, П. С. Коган, А. Ф. Кони, М. А. Кузмин, А. И. Куприн, М. Е. Левберг, Н. О. Лернер, Е. П. Леткова, М. Л. Лозинский, А. В. Луначарский, Е. Г. Лундберг, Т. Н. Манухина, П. П. Муратов, С. Ф. Ольденбург, П. П. Перцов, С. А. Поляков, И. Н. Потапенко,

---

[1] Записка является приложением к смете издательства «Всемирная литература» на второе полугодие 1919 г.

[2] Дата препроводительного отношения.

С. Э. Радлов, А. М. Ремизов, А. Н. Римский-Корсаков, А. Н. Серебров, Б. П. Сильверсван, Ф. К. Сологуб, В. В. Струве, П. Тугенхольд, Г. П. Федотов, Н. А. Холодковский, В. Ф. Ходасевич, М. Цветаева, А. Н. Чеботаревская, В. А. Чудовский, Н. Л. Шапир, С. В. Штейн, С. И. Штейн, Б. М. Эйхенбаум и др.

За последнее время рамки издательства раздвинулись еще более. В программу включен новый цикл, обнимающий «Литературы Востока» в их целокупности. Во главе этого отдела стоит особая коллегия, в которую вошли известные востоковеды под председательством академика С. Ф. Ольденбурга, акад. Н. Я. Марр, проф. И. Ю. Крачковский и проф. В. М. Алексеев.

В круг этого начинания включены литературы: египетская, вавилонская, ассирийская, финикийская, древнееврейская, грузинская, армянская, древняя, средняя и новоперсидская, сирийская, коптская, абиссинская, арабская, турецкая, индийская, индокитайская, индонезийская, тибетская, китайская, японская, монгольская, маньчжурская и литература палеоазиатских племен северо-востока Сибири.

К осуществлению этих предположений привлечены по сей день следующие лица: проф. Н. Г. Адонц, проф. В. М. Алексеев, проф. А. П. Алявдин, акад. В. В. Бартольд, В. Г. Богораз, проф. Б. Я. Владимирцев, проф. И. М. Волков, Ф. Ф. Гесс, С. Г. Елисеев, В. М. Викентьев, проф. А. И. Иванов, В. А. Иванов, В. И. Иохельсон, акад. П. К. Коковцев, проф. В. Л. Котвич, проф. Н. Я. Марр, Н. Н. Мартинович, проф. И. Ю. Крачковский, Н. Н. Кротков, И. П. Кузмин, П. Н. Макинцян, Б. В. Миллер, акад. С. Ф. Ольденбург, проф. И. А. Орбели, Э. К. Пекарский, проф. О. О. Розенберг, Ф. А. Розенберг, А. А. Ромаскевич, проф. А. Н. Самойлович, А. А. Семенов, проф. В. Д. Смирнов, П. Ф. Смыкалов, М. Н. Соколов, В. В. Струве, В. А. Териан, проф. И. Г. Троицкий, акад. Б. А. Тураев, проф. П. А. Фалев, Н. Д. Флиттнер, проф. А. А. Фрейман, акад. А. А. Шахматов, В. К. Шилейко, А. В. Шмидт, проф. А. Э. Шмидт, проф. Л. Я. Штернберг, акад. Ф. И. Щербатской.

На первых же порах работники «Всемирной литературы» оказались лицом к лицу с чрезвычайными затруднениями: невыработанностью методов и недостаточностью литературных сил. Искусство перевода до наших дней оставалось в России промыслом кустарным, лишенным теоретических основ и традиций. Выпущенная издательством брошюра К. И. Чуковского и Н. С. Гумилева о «Принципах художественного перевода» стихов и прозы могла лишь частично восполнить этот пробел. Выяснилось, что вопрос о технике перевода неразрывно связан с общими вопросами литературного творчества — поэтикой, стилистикой, ритмикой, метрикой, историей литературы, языковедением. В то же время у руководителей издательства создалось убеждение, что лишь путем эмпирическим, путем совместной работы над методами анализа и созидания стихов и прозы может быть создан кадр сознательных работников. Отсюда возникла мысль о «Литературной студии» — мастерской, не столько школы, сколько лаборатории. Задача ее не умозрительная, а действенная: добытые теоретические данные приложить к практической работе над переводами иностранной литературы.

Студия приступила к работе еще в феврале этого года. Постоянные семинарии велись Н. С. Гумилевым, А. Я. Левинсоном, М. Л. Лозинским, В. А. Чудовским. Отдельные лекции были прочтены К. И. Чуковским и Е. И. Замятиным. Результаты опыта оказались столь ценными, что студия решила продолжать свою работу в более широком масштабе.

Доныне в состав работников студии входили исключительно переводчики — сотрудники издательства, но разрабатываемые вопросы имеют

значение столь общее и захват столь широкий, что студия впредь решила открыть свои двери всем стремящимся к изучению и созиданию литературы...[1]

Кроме работ над переводами художественной литературы Запада и Востока, издательство «Всемирная литература» приняло на себя по предложению Севпроса[6)] труд по изданию произведений современных русских беллетристов и критиков.

До мая месяца 1919 г. руководство этой работой принадлежало литературно-издательскому отделу Петроградского союза деятелей художественной литературы; теперь же, ввиду ликвидации издательской деятельности союза — весь имеющийся у союза литературный материал перешел, по предложению Севпроса, в распоряжение «Всемирной литературы».

Книги этой серии выделены в особый отдел под названием «Русская литература XX в.».

До настоящего времени сюда вошли избранные произведения А. Блока, З. Гиппиус, А. Грина[7)], Н. Гумилева, Е. Замятина, Д. Мережковского, Н. Муйжеля, А. Чапыгина, К. Чуковского, В. Шишкова.

В будущем издательство «Всемирная литература» предполагает расширить круг деятельности этого отдела, рассматривая его как часть издательской программы, включающей в себя избранные произведения всей русской литературы с момента ее возникновения. План такого отдела был своевременно, по поручению А. В. Луначарского, представлен в Народный комиссариат по просвещению, вместе с соответствующей докладной запиской и сметой и подлежит утверждению Комиссариата.

К июню месяцу издательством сдано в набор по отделу западной литературы свыше 500 печатных листов, кроме того в портфеле редакции имеется еще около 3000 печатных листов рукописного материала. Остальные намеченные к переводу книги почти все находятся в работе на руках переводчиков и редакторов.

Помимо перечисленного выше штата руководителей и редакторов, в работах издательства принимают участие около 200 человек сотрудников-переводчиков. Всего же в редакционном отделе издательства занято (не считая администрации) около 350 сотрудников.

Для технических нужд издательством арендована одна из самых мощных типографий Петрограда — типография «Копейка», где и производится набор сдаваемых в печать рукописей.

Насколько широко и планомерно развернулась редакционная работа издательства, настолько ничтожны оказались практические результаты редакционных усилий. Вплоть до настоящего момента издательство не выпустило в свет ни одной готовой книги, невзирая на то, что в кладовых типографии имеется свыше 300 листов готовых к печати матриц.

Причина такого явления — отсутствие бумаги. Здесь было бы неуместным излагать подробно все те мытарства, какие претерпело издательство в поисках за необходимой ему бумагой. Оценку того отношения, какое издательство встретило со стороны учреждений, ведающих распределением бумаги, можно найти в прилагаемом письме комиссара торговли и промышленности Л. Б. Красина к В. И. Ленину. В настоящее время, благодаря вмешательству Л. Б. Красина и В. И. Ленина, издательству с большим трудом удалось получить около 8000 пудов бумаги, что даст ему возможность выпустить в начале июля месяца около 10—15 книг.

Такое ничтожное количество бумаги, разумеется, не может ни в коем случае удовлетворить насущных нужд издательства и пока вопрос о более

---

[1] Опущена программа занятий студии.

или менее планомерном и постоянном снабжении издательства бумагой не будет разрешен в окончательной форме — работа издательства будет протекать по-прежнему в крайне уродливых условиях. Издательство вправе рассчитывать в этом случае на помощь Народного комиссариата по просвещению, который мог бы, конечно, уделить часть своих бумажных запасов для потребностей «Всемирной литературы», так как задачи ее тесно связаны со всей культурно-просветительной работою комиссариата.

Отсутствие бумаги, а следовательно и готовых для продажи книг, ставит издательство также в тяжелые материальные условия: затраченные в дело суммы лежат без движения, между тем как наличность книг дала бы возможность издательству обеспечить себя оборотным капиталом и тем избавить комиссариат от новых ассигновок по сметам издательства.

Заведующий издательством М. Горький
Заведующий редакцией А. Тихонов
Заведующий техническим отделом З. Гржебин
Заведующий общим отделом И. Ладыжников

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 27, лл. 267—269, 271—273.— Подлинник.

№ 10

Письмо А. М. Горького В. В. Воровскому о необходимости издания культурно-воспитательного журнала

Июнь 1919 г.[1]

Дорогой Вацлав Вацлавович!

Необходим журнал, который поставил бы своей целью защиту культуры и борьбу с «бытом», т. е. воровством, взяточничеством, ленью, грубостью и т. д., а также и борьбу с антисемитизмом. Я собрал группу беспартийных людей, куда входят С. Ф. Ольденбург, Е. Замятин, Марр,...[2] и множество других, все люди крупных научных заслуг.

А. В. Луначарский отнесся к идее такого журнала восторженно.

Позвольте З. И. Гржебину поговорить с Вами об этом деле, а также очень прошу Вас решить, наконец, дело об издании «Русской литературы XIX в.».

«Литература XX в.» тоже сорганизована мною для изданий как школьных, так и на общий рынок.

Крепко жму Вашу руку и надеюсь на энергичную помощь Вашу.

А. Пешков

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 27, лл. 246а—246б.— Автограф.

---

[1] Дата получения письма Госиздатом РСФСР.
[2] Фамилия неразборчива.

№ 11

Сообщение издательства «Всемирная литература» Госиздату РСФСР о выпущенных издательством книгах

8 июля 1919 г.

На основании декрета Государственного издательства, опубликованного в № 140 «Московских известий» от 29 прошлого месяца, настоящим сообщаем все нужные сведения об издательстве «Всемирная литература» при Комиссариате народного просвещения.

1) Обзор деятельности издательства изложен в прилагаемой при сем записке [1].

2) За 1919 г. издательством выпущены в свет только в последние дни следующие книги:

основного издания —

Г. де Мопассан «Сильна, как смерть» — 15 лл., 10 000 экз., ц. 15 руб.

А. Франс «Остров пингвинов» — 17 лл., 10 000 экз., ц. 18 руб.

народного издания —

О. Мирбо «Деревенские рассказы» — 3 лл., 20 000 экз., ц. 3 руб.

Г. д'Аннунцио «Пескарские рассказы» — 5 лл., 20 000 экз., ц. 5 руб.

А. Франс «Дело уличного торговца» — 2 лл., 20 000 экз., ц. 2 руб.

3) Список произведений, находящихся в наборе и в печати, из которых большинство закончено набором и оканчивается печатанием, прилагаем при сем в виде особой ведомости.

4) По плану работы издательства на вторую половину 1919 г. предположено издать до 50 томов книг основного издания по 20 лл. в томе и в количестве до 25 000 экз. каждого тома и 100 брошюр народного издания по 2 лл. и в количестве до 50 000 экз. каждой брошюры. Кроме того, в течение второго полугодия издательство намерено выпустить в свет серию «Русской литературы XX в.», состоящую из 20 томов: 15 томов прозы по 18 печатных листов в количестве 40 000 экз. каждого тома и 5 томов стихов по 18 печатных листов в количестве 20 000 экз. каждого тома.

Заведующий издательством М. Горький
Секретарь [2]

Приложения:
1. Каталог [3].
2. Записка о деятельности.
3. Сведения о выпуске книг [4].

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 27, л. 182 и об.— Подлинник.

№ 12

Сообщение издательства «Всемирная литература» в Главное управление государственными предприятиями бумажной промышленности ВСНХ РСФСР об отсутствии бумаги

1 августа 1919 г.

В ответ на ваше отношение № 11917/515 от 19 пр[ошлого] м[есяца] настоящим сообщаем вам сведения, требуемые вам, по предлагаемым вами вопросам:

---

[1] См. док. № 9.
[2] Подпись неразборчива.
[3] Каталог в деле отсутствует.
[4] См. ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 27, лл. 180—181.

1) Бумаги и картона на складах издательства не имеется. Из единственной партии бумаги в 8000 пудов, полученной издательством за все время его существования (с октября прошлого года), вся бумага находится в работе в 4 типографиях: XV Государственной, «Копейка», «Энергия» и «Гершунина», которые сейчас работают на наше издательство. Вся эта бумага уже отчасти отпечатана и окончательно будет использована в первых числах сего июля [1], когда выйдет в свет первая серия наших изданий из 5 книг основного издания и около 10 книг народного издания. Кроме того, на этой бумаге печатается до 400 листов основного издания и 65 листов народного издания, совершенно законченных набором и подготовленных к печатанию в течение 1 полугодия с. г. и скопившихся из-за отсутствия бумаги. Тираж наших изданий рассчитан на 25—50 тыс. экз. каждого выпуска.

2) На второе полугодие (июль—декабрь) 1919 г. нам потребуется для выполнения нашей программы по выпуску в свет 50 томов основного издания (размер тома — 20 печатных листов в количестве 25 тыс. экз.), 100 брошюр народного издания (по 2—5 печатных листов в количестве 50 тыс. экз.) и для 20 томов «Русской литературы XX в.» (по 18 печатных листов в количестве 20—40 тыс. экз.) не меньше 41 650 пуд. печатной бумаги из следующего расчета: для основного издания и серии «Русская литература XX в.» — 32 900 пудов бумаги глазированной, весом 50—60 фунтов в стопах, размером 60 × 80 см и для народного издания — 8750 пуд. бумаги весом 40—50 фунтов и размером тоже 60 × 80 см. Кроме того, для печатания обложек всех перечисленных изданий нам потребуется около 1160 стоп американского картона или другой подобной обложечной бумаги.

3) Относительно распределения бумаги, мы считаем необходимым получение бумаги на наши склады, так как при усиленном темпе работы нашей типографии по набору наших изданий, благодаря чему мы вынуждены были распределить печатание в 4 типографиях, нам необходимо иметь всегда наличность большого количества бумаги, чтобы обеспечить непрерывность работ по печатанию наших книг. Тем более, что сейчас у нас бумаги еще нет, а работа по набору продолжается, так что к моменту получения бумаги у нас опять скопится большой запас готового к печати набора.

Копия сего одновременно отправляется в Государственное издательство в Москве.

Заведующий издательством М. Горький [2]
Секретарь [3]

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 22, л. 161.— Заверенная копия.

№ 13

Постановление Совета Народных Комиссаров о печатании книг за границей

27 апреля 1920 г.

Совет Народных Комиссаров в заседании от 27 апреля с. г. по вопросу о книгопечатании за границей постановил:

а) Одобрить решение, принятое по этому вопросу Комиссией Совета Народных Комиссаров в заседании от 26 апреля 1920 г. [8)]

---

[1] Так в тексте.
[2] Автограф А. М. Горького.
[3] Подпись неразборчива.

б) Размер открываемого Государственному издательству кредита в Народном комиссариате внешней торговли определить в количестве, равном 50 тысячам фунтов английских стерлингов.

Председатель Совета Народных Комиссаров
Ленин

ЦГАОР СССР, ф. 413, оп. 3, д. 207, л. 110 и об.— Заверенная копия.

№ 14

Письмо А. М. Горького В. И. Ленину с просьбой пересмотреть решение Малого Совнаркома об отказе в выдаче денег издательству «Всемирная литература»

17 июля 1920 г., Петроград

Дорогой Владимир Ильич!

Посылая Вам два прилагаемые заявления 9), прошу Вас внести их в Малый Совет СНК. Делаю это по Вашему же указанию. Мое положение — идиотское; по чьему-то капризу или по какому-то недоразумению разрушается превосходно налаженное дело «Всемирной литературы» — дело, по образу которого французы уже начинают строить в Париже таковое же. Заведующий хозяйством Тихонов и техник Коган уже выехали в Германию, в Лейпциг, для переговоров с Фольмаром о печатании русских книг за границей, что согласно с постановлением Совнаркома. В Ревеле у Гуковского 10) бесполезно лежат 50 тыс. фунтов, разрешенные Совнаркомом же для нужд Государственного издательства, которому печатать за границей — нечего.

А «Всемирной литературе» отказывают по каким-то неясным — очевидно, формальным — причинам в 10 миллионах думских знаков 11), испорченной бумаге, которая может дать через три месяца несколько миллионов хороших книг.

Дело по изданию книг естественно-научных — издательство Гржебина — тоже тормозится по силе уже явного недоразумения. Договор с Государственным издательством дает Гржебину право получить очередные 10 миллионов советских. Договор не аннулирован. Гржебин, по постановлению СНК, выехал за границу и налаживает технику дела. Здесь, в Петрограде, необходимы деньги для уплаты спешно работающим сотрудникам — лучшим людям русской науки. Если им не платить — они разбегутся, что вполне естественно.

Тов. Аванесов [1], с которым я — по Вашему указанию — говорил об этом деле, не видит никаких препятствий со стороны Рабоче-Крестьянского контроля к выдаче этих денег.

Так в чем же дело?

Я убедительно прошу Вас, Владимир Ильич, пересмотреть оба постановления СНК и

по первому: [2]

или выдать 10 миллионов думскими знаками, переведя их в Ревель тов. Гуковскому, или [3] разрешить тов. Гуковскому выдать из имеющихся у него 50 тыс. фунтов, пересланных ему для нужд Государственного издательства, сумму, равноценную 10 миллионам думскими. Сумма эта

[1] В тексте — «Ованесов».
[2] Подчеркнуто А. М. Горьким.
[3] Фраза «или выдать 10 миллионов думскими знаками, переведя их в Ревель, или» вписана А. М. Горьким между строк.

должна быть вручена уполномоченному «Всемирной литературы» тов. Александру Тихонову в Ревеле.

По второму:

переслать в срочном порядке в Петроград на имя тов. М. Горького 10 миллионов советскими знаками для расплаты с сотрудниками [и] редакторами издательства Гржебина.

Убедительно прошу Вас об этом! Не разрушайте из-за пустяков два дела, которыми через три-четыре месяца Советская власть получит возможность хвастаться. И примите же, наконец, во внимание фактически наступивший уже книжный голод. Безграмотность ликвидируют, а книг — нет! Ведь политически-агитационную литературу нельзя же сразу сунуть человеку, который только что усвоил азбуку.

Будьте здоровы и всего доброго.

А. Пешков[1]

— 2 приложения[2].

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 27, л. 11 и об.— Машинописный подлинник с рукописными поправками и подписью А. М. Горького.

№ 15

Справка о книгах, изданных издательством «Всемирная литература» на 20 августа 1920 г.

21 августа 1920 г.

Наименование книг	Срок выпуска	Тираж	Приблизительный остаток
1	2	3	4
Основное издание	1919 г.		
А. Франс «Остров пингвинов»	22/VI	10 000	190
Мопассан «Сильна, как смерть»	15/VII	10 000	250
Лили Браун «Письма маркизы»	»	10 000	185
Мопассан «Милый друг»	10/VIII	9 975	450
Гонкур «Братья Земганно»	»	9 980	250
Флобер «Воспитание чувств»	1/IX	10 000	400
Уэллс «Война в воздухе»	28/IX	10 000	640
Флобер «Саламбо»	10/X	13 500	2700
Ибаньес «Проклятый хутор»	»	13 000	3600
Диккенс «Повесть о двух городах»	8/XII	11 000	1500
	1920 г.		
де Костер «Легенда об Уленшпигеле» том I	1/III	11 000	1400
» » » » том II	3/IV	11 000	1400
Г. Гейне «Путевые заметки»	24/V	11 000	5700
А. Франс «Восстание ангелов»	»	11 000	5200

Весь тираж означенных книг распределяется следующим образом:

Севцентропечати по 4000 экз.
Отделу снабжения Наркомпроса по 5000 экз.
Московскому Совдепу некоторые по 300 экз.
«Экономисту» некоторые 300 экз.
Главполитпути [некоторые] 200 экз.

[1] Фраза «Будьте здоровы и всего доброго. А. Пешков» вписана рукой А. М. Горького.
[2] Приложения не публикуются.

1	2	3	4	
Общие книги:				
Каталог западной литературы	22/VI	1 000	600	Распределяется по особым требованиям с разрешения коллегии
» восточной »	1919 г. 10/X	1 000	650	
Сборник статей «Литература Востока»	»	5 000	700	
» » Принципы художественного перевода »	1920 г. 10/III	5 000	4200	
Народное издание:	1919 г.			
А. Франс «Дело уличного торговца»	15/VII	20 000	780	
Мультатули «Рассказы»	»	19 904	875	
Д' Аннунцио «Пескарские рассказы»	»	20 000	900	
Кольридж «Поэма о старом моряке»	»	20 000	1000	
«Баллады о Робин Гуде»	30/VII	20 000	950	
О. Мирбо «Деревенские рассказы»	»	20 000	875	
Гейерстам «Любовь»	»	20 000	875	
Шамиссо «Петер Шлемиль»	»	20 000	875	
Уэллс «Спящий пробуждается»	20/VIII	20 000	970	
Вольтер «Кандид»	»	20 000	1170	
Иенсен «Гиммерландские рассказы»	1/IX	20 000	1250	
Уайльд «Кентервильские привидения»	»	20 000	1200	
Гюго «Последний день осужденного»	18/IX	20 000	1700	
Дж. Лондон «Сын волка»	25/IX	20 000	1600	
А. Додэ «Письма с моей мельницы»	»	20 000	1200	
М. Твэн «Приключения Тома»	20/X	19 990	1500	
Шиллер «Разбойники»	»	19 575	1100	
Нордстрем «Обыватели»	»	20 000	1400	
Ибаньес «Валенсианские рассказы»	10/XII	20 000	1700	
А. Франс «Чудо Св. Николая»	1920 г. 22/I	20 000	1700	
Вольтер «Повести»	5/II	20 000	1200	
» «Принцесса Вавилонская»	»	20 000	1300	
» «Белый бык»	»	20 000	1800	
Деледда «Сардинские рассказы»	»	20 000	1200	
Дж. Лондон «Закон белого человека»	»	20 000	1700	
Уэллс «Машина времени»	»	20 000	1100	
Беранже «Песни»	15/III	20 000	1200	
Мопассан «В деревне»	»	20 000	1200	
Уайльд «Счастливый принц»	»	20 000	1700	
А. Франс «Сказка о сорочке»	»	20 000	1200	
Юргенсон «Африканские рассказы»	»	20 000	1300	
Мишле «Жанна д'Арк»	25/III	20 000	1300	
» «Кордильеры и Дантон»	»	20 000	1300	
Г. Банг «Четыре дьявола»	»	20 000	1800	
де Костер «Тиль Уленшпигель»	16/IV	20 000	1200	
Дж. Лондон «Путь морозных солнц»	24/V	20 000	1300	

Распределение народного издания: Севцентропечати по 8000 экз. каждого названия, отделу снабжения Наркомпроса по 10 000 экз. и по 500—300 экз. «Экономисту», Московскому Совдепу и Главполитпути.

Верно: Заведующий издательством М. Горький
Заведующий распространением [1]

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 9, лл. 81—82.— Подлинник.

№ 16

Отношение Комиссии ЦК РКП(б) заведующему Госиздатом С. М. Заксу-Гладневу о выдаче А. М. Горькому денег для издательства «Всемирная литература»

22 сентября 1920 г.

Комиссия Центрального Комитета партии предлагает Вам немедленно выдать М. Горькому шесть миллионов рублей для работ по исполнению договора между Воровским и Гржебиным.

Комиссия постановила отложить все вопросы об исполнении пересмотра договора до приезда Гржебина из-за границы, для ускорения которого она принимает соответствующие меры. Комиссия предлагает тов. Заксу, до рассмотрения вопроса книгоиздательства Гржебина Комиссией, ни в коем случае не осложнять и не затруднять работу тов. Горькому в Петрограде и за границей по книгоиздательству и поэтому требует с его стороны внимательного и бережного отношения к этому делу.

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 27, л. 94.— Подлинник.

№ 17

Письмо народного комиссара просвещения А. В. Луначарского А. М. Горькому о реорганизации работы издательства «Всемирная литература»

Не позднее 13 декабря 1920 г. [2]

Дорогой Алексей Максимович!

Я говорил сегодня с тов. Вейсом [12)], который изложил мне точку зрения Государственного издательства. Вашей точки зрения я не знаю, поэтому ни к какому выводу не прихожу. Но кажется мне, что точка зрения Госиздательства для Вас приемлема и как будто бы совершенно отвечает создавшимся условиям.

Государственное издательство продолжает стоять на той точке зрения, что редакционный аппарат «Всемирной литературы» должен сохранить полную самостоятельность с тем, однако, условием, совершенно неизбеж-

---

[1] Подпись неразборчива.

[2] Датируется на основании док. № 18, к которому приложена копия этого письма.

ным, с точки зрения урегулирования всего книжного притока, что новые договоры, им заключаемые, поступают на утверждение редакционной тройки. Можно, конечно, оговорить, чтобы из этого не вытекало никаких длинных проволочек.

Что же касается издательского отдела, технической стороны, то Государственное издательство предлагает взять ее в общую организацию Петроградского отдела Государственного издательства и перебраться для этого на Невский, 28, причем, конечно, Государственное издательство гарантирует своевременный выход в свет книг, принятых редакцией.

Насколько я убедился из отчета о[1] «Всемирной литературе», представленного мне тов. Вейсом, дело идет очень медленно и лениво, вероятно, не по вине технического аппарата, но во всяком случае от такого слияния произойдет скорей ускорение, чем замедление.

Тем не менее я очень прошу Вас возможно в скорейшем времени сообщить мне Ваше мнение по этому поводу.

Необходимые для оплаты редакторской работы и всех гонораров суммы будут ассигноваться и впредь Государственным издательством невозбранно.

Нарком по просвещению А. Луначарский

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 27, л. 99.— Копия.

№ 18

Письмо А. М. Горького А. В. Луначарскому о работе издательства «Всемирная литература»

13 декабря 1920 г.

Дорогой Анатолий Васильевич,

Я получил Ваше письмо[2], в котором Вы предлагаете мне высказать свое мнение по поводу «Всемирной литературы». К сожалению, должен признать, что условия, предлагаемые тов. Вейсом, по моему глубокому убеждению, не только не облегчат работу «Всемирной литературы», но создадут ряд ненужных затруднений.

Вы предлагаете сохранить «полную самостоятельность редакционного аппарата издательства» и в то же время настаиваете, чтобы все договоры, заключаемые издательством, поступали предварительно на утверждение Государственного издательства. Зачем? Если для того, чтобы контролировать выбор книг, то где же полная самостоятельность редакционного аппарата? Выбором книг издательства ведает коллегия специалистов, компетенция которой в этом вопросе вне подозрений. Составленный коллегией каталог подвергает уже оценке не только русских, но и заграничных специалистов. Отзывы таких авторитетов, как Уэллс, Ан. Франс, Королевская библиотека в Стокгольме, могут послужить достаточными рекомендациями. Будучи бесполезной по существу, процедура представления договоров в Государственное издательство вызовет неизбежную и бесконечную волокиту. Дело в том, что издательство заключает договоры на переводы и редактирование каждого отдельного произведения, а иногда даже и на каждую часть его. Ежедневно заключается 5—10 договоров. Общая сумма заключенных договоров превышает 1500. Сколько времени

[1] В тексте — «к». В деле отчет не обнаружен.
[2] См. док. № 17.

займет у Государственного издательства просмотр и утверждение всего этого материала? Сколько времени займет пересылка, переписка и неизбежные в таких случаях пререкания? А главное, зачем и кому это нужно?

Я допускаю, что Государственное издательство может интересоваться учетом получаемого материала, но для этого достаточно, если «Всемирная литература» будет посылать, хотя бы ежемесячно, отчеты о всех поступающих к ней рукописях. Издательство охотно исполнит эту обязанность.

Вы пишете, что работа издательства идет «очень медленно и лениво». За время своего существования «Всемирная литература» изготовила около 8000 печатных листов текста, что составляет 400 отдельных томов. Полагаю, что за полтора года это не так мало, особенно принимая во внимание те тяжелые условия, в которых находятся литературные работники, и, главным образом, ту несообразно низкую оплату, которую они получают за свой труд. До сих пор ни Наркомпрос, ни Госиздат не сделали ничего, чтобы улучшить эти условия. Издательству пришлось своими силами преодолевать эти затруднения. Оно организовало самостоятельный закупочный аппарат для снабжения сотрудников продовольствием в виде добавочного гонорара, а также добилось некоторого количества трудовых пайков. Не имея возможности снабдить ими всех своих сотрудников, число которых превышает 300 человек, издательство выделило группу лучших работников (50 переводчиков и 30 редакторов), обязав их взамен пайка, выполнять ежемесячный минимум (3 листа для переводчиков и 5 листов для редакторов). Таким образом, минимальная производительность в месяц исчисляется в настоящее время в 150 печатных листов переведенного и прередактированного текста. На самом деле цифра эта значительно выше, так как всякий лист сданного свыше нормы материала оплачивается особой премией.

Вы видите, что издательство сделало для поднятия производительности все, что было в его силах, и упрекать его в лености вряд ли справедливо.

Вы предлагаете «влить издательский отдел и технический аппарат «Всемирной литературы» в общую организацию Государственного издательства» в надежде, что от этого слияния произойдет ускорение и улучшение работы. Я против этой меры. Технический аппарат «Всемирной литературы» составляет ее типография (бывш. «Копейка»), комиссаром которой я состою с момента основания издательства. За все это время типография «Копейка» работала не только не хуже других петроградских типографий, а наоборот, превышала большинство из них своей производительностью и организованностью. Лучшим тому доказательством может послужить тот факт, что всякий раз, когда местная полиграфическая секция делала попытки национализировать «Копейку», Высший совет народного хозяйства решительно противился этой мере и не далее как на днях Высший совет народного хозяйства нашел необходимым изъять типографию «Копейка» из общего декрета о национализации всех промышленных предприятий Петрограда и оставить ее в распоряжении «Всемирной литературы», полагая, вероятно, что современное ее положение служит лучшим залогом ее благосостояния в будущем. При этих условиях я не вижу иных оснований, кроме стремления к централизации во что бы то ни стало, для того, чтобы менять как-либо существующую организацию типографии.

Кроме того, насколько я знаю, Госиздат в Петрограде не имеет теперь самостоятельного технического аппарата, так как все петроградские типографии, кроме «Копейки», национализированы. Таким образом, и сливаться нам, в сущности, не с чем. При таких условиях слияние означало бы добровольную национализацию «Копейки», что, во-первых, противо-

речило бы намерениям Высшего совета народного хозяйства, а во-вторых, не сулит в близком будущем ничего хорошего: это скажет Вам всякий, кто знаком на практике с положением национализированных петроградских типографий. Недаром Государственное издательство со своей стороны в течение долгого времени всячески старалось избежать национализации занятых им типографий.

Я полагаю, что рациональный план работы заключается теперь в том, чтобы оставить «Копейку» по-прежнему в распоряжении «Всемирной литературы»; использовать ее также для печатания книг Госиздата. В типографии имеется достаточное количество свободных технических средств, занятых теперь заказами различных советских учреждений, взамен которых «Всемирная литература» охотно возьмет заказы Госиздата.

Что касается издательского отдела, то такового во «Всемирной литературе» не имеется как отдельной организации, и я не понимаю, о чем конкретно в этом случае идет речь.

У Вас может возникнуть вопрос, чем же в таком случае объяснить малую производительность «Всемирной литературы» в отношении выпущенных ею книг.

За все время работы издательство напечатало всего лишь 476 печатных листов, т. е. около 6% имеющегося в рукописях материала. Ответ простой: нам не дают бумаги. Отказ дать бумагу мотивируется обычно двумя соображениями: 1) общим недостатком бумаги в Советской России, 2) тем, что издания «Всемирной литературы» не пригодны в качестве материала для агитации и пропаганды.

Считаясь с таким положением дел, издательство весной этого года остановилось на мысли перенести печатание своих книг за границу. Идея эта встретила сочувствие бывшего заведующего Госиздатом тов. Воровского, который ассигновал для этой цели из средств Госиздата некоторое количество валюты. План этот был утвержден особым постановлением Совнаркома, вследствие чего представитель издательства А. Н. Тихонов выехал за границу для организации там печатания книг. Вернувшись в Россию, А. Н. Тихонов представил доклад, в котором он, констатируя полную возможность осуществить за границей печатание русских книг, дает все необходимые практические сведения для составления смет и договоров. Я посылаю Вам копию этого доклада и очень прошу Вас, ознакомившись с ним, содействовать тому, чтобы «Всемирной литературе» дана была возможность печатать часть своих изданий за границей.

Но как бы ни разрешился этот вопрос, «Всемирной литературе» необходимо иметь некоторое количество бумаги здесь, в России, чтобы питать типографию. В целях наиболее рационального использования бумаги издательство готово печатать в первую очередь только те книги, которые соответствуют требованиям момента. Таких произведений в художественной литературе Запада, как Вы знаете, немало. Выбор их зависит от Госиздата. Так это было и раньше. Мы представляли на усмотрение Воровского список книг, предполагаемых к печати, он отметил из них те, которые должны были идти в первую очередь, и на эти книги отпускалось соответственное количество бумаги. Мне кажется, что такой порядок не может и теперь вызвать никаких возражений.

Мое письмо приняло размеры целого доклада, но мне хотелось поближе познакомить Вас с действительным положением «Всемирной литературы» и тем дать возможность с фактами в руках отстаивать ее интересы от покушений не в меру усердных реформаторов. Вы, я полагаю, понимаете огромное культурное значение «Всемирной литературы». За полтора года работы издательство сосредоточило около себя все наиболее видные литературные силы и сделалось естественным центром культурного обще-

ния, не говоря уже о том, что она является для огромного количества сотрудников единственным источником их заработка. Все это заставляет относиться с большой осторожностью к возможным переменам в ее организации тем более, что надобности в них, я повторяю, нет никакой.

Во всяком случае я прошу Вас не предпринимать в отношении «Всемирной литературы» никаких мероприятий, не переговорив со мной или А. Н. Тихоновым. В скором времени или я, или А. Н. Тихонов будем в Москве и можем, если Вы пожелаете, обсудить совместно создавшееся положение.

М. Горький

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 27, лл. 96—98.— Машинописный подлинник с автографом А. М. Горького.

№ 19

Тезисы доклада А. М. Горького о печатании за границей изданий «Всемирной литературы»

16 февраля 1921 г.

1) «Всемирная литература», обладая запасом готовых рукописей в 8000 печатных листов, выпустила в свет всего лишь 500 печатных листов, т. е. около 6% своей производительности. Такое положение ненормально, невыгодно в финансовом отношении и грозит остановкой работ издательства.

2) Ввиду все обостряющегося бумажного кризиса нет надежды, что положение «Всемирной литературы» в близком будущем в этом отношении улучшится.

3) Принимая во внимание, что многие книги, издаваемые «Всемирной литературой», имеют большое значение в качестве материала для пропаганды и также считаясь с культурными потребностями страны, следует признать, что дальнейшая деятельность «Всемирной литературы» во всех отношениях желательна.

4) «Всемирная литература» имеет возможность печатать свои издания и притом с минимальными затратами в случае, если:

а) печатание книг будет перенесено за границу,

б) часть издаваемых книг распродаваться на заграничном рынке.

5) Калькуляция (предварительная).

По данным издательства Боньера (Стокгольм) и издательства Ладыжникова (Берлин), русские книги продаются в Европе, не считая Америки, в количестве от 5—10 тыс. экз. Возьмем минимальную цифру: 5000 экз.

Себестоимость книги размера «Всемирной литературы» (20 печатных листов, при тираже в 10 000 экз.) равняется для Германии (по точным данным, имеющимся у З. И. Гржебина) — 5 германским маркам.

Продажная цена книги в настоящее время — 20 марок.

За вычетом 50% на скидку книгопродавцам и организационные расходы — чистая прибыль книги равняется 5 германским маркам.

Иными словами: каждая проданная за границей книга дает возможность выслать в Россию бесплатно один экземпляр.

Для организации дела потребуется оборотный фонд в один миллион германских марок для выпуска первых двадцати книг.

При умелой организации рынка и включении в него Америки и Чехословакии имеется возможность значительно увеличить заграничный ти-

раж книг. При этом условии Советская Россия может иметь почти бесплатно от 10 до 15 тыс. экз. каждой книги, изданной за границей.

6) Ввиду вышеизложенного я предлагаю:

а) перенести печатание «Всемирной литературы» в Германию, ассигновав для этого один миллион германских марок в качестве оборотного фонда.

б) командировать в Германию представителя «Всемирной литературы», поручив ему совместно с имеющимся в Берлине советским издательским аппаратом организовать печатание и продажу книг «Всемирной литературы».

Заведующий издательством «Всемирная литература»
М. Горький

16/II—1921 г. Москва.

На документе имеется помета: Тов. В. И. Ленину.

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 13, д. 1-а, л. 68.— Подлинник.

№ 20

Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК РКП(б) о печатании за границей книг «Всемирной литературы»

27 апреля 1921 г.

Слушали:

О печатании за границей книг «Всемирной литературы».

Постановили:

а) Признать принципиально желательным печатание книг «Всемирной литературы» в Германии с тем, что часть книг будет продаваться на заграничном рынке, другая часть — поступать в Россию в распоряжение Госиздата. Весь заграничный аппарат находится в руках «Всемирной литературы». Госиздату принадлежит право контроля и выбор рукописей для печати.

б) Командировать в Германию представителя «Всемирной литературы» с поручением организовать там печатание и распространение книг «Всемирной литературы» в непосредственном контакте с представителями РСФСР.

в) Определение сумм, которые должны быть выданы «Всемирной литературе» как оборотный фонд, а также способа контроля над расходованием этих средств поручить выработать тов. Лежаве в недельный срок.

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 27, л. 30.— Заверенная копия.

№ 21

Из доклада заведующего издательством «Всемирная литература» А. Н. Тихонова редакционной коллегии Госиздата о деятельности издательства

19 апреля 1923 г.

Деятельность издательства с 1918 по 1922 гг.

Издательство «Всемирная литература» основано в конце 1918 г. М. Горьким и А. В. Луначарским, в качестве подсобного предприятия при Наркомпросе.

Цель издательства — переводить и печатать по-русски переводы наиболее значительных произведений иностранной литературы.

Работа издательства велась в двух направлениях: 1) по литературе Запада, за период времени от Великой французской революции и до наших дней, 2) по народной словесности и литературе Ближнего и Дальнего Востока.

Работами издательства руководила редакционная коллегия, состоявшая из 20 видных специалистов по истории западной и восточной литературы. Во главе издательства встал М. Горький.

Первым заданием редколлегии было — выработка плана редакционной работы, который и был закреплен в виде 2 изданных «Всемирной литературой» каталогов — западной и восточной литературы. Вся дальнейшая деятельность издательства происходила в рамках этих каталогов.

В течение первых 2 лет редакционная работа издательства велась в очень широких размерах — число литературных сотрудников издательства, переводчиков и редакторов, достигало 350 человек, ежегодный приток рукописей — до 2500—3000 печатных листов. Такой широкий размах объяснялся, с одной стороны, обязательствами издательства по отношению к Наркомпросу, которому издательство должно было по договору сдавать ежегодно не менее 300 томов, а с другой стороны — желанием Советского правительства оказать нуждающимся литераторам материальную поддержку путем предоставления им переводной работы. Последняя, чисто благотворительная цель вытекала из несколько своеобразной роли издательства в политической жизни страны. По замыслам инициаторов издательство должно было служить как бы некоторым связующим звеном между Советской властью и литературной интеллигенцией. Кроме того, факт существования издательства с такими широкими культурными заданиями и блестящим составом сотрудников, куда входили почти все видные представители русской литературы, был использован также за границей как показательный пример культурных мероприятий Советской власти. Для этой цели каталоги издательства, тщательно изданные на 4-х языках с предисловием М. Горького, были отправлены многим выдающимся представителям европейской литературы и получили лестные отзывы в европейской прессе. Таких же отзывов издания и работа издательства удостоились, по словам Ионова, и на Флорентийской книжной выставке 1922 г.[13)].

С возникновением в 1920 г. Госиздата[14)] «Всемирная литература» механически была отчислена в его ведение и продолжала работать по прежней программе и в прежнем масштабе.

При указанных выше условиях (благотворительный характер деятельности издательства) и при ненормальной технической обстановке того времени, редакционная работа «Всемирной литературы» значительно опережала чисто издательскую деятельность; поступавшие в редакцию в большом количестве рукописи не успевали печататься и в результате в портфеле издательства мало-помалу накопился огромный запас (около 6000 печатных листов) неиспользованных рукописей. Все нарастающая разруха типографского дела, с особой силой сказавшаяся в 1921 г., еще более усиливала это несоответствие. Тем не менее, со времени своего основания и до перехода на хозрасчет, т. е. с 1919 по 1922 г., «Всемирная литература» выпустила в свет 59 названий книг, 548 листов текста, что при тиражах от 10 до 20 тыс. каждой книги составило 931 000 экземпляров книг или 7 142 000 оттисков текста, производительность по тому времени весьма значительная.

Выпускаемые «Всемирной литературой» книги разбивались на 2 главные серии:

1) Основную (большого формата), предназначаемую для дополнения школьных и других библиотек и состоящую из наиболее значительных произведений европейской литературы и

2) Народную (малого формата) — для широкого распространения в массах и потому состоящую из книг более доступных по теме и изложению.

Что касается работ Восточного отдела «Всемирной литературы», то они с первых же дней приняли характер чисто академической, научно-исследовательской деятельности, и заключались, главным образом, в научном переводе и обработке литературных памятников Востока, причем некоторые из исполненных этим отделом работ (как например: ассиро-вавилонский эпос, монгольско-ойратский эпос, некоторые переводы с китайского и др.) расцениваются специалистами как крупные научные открытия, имеющие общеевропейское значение.

Помимо редакционной и издательской деятельности «Всемирная литература» явилась также инициатором некоторых подсобных культурных начинаний, из которых следует прежде всего отметить организованную ею студию художественных переводов, где под руководством таких специалистов, как Блок, Гумилев, Чуковский, Горький, Замятин, Лозинский и др. преподавалась теория художественного перевода и велись практические занятия. Теоретические изыскания студии закреплены в изданной «Всемирной литературой» книге (в 2-х изданиях) «Принципы художественного перевода», практическим же последствием был выпуск значительного кадра опытных переводчиков, оказавших издательству большую помощь в его работе. Деятельность студии продолжается и в настоящее время. В студии производятся опыты коллективного перевода, результатом этого опыта явится выходящая в близком будущем книга перевода стихов Эредиа.

Вторым крупным начинанием «Всемирной литературы» явилась собранная ею библиотека иностранных книг. Возникшая из насущной потребности издательства в иностранной литературе, она вскоре приобрела самодовлеющее значение и, постепенно пополняемая, содержит в настоящее время около 80 000 томов иностранной художественной литературы, являясь, таким образом, не только самым полным в России собранием иностранных книг, но также одним из крупнейших, посвященных этому предмету книгохранилищ Европы [15)].

Так развивалась работа «Всемирной литературы» вплоть до 1 апреля 1922 г., который составил в жизни издательства некоторую новую эру, так как в начале этого года Госиздат, а вслед за ним «Всемирная литература» перешли на начала хозяйственного расчета... [1]

ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, д. 119-а, лл. 285—288.— Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Главбум — Главное управление государственными предприятиями бумажной промышленности ВСНХ.— 73.

2) Правбум — Петроградское отделение Главбума.— 73.

3) Фраза «...Левбума или какого-либо иного бума» — ироническое выражение Л. Б. Красина. Учреждения под названием «Левбум» не существовало.— 74.

---

[1] Отчет о деятельности издательства «Всемирная литература» дан по 1 апреля 1923 г., так как в дальнейшем А. М. Горький издательством не руководил.

4) Докладная записка об издании русской художественной литературы XVIII и XIX вв. была подана А. М. Горьким в Наркомпрос 19 декабря 1918 г. (См. «Красный архив», № 5 (78), 1936, стр. 250—252). Издание серии книг русских писателей впоследствии было осуществлено Госиздатом.— 74.

5) 21 ноября 1918 г. было подписано дополнительное соглашение к договору от 4 сентября 1918 г., касающееся издательско-технической части (См. ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 9, л. 3).— 76.

6) Севпрос — Комиссариат по просвещению Союза коммун Северной области.— 80.

7) А. Грин — псевдоним русского писателя А. С. Гриневского (1880—1932). В документе ошибочно написано «С. Грина».— 80.

8) В решении говорится:
«1. Впредь до восстановления полиграфической промышленности и достаточного снабжения ее бумагой признать необходимым печатание за границей наиболее важных для страны изданий.
2. Просить Совет Народных Комиссаров забронировать некоторый фонд для оплаты расходов по печатанию книг за границей.
3. Предварительно определение размеров вышеуказанного фонда Наркомвнешторг представляет на усмотрение Председателя Совета Народных Комиссаров...».
Далее определяется порядок открытия Наркомвнешторгом соответствующего кредита Госиздату и разрешения заграничной командировки Гржебину, Тихонову и другим сотрудникам издательства «Всемирная литература» для выяснения условий печатания советских изданий (См. ЦГАОР СССР, ф. 413, оп. 3, д. 207, л. 111).— 83.

9) Оба заявления (от 17 июля 1920 г.) касаются финансирования «Всемирной литературы»: первое — о выдаче издательству 10 миллионов думских знаков для печатания книг за границей; второе — об отпуске 10 миллионов советских знаков для оплаты работы редакторов и сотрудников издательства Гржебина. (См. ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 6, д. 27, лл. 9, 12).— 84.

10) Гуковский И. Э. (1871—1921) — полпред РСФСР в Эстонии.— 84.

11) Думские знаки — кредитные билеты с изображением Государственной думы, выпущенные Временным правительством. Выпуск и обращение думских знаков продолжались до ноября 1921 г.— 84.

12) Вейс Д. Л.— заместитель заведующего Госиздатом.— 87.

13) См. «Каталог русского отдела Международной книжной выставки во Флоренции в 1922 г.». Госиздат, М.— П., 1923 г.— 93.

14) В документе неточность: Государственное издательство РСФСР создано весной 1919 г. на базе издательств ВЦИК, «Коммуниста», Наркомпроса, Петроградского и Московского Советов депутатов и кооперативных организаций. Положение об организации и функциях Госиздата было утверждено ВЦИК и опубликовано в «Известиях ВЦИК», № 108, 21 мая 1919 г. (См. СУ, 1919, № 20, стр. 244).— 93.

15) М. Горький принимал деятельное участие в комплектовании библиотеки «Всемирной литературы». Сохранилось отношение издательства за подписью М. Горького в Центральный учетно-распределительный комитет Наркомпроса от 23 октября 1920 г. с просьбой разрешить издательству отобрать книги из национализированных книжных магазинов в Петрограде (См. ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 101, л. 174).— 94.

ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ИНДОНЕЗИЙСКОГО НАРОДА

(20-е — 70-е годы XIX в.)

В известном труде «Критические заметки по национальному вопросу» В. И. Ленин писал: «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм» [1].

Всестороннее изучение и анализ этих тенденций на конкретном историческом материале является одной из важнейших задач советской исторической науки. Наши историки создали немало серьезных монографий о развитии национального вопроса в Европе в период капитализма. Хуже обстоит дело с изучением национальных движений на Востоке. Особенно это относится к Индонезии, Таиланду и Вьетнаму. Поскольку подобное положение объясняется в значительной степени узким кругом источников и литературы, то, естественно, большую ценность приобретает каждый новый документ, рассказывающий о славных страницах борьбы восточноазиатских народов против иностранных захватчиков за свободу и независимость своей родины.

Ниже впервые публикуются документы о национально-освободительном движении в Индонезии, представляющие собой донесения русских посланников в Нидерландах (владевших тогда Индонезией) в Министерство иностранных дел.

Как известно, царская Россия не преследовала каких-либо захватнических целей в Индонезии. Между двумя странами не существовало и прямых торговых связей. Эти обстоятельства придавали беспристрастность и достоверность информации о положении дел в Индонезии, сообщаемой русскими посланниками. В своих донесениях они приводили немало фактов об экономических и социальных условиях на Яве, Борнео и Суматре, о жестоком угнетении местного населения голландскими колонизаторами, о национально-освободительной борьбе индонезийского народа, продолжавшейся в течение всего XIX в., о методах колониальной политики голландской буржуазии. Источником сведений для русских дипломатов по упомянутым вопросам служили официальные сообщения с Явы, беседы с королем и государственными деятелями Нидерландов, дебаты в Генеральных штатах.

Необходимо остановиться на некоторых особенностях публикуемых документов. Прежде всего следует отметить, что их авторами были царские чиновники — крепостники, которые, конечно, не могли сочувствовать национально-освободительному движению.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 11.

Другой особенностью публикуемых документов является то, что в них приводятся без особых подробностей сведения только о главных событиях в Индонезии.

Сказанное отнюдь не умаляет значения публикуемых документов как важного источника по истории национально-освободительного движения в Индонезии. Однако для лучшего их понимания необходимо хотя бы вкратце остановиться на основных чертах исторического развития Индонезии в этот период.

Индонезийский архипелаг, являвшийся главным поставщиком пряностей на азиатские и европейские рынки, издавна привлекал к себе внимание Англии и Голландии. Уже в начале XVII в. на Яве появились первые фактории этих государств. В дальнейшем Яву и прилегающие острова захватили голландцы. Нидерландская Ост-Индская компания, методы которой, по выражению К. Маркса, представляли «...бесподобную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей» [1], хищнически эксплуатировала индонезийцев, заставляя их силой возделывать культуры (кофе, сахарный тростник, гвоздику), которые пользовались большим спросом в Европе. Народ не раз восставал против таких порядков, но все восстания жестоко подавлялись голландцами.

В начале 1800 г. Ост-Индская компания была упразднена, а ее владения перешли в руки государства. В 1811—1815 гг. Индонезией владела Англия. После крушения наполеоновской империи голландцы вновь овладели Индонезией. Место Ост-Индской компании заняло Нидерландское торговое общество, главным акционером которого был сам король. Начался период еще более зверской эксплуатации местного населения.

Однако свободолюбивый индонезийский народ не подчинился чужеземным захватчикам и начал против них борьбу. Первым крупным народным движением было восстание на Яве в 1825—1830 гг. под руководством Дипо Негоро. «Восстановление голландского правления в Индонезии явилось сигналом для сопротивления на каждом из пяти больших островов. Центральная Ява стала полем боя. Война, которая началась как протест против настойчивости голландских войск в строительстве дороги через султанат Джокьякарту в 1825 г., длилась пять лет. Особенно трудно было умиротворить Суматру» [2].

Руководитель восстания на Яве Дипо Негоро принадлежал к княжескому роду Джокьякарты. Будучи противником европейского господства, он приобрел огромную популярность и поддержку народа. Восстание на Яве, принявшее широкие размеры, грозило ликвидацией голландского господства. Публикуемые донесения русского посланника в Нидерландах Гурьева, свидетельствующие о большой тревоге правящих кругов Нидерландов за судьбу своих колоний, рассказывают о ходе восстания. Так например, 10/22 апреля 1828 г. он сообщал о поражении крупного голландского отряда под командою полковника Нагюйса (см. док. № 16). В конце концов в результате измены некоторых султанов и предательского пленения Дипо Негоро голландцам удалось подавить восстание на Яве. Жители же Суматры продолжали свою борьбу до 1837 г.

В 1830 г. в Индонезии была введена система принудительных культур. Смысл ее сводился к тому, что местное население должно было возделывать главным образом культуры, идущие на экспорт в Европу, и весь урожай сдавать голландским колонизаторам. Посевы продовольственных культур, главной из которых был рис, резко сокращались. Население полностью закабалялось.

Уже через несколько лет после введения этой системы сильно расширились посевы индиго, гвоздики, корицы, сахарного тростника, кофе за счет сокращения посевов риса. Вытеснение товарными культурами основного продукта — риса — приводило к ужасному голоду. Малейший неурожай риса грозил голодной смертью сотням тысяч крестьян. Неурожаи и голод сделались постоянным бичом жестоко и хищнически эксплуатируемого населения Индонезии. В то же время кучка голландской буржуазии наживала огромные барыши. Так, за период с 1849 по 1866 г. было получено от эксплуатации колоний 472 613 656 флоринов чистой прибыли [3].

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1953, стр. 755.
[2] D. Woodman. The Republic of Indonesia, London, 1955, p. 9.
[3] См. АВПР, ф. Канцелярия, 1866 г., д. 121.

Система принудительных культур была отменена лишь в 1870 г. по настоянию голландских промышленных кругов, требовавших новых методов эксплуатации колоний, так как им была невыгодна крепостная система и запретительная таможенная политика в Индонезии.

Тяжелое угнетение местного населения с помощью системы принудительных культур и непрерывные военные походы голландцев для расширения своих владений приводили к усилению национально-освободительной борьбы индонезийского народа. Особенно крупный размах имело народное восстание в Банджермасине на Восточном Борнео в 1859 г., вспыхнувшее под влиянием восстания сипаев в Индии, через которую проходили в Мекку и обратно мусульманские паломники с Суматры (см. док. № 36). Серьезное сопротивление оказали голландским колонизаторам свободолюбивые жители султаната Ачин (северная часть Суматры). Только в 1912 г. нидерландским войскам удалось полностью подчинить Ачин.

Народные восстания в Индонезии, о которых идет речь, долголетняя упорная борьба народа за свое освобождение не привели тогда к победе над голландцами. Восстания эти были разрозненны и стихийны, у восставших отсутствовало современное оружие, не имели они и организации, которая бы направила их возмущение в русло общенациональной борьбы.

Тем не менее народные движения XIX в. в Индонезии сыграли большую историческую роль. Они подрывали господство голландских захватчиков и служили хорошей школой для послецующей борьбы индонезийского народа за свое национальное освобождение. Традиции героического прошлого и ныне вдохновляют народ Индонезии на дальнейшее укрепление и развитие своей независимой республики, которая возникла в результате тяжелых жертв и самоотверженной борьбы ряда поколений. Неудивительно, что даже в самом бедном индонезийском доме, в любом общественном помещении висят ныне портреты Дипо Негоро и других народных вождей XIX в. рядом с портретом президента Сукарно [1].

Публикуемые документы, освещающие славную историю дружественного нам народа, несомненно привлекут к себе внимание всех занимающихся изучением истории Индонезии.

Документы хранятся в Архиве внешней политики России (АВПР). Большинство из них (за исключением док. №№ 9, 36, 37, 42—45) дается в извлечениях, которые в каждом отдельном случае не оговариваются; составителем опущены места, не имеющие отношения к Индонезии и касающиеся событий внутренней жизни Нидерландов и их внешней политики. В заголовках к документам должности адресантов — русских посланников и поверенных в делах в Нидерландах — не указываются, а должности адресатов указываются только первый раз. Все документы — подлинники на французском языке.

О. Ф. Соловьев

№№ 1—17

Н. Д. Гурьев — управляющему МИД России К. В. Нессельроде

№ 1

Брюссель, 16/28 января 1826 г.

Слухи, распространившиеся из Англии о массовом восстании туземцев острова Ява, вызванном фанатизмом и ненавистью против европейцев, до сих пор не подтверждены и не опровергнуты в официальных правительственных газетах. Если восстание является всеобщим, то численное превосходство 4 миллионов яванцев над 30 тысячами европейцев угрожает этим последним самой серьезной опасностью, а правительство должно было бы прибегнуть к тяжелым жертвам, чтобы сохранить владение, от которого оно легко не откажется, и Торговое общество увидело бы кру-

[1] См. D. Woodman. Op. cit. p. 10—11.

шение большей части своих надежд, основанных на эксплуатации колоний, центром которых является остров Ява.

Пост-скриптум. Я вскрываю конверт, чтобы иметь честь информировать ваше превосходительство, что американский корабль, отплывший из Батавии 19 сентября прошлого года, доставил в Амстердам письма, которые, хотя и не носят официального характера, но, по-видимому, достойны доверия. Письма содержат важные новости о решительной победе над яванскими повстанцами 13 сентября 1825 г. Победу одержали генералы Кок и Ван Геен, командовавшие нидерландскими войсками в составе 700 европейских солдат, к которым присоединились гражданские служащие, так как опасность заставила их принять это решение, а также 3000 индийцев, находящихся на службе у колониального правительства. Повстанцы, насчитывавшие 7000 человек, были разбиты вблизи Семаранга, взяты в плен, убиты или рассеяны. Хотя восстание и было весьма крупным по числу участников, оно не было столь всеобщим, как это утверждали, поскольку из писем явствует, что самые могущественные яванские султаны Суракарты и Джокьякарты не приняли в нем никакого участия.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 883, лл. 11—12.

№ 2

Гаага, 25 января/6 февраля 1826 г.

Известие о решительном сражении, которое якобы имело место 13 сентября между нидерландскими войсками и яванскими повстанцами, о чем я сообщал в депеше № 3[1], не было подтверждено письмами от 1 октября, недавно полученными из Батавии. В них говорится, что в этом городе была создана буржуазная гвардия и что, как полагают, оборонительные меры, предпринятые генералами Коком и Ван Гееном, расстроят планы повстанцев, либо вынудят их принять общее сражение, в благоприятном исходе которого, по-видимому, нет оснований сомневаться. Генерал-губернатор Нидерландской Индии трассировал на метрополию векселя на сумму в один миллион флоринов, чтобы покрыть срочные чрезвычайные расходы, вызванные интересами поддержания безопасности на острове Ява.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 883, л. 32.

№ 3

Гаага, 27 февраля/11 марта 1826 г.

Правительство получило официальные известия из Батавии о событиях вплоть до 15 октября. В них говорится о различных успехах, одержанных поочередно нидерландскими войсками и яванскими повстанцами, что позволяет предполагать, что восстание серьезно и весьма широко распространено.

Правительство решило отправить в свои колонии в Восточной Индии подкрепление в составе 2 тысяч волонтеров, которые в настоящее время готовятся к погрузке, причем перевозка каждого из них обходится в 700 флоринов.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 883, л. 63.

---

[1] См. док. № 1.

№ 4

Гаага, 18/30 апреля 1826 г.

В связи со всеобщим избытком товаров, колонии являются единственным выгодным для Нидерландов рынком. Сейчас король все свое внимание направляет на то, чтобы привести в порядок колониальную систему и установить преференции для метрополии. Главным агентом, который должен руководить производством и развивать торговые связи между колониями и их метрополией, является Торговое общество. Но результаты его операций разрушили возлагавшиеся на него надежды. Его капитал даже несколько уменьшился, а внутренние войны, спустошающие Яву — средоточие силы и богатств Индонезийского архипелага, вызывают серьезную неуверенность в будущем.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 883, л. 124.

№ 5

Гаага, 21 мая/2 июня 1826 г.

Согласно официальным известиям из Батавии от 21 декабря 1825 г., в главных центрах колониального правления, по-видимому, восстановлено спокойствие, но во внутренних частях страны продолжают существовать многочисленные отряды повстанцев, а нидерландские войска еще не одержали против них решительной победы.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 883, л. 130.

№ 6

Брюссель, 5/17 октября 1826 г.

[*Излагая тронную речь короля на сессии Генеральных штатов* [1]*, Гурьев пишет:*]

Часть речи, посвященная внутреннему положению нидерландских колоний в Восточной Индии, не внушает уверенности в возможность быстрого восстановления порядка на этих территориях, слишком удаленных, чтобы получать достаточно эффективную помощь от метрополии. По самым последним известиям из Батавии, войска Нидерландов продолжают быть хозяевами укрепленных пунктов, но сельские местности по-прежнему кишат повстанцами. Эти последние избегают сражений с войсками и составили план истощить силы европейцев при помощи нездорового климата и усталости. Такой метод войны в конце концов может обеспечить им преимущество.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 883, л. 136.

№ 7

Брюссель, 3/15 ноября 1826 г.

Правительство усиленно занимается вооружением отряда в 3000 человек для своих колоний в Восточной Индии. Приток добровольцев, желающих вступить в отряд, превышает намеченную цифру. Английские газеты опубликовали тревожные известия по поводу всеобщего восстания, якобы вспыхнувшего на Молуккских островах в июле с. г., и которое якобы заставило отступить всех голландских служащих. Но эти слухи не получили здесь никакого подтверждения, если, впрочем, правительство не держит в секрете такого рода известий.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 883, лл. 230—231.

№ 8

Брюссель, 27 декабря 1826 г./8 января 1827 г.

В то время, как процветание Нидерландов все возрастает под непосредственным и просвещенным управлением короля, их колонии в Восточной Индии весьма далеки от столь же удовлетворительного положения. Эскадра в составе трех линейных кораблей, одного фрегата и других зафрахтованных судов, которая должна перевезти в Батавию подкрепления в 3 тысячи солдат, ожидает в Хелдере попутного ветра. Здесь высказывается мало предположений относительно эффективности этой помощи. Согласно подлинным докладам из Батавии от 3 сентября, яванские повстанцы якобы одержали ряд успехов, в результате которых нидерландские войска и их союзники были вынуждены уступить часть территории и вести оборонительные бои. Трудно утверждать что-либо определенное по поводу будущей судьбы колоний, когда подумаешь о тревожном росте мятежных настроений, укрепившихся после двух лет сопротивления среди 4 миллионов населения, об отдаленности колоний от метрополии и о недостаточности для сохранения владений средств, которыми метрополия располагает лишь благодаря большим расходам. Причины, более других способствовавшие возникновению и поддержанию беспорядков, состоят в безнравственности европейских служащих и в их притеснениях, вызвавших отчаяние предводителей племен, при которых они находились, а также в отсутствии туземной вооруженной силы, подобной той, которая поддерживает британское могущество в Индии. Тяжелое положение колониального правительства усугубляется безнадежными финансовыми трудностями. Несмотря на сокращение расходов на 10 миллионов, его годовой бюджет все еще будет обременен дефицитом в два миллиона. Непредусмотрительная и разорительная администрация, торговая система, вначале слишком свободная, а затем слишком ограниченная с некоторых точек зрения, но из которой англичане смогли извлечь выгоду и в том и в другом случае,— все это и не могло привести к другим результатам. Эти способствующие разложению причины сочетаются, кроме того, с общими влияниями, которые в наши дни уменьшают значение колониальных владений и подготавливают их освобождение.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 885, лл. 8—9.

№ 9

Брюссель, 10/22 января 1827 г.

Экспедиционный флот Нидерландов, направленный в Восточную Индию, потерпел недавно ужасное бедствие. Линейные корабли «Вассенаар» (капитан Ван Шпенглер) и «Ватерлоо» (капитан Ван Дален), на борту которых помимо экипажа находилось около 1600 пехотинцев, отплыли 12 сего месяца из Текселя в Батавию. 14 числа они были захвачены сильной бурей и первый корабль затонул у западного берега Северной Голландии неподалеку от Эгмонта, а второго постигла та же участь вблизи северного берега Гронингенской провинции. За исключением 40 человек с «Вассенаара» весь остальной экипаж и войска, находившиеся на борту обоих кораблей, были спасены. Однако сам корабль «Вассенаар» и его груз потеряны. Что касается «Ватерлоо», то его еще надеются поднять. На этих двух кораблях находились деньги и провиант на два года.

Входивший в ту же экспедицию третий нидерландский линейный корабль «Зеландец» (капитан Лукас) поднял паруса за две недели до этого. Он также потерпел крушение, несмотря на спокойную погоду, на песчаной отмели вблизи берегов Англии при входе в Ламанш и лишь благодаря тому, что была хорошая погода, ему удалось

постепенно освободиться во время прилива. Если крушение первых двух кораблей можно считать следствием игры сил природы, сочетавшихся с трудностями плавания в тяжелых условиях Северного моря, то несчастный случай с «Зеландцем», по-видимому, свидетельствует о неспособности его капитана.

Утверждают, что первопричиной этого несчастья является та строгость, с которой адмирал Кувель исполнял предписание правительства о немедленной отправке эскадры, несмотря на настойчивые предупреждения капитана Ван Шпенглера о том, что в это время года опасно при ненадежной погоде выходить в море. Следует отметить, что за последние восемь лет на пути между метрополией и колониями погибло 6 военных кораблей королевского нидерландского флота, в том числе и два вышеупомянутых. Такие факты неслыханны в анналах английского флота.

В результате этой катастрофы силы колониальной экспедиции были ослаблены более чем на половину, причем эти силы были строго сообразованы со срочностью потребностей Явы в настоящий момент. Помимо потери значительных грузов, нужно учитывать также потерю времени, которое не менее ценно, и следует опасаться неприятной реакции в колониях по этому поводу. Однако последние известия из Батавии от 1 октября представляются более благоприятными для колониального правительства. В них говорится об отступлении повстанцев на юг острова.

Принц нидерландский Фредерик выехал вчера в Голландию для принятия мер, которых настоятельно требует крайне тяжелое положение войск, находившихся на потерпевших крушение кораблях.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 885, лл. 11—12.

№ 10

Брюссель, 29 марта/10 апреля 1827 г.

Правительство со всей поспешностью занимается тем, чтобы наверстать опоздание с отправкой части колониальной экспедиции, вызванное крушением линейного корабля «Вассенаар»: транспортные корабли уже зафрахтованы и принц нидерландский Фредерик недавно совершил поездку в северные провинции для смотра экспедиционных войск, состав которых был увеличен в результате новой вербовки. Наиболее свежие известия, полученные с Явы в отношении восстания, говорят о том, что положение остается прежним. Но в войнах такого рода продолжение прежнего положения выгодно для повстанцев, являющихся местными жителями, и позволяет им умножить средства для сопротивления.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 885, л. 69.

№ 11

Брюссель, 6/18 сентября 1827 г.

Текст речи, которую его величество должен произнести на торжественном заседании парламента по случаю открытия сессии, стал предметом интересного и живого обсуждения в Государственном совете. Вопрос заключался в том, следует ли вновь в этой речи уделить место тягостному признанию о продолжающемся бедственном финансовом положении колониальной администрации в Нидерландской Восточной Индии, несмотря на недавно полученную помощь от метрополии в виде кредита на 20 миллионов флоринов и на суровую экономию, установленную вот уже в течение двух лет Дюбюсом де Гисиги — генеральным комиссаром короля в Индонезийском архипелаге. Что касается внутреннего спокойствия этих владений, то, по-видимому,

после успехов, одержанных над повстанцами заместителем губернатора Коком в марте с. г., военные операции замедлились в ожидании прибытия экспедиционного флота, отплывшего из портов королевства в начале сего года.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 885, л. 194.

№ 12

Гаага, 2/16 октября 1827 г.

[*Гурьев, сообщая о тронной речи короля при открытии сессии Генеральных штатов, пишет:*]

Что касается внутреннего положения страны, то оно представляет собой возрастающее благополучие. Но настоящее положение нидерландских колоний в Восточной Индии еще требует новых жертв от метрополии: предложение об этом будет сделано законодательному собранию, однако это предложение не повлечет за собой увеличения бремени для налогоплательщиков.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 885, л. 194.

№ 13

Гаага, 25 ноября/7 декабря 1827 г.

После возобновления сессии парламента лишь один до некоторой степени важный вопрос занимал внимание второй палаты Генеральных штатов, собравшейся на открытое заседание. Речь идет о законопроекте относительно дополнительного займа в 2 700 000 флоринов для колоний в Восточной Индии. Те же причины, основанные на глубоких интересах промышленности, торговли и навигации королевства, которые на предыдущей сессии заставили принять закон о займе в 20 миллионов на те же цели, говорили в пользу принятия и упомянутого законопроекта. Поэтому он был одобрен палатой почти единогласно. По-видимому, на депутатов повлияло также заверение правительства, что оно приняло более благоприятную систему для ввоза в колонии товаров, произведенных на территории метрополии.

Согласно последним известиям из Батавии, восстание все еще продолжается. Повстанцы в достаточной степени снабжаются огнестрельным оружием и их операции свидетельствуют о некотором знакомстве с тактикой. Между войсками колониального правительства и повстанцами имели место довольно оживленные стычки, но без заметных результатов. Подкрепления, отправленные из метрополии, постепенно прибывают.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 885, л. 133.

№ 14

Брюссель, 6/18 декабря 1827 г.

В своей последней депеше я имел честь известить ваше превосходительство о самых последних известиях, полученных с Явы: они не давали никаких оснований предполагать близкое окончание длительной борьбы, истощающей эту колонию. Однако в последующих докладах от 22 августа, адресованных правительству Нидер-

ландов, сообщается о заключении перемирия между воюющими сторонами и можно надеяться, что вслед за этим предварительным актом последует окончательный, который восстановит мир в этих краях. Генеральный комиссар выехал в страну султанов [2] — главный центр восстания, чтобы направлять переговоры, которые должны там начаться с главой повстанцев Дипо Негоро. Для правительства Нидерландов не могло бы произойти более желательного события, чем это. Война истощила источник колониальных товаров в то время, как метрополия предпринимала дорогостоящие усилия для ее продолжения на столь далеком расстоянии и в столь губительном климате. После восстановления спокойствия эти драгоценные владения, управляемые при помощи протекционистской системы, являющейся плодом мучительного опыта, станут одним из наиболее активных средств для торгового и морского процветания королевства.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 885, лл. 238—239.

№ 15

Брюссель, 18/30 января 1828 г.

Надежды на мир, вызванные началом переговоров между нидерландскими властями на Яве и предводителями повстанцев, к несчастью сменились в тех местах возобновлением военных действий. Прилагаемое сообщение[1] генерального комиссара в Нидерландской Индии Дюбюс де Гисиги говорит об этом неприятном событии, которое якобы явилось следствием отсутствия доброй воли у повстанцев и их чрезмерных требований. Некоторые слухи, распространяющиеся из частных писем, говорят не в пользу реформ, проведенных до настоящего времени г-ном Дюбюс де Гисиги в управлении колониями. Из подобных слухов вытекает, что этот последний якобы не проявил высоких качеств, необходимых для отправления важных и трудных обязанностей, связанных с занимаемой им должностью. Этим слухам прибавляет вес приглашение, которое, как утверждают, было направлено командующему нидерландскими войсками на Яве генерал-лейтенанту Коку, прибыть в метрополию для сообщения правительству о положении в этой колонии, продолжающей находиться, несмотря на непрерывные усилия, в бедственном положении с тех пор, как ею руководят нынешние правители.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 887, л. 35.

№ 16

Брюссель, 10/22 апреля 1828 г.

Известия из Батавии от декабря прошлого года неудовлетворительны с точки зрения хода военных операций. Сообщается о поражении, нанесенном повстанческими войсками численностью от 700 до 800 человек полковнику Нагюйсу, командовавшему, правда, меньшим отрядом. Материальные потери в результате поражения менее существенны, чем моральное действие, способное поднять дух и усилить упорство яванских повстанцев, которые, наконец, увидели, как упал престиж непобедимости европейцев. Полковник Нагюйс, согласившись на выгодное предложение, лишь недавно вернулся на Яву, где он до этого служил длительное время. Полагали, что его испытанный ум, а также знание местных условий и связи, поддерживавшиеся им с вождями туземцев, позволят использовать его в качестве ценного посредника при умиротворении этой колонии.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 887, лл. 72—73.

---

[1] Сообщение не публикуется.

№ 17

Брюссель, 23 марта/4 апреля 1829 г.

Правительством получены из Батавии печальные сообщения, датируемые 14 октября, об уничтожении отряда колониальных войск на марше группой повстанцев, имевших очень большой численный перевес. Но затем были получены другие, более удовлетворительные известия от 20 ноября, относительно последствий этого дела. Противник, одержавший этот временный успех, был затем отброшен со всех сторон. Сообщается о взятии в плен великого жреца Киаи-Моджо, который является первым советником вождя бунтовщиков Дипо Негоро и имеет большое влияние на фанатично настроенных повстанцев. В Батавии льстят себя надеждой, что это событие позволит добиться определенных результатов в деле умиротворения этих краев. Многие офицеры высшего ранга, принимавшие участие в войне против яванцев и недавно вернувшиеся на родину, полагают, что колониальное правительство сможет достичь мира лишь при условии, если оно будет располагать 10 тысячами солдат. Но отправка такой большой экспедиции потребовала бы от метрополии огромных жертв, на которые палаты могли бы решиться с большим трудом. Несомненно, во всяком случае, что использованные до сих пор средства недостаточны и скорее способствуют сопротивлению повстанцев, чем кладут ему конец.

АВПР, ф. Канцелярия, оп. 468, д. 890, л. 57.

№№ 18—19

Ф. П. Мальтиц — К. В. Нессельроде

№ 18

Гаага, 13/25 ноября 1837 г.

Газеты, доставленные с Явы кораблем, отплывшим из Батавии 13 августа, подтверждают счастливое известие о том, что губернатор Молуккских островов полковник Штерс с семьей, находившийся на потерпевшем крушение пароходе «Вильгельм I», был спасен вместе с экипажем парохода шхуной колониального флота после 35 суток самых жестоких лишений на коралловом рифе Люсипара.

Тот же источник сообщает, что после боя, который, по-видимому, был весьма кровопролитным с обеих сторон, и несмотря на упорное сопротивление туземцев, голландские войска овладели крепостью Бужоль, расположенной на острове Суматра.

АВПР, ф. Канцелярия, 1837 г., д. 119, л. 215.

№ 19

Гаага, 16/28 августа 1840 г.

Письма с Явы от 10 апреля сообщают о восстании в провинции Джокьякарта, где некий служитель мусульманской религии, племянник известного Дипо Негоро, смог разжечь фанатизм местных жителей и собрал вооруженный отряд из 800—1000 человек. Военному губернатору Джокьякарты, который встал во главе 300 солдат, удалось взять в плен главу бунтовщиков и 70 его сторонников, а остальные бунтовщики разбежались. Сколь бы ни был обнадеживающим этот успех, тем не менее прискорбно узнать, что ростки недовольства существуют среди народа, насчи-

тывающего 8 миллионов душ, который считали вполне преданным голландскому правительству и который, осознав секрет своей силы, может поддаться искушению достичь независимости.

АВПР, ф. Канцелярия, 1840 г., д. 95, лл. 311—312.

№ 20

Ф. П. Мальтиц — управляющему МИД России И. И. Воронцову-Дашкову

Гаага, 15/27 февраля 1846 г.

Правительство недавно получило несчастливые известия с острова Ява. В резиденции Бантам в 13 лье от Батавии в декабре месяце произошел довольно серьезный бунт. Генерал-губернатор весьма поспешно направил туда три роты пехоты, отряд гусар и две пушки, которые форсированным маршем отправились на место восстания, и за которыми должны последовать более значительные силы. Голландский резидент и военный комендант Бантама подверглись самой большой опасности. Полагают, что эти беспорядки были вызваны двумя туземными султанами, которые были ранее приговорены нидерландским правительством к изгнанию, но, тайно вернувшись из этого изгнания за два месяца до бунта, задумали уничтожить все европейское население острова.

АВПР, ф. Канцелярия, 1846 г., д. 88, л. 108.

№№ 21—23

Ф. П. Мальтиц — канцлеру К. В. Нессельроде

№ 21

Гаага, 18/30 июля 1846 г.

Согласно последним известиям из Батавии от 26 мая, генерал-губернатор решил немедленно отправить на остров Бали экспедицию для восстановления там власти правительства. Поскольку подготовка этой экспедиции задерживалась из-за отсутствия кораблей, которые должны были прибыть из Европы, то были зафрахтованы торговые суда для немедленной переброски из Батавии двух тысяч солдат и батареи, командование которыми было поручено подполковнику Бекеру.

Уже давно колониальная администрация не собирала таких значительных сил. Придавая особо важное значение довольно сомнительному исходу подготавливавшихся боев, генерал-губернатор решил выехать в сопровождении командующего колониальной армией генерал-майора Кокиуса в Сурабайю, чтобы быть ближе к театру военных действий. Учитывая, что если бы повстанцы нанесли поражение войскам, то нидерландские власти потеряли бы весь свой престиж в глазах туземного населения, об исходе экспедиции сильно беспокоились и сожалели особенно о ее поздней отправке, так как это давало повстанцам время укрепиться в горах.

Для того чтобы облегчить торговые операции с метрополией и содействовать удовлетворению нужд азиатских колоний, г-н Рохуссен недавно учредил комиссию для изучения возможностей организации торгового флота, должным образом оснащенного и способного предоставить все желательные гарантии для регулярной торговли и для перевозки колониальных продуктов, принадлежащих правительству.

АВПР, ф. Канцелярия, 1846 г., д. 88, лл. 284—285.

№ 22

Гаага, 23 августа/4 сентября 1846 г.

Здесь с нетерпением ожидают сведений о результатах экспедиции, которую генерал-губернатор Восточной Индии должен был направить на северный берег острова Бали. Туземные султаны, которым, по имеющимся сведениям, удалось собрать 30 000 человек и совершить большие закупки оружия в Сингапуре, готовились оказать решительное сопротивление экспедиционной армии, насчитывающей 3000 человек, из которых лишь 400 солдат — европейцы. Последние сведения, полученные с Явы адмиралом Рюйком, гласили, что экспедиция должна была выйти в море 20 июня. Недели через две министр сможет получить дальнейшие сообщения, которых он ждет с некоторым беспокойством. Он не одобряет медлительности Рохуссена в подавлении восстания, которое разумнее было бы задушить в самый момент его возникновения. Вместо того чтобы действовать с соответствующей энергией и быстротой, генерал-губернатор дал туземным султанам время подготовиться к обороне. Г-н Рюйк мне сказал: «победа над ними не прибавит нам большой славы, но поражение или полууспех привели бы к самым неприятным для нас последствиям. Власть, которую мы осуществляем на Индонезийском архипелаге над местным населением, насчитывающим 12 миллионов душ, является лишь моральной властью. Султаны Явы терпят иго Европы лишь из страха перед ней и малейшая победа над нами со стороны повстанцев на острове Бали могла бы уничтожить наш престиж в глазах яванцев и возродила бы надежды, с трудом скрываемые туземными вождями этого народа».

АВПР, ф. Канцелярия, 1846 г., д. 88, лл. 329—330.

№ 23

Гаага, 13/25 сентября 1846 г.

Министр колоний недавно получил доставленные сухопутным путем депеши важного содержания от генерал-губернатора Восточной Индии.

Экспедиция, направленная г-ном Рохуссеном против острова Бали, успех которой часть общественного мнения считала сомнительным, удалась полностью. Морские и военные силы Нидерландов прибыли к острову 28 июня и после ожесточенной битвы захватили укрепления островитян, располагавших 60 пушками. На следующий день они продвинулись до пункта, являющегося резиденцией одного из туземных султанов, взяли его и сожгли дотла. После этого второго поражения султаны Бали и Каранг-Ассема, стоявшие во главе восстания, укрылись в горах и лишь через несколько дней согласились подчиниться и подписать капитуляцию, в силу которой они оплатят военные расходы и будут воздерживаться от проводившегося ими до сих пор нападения на корабли, терпящие крушение возле берега. (Следует отметить, что эта статья касается лишь кораблей, плавающих под нидерландским флагом.) На острове будет находиться голландский гарнизон, который заставит султанов выполнять взятые ими обязательства. Голландские войска потеряли в боях только двух офицеров, около тридцати солдат и 5—6 матросов. Потери индонезийцев, сокрушенных огнем нидерландских батарей, намного выше и по приблизительным подсчетам составляют около 500 человек, оставшихся на поле боя.

АВПР, ф. Канцелярия, 1846 г., д. 88, лл. 344—345.

№ 24

Гаага, 18/30 марта 1847 г.

Полученные с Явы Министерством колоний последние известия говорят о том, что поскольку туземные султаны острова Бали не выполнили статей последнего договора и даже продемонстрировали враждебные намерения, генерал-губернатор решил направить в апреле месяце новую экспедицию против этого острова.

АВПР, ф. Канцелярия, 1847 г., д. 57, лл. 116—117.

№ 25

Гаага, 17/29 июля 1848 г.

Согласно последним известиям, полученным с Явы, из Батавии и Семаранга недавно направлены две экспедиции, каждая в составе 700 пехотинцев, 100 саперов и минеров и 12 полевых орудий. Цель этих экспедиций — наказать восставших султанов острова Бали, которые, со своей стороны, намерены, по-видимому, оказать решительное сопротивление нидерландским войскам.

В тех же известиях содержатся печальные данные о впечатлении, которое события, недавно потрясшие Европу [3]), произвели на белое население Явы. Ожидание войны между морскими державами и завоевания острова Англией, вероятно, вскружило голову нескольким адвокатам, влияния которых было достаточно для организации митинга и для составления послания королю с требованием ряда уступок, из которых наиболее значительной и наиболее странной было требование предоставить Яве право направлять своих депутатов в законодательное собрание метрополии. Здесь хотят надеяться, что эти известия сильно преувеличены. Достоверно известно, однако, что генерал-губернатор принял ряд мер для поддержания общественного спокойствия. Гарнизону было запрещено отлучаться из казарм, артиллерийские батареи были в полной боевой готовности, а дворец г-на Рохуссена охранялся двойным рядом африканских солдат.

АВПР, ф. Канцелярия, 1848 г., д. 91, лл. 440—441.

№ 26

Гаага, 10/22 августа 1848 г.

Недавно получены довольно печальные известия о первых результатах экспедиции, направленной генерал-губернатором Восточной Индии против восставших султанов острова Бали. Добившись некоторых успехов, не имеющих решающего значения, и овладев несколькими укреплениями туземцев, нидерландские войска, неожиданно оставшись без продовольствия и снаряжения, были вынуждены отступить к берегу, укрыться под защиту орудий своих кораблей. Во время этого опасного отступления, которое, однако, было проведено довольно организованно, они потеряли убитыми и ранеными 14 офицеров и 242 европейских, африканских и яванских солдата. Можно опасаться, что эта потеря, сколь ни досадна она сама по себе, произведет вредное влияние на народы, населяющие обширные владения Нидерландов в Восточной Индии, и которые до сих пор удерживаются в повиновении только из страха перед вооруженной силой.

По последним статистическим сведениям, владения, о которых идет речь, насчитывают на площади в 12 691 000 гектаров 16 234 564 душ населения, в то время как белое население почти не превышает цифры в 50 000 человек.

АВПР, ф. Канцелярия, 1848 г., д. 92, лл. 48—49.

№ 27

Гаага, 16/28 августа 1848 г.

На общественное мнение произвело очень плохое впечатление то поражение экспедиционных войск, отправленных против султанов Бали, которое было нанесено повстанцами.

Пресса с горечью отмечает непонятную медлительность при подготовке этой экспедиции, а также слабость и непредусмотрительность возглавляющих ее лиц. И в самом деле, трудно объяснить, каким образом на второй же день боев нидерландские войска могли оказаться без продовольствия и снаряжения.

АВПР, ф. Канцелярия, 1848 г., д. 92, л. 57.

№ 28

Гаага, 28 августа/9 сентября 1848 г.

Печальные известия, полученные за последнее время из Восточной Индии, побудили правительство усилить колониальную армию и флот. Недавно в Батавию были отправлены фрегаты «Принц Оранский» и «Самбра», корвет «Борей» и военный пароход, на борту которых находится много матросов и отрядов войск. Брожение, вот уже несколько месяцев существующее среди белого населения острова Ява, бесславное окончание экспедиции против повстанцев Бали, впечатление, которое поражение нидерландских войск должно было произвести на яванский народ,— все это налагает на правительство настоятельную обязанность заставить всеми имеющимися в его распоряжении средствами уважать власть, которой это событие нанесло столь жестокий ущерб.

АВПР, ф. Канцелярия, 1848 г., д. 92, лл. 67—68.

№ 29

Гаага, 16/18 декабря 1848 г.

Из последних известий, полученных из Нидерландской Индии, мы узнали, что генерал-губернатор опубликовал в газетах королевский указ, полностью и безоговорочно одобряющий поведение г-на Рохуссена в связи с беспорядками, возникновения которых опасались в Батавии несколько месяцев тому назад. Доводя этот указ до сведения населения, находящегося под его управлением, генерал-губернатор выразил свое удовлетворение тем, что события не вызвали необходимости применения более строгих мер, и высказал свою особую радость по поводу того, что он получил возможность доложить его величеству о хороших настроениях населения Восточной Индии. Одновременно он счел целесообразным опубликовать секретную депешу, которой министр колоний уполномочил его энергично подавлять дух неповиновения и стремление к интригам, проявленные некоторыми видными личностями. Нидерландское министерство недовольно опубликованием этих документов, так как это не только не уменьшает впечатления, произведенного за границей упомянутыми беспорядками, но лишь усиливает значение их в глазах общественности.

Как мне сообщил г-н вице-адмирал Рюйк, подкрепления, направленные в Восточную Индию в текущем году, довели численность колониальной армии до 22 000 человек, а число кораблей до 36.

АВПР, ф. Канцелярия, 1848 г., д. 92, лл. 195—196.

№ 30

Гаага, 17/29 мая 1849 г.

Согласно последним известиям из Индии, в конце марта с острова Ява должна была отправиться новая экспедиция с целью отомстить за поражение, нанесенное в прошлом году повстанцами Бали нидерландской армии. В состав этой экспедиции входят войска, численностью свыше 7000 человек, которые будут доставлены к месту назначения 18 военными кораблями, среди которых находятся несколько фрегатов и корветов королевского флота. Кораблями командует вице-адмирал Микельс. Вот уже много лет в Нидерландской Индии не были сосредоточены такие большие сухопутные и морские силы. Та крайняя тщательность, с которой стремились обеспечить все шансы на победу, сама по себе говорит о том, что правительство придает очень большое значение успеху этой операции.

АВПР, ф. Канцелярия, 1849 г., д. 100, л. 281.

№ 31

Гаага, 14/26 июня 1849 г.

Депеши, недавно полученные нидерландским министерством от генерал-губернатора Индии, содержат важное известие о том, что направленная из Батавии на остров Бали экспедиционная армия смогла после довольно кровопролитной битвы овладеть главным опорным пунктом повстанцев и принудить туземных султанов к бегству.

АВПР, ф. Канцелярия, 1849 г., д. 100, л. 310.

№ 32

Гаага, 12/24 августа 1849 г.

Храбрый генерал Микельс, который так успешно руководил операциями колониальной армии против повстанцев на острове Бали, умер от раны, полученной во время последней стычки между нидерландскими войсками и туземцами. Это прискорбное событие произвело самое грустное впечатление в Батавии, где похороны генерала, имевшие место 1 июня, прошли с большой торжественностью. Распоряжением генерал-губернатора Индии от 3 июня главнокомандующим экспедиционной армии был назначен герцог Бернард Саксен-Веймарский.

АВПР, ф. Канцелярия, 1849 г., д. 100, л. 377.

№ 33

Гаага, 25 февраля/9 марта 1850 г.

В последних докладах с Явы сообщаются достойные сожаления подробности о положении этой колонии. Во многих частях острова население впало в такую нужду, что оно вынуждено питаться корнями, травой и листвой деревьев. Подобное питание быстро привело к распространению тех эпидемических болезней, которые всегда идут следом за нуждой и голодом. Несчастные жители этих областей тысячами бегут с родных мест, чтобы затеряться в глубине острова. Это бедствие приписывают изнурению яванского населения, которое в ряде мест не в состоянии более

выплачивать навязанную ему чрезмерно завышенную ренту и справляться с непосильным трудом, который от него требуют. Вызываемое этим недовольство уже начинает подрывать уважение и преданность, которые лишь одни могли обеспечить горстке европейцев средства для господства над десятью миллионами яванцев. Что касается абсолютной власти, которая до настоящего времени принадлежала правительству в его управлении белым населением, то эта власть должна была неизбежно быть потрясена событиями, происшедшими в метрополии после марта 1848 г., и, в частности, продолжающимися попытками Генеральных штатов вмешиваться в дела Индии и ослабить самодержавную систему управления ею.

АВПР, ф. Канцелярия, 1850 г., д. 66, лл. 142—143.

№№ 34—38

А. П. Мансуров — министру иностранных дел А. М. Горчакову

№ 34

Гаага, 12/24 января 1859 г.

Во время аудиенции у меня сложилось впечатление, что король более обеспокоен, чем обычно. Помимо занимающих его внимание политических событий, серьезное беспокойство причиняет ему нынешнее положение нидерландских колоний. Последние известия из Восточной Индии, полученные правительством, носят довольно тревожный характер. Влияние мусульманского фанатизма среди населения растет и там начинают чувствоваться отзвуки восстания в Британской Индии.

Я буду иметь честь непременно направить вашему превосходительству более детальный доклад относительно ненормального положения в нидерландских владениях в Индонезийском архипелаге.

АВПР. ф. Канцелярия, 1859 г., д. 93, лл. 13—14.

№ 35

Гаага, 16/28 января 1859 г.

Князь,

я имею честь предложить ныне Вашему вниманию подробности о состоянии дел в нидерландских колониях, о чем упоминалось в моей предыдущей депеше.

Известия, доставленные с Индонезийского архипелага последней почтой, сообщают о довольно тревожном волнении во многих резиденциях центральной Явы. Мусульманский фанатизм начинает приобретать там опасный характер. Хаджи, большое число которых ежегодно отправляется на паломничество в Мекку, возвращаются всегда в крайне экзальтированном состоянии, и на этот раз они собрались с целью поднять на восстание туземное население.

Генерал-губернатор предпринял активные меры, чтобы подавить в зародыше всякую демонстрацию, враждебную правительству; но здесь опасаются, что эти меры недостаточно эффективны, и как бы изолированные военные экспедиции не ухудшили положения, поскольку в настоящий момент генерал-губернатор не может располагать флотом, достаточным, чтобы энергично поддержать эти экспедиции.

С целью предупредить любое повстанческое движение, королевское правительство поспешило прибегнуть немедленно к средствам для усиления войск, оккупирующих остров Ява.

АВПР, ф. Канцелярия, 1859 г., д. 93, л. 17.

№ 36

Гаага, 5/17 июля 1859 г.

Князь,

еще не полностью прекращенное брожение в Британской Индии продолжает оказывать пагубное влияние на Нидерландскую Восточную Индию.

Генерал-губернатор уже был вынужден направить экспедиции в различные части архипелага для подавления вспыхнувших там отдельных мятежей.

Сегодня заморская почта доставила правительству самые прискорбные известия. На острове Борнео в империи Банджермасин местные жители убили 50 европейцев. Этот акт вызвал здесь большое огорчение. На одном из последних заседаний второй палаты Генеральных штатов министру колоний было задано много вопросов по поводу этого печального события. Отклонив от колониального правительства ту ответственность, которая могла бы быть на него возложена, министр Рохуссен дал следующее объяснение важнейшим причинам, которые могли вызвать эксцессы, имевшие место на острове Борнео:

1) что Британская Индия сыграла большую роль в волнении, проявившемся среди туземного населения колоний;

2) что пищу этому волнению давали паломники, большое число которых возвращается из Мекки;

3) и что, наконец, тенденция ко все большему и большему расширению владений Нидерландов вне Явы и Мадуры явилась одним из важнейших поводов для брожения индонезийцев архипелага, направленного против колониального правительства.

Г-н Рохуссен закончил свои объяснения заявлением, что генерал-губернатор Индии направил очень сильную экспедицию против Банджермасина для наказания виновных, что, впрочем, чрезмерное брожение умов чувствовалось до сих пор лишь в нескольких местах Индонезийского архипелага и что на самом острове Ява спокойствие не нарушалось ни на минуту.

Примите и проч.

М а н с у р о в

АВПР, ф. Канцелярия, 1859 г., д. 93, лл. 96—98.

№ 37

Гаага, 20 февраля/3 марта 1860 г.

Князь,

несколько дней тому назад в Гааге распространились печальные известия из Нидерландской Индии. Почта из Батавии, к несчастью, подтвердила их.

Я отложил доклад о них вашему превосходительству до того момента, пока не смог собрать точные сведения относительно трагического события, имевшего место в Банджермасине.

Сегодня барон Ван Халл сообщил мне при встрече все подробности прискорбной катастрофы, жертвой которой стал «Онруст» — небольшой военный пароход флота Индии.

Этот построенный для речных экспедиций пароход, имевший на борту 50—60 человек экипажа и одну пушку, был атакован в реке Мапока большим числом пирог, на которых находились 600 даяков. После упорного часового боя экипаж, уступавший противнику в численности, был полностью перебит. Ни один человек не мог спастись, а пароход был потоплен.

Во время этого рокового боя погибли 4 флотских офицера, один офицер линейных войск и один офицер медицинской службы.

За это справедливо упрекают власти, которые направили такой маленький пароход, как «Онруст» без какой-либо поддержки и в одиночку в узкую реку, протекающую через враждебные земли.

Правительство короля поспешило послать приказ об отправке против Банджермасина серьезной экспедиции для грозного отмщения за убийство экипажа «Онруста».

АВПР, ф. Канцелярия, 1860 г., д. 99, лл. 41—42.

№ 38

Гаага, 5/17 апреля 1860 г.

Из Нидерландской Индии получен ряд известий самого удовлетворительного характера.

В последнее время влияние волнений в Британской Индии и религиозный фанатизм, который поддерживают хаджи, возвращаясь из Мекки, незаметно стал причинять ущерб власти нидерландского правительства в его владениях на Целебесе и острове Борнео, защищаемых слабыми гарнизонами.

Две экспедиции, предпринятые против королевства Бони, результата не дали. Туземцы, приобретшие опыт ведения войны и располагая тем преимуществом, что у них есть хорошая кавалерия, оказали такое сопротивление, какого колониальные войска не могли ожидать.

В результате этих неудач генерал-губернатор Индии, считая, что слабые меры принуждения могут навсегда подорвать влияние нидерландского правительства в этих краях, решил укрепить его, развернув более значительные силы.

Рискуя оставить без войск остров Ява, г-н Рахуд предпринял против королевства Бони экспедицию, гораздо более мощную, чем предыдущие, и колониальным войскам оказалось достаточно одного месяца для нового завоевания этого королевства. Королева была лишена трона, те из вельмож, которые противились власти нидерландского правительства, были изгнаны из страны, и различные острова, составляющие владения королевства Бони, вскоре стали вновь подчиняться колониальным властям.

Следствием этой блестящей экспедиции было то, что государства, остававшиеся до сих пор независимыми, ведут в настоящее время переговоры с генерал-губернатором о своем подчинении.

Одновременно генерал-губернатор готовит экспедицию против Банджермасина, чтобы добиться полного удовлетворения за убийство экипажа судна королевского флота «Онруст».

Никогда еще правительство Нидерландов не уделяло столь большого внимания своим владениям в Индии, как за последние 2 года. Оно не только значительно увеличило удельный вес европейцев в колониальной армии, но и понесло большие жертвы для повышения благосостояния своих колоний. Правительство прекрасно понимает, что оно не смогло бы, не истощая своих прекрасных владений, в течение длительного времени получать от них ежегодный доход в 40 миллионов флоринов, если бы, со своей стороны, оно не предпринимало мер для улучшения положения туземцев.

АВПР, ф. Канцелярия, 1860 г., д. 99, лл. 66—68.

№ 39—40

А. П. Мансуров — управляющему МИД И. С. Мальцову

№ 39

Гаага, 9/21 сентября 1864 г.

Королевская речь [при открытии сессии Генеральных штатов], в которой констатировалось благосостояние королевства и колоний, была, в то же время, составлена в том, что касается их положения, в туманных выражениях, не удовлетворивших ожиданий общественности.

Общее неудовольствие было особенно вызвано стараниями правительства не доводить до сведения страны те потрясения, которые произошли в колониях Восточной Индии. Известие о них было получено незадолго до открытия сессии законодательного собрания.

Если судить по недавно решенным правительством мерам, эти волнения носят довольно серьезный характер. Вооружаются два военных корабля для отправки их на место беспорядков.

Подробности мне неизвестны: как только я смогу их узнать, я сочту своим долгом сообщить о них вашему превосходительству.

Здесь очень обеспокоены по поводу такого положения дел в колониях. Газеты оппозиции стараются извлечь для себя пользу из последствий этого дела и наполняют свои страницы самыми резкими нападками на министерство.

АВПР, ф. Канцелярия, 1864 г., д. 74, лл. 78—79.

№ 40

Гаага, 21 октября/2 ноября 1864 г.

В докладе от 9/21 сентября я имел честь обратить внимание вашего превосходительства на меры, которые нидерландское правительство сочло своим долгом принять при первом же известии о мятежном движении, возникшем в колониях Восточной Индии, для восстановления там порядка. На остров Ява в распоряжение генерал-губернатора колоний были немедленно посланы два парохода.

Этих мер оказалось недостаточно. Волнения переросли в открытый мятеж, распространившийся на острова Целебес, Молуккские и Борнео. На Целебесе и Молуккских островах вооруженным силам удалось обуздать мятежников, но на острове Борнео, еще до того, как туда прибыли войска, туземцы стали убивать белых и захватили пароход, который был послан генерал-губернатором для поддержки войск.

На самом острове Ява существованию европейцев угрожал заговор, своевременно раскрытый.

Эти последние известия вызвали большую тревогу, и Адмиралтейству были срочно даны указания. Поспешно был снаряжен фрегат, за которым должны последовать три других военных корабля. Фрегат уже вышел в море, но буря, причинившая ему повреждения, заставила его остановиться в Портсмуте для починки.

Полученная после этого почта из Индии сообщила, что положение войск упрочилось, но что на острове Борнео продолжается серьезное брожение. Волнения, приостановить распространение которых старается в настоящее время правительство, были вызваны некоторыми реформами, которые попытались провести в колониальной администрации за последние годы. Частая смена министров колоний и особенно разница в их отношении к системе культур, которую предполагали изменить, оказывали свое влияние на нормальный ход событий, что вызвало некоторую неуверенность в действиях власти, чем местные жители воспользовались, подняв восстание.

К затруднениям, причиненным правительству восстанием, прибавились другие, не менее серьезные. В этом году оказался плохой урожай кофе: на две пятых ниже уровня предшествовавших лет,— а из всех колониальных продуктов именно кофе обеспечивало метрополии большую часть финансовых ресурсов. Это резкое сокращение доходов Индии тем более чувствительно, что при происходящем сейчас пересмотре бюджета в государственных финансах выявляется довольно значительный дефицит в результате предоставления больших сумм на строительство железных дорог.

АВПР, ф. Канцелярия, 1864 г., д. 74, лл. 82—84.

№ 41

Л. Е. Сиверс — А. М. Горчакову

Гаага, 7/19 сентября 1865 г.

Я имею честь предложить вниманию вашего превосходительства во французском переводе тронную речь, произнесенную вчера, 6/18 сентября, по случаю открытия сессии законодательного собрания.

Телеграфные депеши, опубликованные сегодня утром, резюмируют ее следующим образом:

«Отношения с иностранными державами являются дружественными».

«Положение заморских владений удовлетворительное».

«Финансы находятся в благоприятном состоянии».

По-видимому, из скромности голландский корреспондент не отмечает следующий бросающийся в глаза абзац, который мне хочется привести текстуально, чтобы не упустить ничего: «Мир, счастливо установленный в другой части света, и недавно заключенные мною договоры окажут благоприятное влияние на торговлю».

С тех пор, как эти лаконичные тронные речи стали пустой формальностью, подлинный смысл которых редко ускользает от спокойной и просвещенной нации, министр-трибун (г-н Форбек) поистине мог и не утруждать себя ежегодным составлением новой речи.

В своей речи от 1864 г. король известил Генеральные штаты, что будет предложен закон, регулирующий вопрос о сельскохозяйственных культурах в Восточной Индии, однако г-н Францен ван де Путте не выполнил этого обещания. Являясь сторонником либеральной системы в колониальных делах, но убежденный в ее несовместимости с принципом самодержавности, преобладавшим до настоящего времени на Яве, он отступает перед опасностью. В то же время он вынашивает проект об отделении церковных дел от административных на Индонезийском архипелаге. Он направил генерал-губернатору составленные в этом духе инструкции относительно создания Синода, аналогичного тому, который существует здесь.

В разделе, гласящем: «положение наших заморских владений в общем благоприятное», полным молчанием обходятся следующие вопросы: застой торговли; потеря значительных капиталов; отсутствие доверия; неповиновение служащих; деморализация даже друзей власти; отъезд большого числа уважаемых людей, уставших от этого режима; своеволие прессы; заговор в Батавии; восстание в Тегале; происки мелких султанов, очагом которых является Соло; упадок сахарных плантаций и т. д. и т. п. Трудно также питать иллюзии по поводу кофейных плантаций, состояние которых далеко не благоприятное. Наконец, весьма уважаемая компания сделала правительству предложение: она гарантирует правительству получение средней выручки с острова Ява при условии, если оно уступит ей свои права на эксплуатацию.

АВПР, ф. Канцелярия, 1865 г., д. 96, лл. 92—94.

№№ 42—47

Н. А. Столыпин — А. М. Горчакову

№ 42

Гаага, 17 февраля/1 марта 1873 г.

Князь,

нидерландское правительство озабочено отношениями между своими индийскими колониями и ачинским султаном, государство которого расположено на севере острова Суматра. Султан Ачина полностью не зависим от голландского протектората. Население султаната гордое и воинственное, его отношения с могущественными соседями никогда не были сердечными.

В последнее время они даже ухудшились и чиновник генерал-губернатора Нидерландской Индии, направленный к султану Ачина, чтобы урегулировать некоторые вопросы, был отослан обратно далеко не дипломатичным образом.

Одновременно нидерландским властям было сообщено, что султан Ачина производил закупки оружия в Сингапуре и что один принц его дома добивался в этом городе поддержки одного иностранного консула. Эти факты, действительные или мнимые, которые трудно проверить на расстоянии, побудили генерал-губернатора в Батавии принять серьезные меры. Он запросил по телеграфу в Гааге военные суда и войска, а также решил направить к султану Ачина чрезвычайную миссию в составе вице-председателя Совета Индии, главнокомандующего сухопутной армией, командующего флотом и весьма многочисленного персонала.

Миссия, которая должна будет вести переговоры по поводу заключения конвенции о добрососедских отношениях, прервет свои работы, если переговоры не приведут к желаемому результату, и предоставит военным силам возможность завершить работу.

Пока генерал-губернатор Индии проводит подготовку дипломатической и военной акции, директор батавской компании пароходов запросил по телеграфу у г-на Блюссе, депутата от Девентера и главного администратора упомянутой компании, разрешения предоставить в распоряжение генерал-губернатора пароходы общества для перевозки в Ачин войск и военных материалов.

Эта телеграмма известила о трудностях, испытываемых колониальной администрацией, в связи с чем г-н Блюссе поспешил запросить объяснений в палате у министра колоний — своего политического противника. Г-н Францен ван де Путте сообщил многочисленные детали, он долго говорил о населении Ачина, о переговорах с султаном, о закупках оружия в Сингапуре и закончил сообщением, что его сведения ограничиваются до сих пор телеграммами и что правительство ждет донесений от генерал-губернатора, чтобы принять решение. Красноречие министра колоний несколько успокоило возбуждение палаты, которая не без причины видит всю важность вопроса в факте отправки внушительной миссии к ачинскому султану, следствием которой может быть столкновение с воинственным народом.

Нидерландское правительство полагает, что иностранным консулом, протекции которого добивался ачинский принц, является якобы итальянский консул. Это мнение основывается на двух фактах: на присутствии некоторое время тому назад итальянского фрегата в Сингапуре и на хорошо известном желании итальянского правительства найти в каком-либо пункте независимую территорию, чтобы основать там колонию из заключенных. Однако мнение нидерландского правительства основывалось главным образом на предположении, что этим консулом был германский подданный. Как только оказалось, что он не являлся итальянским консулом и никакой итальянский фрегат не приставал к какому-либо пункту Ачина, эти опасения, по-видимому, рассеялись. Сегодня утром в кулуарах Генеральных штатов говорили о возможности американского вмешательства в те неприятности, которые султан Ачина причинил нидерландским колониям.

Примите и проч.

Столыпин

АВПР, ф. Канцелярия, 1873 г., д. 65, лл. 9—12.

№ 43

Гаага, 8/20 апреля 1873 г.

Князь,

Гаага была в состоянии большого уныния при получении известия о поражении голландских войск в Ачине, которое сопровождалось серьезными потерями и смертью главнокомандующего Колера. Блестящее начало экспедиции оживило в свое время доверие общественности, которая настроилась серьезно на весь период до конца войны.

Между тем в правительственных кругах не поддаются унынию. Ожидают больших расходов, которые могут быть произведены с помощью богатств колоний. Предвидят несколько частичных поражений. Надо ожидать также больших потерь в солдатах и особенно в офицерах. Это будет самой чувствительной жертвой, так как прекрасно организованная и дисциплинированная армия Индии насчитывает только 25 000 человек.

Постоянная война с маленькими племенами мешает концентрации всех сил против Ачина, но значительные подкрепления туда были отправлены. Голландские войска проявляют крайнее рвение в яростной борьбе против фанатизированной нации, хорошо вооруженной, ловко пользующейся копьями во время атаки и глубоко презирающей смерть.

Известия, полученные по телеграфу сегодня утром в министерстве колоний, были хорошими. Голландские войска вновь начали наступление и овладели храмом, расположенным на высоте, доминирующей над Кратоном или дворцом-крепостью султана Ачина.

Вечером получены плохие известия. Голландские войска потерпели новые поражения, и погода стоит отвратительная. Пессимисты в Гааге говорят, что если подует муссон, то экспедиция провалится.

Примите и проч.

Столыпин

АВПР, ф. Канцелярия, 1873 г., д. 65, лл. 18—19.

№ 44

Гаага, 9/21 апреля 1873 г.

Князь,

экспедиция в Ачин провалилась, и войска были отозваны. Официальная газета считает, что причиной тому были большие потери и летний муссон. Это объяснение никого не удовлетворяет, и в Гааге царит большое возбуждение. Правительство обвиняют в том, что оно легкомысленно ввязалось в гибельную авантюру. Действительно, министр колоний говорил об экспедиции в Ачин с уверенностью в быстром успехе и сравнивал ее с военной прогулкой. Это странное заблуждение господствовало в правительственных сферах до конца.

Согласно слухам, которые начинают появляться, руки голландского правительства при объявлении войны якобы были связаны, поскольку султан Ачина хотел заключить наступательное и оборонительное соглашение с американским консулом в Сингапуре. Однако оно не было одобрено правительством Соединенных Штатов. Но даже это объяснение не оправдывает голландское правительство за несвоевременную поспешность, с которой оно только что скомпрометировало престиж своей колониальной мощи перед великими державами, заинтересованными в ограничении оборонительной силы Голландии.

Примите и проч.

Столыпин

АВПР, ф. Канцелярия, 1873 г., д. 65, лл. 20—21.

№ 45

Гаага, 17/29 декабря 1873 г.

Князь,

известия об экспедиции в Ачин не представляют ничего особенного. Генерал Ван Свитен, господствующий на обоих берегах реки Ачин, медленно продвигается в направлении укрепленной резиденции Кратон. Колебания, которые он, кажется, проявляет в отношении атаки, вызываются, несомненно, надеждой, что султан, убежденный в бесполезности сопротивления, постарается начать переговоры. Это объяснение дается в высоких правительственных сферах только что происшедшей приостановке наступления, которой до сих пор воспользовалась только холера, опустошающая ряды войск и наемных индонезийцев.

Расследование о первой экспедиции в Ачин не будет опубликовано. Оно показывает, что только непонятная паника могла вынудить командиров произвести отступление в то время, когда силы ачинцев занимали позицию в горах, оставив Кратон под охраной 70 человек. Местные жители не беспокоили голландские войска, поскольку их погрузка на корабль должна была рассматриваться как военная хитрость врага.

Когда расследование закончилось, то палатам понадобился козел отпущения и их выбор пал на морского министра Брока, виной которого было то, что он слишком старался понравиться тем, которые принудили его выйти в отставку путем постоянного сокращения морского бюджета.

Нидерландское правительство не сомневается в успехе ачинской экспедиции, но допускает, что она очень дорого обойдется как в людях, так и в деньгах.

Примите и проч.

Столыпин

АВПР, ф. Канцелярия, 1873 г., д. 65, лл. 39—40.

№ 46

Гаага, 18/30 ноября 1874 г.

Министр колоний информировал палату, что положение на Суматре остается серьезным. Намерения прибрежных государств несколько улучшились, однако главное из них — Ачин — не проявляет никакого желания подчиниться. Победа Нидерландов обеспечена в более или менее отдаленном будущем. Взятие Кратона было необходимым. Оно стоило множества народа. Холера также была очень опустошительной. Сейчас речь идет о том, чтобы больше не спешить с достижением окончательной и верной цели — с подчинением всего острова Суматры.

АВПР, ф. Канцелярия, 1874 г., д. 81, лл. 65.

№ 47

Гаага, 13/25 декабря 1874 г.

На том же заседании [второй палаты] министр колоний информировал палату, что губернатор Индии господин Лаудон попросил отставки и будет заменен чиновником, признанная ловкость которого дает гарантию успеха в колониях. На следующий день официальные газеты объявили о назначении голландского посланника в Бельгии Ландсберга на пост генерал-губернатора Индии. Министр рассчитывает на талант нового губернатора, чтобы довести до хорошего конца осложнения в Ачине.

Последние сообщения с театра войны неутешительны. Голландский гарнизон, все еще удерживающий Кратон, ослабляется схватками и болезнями и постоянно требует подкреплений.

АВПР, ф. Канцелярия, 1874 г., д. 81, лл. 67—68.

№ 48

М. Н. Муравьев — А. М. Горчакову

Гаага, 30 июля/11 августа 1878 г.

Число противников либерального министерства, ныне находящегося у власти, увеличилось в последнее время из-за нового закона о начальном обучении... и возобновления восстания в Голландской Индии.

Оппозиция отрицает необходимость войны, предпринятой в Ачине, которая до сих пор стоила более 120 миллионов флоринов и окончания которой не видно.

АВПР, ф. Канцелярия, 1878 г., д. 74, л. 7.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Генеральные штаты — нидерландский парламент, состоявший из двух палат. Первая палата не имела инициативы в деле принятия законов и могла лишь их обсуждать; вторая — пользовалась правом изменять проекты законов, представляемые правительством.— 106.
2) Имеется в виду султанат Джокьякарта.— 104.
3) Так Мальтиц именует буржуазно-демократическую революцию 1848 г. в европейских странах.— 108.

К УЧАСТИЮ РУССКИХ УЧЕНЫХ В МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЯХ О ЕДИНСТВЕ МЕР И ВЕСОВ

«На все времена для всех народов». Эти слова стали девизом пионеров метрологии, группы французских ученых, разработавших в конце XVIII в. метрическую систему мер, созданную на основе измерения дуги меридиана, которое было произведено Мешеном [1] и Деламбром [2] с целью установления новой меры длины — метра.

По замыслу инициаторов, предложенная ими система должна была быть обсуждена на съезде представителей всех культурно развитых стран, или, как тогда говорили, «просвещенных народов», одинаково терпевших затруднения от существовавшей неурядицы в области мер и весов. Такой съезд был действительно созван в 1798 г., но в нем приняли участие представители весьма ограниченного круга государств — Испании, Голландии, Дании, Швейцарии и некоторых республик, созданных во время Французской революции на территории нынешней Италии. Главнейшие же страны Европы, находясь в состоянии войны с Францией, прервали дипломатические сношения с ней и не участвовали на съезде.

Три четверти века пришлось ждать, пока в 1875 г. собралась Международная конференция официальных представителей стран Европы, Америки и Азии, принявшая соглашение о единстве мер и весов. За это время метрическая система была принята в отдельных странах. Но международный характер она приобрела уже тогда, когда К. Ф. Гаусс [3] и В. Э. Вебер [4] разработали (1832 г.) абсолютную систему единиц, в основу которой легли сантимер, грамм, секунда (CGS) [5].

Конференции 1875 г. предшествовал ряд встреч ученых многих стран, собиравшихся в связи с разными событиями в мире науки и техники. Наибольшее значение имела Всемирная выставка в Париже в 1855 г., во время которой была учреждена Международная Ассоциация по созданию единообразной десятичной системы мер, весов и монет (от единообразной системы монет впоследствии пришлось отказаться, так как это выходило за пределы только научно-технических вопросов).

Продолжавшаяся тогда Крымская война, в которой Франция была на стороне Турции, исключала возможность участия России в выставке, а следовательно, и в

---

[1] Мешен (Mechain Pierre François André, 1744—1804) — астроном, член Парижской Академии наук с 1783 г.

[2] Деламбр (Delambre Jean Baptiste Joseph, 1749—1822) — астроном, член Парижской Академии наук с 1792 г.; с 1810 г.— почетный член Петербургской Академии наук.

[3] Гаусс (Gauss Carl Friedrich, 1777—1855) — немецкий математик и астроном; с 1824 г.— почетный член Петербургской Академии наук.

[4] Вебер (Weber Wilhelm Eduard, 1804—1891) — немецкий физик; с 1853 г.— член-корреспондент Петербургской Академии наук.

[5] См. доклады А. Н. Крылова, С. И. Вавилова и М. А. Шателена на торжественном заседании Института истории науки и техники Академии наук СССР, посвященном столетию абсолютной системы мер. Архив истории науки и техники, 1934, вып. 3, стр. 183 и сл.

Ассоциации. Из публикуемых документов видно, насколько это отражалось на деятельности Ассоциации, которая не мыслила осуществления поставленных задач без готовности России примкнуть к международному соглашению о единстве мер и весов и участия ее ученых в разработке возникающих в связи с этим научных проблем. Действительность показала, насколько плодотворными были труды ученых нашей страны в деле создания метрической системы, названной не без основания в конце XIX в. франко-русской.

Вопросами измерений в России занимались за много лет до приглашения Петербургской Академии наук принять участие в работе Ассоциации. Более чем за четверть века до того, в 1831 г., была учреждена правительственная Комиссия для приведения в единообразие мер и весов. В результате деятельности этой Комиссии было создано Депо мер и весов: его руководителем или, как он официально назывался, хранителем был назначен академик А. Я. Купфер, возглавлявший метрологию в России свыше тридцати лет.

В первой половине XIX в. появляются специальные издания на русском языке, свидетельствующие о том внимании, которое привлекали к себе вопросы измерений. Среди вышедших книг и брошюр имеются работы, освещающие и историю русских мер и весов [1].

Не прошла мимо вопросов метрологии и Петербургская Академия наук, присудившая в 1847 г. Демидовскую премию Ф. И. Петрушевскому (1785—1848) за фундаментальный труд «Общая метрология» [2].

Мировое значение работы русских ученых в области метрологии приобрели с момента, когда Академия приняла приглашение участвовать в Ассоциации, собравшейся в 1859 г. в Англии, в г. Брэдфорде (см. док. №№ 2—3). Выступление на этом съезде представителя России, академика А. Я. Купфера, встретило всеобщее одобрение (см. док. № 4). Было выражено пожелание, чтобы именно России принадлежала дальнейшая инициатива в деле введения метрической системы и разработки возникающих в связи с этим научных проблем (см. док. № 5). Петербургская Академия наук действительно становится центром метрологической мысли. Новый этап в истории этой области прикладных знаний связан с деятельностью академика Б. С. Якоби, представлявшего Россию на международных конференциях после смерти А. Я. Купфера (1865 г.).

Эта замечательная страница из истории русской науки отражена в материалах богатейших фондов Архива АН СССР; их не коснулась еще рука исследователя. Впервые публикуемые документы освещают начальный период участия русских ученых в международных соглашениях о мерах и весах. Эти материалы важны не только как источник для изучения истории развития положительных знаний. Ими воспользуются и историки международных отношений, которые не могут пройти мимо обмена идеями и научным опытом исследователей разных стран, столь плодотворно влиявшего на общечеловеческий прогресс.

Перевод документов с французского и английского языков выполнен Т. Н. Кладо.

М. И. Радовский

---

[1] См. например, А. И. Ламберти (1771—1831). О первоначальном происхождении и нынешнем состоянии российской линейной меры и веса. Сочинение доктора философии Ламберти, члена разных ученых обществ. СПб., 1827; его же: О неизменном определении веса российского фунта и о гидрометрической системе российских мер объятности. СПб., 1828.

[2] Этому труду предшествовали другие работы Петрушевского: Метрология или описание мер, весов, монет и времячисления нынешних и древних народов. СПб., 1831; Краткая европейская метрология или описание главных мер, весов и монет, в Европе ныне употребляемых. Изд. второе, испр., СПб., 1845.

№ 1

Обращение Международной Ассоциации по введению единообразной системы мер, весов и монет к Петербургской Академии наук с приглашением участвовать в работе Ассоциации

Париж, 29 мая 1859 г.

Г-ну графу Блудову, президенту [1)]
Г-ну князю Давыдову, вице-президенту [2)]
Г-ну Веселовскому, непременному секретарю [3)]
и прочим членам императорской С. Петербургской Академии наук

С давних времен выдающимися умами владела мысль о системе единообразных весов и мер для всех цивилизованных стран, в основе которой лежали бы не традиции того или иного народа, а размеры самого земного шара, и в 1790 г. Франция, став выразителем всеобщих интересов, предложила другим странам работать вместе с ней над решением этой задачи.

Несмотря на ожесточенную войну, которая началась вскоре после этого [4)], эта возвышенная идея не была оставлена. Французские ученые, совместно с представителями нескольких других стран, установили основания и обдуманно разработали детали десятичной системы, называемой также метрической, которая применяется в настоящее время во Франции и некоторых государствах обоих полушарий. Можно сказать без преувеличения, что эта система весов и мер дает неоценимую экономию времени и труда всем тем, кому приходится заниматься практическими подсчетами, благодаря десятичной кратности, которая соблюдается без нарушения непрерывности при умножениях и делениях, и десятичному соотношению, имеющему место между единицами, принятыми для различных категорий мер.

Так обстояло дело, когда всемирные промышленные выставки в Лондоне и Париже явились официальным и торжественным поводом для сближения и взаимопонимания большого числа просвещенных людей, съехавшихся со всех концов земного шара, которые каждый в своей стране пользовались законным влиянием и были одушевлены живым стремлением к общему прогрессу.

На Парижской выставке 3 августа 1855 г. были приняты решения о том, чтобы рекомендовать различным правительствам основную мысль об однородности весов и мер. Все комиссары и члены жюри, какие еще находились в Париже в это время, поспешили подписать пожелание в этом смысле. Тут же была образована Международная Ассоциация; в каждом из больших государств, участвовавших в выставке, и в некоторых менее значительных государствах были образованы отдельные ассоциации, ответвления общей. Каждая из отдельных ассоциаций принялась за свою работу; в частности, английская занялась углубленным рассмотрением вопроса; в последовательных заседаниях она пришла к выводу, что французская метрическая система отвечает вполне удовлетворительно идее, выраженной в пожелании от 3 августа 1855 г., от которого не следует отходить. Соображения и резолюции английской Ассоциации регулярно собирались и объединялись в документах, носящих подлинный характер и приложенных к настоящему [обращению][1].

В то время как умы всесторонне подготовлены таким образом к принятию единообразной системы весов и мер, с каждым днем появляются новые силы, которые еще более направляют в эту сторону общие мысли и интересы. Трудно поверить, чтобы эпоха, которой человечество будет обязано железными дорогами и электрическим телеграфом, не была бы также отмечена введением единообразных весов и мер.

В силу причин, о которых не стоит здесь упоминать, Российская империя осталась совершенно в стороне от Парижской всемирной выставки; поэтому ученые и

---

[1] Упомянутые документы не публикуются.

руководители промышленности этой великой империи не приняли никакого участия ни в пожелании 3 августа, ни в том, что за ним последовало. Отсутствие столь обширного государства, столь мощного, столь выдающегося по месту, занимаемому им в науке, создает крайне печальный пробел в Международной Ассоциации по единообразию мер и весов. Позволительно надеяться, что в правление монарха, столь благородно одушевленного просветительными идеями, наиболее выдающиеся умы России не откажут в своем участии и сочувствии целям, преследуемым Международной Ассоциацией. Именно поэтому нижеподписавшиеся решаются с доверием препоручить это дело благосклонному вниманию императорской С. Петербургской Академии наук, чтобы ее заботами и шагами, предпринятыми ею перед императорским правительством, в Российской империи была организована специальная Ассоциация по плану, аналогичному тем, какие существуют во Франции, в Англии, в Таможенном союзе [5], в Соединенных Штатах, в Испании и других странах.

Императорская С. Петербургская Академия наук состоит из людей, которым не нужно напоминать, что, как указано в пожелании от 3 августа 1855 г., «обычай, принятый в каждой стране, обозначать различные единицы весов и мер названиями, издавна вошедшими в привычку, не послужит здесь препятствием, ибо ничто не помешает в большинстве случаев применять эти старые названия к новым мерам». Не нужно также указывать им на те преимущества, какие дало бы всеобщее принятие метрической системы для численных выкладок, необходимых в промышленности и торговле, на то удовлетворение, какое получила бы от этого наука — мать метрической системы, и поддержку, какую нашла бы в этом плодотворная мысль о всеобщем сближении всех культурных народов.

Мишель Шевалье [6], вице-президент; А. Кордье [7], член Института; барон Шарль Дюпен [8], сенатор, член Института, почетный член императорской С. Петербургской Академии; Беккерель [9], член Института и Берлинской королевской Академии; Ад. Броньяр [10], член Института; И. Жоффруа Сент-Илер [11], чл.-корр. импер. С. Петербургской Академии наук; П. Лепле [12] вице-президент; Мильн Эдвардс [13], член Института и чл.-корр. С. Петербургской Академии наук; Флуран [14], член Института; Э. Фреми [15], член Института, чл.-корр. имп. С. Петербургской Академии наук; А. Легуа [16], директор Статистического Бюро Франции, секретарь 2-й сессии Международного Конгресса по статистике; Ж. Мишле [17]; Л. Эли де Бомон [18], сенатор, член Института, чл.-корр. имп. С. Петербургской Академии наук; Г. Ламе [19], член Института, корреспондент Академий в С. Петербурге, Берлине, Стокгольме, Турине; Ипполит Пе [20], главный секретарь Международной Ассоциации; Александр Ваттмар, секретарь Международной Ассоциации; Ш. Эрмит [21], член Института, корреспондент С. Петербургской Академии наук; аббат Ф. Муаньо [22], редактор «Космоса»; Л. Воловский [23], член Института (Академия моральных и политических наук) и Туринской Академии наук; Ж. Денойе [24]; Бабине [25], член Института; Пелуз [26], член Института, президент Комиссии монет и медалей; Корменен [27], член Института; Ленорман [28], член Института; Э. Клапейрон [29], член Парижской Академии наук, чл.-корр. имп. С. Петербургской Академии наук; Ф. де Салэ, член Института; В. Реньо [30], член Академии наук, чл.-корр. С. Петербургской Академии; Г. де Сенармон, член Академии наук; Ж. Зильберман [31], хранитель Музея искусств и ремесл, член Тосканской промышленной Академии, 3-й секретарь Международной Ассоциации по весам и мерам

Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1859, № 21, лл. 21—24.— Подлинник на французском языке.

№ 2

Из протокола заседания Физико-математического отделения Петербургской Академии наук о рассмотрении доклада комиссии по поводу обращения Британского Отделения Международной Ассоциации по введению единообразной десятичной системы мер, весов и монет

10 июня 1859 г.

§ 195

Г-н Купфер [32], докладчик, оглашает от имени комиссии, состоящей из него и из гг. Остроградского [33], Якоби [34] и О. Струве [35], доклад по поводу сообщения Британского Отделения Международной Ассоциации по введению единообразной десятичной системы мер, весов и монет (см. § 177 протокола от 13 мая 1859 г.) [36]. Г-н О. Струве, не разделяя полностью мнения комиссии, представляет особое мнение. Отделение, заслушав эти документы, принимает следующие решения:

1) Академия считает крайне полезной цель, которую поставила себе Международная Ассоциация по введению единообразной системы мер, весов и монет, и с величайшим удовольствием примет со своей стороны участие в осуществлении этого прекрасного начинания, достойного того века, когда науки столько совершили для взаимного сближения народов.

2) Для скорейшего решения этой большой и важной задачи Академия постановляет сделать необходимые шаги перед правительством, чтобы ее предложения были приняты во внимание.

3) Эти заключения, как и доклад комиссии, будут представлены на суждение г. президента.

Доклад комиссии, подписанный гг. Купфером, Остроградским и Якоби, будет приложен к настоящему протоколу, а особое мнение г. О. Струве останется в деле.

Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1а № 100, § 195.— Подлинник на французском языке

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Доклад комиссии, назначенной Физико-математическим отделением Академии наук, для рассмотрения предложения Британского Отделения Международной Ассоциации по введению единообразной десятичной системы мер, весов и монет

Приложение к § 195 протокола заседания Физико-математического отделения императорской Академии наук 10 июня 1859 г.

Доклад академиков Остроградского, Якоби и Купфера, докладчика.

Отделение поручило нам доложить ему о сообщении английского ответвления Международной Ассоциации для выработки десятичной единообразной системы весов, мер и монет; Академии предложено объединить свои усилия с усилиями Ассоциации для достижения поставленной цели.

Комиссии, которой Отделение поручило рассмотреть предложение Ассоциации, предстояло таким образом высказаться:

1) об установлении единой десятичной системы весов, мер и монеты для всех стран;

2) о возможности введения единой десятичной системы весов, мер и монеты в России;

3) о шагах, которые необходимо будет предпринять для осуществления предложений упомянутой Международной Ассоциации.

Займемся сначала первым вопросом.

Десятичная система, т. е. деление единиц веса, меры и монет на десять, сто, тысячу частей, так свойственна нашему способу счета, что ее целесообразность

получила всеобщее признание: она уже была введена и удерживается издавна во многих частях нашей монетной системы и системы измерений. Рубль делится на 100 копеек, ведро делится на 10 кружек, дюйм делится на 10 линий. Все согласны в том, что следовало бы распространить эту систему деления на другие меры и на веса. Итак, не добавляя к нашему положению новых доказательств, мы можем считать, что первым шагом, какой мы должны будем сделать на этом пути, должно быть распространение десятичного деления на веса, на те меры длины и емкости, где оно еще отсутствует. Но это еще не все. Необходимы также простые соотношения между различными частями одной системы, т. е. между линейными мерами и мерами емкости и площади, а также между мерами емкости и весами. Метрическая система, принятая во Франции, обладает в этом отношении величайшей простотой, какую только можно себе представить, и мы приведем ее как пример. Единица линейных мер — метр; куб, сторона которого равна десятой части метра (дециметру), называется литром и служит единицей меры емкости; квадрат, сторона которого равна десяти метрам, называется аром и представляет единицу меры площадей; вес (в пустоте) куба воды, сторона которого равна 100-й части метра (сантиметру), причем вода взята при температуре наибольшей плотности, представляет единицу веса и называется граммом. Метр делится на десять дециметров, или 100 сантиметров, или тысячу миллиметров; тысяча метров составляют километр, это тысячная мера. Литр и декалитр (10 литров) применяются для жидкостей; для зерна, требующего мер бо́льших размеров, имеем гектолитр (100 литров). Тысяча литров или кубический метр составляют стер, десять кубических метров — декастер; эти две меры употребляются для измерения дров, камней и других дешевых материалов, для которых гектолитр был бы слишком малой мерой. Сто ар равны гектару (десять тысяч квадратных метров), это мера землемеров. Тысяча граммов составляют килограмм, это мера торгового веса.

Легко видеть, что если бы ввести в России такое строгое соотношение между всеми частями нашей системы мер, то удалось бы сохранить только одну из наших единиц и пришлось бы изменить в корне все остальные. Положим, например, что мы захотели бы взять за основную единицу нашей метрической системы[1] фут, равный английскому футу: мы будем иметь то преимущество, что получим меру, распространенную на большей части земной поверхности, в Англии и в ее обширных заокеанских владениях, а также в Соединенных Штатах Америки. Но фут содержится $2^1/_3$ раза в аршине и 7 раз в сажени: пришлось бы поэтому совсем отказаться от этих двух мер, как раз тех, которыми пользуются обычно, тогда как фут считается всегда каким-то заграничным продуктом, применяемым только в постройках машин, кораблей и т. п., где требуется бо́льшая точность. А каким кратным фута можно было бы их заменить? Фут слишком мал для измерения тканей; мера в десять футов была бы слишком большой. Ведро имеет емкость в 750 кубических дюймов с весьма небольшой погрешностью; четверик — 1600 кубических дюймов. Кубический фут содержит 1728 кубических дюймов; четверик примерно отвечал бы этой емкости, но емкость ведра относится к объему кубического фута как $1:2^3/_{10}$: необходимы были бы, следовательно, огромные изменения. Кубический фут воды весит около 69 русских фунтов: с этим числом нельзя установить никакого простого отношения между единицей веса и единицей меры. Бесполезно было бы распространяться далее на эту тему: вопрос был достаточно подробно обсужден внутри Английского Отделения Международной Ассоциации, и она пришла к тому же заключению для Англии — именно, что нельзя сохранить прежнюю единицу меры.

Английская ассоциация пришла к заключению, что нужно просто принять французскую систему во всем мире, и мы полагаем, что Россия поступит правиль-

---

[1] Здесь, как и всюду в нашем докладе, мы берем слово «метрическая система» в его самом широком значении, обозначая им «систему мер и весов»; когда речь будет идти о системе, основой которой служит метр, мы будет говорить «французская метрическая система».— *Примечание документа.*

но, последовав этому примеру. Это единственный способ решить сразу обе поставленные нами задачи — установить простую и строгую десятичную систему мер, чтобы притом она, будучи частично или полностью принята в некоторых странах и довольно широко распространена в науке, могла быть предложена другим странам, которые ее еще у себя не ввели.

Мы считаем бесполезным повторять здесь вновь уже много раз повторенные доводы, которыми доказывается польза введения единообразной системы мер и монет для всего мира, и переходим сразу к рассмотрению возможности принятия в России французской метрической системы.

В административном отношении всякое полезное нововведение тем возможнее, чем оно легче; поэтому прежде всего придется рассмотреть, много ли трудностей встретится при введении французской метрической системы в России.

Введение в России французских мер и весов было бы большим благодеянием не только для России, но и для всей Европы. Французская метрическая система лучше всего отвечает всем требованиям науки, промышленности и торговли: первой — своей строгостью и логикой; промышленности — своей простотой; торговли — тем, что она принята во многих других государствах Европы. Если бы Россия и Англия приняли метрическую систему, то можно было бы сказать, что вся Европа имеет одни и те же меры и веса.

Но, скажут нам, как изменить привычки, вкоренившиеся за столь долгое время; как заставить русский народ принять иностранные единицы при ежедневных торговых операциях, когда дело идет о покупке или продаже предметов, составляющих жизненную необходимость каждого дня: мяса, хлеба, водки? Мы покажем в дальнейшем, что переход от настоящего состояния нашей системы к будущему, более простому и упорядоченному состоянию, будет не так резок, как думают, и что для русского народа не представится особо трудным перейти от русских единиц к единицам, мало от них отличающимся или стоящим с ними в определенных и простых отношениях.

Прежде всего те, кто сколько-нибудь наблюдал за результатами, получаемыми в бюро поверки мер и весов (такие бюро есть сейчас во всех губернских городах и многих уездных), согласятся с тем, что веса и меры, которыми пользуются в торговле, весьма различны, несмотря на наличие этих бюро. Часто в одном и том же магазине можно встретить два четверика различной емкости, так что один на $^1/_{20}$ больше, другой на $^1/_{20}$ меньше, чем бы следовало; однако оба они были проверены и имеют клеймо бюро поверки. Нетрудно понять, что владелец магазина будет всегда пользоваться более маленьким для продажи и большим — для покупки: это дает ему 10% выгоды.

Эта небрежность в поверке мер и весов объясняется недостаточностью жалованья чиновников, которым приходится нередко иметь еще занятие, чтобы жить. Им часто приносят пятьдесят мер сразу: у них хватает времени только, чтобы проверить две—три; остальные проходят без поверки.

А отсюда проистекает то, что публика в точности не знает, сколько должно содержать ведро или четверик, и можно было бы значительно изменить эти меры, причем это осталось бы незамеченным; неточность мер, которой пользуются хитрые купцы, гораздо больше отзывается на интересах покупателя, чем если бы мы употребили немного более маленькую меру, но точную.

Русский фунт равен 409,512 французским граммам; если бы уменьшить его до 400 граммов, он уже оказался бы в весьма простом отношении к французским весам; французские $^1/_2$ килограмма были бы равны $1^1/_4$ русского фунта. Итак, если увеличить русский фунт на $^1/_4$, он стал бы равным около $^1/_2$ килограмма; а увеличить вес, а стало быть и цену, в столь простом отношении, как 4:5, это такая легкая операция, которая не может дать повода ни к каким ошибкам или обману. Если мы уменьшим русский фунт на $9^1/_2$ граммов или на $2^1/_4$ золотника, покупатели понесут потерю примерно на 2%, но я только что указал, что они теряют гораздо больше от неточностей веса, когда дело идет об обыкновенных товарах. Что-

бы внести ту же простоту в соотношениях наших весов и наших мер емкости, какая существует между французской единицей веса и единицей емкости, нужно было бы взять за русскую единицу веса не фунт, а двойной фунт (килограмм).

Но вот гораздо более важный вопрос: какое влияние окажет предлагаемое изменение фунта на монетную систему? Никакого, как мы сейчас увидим.

Вес чистого серебра, содержащегося в рубле, не находится в простом соотношении с русским фунтом: он равен 4 золотникам 21 доле или 17,996 гр.; это почти в точности 18 гр. или вес серебра, содержащегося в 4 франках. Предположим, что русский фунт содержит 500 граммов, тогда из $3^3/_5$ фунтов серебра можно будет получить 100 рублей, или 100 четвертаков из $^9/_{10}$ фунта: это уже достаточно простое соотношение. Если разделить новый фунт на 100 частей (золотников), а 1 золотник на 100 частей (долей), то в четвертаке получится 90 таких частей и 3 зол. 60 долей серебра в рубле. Если к серебру, содержащемуся в рубле, прибавить 40 долей меди, серебряный рубль будет иметь вес 4 золотника, а 25 серебряных рублей или 100 четвертаков будут весить 1 русский фунт, и это даст всем возможность проверить фунт; у каждого в кармане будет средство проверить мелкие веса, на которые продают золото или драгоценные камни. В этом случае проба серебряной монеты сведется к той же, что и во Франции, и пять серебряных рублей будут весить столько, сколько четыре монеты по 5 франков. Проба $^9/_{10}$ несколько выше той, какую принимают сейчас в России и которая равна $86^4/_5$ на 100 или $83^1/_3$ на 96, но эта разница не имеет никакого значения.

Полуимпериал содержит 1 зол. 39 долей чистого золота или 5,998 гр., это почти в точности 6 гр.; поэтому из 12 фунтов (новых) золота можно будет изготовить 1000 полуимпериалов, и каждая монета будет содержать 1 зол. 20 долей чистого золота. Если добавить к полуимпериалу $^1/_9$ меди, монета будет весить 1 зол. $33^1/_2$ доли, три монеты — 4 золотника, а 75 монет — фунт. В России отношение цены серебра к цене золота равно 1 : 15,45; тогда как во Франции оно положено равным 1 : 15,5; поэтому полуимпериал должен стоить во Франции дороже, чем в России; к счастью, разница составляет всего $1^2/_3$ коп. на империал (примерно $^1/_3$%). Вот почему двадцатифранковая монета, которая должна бы стоить 5 рублей, стоит в России немного меньше. Монета в 20 франков содержит 5,80644 граммов золота; поэтому, если считать вес рубля равным 18 гр., стоимость двадцатифранковой монеты в России будет 4 рубля 98 копеек. Это очень мало отличается от пяти рублей, можно было бы изготовить пятирублевые монеты, цена которых была бы та же, что французских монет в 20 франков, и которые содержали бы 5,8 гр. или 1 зол. 16 долей (нового веса) чистого золота. Теперь добавим $^1/_{11}$ к весу золота в полуимпериале, тогда новая монета будет весить 1 зол. $26^1/_2$ долей или 6,325 гр.; но лучше добавить $^1/_9$ меди, как для серебряной монеты; новые монеты будут тогда весить 1 золотн. 29 долей, т. е. столько же, сколько монета в 20 франков.

Если изменить таким образом русскую монетную систему, то можно было бы принять за денежную единицу не рубль, а четвертак, который был бы равен 1 франку и которому можно было бы присвоить название рубля, тогда как новые монеты в 5 рублей (или 20 франков) назывались бы двадцатирублевыми монетами.

Пруссия, Бавария и, главное, Австрия, произвели недавно большие изменения в своей монетной системе, чтобы установить простые соотношения между различными монетными системами Германии и Франции.

Что касается мер емкости, то в этом отношении французская система стоит весьма близко к системе, принятой в России. Восемь ведер составляют 98,32 литра, это очень близко к 100 литрам, можно поэтому приравнять 8 ведер 1 гектолитру, или 1 ведро — $1^1/_4$ декалитра; введение нового ведра под названием «новое ведро» (декалитр) не представляет поэтому трудностей, ибо эта новая мера будет находиться в весьма простом отношении к прежней; стоимость ведра придется уменьшить на 20%. Новое ведро будет делиться на 10 кружек или штофов и на 100 чарок, как и прежнее. Четверик немного больше, чем два ведра, это неудобно; гораздо проще принять четверик за два ведра. Четверик в настоящее время содержит

26,22 литра, следовательно, 4 четверика составляют 104,88 литра или немногим более гектолитра. Таким образом можно приравнять 4 четверика в точности гектолитру, тогда четверть будет равной 2 гектолитрам. Разница в 5% может быть и велика, но легко убедиться, что четверики, которыми пользуются в магазинах и на которых имеется казенное клеймо, часто различаются между собою значительно больше. Итак, новая четверть будет равна двум гектолитрам, получетверть (осмина) гектолитру, осмина или гектолитр будет иметь емкость, равную 10 ведрам (декалитр) или 100 штофам (литр) или 1000 чаркам (децилитрам). Для измерения зерна осмина будет делиться также на 10 частей, которые будут называться гарнцами.

Самое существенное и значительное изменение будет относиться к мере длины — сажени, которая должна быть приравнена к 2 метрам, тогда как на самом деле она равна 2,1335 м. Такое уменьшение, конечно, велико, но, раз вступив на путь усовершенствования мер, уже нельзя отступать; вначале будет трудно приучить публику к этому изменению, но со временем его преимущества будут полностью оценены, особенно при постройках, где во всех французских наставлениях постоянно пользуются метром как линейной мерой, а они очень часто служат руководством нашим архитекторам. Нужно делать все или ничего.

Если сажень считать равной 2 метрам, то для мер дробных, земельных и кубических мы будем иметь следующие соотношения:

Десятина содержит теперь 1,0921 гектаров; теперь она будет равна 1 гектару, т. е. уменьшится на 10%.

Русская верста равна в настоящее время 1,066 французского километра, теперь она будет равна 1 километру, т. е. уменьшится на 7%.

Русская кубическая сажень равна сейчас 9,712 французских стеров, теперь она будет равна 8 французским стерам, т. е. уменьшится на 18% [1].

Новый русский фунт (500 граммов — почти $1^1/_4$ прежнего фунта) делится на 100 золотников; золотник на 100 долей.

1 золотник = 5 граммам; 1 доля = 5 сантиграммам

Новая бочка (морская бочка) в 200 фунтов = 1000 килограммам, примерно 6 прежних берковцев.

Новый рубль равен франку по стоимости и по весу, он весит 1 золотник и содержит 90 долей чистого серебра.

Новая золотая монета стоит 20 рублей и содержит 1 зол. 16 долей чистого золота, 155 монет будут весить 2 фунта.

Четвертак будет считаться монетной единицей; во избежание слова четвертак, обозначающего дробь, его будут называть рублем, монеты будут ценностью в 1, 2, 3, 4 и 5 рублей, 20 пятирублевых монет будут весить в точности 1 фунт.

Новая сажень равна двум метрам, это примерно 45 прежних вершков.

Сажень делится на 2 аршина, аршин на 10 вершков, вершок на 10 линий. Для измерения сукна и тканей можно будет пользоваться также аршином или полусаженью, которая делится на 10 вершков. Новый аршин составит примерно $1^1/_2$ прежних аршина, а новый вершок будет в $2^1/_4$ раза больше прежнего.

Единицей мер емкости будет штоф (литр), десять штофов составят ведро, десять чарок — штоф.

Единицей мер для зерна будет осмина (гектолитр). Осмина делится на 100 гарнцев.

Единицей мер поверхности будет десятина (гектар), мало отличающаяся от прежней десятины.

[1] Если хотят мерить дрова в кубических аршинах (стерах), как это делается во Франции, то 10 кубических аршин составили бы почти в точности прежнюю кубическую сажень, разница была бы всего в 3%. Если считать кубический аршин слишком малой единицей для дров, можно взять за единицу новую кубическую сажень, равную 8 кубическим аршинам. Но не лучше ли совсем уничтожить сажень, которая не находится в десятичном отношении с единицей линейных мер — аршином? — *Примечание документа.*

Мерой расстояния будет верста (километр), равная 500 новым саженям (1000 метров), мало отличающаяся от старой версты.

Мерой дров будет кубический аршин, 10 кубических аршин составляют декастер, мало отличающийся от прежней кубической сажени (кубика, как говорят в народе); четвертая часть декастера (или $2^1/_2$ кубических аршина) будет мало отличаться от сажени дров, поленья которой имели бы в длину всего $^3/_4$ аршина.

Итак:

фунт	= 500 граммам
$^1/_{100}$ фунта или золотник	= 5 граммам
$^1/_{100}$ золотника	= 5 сантиграммам
тонь (морской боченок)	= 2000 фунтам = 1000 килограммам
сажень	= 2 метрам
аршин	= 1 метру
вершок	= 1 дециметру
$^1/_{100}$ аршина (линия)	= 1 сантиметру
$^1/_{1000}$ аршина	= 1 миллиметру
осмина	= 1 гектолитру
$^1/_{10}$ осмины (ведро)	= декалитру
$^1/_{100}$ осмины (кружка)	= литру
$^1/_{1000}$ осмины (чарка)	= децилитру
десятина	= гектару
верста	= километру
кубический аршин	= стеру
10 куб. аршин	= декастеру

Разница между новыми и прежними мерами:

1 новый фунт равен 1 старому фунту +25%
1 новый аршин » 1 старому аршину +40%
1 новая осмина » 1 старой осмине +5%
1 новое ведро » 1 старому ведру минус 20%
Верста и десятина равны старой версте и десятине
Новый декастер равен старой кубической сажени

Таким образом, будет очень легко приводить к новым мерам и весам цены, вычисленные для старых.

Так как новые единицы не слишком отличаются от старых, то мы сочли нужным сохранить прежние наименования, что, может быть, облегчит введение [новых мер], из тех же соображений мы сохранили некоторые единицы, которых нет во французской системе, — фунт, сажень, кубическую сажень; золотник является не сотой частью единицы (килограмма), а сотой частью половины единицы (фунта). Это, конечно, не очень логично и в известной мере нарушает простоту французской системы. Не лучше ли было бы уничтожить все эти старые названия, единственное преимущество которых в том, что они давно были в употреблении, и заменить их новыми названиями, принятыми во Франции? Это свелось бы лишь к замене татарских или голландских наименований наименованиями греческими, а получилось бы то большое преимущество, что раз навсегда была бы устранена возможность смешать прежние единицы с новыми.

Комиссия полагала, что такое предложение уже находится вне пределов ее компетенции, и представляет решение отделению.

В качестве заключения настоящего доклада мы предлагаем Отделению:

1) Обеспечить сотрудничество Академии с Английским Отделением Международной Ассоциации по единообразию мер и весов.

2) Просить его превосходительство г. президента соблаговолить написать г. министру финансов, сообщив ему этот доклад и заключение Академии о том, что было бы весьма полезно договориться с великими торговыми странами о всеобщем принятии французской системы мер и монет, чтобы достичь единства весов, мер и монет во всем цивилизованном мире, поскольку необходимость такого единства становится с каждым днем все более настоятельной.

3) Препроводить копию обращения Ассоциации и настоящего доклада Географическому обществу.

4) Напечатать настоящий доклад и послать несколько его экземпляров Английскому Отделению Международной Ассоциации.

М. Г. Якоби
М. Остроградский
А. Купфер, докладчик

Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1859, № 21, лл. 14—17.— Подлинник.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Особое мнение академика О. В. Струве

Г-н О. Струве, подписывая прилагаемый доклад, заявляет, что он согласен с другими членами комиссии по следующим пунктам:

a) что единообразная система мер во всех странах является весьма желательной;

b) что всеобщее введение десятичной системы было бы весьма полезно;

c) что среди систем мер, употребляемых в настоящее время, французская система имеет некоторые преимущества перед другими, главным образом потому, что в ней десятичный принцип проведен вполне последовательно, и, может быть, еще потому, что имеется простая и удобная зависимость между единицами измерения различных категорий, но в то же время он считает своим долгом возражать против некоторой части заключений, передаваемых комиссией на утверждение Академии.

Принимая во внимание:

1) что представленный доклад содержит лишь то, что можно сказать в пользу французской метрической системы, без указания на те неудобства, которые неизбежно последуют от ее введения в России;

2) что весьма компетентные лица в различных странах решительно высказывались против принятия метра за всеобщую единицу измерения;

3) что десятичная система и установление соответствующих отношений между мерами линейными и мерами площадей, между весами и монетами вполне независимы от единицы измерения и могут быть приспособлены столь же хорошо, а может быть и с большим успехом, к единицам измерения, совершенно отличным от французского метра; г. Струве полагает, что в настоящий момент для Академии достаточно выразить свое сочувствие общим стремлениям Международной Ассоциации, она должна создать из своей среды постоянный комитет, который поддерживал бы все время связь с этой Ассоциацией, но Академии не следует ни высказываться в пользу той или иной системы мер, ни рекомендовать нашему правительству введение французской системы. Прежде чем решить столь общий и важный вопрос, необходимо изучить его со всех сторон, а этого, по мнению г. Струве, Академия пока еще не сделала и не может сделать за несколько дней, ввиду большого количества соображений, которые требуют зрелого обсуждения.

Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1859, № 21, л. 13.— Автограф на французском языке

№ 3

К. С. Веселовский — Дж. Иетсу [37)]

7 сентября 1859 г., Петербург

Непременный секретарь Академии г-ну Джемсу Иетсу, вице-президенту Международной Ассоциации по созданию единообразной десятичной системы мер, весов и монеты, — Лондон

Милостивый государь!

Получив письмо, которым Вы меня почтили от 9 августа, вместе с экземпляром программы заседания Международной Ассоциации по созданию единообразной де-

сятичной системы весов, мер и монет [38]), я поспешил сообщить его императорской Академии наук. В настоящее время я уполномочен довести до Вашего сведения, что вследствие шагов, предпринятых Академией перед правительством, г. Купферу поручено отправиться в Париж и Лондон, чтобы договориться с членами Ассоциации о состоянии вопроса и участвовать в съезде, который состоится в Брэдфорде, Иоркшир, 10-го числа будущего месяца. Он лично засвидетельствует Вам, милостивый государь, что Академия искренно сочувствует намерениям Ассоциации и почтет себя счастливой иметь возможность содействовать решению столь прекрасной задачи. Отчет, который будет представлен г. Купфером по возвращении, без сомнения, даст нам новые основания для соединения наших дальнейших усилий в этом направлении.

Примите уверения в моем совершеннейшем почтении.

Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1859, № 21, л. 57.— Отпуск на французском языке

№ 4

Резолюция съезда Международной Ассоциации по введению единообразной десятичной системы мер, весов и монеты

12 октября 1859 г., Лондон.

На съезде Международной Ассоциации по введению единообразной десятичной системы мер, весов и монеты, состоявшемся в Брэдфорде 10, 11 и 12 октября 1859 г. под председательством Мишеля Шевалье из Парижа, вице-президента, единогласно была принята следующая резолюция:

Съезд, глубоко ценя внимание, с каким русская императорская Академия наук отнеслась к целям Ассоциации, просит передать г-ну Купферу, высокопросвещенному делегату этой знаменитой ученой корпорации, самую искреннюю признательность за его сотрудничество и помощь.

Мишель Шевалье, председатель
Дж. Б. Смит, член парламента, вице-председатель
Джемс Иетс, член Ассоциации, член Королевского Общества, вице-председатель
А. В. Гофман [39]), член Совета
Томас Митчель, почетный секретарь
Леон Леви, постоянный секретарь

Архив АН СССР, ф. 32, оп. 1, № 35, л. 3.— Подлинник на английском языке

№ 5

А. Я. Купфер — К. С. Веселовскому

1 ноября 1859 г., Дрезден

Вы видите, дорогой собрат, что я приехал в Дрезден, закончив свою миссию со всем возможным успехом; я отдыхаю в кругу моей семьи и затем поеду в Варшаву, где мне предстоит выполнить другое поручение, касающееся метеорологии. Напишите мне, пожалуйста, возможно скорее, очень ли я нужен в Петербурге, если да, то я сокращу свое пребывание в Дрездене, чтобы вернуться пораньше. Если

же в моей особе нет необходимости, то я уеду отсюда через три-четыре недели и буду в Петербурге около 20 ноября по старому стилю. Меня приняли в Брэдфорде как нельзя лучше и высоко оценили добрую волю русского правительства — принять участие, поскольку это будет нужно, в этом прекрасном начинании, высказывалось даже пожелание, чтобы Россия взяла на себя инициативу в этом деле. Я не мог ничего обещать, не превысив данных мне инструкций. Мы поговорим об этом подробнее, когда я приеду.

Ваш Купфер

Архив АН СССР, ф. 1, оп. 2,—1859, § 336.— Подлинник на французском языке

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Блудов Д. Н. (1785—1864) — президентом Академии наук был с 1855 г. до конца жизни; с 1826 г. почетный член Академии.— 122.
2) Давыдов С. И. (1790—1878) — вице-президентом состоял с 1852 г. по 1863 г.; в 1852 г. избран почетным членом Академии.— 122.
3) Веселовский К. С. (1819—1901) — экономист; в Академию избран в 1852 г.; непременным секретарем был с 1857 г. по 1890 г.— 122.
4) Речь идет о войне, которую революционной Франции пришлось вести с европейскими монархическими странами.— 122.
5) Германский таможенный союз — внешнеторговый союз германских государств, существовавший с 1834 г. по 1871 г.— 123.
6) Шевалье Мишель (Chevalier Michel, 1806—1871) — экономист; президент Международной Лиги мира (1869 г.); с 1851 г. член Академии нравственных и политических наук. [Во Франции имеется пять Академий, объединенных Французским институтом (L'Institut de France, учрежден в 1795 г.): 1) Французская Академия (Académie Française, основана в 1635 г.); 2) Академия надписей и изящной литературы (Académie des Inscriptions et belles lettres, основана в 1663 г.); 3) Академия наук (Académie des sciences, основана в 1666 г.); 4) Академия Художеств (Académie des Beaux — Arts, основана в 1803 г.) и 5) Академия нравственных и политических наук (Académie des sciences morales et politiques, основана в 1832 г.); член каждой Академии является членом Института]. В 1861 г. Шевалье был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.— 123.
7) Кордье Пьер Луи Антуан (Cordier Pierre Louis Antoine, 1771—1861) — минералог; член Парижской Академии наук с 1822 г.— 123.
8) Дюпен Пьер Шарль Франсуа (Dupin Pierre Charles François, 1784—1873) — математик — механик; член Парижской Академии наук с 1818 г.; в 1836—1844 гг.— президент Академии; с 1826 г. почетный член Петербургской Академии наук.— 123.
9) Беккерель Антуан Сезар (Becquerel Antoine César, 1778—1878) — физик; член Парижской Академии наук с 1829 г.— 123.
10) Броньяр Адольф Теодор (Bronghiart Adolphe Théodore, 1801—1876) — ботаник; с 1834 г.— член Парижской Академии наук; с 1829 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук.— 123.
11) Жоффруа Сент-Илер Изидор (Geoffroy Saint Hilaire Isidare, 1805—1861) — зоолог; член Парижской Академии наук с 1833 г.; с 1856 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук.— 123.
12) Лепле Пьер Гильом Фредерик (Le Play Pierre Guillaume Frédéric, 1806—1882) — инженер и экономист.— 123.
13) Мильн-Эдвардс Анри (Milne Edwards Henri, 1800—1885) — биолог; член Парижской Академии наук с 1838 г.; с 1847 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук.— 123.
14) Флуран Мари Жан Пьер (Flourens Marie Jean Pierre, 1794—1867) — биолог; член Парижской Академии наук с 1828 г.; с 1856 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук.— 123.
15) Фреми Эдмонд (Frémy Edmond, 1814—1894) — химик; член Парижской Академии наук с 1857 г.; с 1856 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук.— 123.
16) Легуа Альфред (Legoyt Alfred, 1815—1885) — статистик.— 123.
17) Мишле Жюль (Michelet Jules, 1798—1874) — историк.— 123.

18) Эли де Бомон Жан Батист Арманд Луи Лионс (Elie de Beaumont Jean Baptiste Louis Lionce, 1798—1874) — минералог; с 1835 г. член Парижской Академии наук; с 1857 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук.— 123.

19) Ламе Габриель (Lamé Gabriel, 1795—1870) — инженер и математик; с 1820 по 1832 г. на русской службе в Институте путей сообщения; с 1829 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук; с 1843 г. член Парижской Академии наук.— 123.

20) Пе Франсуа Мари Ипполит (Peut François Marie Hippolyte, 1809 г.) — публицист.— 123.

21) Эрмит Шарль (Hermite Charles, 1822—1901) — математик; с 1856 г. член Парижской Академии наук; с 1857 г. член-корреспондент, а с 1895 г. почетный член Петербургской Академии наук.— 123.

22) Муаньо Франсуа Наполеон Мари (Moigno François Napoléon Marie, 1804—1884) — математик; издававшийся им журнал (переименованный в «Les Mondes») выходил с 1852 по 1880 г.— 123.

23) Воловский Луи Франсуа Мишель Раймонд (Volovski Louis François Michel Raymond, 1810—1876) — экономист, по происхождению поляк; после поражения революции 1830 г. эмигрировал во Францию и там натурализовался.— 123.

24) Денойе Жюль Пьер Франсуа (Denoyers Jules Pierre François, 1800—1887) — геолог и историк; секретарь Французского геологического общества.— 123.

25) Бабине Жак (Babinet Jacques, 1794—1842) — физик; с 1840 г. член Парижской Академии наук.— 123.

26) Пелуз Теофил Жюль (Pelouze Théophile Jules, 1807—1867) — химик; член Парижской Академии наук с 1837 г.; с 1856 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук.— 123.

27) Корменен Луи Мари де ла Хэ (Cormenin Louis Marie de la Haye, 1788—1868) — публицист и общественный деятель.— 123.

28) Ленорман Шарль (Lenormant Charles, 1802—1859) — историк.— 123.

29) Клапейрон Бенуа Поль Эмиль (Clapeyron Benoit Paul Emile, 1799—1824) — математик и механик; член Парижской Академии наук с 1858 г.; в 1820—1830 гг. работал в России в Институте инженеров путей сообщения; с 1830 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук.— 123.

30) Реньо Анри Виктор (Régnault Henri Victor, 1810—1878) — физик и химик; член Парижской Академии наук с 1840 г.; с 1848 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук.— 123.

31) Зильберман Жан Тибо (Silberman Jean Tiebaut, 1806—1865) — физик.— 123.

32) Купфер А. Я. (1799—1865) — физик и минералог; академик с 1828 г.— 124.

33) Остроградский М. В. (1801—1865) — математик; академик с 1828 г.— 124.

34) Якоби Б. С. (1801—1874) — физик; академик с 1839 г.— 124.

35) Струве О. В. (1819—1905) — астроном; академик с 1852 г.— 124.

36) Заседание Физико-математического отделения, о котором идет речь, было посвящено рассмотрению обращения Британского Отделения Международной Ассоциации, аналогичного публикуемому обращению Международной Ассоциации (см. док. № 1). На этом заседании и была избрана упоминаемая здесь комиссия.— 124.

37) Иетс Джемс (Yates James, 1789—1871) — автор ряда работ о метрической системе, в частности многотомного труда «What is the best Unit of Length», 1858; член Королевского общества с 1839 г.— 130.

38) В упоминаемом сопроводительном письме в работе Международной Ассоциации по выработке единообразной десятичной системы приглашались принять участие следующие русские ученые: Миддендорф А. Ф. (зоолог), Бэр К. М. (зоолог), Брашман Н. Д. (математик), Вернадский И. В. (экономист).— 131.

39) Гофман Август Вильгельм (Hofmann August Wilhelm, 1818—1892) — немецкий химик; в 1845—1864 гг. был директором Королевского химического колледжа в Лондоне, затем вернулся в Германию; член Королевского общества с 1851 г.; с 1857 г. член-корреспондент Петербургской Академии наук.— 131.

ТОРГОВАЯ КНИГА ГАНЗЕЙСКОГО КУПЦА НАЧАЛА XV ВЕКА

Торговые книги являются ценнейшим и важнейшим источником для изучения истории средневековой торговли. По обилию конкретных данных они далеко оставляют за собою другие, обычно привлекаемые для освещения этих вопросов, исторические материалы, не только нормативные (торговые договоры, таможенные тарифы, торговое законодательство), но в общем очень скудные, неточные и неполные данные таможенной статистики и материалы юридической практики, фиксирующие отдельные сделки (нотариальные, долговые, городские книги). Торговые книги являются вместе с тем и наиболее редким источником, ибо по своему характеру они были обречены на сравнительно быструю гибель. Практический интерес к сделанным в книге записям исчезал очень скоро после завершения операций и подведения итогов. Для всей области ганзейской торговли, в общем охватывающей все побережье Балтики и Северного моря, не считая некоторых связей с западным побережьем Франции, за XIV век известны книги только пяти купцов: Вахендорпа, ростокского купца Тэльнера, гамбургского купца Вико фан Гельдерсена и любекских купцов Германа и Иогана Виттенборга[1].

Все эти книги отличаются по своему содержанию, по структуре и характеру записей, но в общем мы можем отметить два основных круга вопросов, по которым торговые книги сообщают нам обильные сведения. Это, во-первых, конкретные данные о разных элементах, характеризующих торговлю в целом в данном центре или районе в данный период (сведения об ассортименте товаров, их ценах, о накладных расходах, иногда весьма разнообразных, о размерах партий и сделок, о прибыли с тех или иных операций, об условиях транспорта, покупки и продажи, о характере спроса и предложений, их устойчивости или колебаниях, о покупателях и продавцах и т. д.).

Во-вторых, помимо исследования торговли в целом можно и должно попытаться восстановить по торговой книге или книгам возможно полную картину деятельности данного единичного торгового предприятия. Задача тоже очень важная и нужная, так как на основании полученных результатов можно сделать и существенные общие выводы.

По первому циклу вопросов, пожалуй, любая торговая книга даст очень много конкретных данных. Что же касается изучения индивидуального предприятия или предприятий, то вопрос о ценности той или иной торговой книги как исторического источника может быть решен только в результате ее весьма тщательного изучения. Необходимо выяснить, в какой мере, насколько полно и точно отражает

---

[1] F. Rörig. Das älteste erhaltene deutsche Kaufmannsbüchlein. Hansische Geschichtsblätter, B. 30, 1925, стр. 12 и след. Переиздано в его же «Hansische Beiträge zur deutschen Wirtschaftsgeschichte». Breslau, 1928, стр. 174—216; K. Koppmann. Johann Tölners Handlungsbuch von 1345 bis 1350. Rostock, 1885; Das Handlungsbuch Vickos von Geldersen. Bearbeitet von H. Nirrnheim. Hamburg., 1895;— C. Mollwo. Das Handlungsbuch von Hermann und Johann Wittenborg. Leipzig, 1902.

книга или книги деятельность предприятия. Обычно ганзейский купец XIV—XV вв. вел, по-видимому, одну книгу, которая, однако, служила разным целям и притом иногда в течение долгого времени нескольким поколениям, в нее записывались в разных местах самые различные по своему характеру операции: закупка товаров, их продажа, выданные векселя, ссуды, участие в товариществах или в совместных с другими лицами операциях, а также покупка земельных рент, приобретение недвижимости и даже иногда домашние расходы.

Разнообразие записей, однако, не является гарантией их полноты. Они могли носить случайный характер или преследовать определенную цель, а поэтому нужно прежде всего ясно представить себе для какой именно цели предназначалась данная книга или отдельные ее части, каков смысл записей в ней. Не учитывая этого обстоятельства, можно прийти, как это неоднократно и имело место, к совершенно неправильным выводам и оценкам.

Книга Гильдебранда Фекингузена однородна по своей структуре и содержанию и не представляет собою объединения совершенно различных по своему характеру групп записей как, например, книга Виттенборга или Гельдерсена. Вся книга — это один счет товарищества, состоящего из двух лиц, братьев Гильдебранда и Зиверта Фекингузенов. Тип книги определяет ее достоинства и недостатки. У нас не возникает никаких сомнений относительно исчерпывающей полноты и точности ее записей в пределах деятельности товарищества или, вернее, одного из его пайщиков Гильдебранда Фекингузена, который, чтобы потом отчитаться перед компаньоном, должен был записывать все сделки, совершенные им за счет этого товарищества независимо от их характера, как денежные, так и товарные, и последние как в кредит, так и на наличные.

Для выяснения масштаба хотя бы части торговых операций какого-либо одного торгового предприятия, такие счета-отчеты, пожалуй, наиболее ценны именно потому, что за известный период и в совершенно точных пределах они содержат все без исключения операции. О какой-либо выборочности или случайности записей тут, очевидно, не может быть и речи.

С другой стороны, книга не содержит и не может содержать каких-либо прямых данных о торговой деятельности Зиверта и Гильдебранда Фекингузенов, выходящей за рамки этого товарищества. Эта деятельность отражена в других сохранившихся и подготовляемых нами к изданию книгах Фекингузена.

Товарищество братьев Фекингузенов, как это явствует из записей другой торговой книги [1], было учреждено в Брюгге во Фландрии 7 марта 1401 г. Каждый из пайщиков внес по 150 фландрских ливров. Эти 300 ливров и составили основной капитал, с которым товарищество начало свою деятельность. Характерно название, которое дано было пайщиками этому предприятию: «Новгородский путь» («Nawgarder Reise»), и действительно, торговля с восточной Балтикой была главной сферой деятельности товарищества [2].

В августе 1406 г. пайщики впервые после пятилетней деятельности выяснили положение дел и произвели взаимные расчеты. Первая часть издаваемой нами книги, листы 1—2, и представляет собой опись состояния дел товарищества на 15 августа 1406 г. Среди источников по балтийско-нидерландской торговле второй половины XIV и первой половины XV веков, имеющихся в научном обороте (опубликованных или просто известных и использованных), не найдется, пожалуй, ни одного, который с такой точностью и полнотой давал бы картину состояния дел какого-либо ганзейского торгового предприятия, как эти первые листы в нашей книге.

Остальная большая часть книги представляет собой записи операций Гильдебранда Фекингузена, свершенных им за счет этого товарищества. Это: 1) записи

---

[1] Af I.

[2] Детальное описание деятельности товарищества будет дано в подготовляемой нами работе: «„Новгородский путь“ — торговое товарищество ганзейских купцов Фекингузенов начала XV века».

купленных и отправленных Фекингузеном товаров (листы 2 об.— 8 об.) и 2) записи полученных и проданных товаров (листы 13 — 17). Внутри каждого раздела записи расположены в строго хронологическом порядке и частично датированы.

Листы 9—12 включительно и листы с 18 до конца книги остались незаполненными. Книга написана рукой одного Гильдебранда Фекингузена и представляет собой перебеленную и может быть несколько сокращенную запись операций, сделанную с записей в других книгах Фекингузена[1] или с отдельных документов и записок. Операции эти охватывают период от 23 октября 1406 г. до 8 ноября 1411 г. Они, равно как и вся деятельность этого товарищества, представляют собой исключительный интерес, так как в самых конкретных и точных чертах рисуют нам оживленную торговлю между Фландрией, Брюгге и восточнобалтийскими городами: Ригой, Ревелем, Дерптом, Перновым. Но торговля этих городов — это в конечном счете отражение торговой жизни Новгорода и Пскова, о которой у нас так мало прямых конкретных данных, ибо эти ливонские города были, главным образом, лишь промежуточными этапами в продвижении западноевропейских товаров в Новгород и вывоза из него в Западную Европу русских товаров, и те товары, которыми пестрят страницы публикуемой книги — это в сущности товары новгородские и псковские или именно там находящие свой сбыт.

Организация товарищества весьма несложна: Гильдебранд Фекингузен находится в Брюгге, его брат Зиверт сидит сначала в Любеке, потом в Кельне. В этой торговле с восточной Балтикой Зиверт принимает, по-видимому, меньше участия, чем Гильдебранд, ибо главная масса товаров с Балтики идет непосредственно из Ливонии и Пруссии во Фландрию, минуя Любек и Кельн. В прибалтийских городах у товарищества имеются доверенные лица: приказчики, или же местные купцы работающие на комиссионных началах. Книга охватывает только операции Гильдебранда Фекингузена, который закупает во Фландрии и отправляет в восточную Балтику сукна и другие шерстяные ткани (керсей, саржу), вино, соль, немного пряностей (лл. 2 об.— 8 об.), а из восточной Балтики Гильдебранд Фекингузен получает и продает во Фландрии пушнину и воск (лл. 13—17).

В книге мы найдем весьма точные и подробные данные об ассортименте товаров, которыми велась торговля между Северо-Западной Русью и Ливонией и Фландрией.

Источник, правда, охватывает деятельность только одного торгового предприятия, но из сообщаемых им данных можно сделать и более широкие выводы, например о структуре импорта и экспорта, об удельном весе того или иного товара в балтийско-нидерландском обороте. Даже в этом вопросе, выходящем в известной степени за пределы ожидаемых от него данных, наш источник, пожалуй, не уступает, если не превосходит такой источник общестатистического характера, как таможенные книги Ревеля, где очень суммарно обозначается лишь стоимость ввозимого и вывозимого товара и очень редко и притом в общей форме встречаются наименования самих товаров.

Торговая книга — несравнимый ни с чем источник по истории цен, данные о которых являются основой для освещения таких важнейших вопросов средневековой торговли, как уровень прибыли (а в связи с этим вопроса о темпах и возможностях аккумуляции капитала), накладные расходы, характер потребления и спроса и др. Что касается новгородско-балтийской торговли, то по вопросу о ценах, например, в научном обороте до самого последнего времени имелось очень небольшое число весьма разрозненных и несопоставимых данных[2].

---

[1] Параллельные книге Af 5 записи имеются в книге Af 2, лл. 35—40 и в книге Af 4. Эти варианты будут даны в подготовляемом нами полном издании торговых книг Фекингузена.

[2] Ср. нашу статью «Торговые сношения Новгорода Великого с Тевтонским орденом в конце XIV и начале XV века». «Исторические записки» № 39, 1952. Об этой работе ср. Hansische Geschichts blätter, 1954, стр. 198—200 и Труды X Международного конгресса историков в Риме в 1955 г. (Relazioni), т. 6, стр. 89, 819, 927.

Правда, в записях Фекингузена приводятся цены на экспортные и импортные с востока товары на фландрском рынке, а не в восточной Балтике и Новгороде, но и эти данные очень важны. Исходя из них, мы можем судить, с известным приближением, сколько могли стоить эти товары в местах их закупки и сбыта в восточной Балтике и в Новгороде.

Публикуемая торговая книга лишь одна и, пожалуй, самая небольшая по объему и ограниченная по содержанию из целой серии книг, принадлежавших Гильдебранду Фекингузену и хранившихся до войны в Таллинском городском архиве. Они охватывают около двух десятилетий деятельности этого крупного ганзейского купца. Настоящая публикация — лишь первый опыт предстоящего в недалеком будущем издания большей части его торгового архива.

Торговая книга Гильдебранда Фекингузена публикуется с рукописи на средне-нижненемецком языке, хранившейся в Таллинском городском архиве под шифром Af 5 (по старому каталогу Af 2). Во время войны вместе со значительной частью архива она была вывезена в Германию и в настоящее время находится в Государственном архивном складе в Геттингене в ФРГ.

Рукопись представляет собой тетрадь, сшитую кожаным ремешком на 48 листах размером 21 на 39 см. Листы 1—17 занумерованы, листы 1—8 и 13—17 заполнены. Бумага с водяным знаком: ангел с крестом, похож на знаки, помещенные у Лихачева под № 2409—2412 (1426—27 гг. и не датированный годом — XV век).

Отличия: фигура прямая (колено не согнуто), виден край второго крыла, концы креста закруглены, голова поднята вверх, вокруг нее нет нимба. Скоропись латинского шрифта одним почерком — рукой владельца книги Гильдебранда Фекингузена.

Обложка мягкая из белой кожи в форме портфеля. На лицевой стороне обложки — торговые знаки Гильдебранда Фекингузена и его брата Зиверта Фекингузена — обоих пайщиков товарищества, счетом которого является данная книга.

Такие же знаки помещены в верхних частях листов над текстом на листах 1 и 13.

Сохранность отличная. Наружная сторона обложки немного попорчена шашелем.

Мы сняли копию с рукописи еще до войны. К сожалению, при подготовке к настоящему изданию мы не имели возможности произвести окончательную сверку с оригиналом. Поэтому возможны некоторые мелкие ошибки, которые, надеемся, не искажают смысл текста.

М. П. Лесников

СПИСОК ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

Аррасс — сорт ткани.
Скот — прусская денежная единица, так же назывался ганзейский сбор.
Терлинг — тюк сукна.
Тиммер («сорок») — мера пушнины.

Анниген
Гарверк
Клеземес
Лушверк } сорта беличьего меха[1]
Поппелен
Тройнисс
Шеневерк

[1] Подробнее о сортах пушнины см. нашу работу «Ганзейская торговля пушниной в начале XV века». Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, 1948, т. VIII, стр. 61—93.

ТОРГОВАЯ КНИГА ГИЛЬДЕБРАНДА ФЕКИНГУЗЕНА

1406—1411 гг.

Fol. 1. r.

Int jar XIIII^{C} VI op half ouste do rekende ick broder Syvert myt dy
hu to Brughe al dynch slecht also dat wy do behelden to hope in ghezeschap
dat uns beyden to horde also hu na screven stet.
Int erste also wy dat vor slaghen hadden dat uns Bode van Stochem
mochte hebbe gheven op dy tyt by — II^{C} lb. gr.
Item darnest hadden wy vorslaghen dat vns mochte hebbe gheven
Gosschalk van den Bokele unde Lodewych Buggendal — CXX lb. gr.
Item op dey sulve tyt vor slaghen wy dat vns mochte hebbe
gheven Renolt Swarte vnde synen broders — L. lb. gr.
Item so vor sloghen wy Tyten selschap op dey tyt dat dey mochte
ok do wert syn — L lb. gr.
Item so hadden wy op dey tyt myt her Hartwych Stenhus to der Ryghen
op C einghelß nobelen dey mochte do wert syn — XXXIII lb. VI sl. VIII gr.
Item so mochte vns do boren op dey tyt van Gosschalk Hoybreken
to vnsen delle by den — VI lb. gr.
De summe van dessen donde was dat wy beyde in gheselschap hadden
to-hope also vor screven es — IIII^{C}LIX lb. VI sl. VIII gr.

Fol. 1 v.

Item so hadde Rennolt Swarte op dey tyt in Lyflande V terlinghe wandes
dey stonden al — CXLVIII lb. XIX sl. II gr.
Item so hadden wy in Lyflande do zulves by Reynolde Swarte VIII ^{M} II^{C} XLIX punt
tymeganne dey stont alto malle to hope — XLVI lb VI sl. II gr.
Item so hadden wy by Ewert Snoyen op dey tyt XXVI halve ypersch III helle ypersch
desse laken stonden — LXVIII lb IX sl. VI gr.
Item so hadden wy westwort op dey sulven tyt in des mesters kocgghen
van Lyflande — XVI lb gr.
Item so hadde jc do noch in handen op dey tyt dat vns beyden horde
neghen vnde fyftych sl. IIII gr. dyt synt — III lb. gr. myn VIII gr.
aldus so es dey summe hu van to hope dat wy jn handen vnde selschap hebben
also hu vor screven stet ghescreven — II^{C} LXXXII lb XIIII sl. II gr.
Item so was dey summa in den tyden vor screven to hope dat myn broder Syvert
vnde jck do hadden to hope in ghezelschap — VII^{C} XLII lb. X gr.

Fol. 2 r.

Item so hadden wy do sulvs in schulden stande do zulvs ton ersten
by Einghelbracht Wyppervorde — IX lb X sl. gr.
Item so was uns I rousse I quartyr werkes op dey tyt, dyt es nu slecht.
Item Hinrych Tyte III kersse dey sint ok nu slecht.
Item dey vrouwe dey Keusselersch dey moch uns sin by dey — XC marc lub.
Item so was men uns van dubbelden arrasse — XL marc lub.
Item so was uns Hinrych van der Hoye ok I summe gheldes.
Item I scarlaken es uns vorbystert dat stont — III lb. XVIII sl. gr.
Item II ghentsch sarse sin dot ghereken.
Item Dyderyk IIII rynsch gulden dey sin betalt, dat es slecht
wante Dydrych Negheler hevet my dat ghelt geven also IIII gulden rynsch.

Fol. 2 v.

Int jar XIIII^{C}VI XXIII october do sante ick ton ersten van my
op unser beyder eventur to Homborch wort II terlinge wandes
dey ene was in schepper Ludeken Buldersone dey ander was in
Olryk Vyschhorst, hu in beyden terlingen waren XXXIIII tomasch laken,

hu weren ton slachdoken II poppersch. desse II terlinge stonden
to hope LXXVIII lb XVIII gr.
Item so sante ick dy in der vasten na der vorscreven tyt to Lub. wort
I pack hu was jnne C. kerssee elk stont V sl. IX gr.
hu was to I wyt dat stont XXII sl.
Aldus so was dey summe van den packe also van C kersseye XXIX lb XIX sl. gr.
Item dar nest XVI dagen vor pinxsten int jar XIIII^{C} VII XVII daghe vor
pinxsten[1] do sante ick to Revelle wort in scheper Einghelbracht Andressone
I^{C} soltes dat stont myt halver vracht XVIII lb XV sl. myn II gr.
Item do sulves do sante ick noch to Revelle wort in Arnt van Hasselte
II^{C} soltes dey stonden beyde myt halver vracht XXXIII lb. gr.
Item op dey sulven tyt sante ick to Revelle wort II terlinge dey ene was
in schepper Ewert Husman dey ander was in Egghebracht Andressone
hu weren in beyden terlingen XXXIIII ackesch laken elk stont XXXIIII sl. I gr.
hu was to II helle tomaß ton slachdoken dey stonden II lb VI sl. beyde
des es hu op kome to unghe [lde] XIIII sl. IIII gr.
dey summe es van beyden terlynghen LXIIII[2] lb. XIX sl. II gr.

Fol. 3 r.

1. Item XVI dagen vor pinxten do sante ick to Prusen wort in II terlingen I^{C} Arrasse
dey ene was in scheper Kote dey ander was in schepper Mychel van der Borch
elk arras stont XIIII sl. gr.
Item hu to weren II konidysch laken dey stonden XXVII sl. gr.
Item so stonden desse II terlinge to unghelde X sl. VIII gr.
Aldus so es dey summe to hope LXXI lb. XVII sl. VIII gr.
Item VIII daghe vor pingsten do sante ick mynen broder to Lub. wort
I tunne hu was jnne XXVII arrasse elk stont XIII sl. IIII gr.
Item so was hu noch inne V dubbelde arrasse elk stont XX sl. gr.
Item so standen desse arrasse to unghelde IIII sl. IIII gr.
Aldus so es dey summa van desser tunne XXIII lb IIII sl. IIII gr.
Item so hadden wy dar nest an vyghen unde rossinen unde an III^{C} soltes to vnse
parte to Revele wort LXXXII lb XIIII sl. I gr.
Item dar nest sante ick mynen broder to Homborch wort unde vort to Lub.
III tunnen myt lack dar was jnne V^{C}LXXVZ[3] punt lake dat punt stont
XII gr. hu op quam to unghelde VIII sl. gr.
Item aldus so es dey summa van dessen III tunnen XXIX lb. XIII sl. VI gr.

Fol. 3 v.

1. Item op sunte Bartolomeus avent do da sante ic dy to Homborch wort in Otten
Vrunberghe V tunnen lake dar van stont Wyllem dey Pattynemaker van
den dorden Pf. dat eventur mer hey hadde neyn ghelt utghegeven.
dey summa van den V tunnen was to hope XLVI lb. IX sl.
Item VIII in settember do sante jck vns ter Pernouwe wort
in Reymer Meyer IIII^{C} soltes dey stonden al XLVI lb. VIII sl. VIII gr.
Item so sante jck noch to der Pernouwe wort in schepper Hinrych Went
I^{C} wyttes soltes dat stont XIIII lb. XIX sl. gr.
Item so sante jck VIII daghe vor sunte Mychalle to Revelle wort half X bote soytes
wins dey helfte stont XVII lb. VIII sl. III gr.
Item so sante ick dy to Lub. wort in Marcquart Gunenbeken tunne
II halve hughelin dey stonden beyde V lb. IIII sl. gr.
Item so hebbe jc vtghegeven vor dat werck dat du to Lub. vorkoftes vt de pruschen

[1] Так в тексте.
[2] Итог неверен, нужно 60 ливров 19 шиллингов 2 грота.
[3] В рукописи описка — пропущено X; нужно $585\frac{1}{2}$, как в книге Af 2, fol. 38 v.
20—24. Здесь и далее Z = $\frac{1}{2}$.

selschap, des werkes was V^M^ XIIII timmer darwart to hope III^C^ XXI mark VII sl. lub.
hu vor gaf jck hu vor vt van dyr weghen van unser beyder ghelde
an vlameschen ghelde LI lb. XVIII sl. X gr.
Item broder so sante ick dy to Lub. wort in dy Trauven in schepper Hinrych Borc
L balle rysses dey stont in al XLIX lb. myn. II gr.

Fol. 4 r.

Item broder so vorkoftesten to Lub. van Tyten selschop VIII^M^ scones werkes
dat M gheveste ume XXVII mark sulvers summa in lubeschen ghelde
IIII^C^XXXZ mark lub. hin vor gaf ick hu ut van unsen ghelde in Tyten
selschap van unsen beyder ghelde LXIX lb. XII sl. gr.
Item int VIII te jar do sante jck dy to Homborch wort in Leyneke Backer
unde in Jacop Crock V tunnen myt lake in II tunnen was II^C^ LXX punt lake
dat punt stont X sl III gr. [1]
in III tunnen was V^M^ XCIIII [2] punt lake dat punt stont XIIII gr.
hu op was komen XIIII sl. II gr. to unghelde
aldus so was dy summa van dessen V tunnen lake LVI lb. XI sl. II gr.
Item dar nest so dede jck Gosschalk Hobreken mede to Revelle wort
III terlinghe wandes ein was in schepper Egghebracht Andressone
dey ander was in scheper Hinnrich dey dorde was in schepper Lullenhusen
hu weren jnne beyden terlingen myt den dorden XLIII tomasch laken
dey summa hu van was to hope van dessen III terlinghe C lb. III sl. VIII gr.
Item so sante jck dar nest to Revelle wort XII bote soytes wins
dey stont myt VI einghelsch nobbelen XXX lb. gr.
Item so sante jck noch to Revele wort I bote quytes dey stont V lb. gr.
Item so sante jc myt den wyne I toghe nap dey stont IX sl. gr.

Fol. 4 v.

Item so sante jck dar nest to Homborch wort in schepper Snybben I terlingh laken
hu was jnne hu was jnne tomasch laken
dey terlinch stant myt allen unghelde XXXVI lb. IIII gr.
Item so sante jck dar nest to Homborch wort unde wort to Lub wort
II tunnen peppers dey stonden beyde tunnen XXXV lb. XVII sl. III gr.
Item so sante jck dy by Zerghes Veckinchusen V rode tomasch laken
dey V laken stonden to hope XI lb. gr.
Item so sante jck eme noch to Lub. wort by Hoystenne I terlinch
tomasch laken dar was jnne [3]... dey stont XXX lb. XIII sl. VI gr.
Item so gaf jck den satroyer by Ghent vor C mark lub XVI lb. XIII sl. IIII gr.
Item Peter Porte van Lenssch sy jck tachter III lb. IX sl. IX gr.
Item so sante ick to Homborch wort by Herman Platenslagher II terlinge.
in den enen was XIIII tomasch laken un I torrolsch laken ton slachdoke
jn den andern terlinge was XV ackesch desse II terlinghe stonden
noch myt enen halven torrolschen laken beyde terlinghe LIX lb. X sl. gr.

Fol. 5 r.

Item so sante jck to Revele wort in schepper Arnt von Hasselte I terlinch
dar was jnne XVII tomasch laken dey stonden al XXXVIII lb. XVIII sl. VIII gr.
Item so sante jck noch to Revelle wort in schepper Hunnyghen [?] XVI bote soytes
wins dey stont to hope XXXI lb. XVI sl. XI gr.
des wins was ein dels in Arnt von Hasselte.

---

[1] Цифры неверны; вероятно, нужно: III^C^LXX punt и XIII gr., а не X sl. III gr.
[2] Описка, нужно V^C^ XCIIII.
[3] Пропуск в тексте.

Item so sante jck dar nest to Homborch wort jn Steffen van Brakele l terlinch
hu was jnne XV kamerykesch laken dey stonden al XXV lb. XIII sl. VIII gr.
Item so dede jck Johanes Heysten mede to Revele wort in Evert Mederyke
I terlinch hu was jnne XVI kamerykesch laken dy stont XXVII lb. XI sl. VI gr.
Item so sante jck op Sconen in Dettemer van Ingheren terlinch tomasch
dar was jnne XVI tomasch lake desse terlinch stont XXXV lb. XI sl. VI gr.
Item so sante jck to Prusen wort in schepper in Vrederyk Bertoldessone
um wort to der Ryghen to senden I pack dar was jnne XIII helle tomasch laken
III rode sneden tomasch laken hu was noch jnne VI ackesch laken
dyt pack stont myt unghelde XLIIII lb. XIIII sl. VIII gr.

Fol. 5 v.

Item so sante jck dar nest to Revelle wort in schepper Pelgram van den Wygger
XXV boyte soytes wins dey stont myt allen unghelde LIIII lb. myn XV sl. gr.
Item so sante jck dar nest to Homborch wort in schepper in schepper [sic]
Johan van Staden I terlinch dar was inne XIIII tomasch laken
dey laken standen myt unghelde XXXVIII lb. XIIII sl. myn XII sl.
Item so sante ick noch to Revelle wort in Pelgram van den Wyggher
l terlinch dar was jnne XIII tomasch laken dey stont XXVIII lb. XIIII sl. gr.
Item so was jck noch tachter van schaden XI· lb. gr.
Item so hebbe jck ghegeven to scote XXXVIII sl. IIII gr.
Item so hebbe jck noch to schaden dan na desser tyt van den oversten [?]
schaden VIII lb. X sl. gr. dyt es nycht
Item so hebbe jck mynem broder Syverde gheven vor V^C XLZ marc IX sl. III pf.
in vlameschen ghelde LXXXV lb. gr.

Fol. 6 r.

Item so hebbe jck vt ghegeven dat myn broder van den vyghen vntfanghen
hadde also XCVII mark XIIII sl. VIII pf. lub. hu vor so moste jck vtgheven
in vlameschen ghelde XV lb. XIII sl. IIII gr.
Int jar XIIII^C X IIII in meye do sante jck to Revelle wort in schepper
Arnt van Hasselte II terlinghe wandes in den einen terlingen was XVIII tomasch
laken myt den slachdoke elk stont XXIZ PF[1] X sl. to unghelde aldus so
es dey summa to hope van dessen terlinghen XXXIX lb. XII gr.[2]
Item so was in den andern terlinghe XVI kamerykesch laken elk stont XXXV sl. gr.
Item so was hu to I sneden tomasch ton slach doken dat stont al XXXV sl. gr.
Item so stont desse terlinch to unghelde X sl. gr.
Aldus so was dy summa to hope van dessen terlinghen XXVI lb. V sl. gr.[3]
Item so sante ick darnest to Revelle wort in schepper Hughen Heyen
I terlinch hu was inne XVI nyedornsch laken elk stont XLV sl. gr.
Item so was hu to I grone sneden poppers dat stont XVII sl. VI gr.
I. line unde kanefas stont IIII sl. gr. aldus so es dey summa hu van XXXVII lb
XVIII gr.

Fol. 6 v.

Item so sante jck to der sulven tyt to Revelle wort in schepper
Johan Wytte l terlinck dar weren jnne XVI nyedornsch laken elk stont XLV sl. gr.
Item so was hu to I sneden poppers dat stont XVII sl. VI gr.
Item hu op quam to unghelde IIII sl. gr.
Aldus so was dey summa to hope van dessen terlinghe XXXVII lb. XVIII gr.
Item so sante jck dar nest to Revelle wort in schepper Tydeman Wygher
l terlinch wandes hu weren jnne XVI nyedornsch elk stont XXXVI sl. gr.

---

[1] Условное обозначение денежной единицы Schild = 2 шиллингам.
[2] Нужно 39 ливров 4 шиллинга.
[3] Нужно 30 ливров 5 шиллингов.

Item hu to was l rot sneden poppersch laken dat stont XIII sl. VI gr.
un I linne unde kannefas stont to hope III sl. gr.
Aldus so es dey summa to hope van dessen terlinghen XXIX lb. XII sl. VI gr.
Item so sante jck noch darnest to Revelle wort l terlinch wandes
hu weren jnne XI tomasch laken elk stont XXIZ PF.
Item so weren hu inne VI halve nyedornsch elk stont dat par XXXVI sl. gr.
Item so was hu inne LVII ellen lakens to X gr.
Item desse terlinch stont to unghelde IX sl. gr.
Aldus so was dey summa van dessen terlinghen XXXI lb. XVII sl. VI gr.

Fol. 7 r.

Item int jar XIIII^C X op den ersten dach van junejus do sante ick to Revele
wort in schepper Albracht van Borchem II terlinghe hu was in den
beyden terlinghen XXXIII tomasch laken myt den slachdoken elk stont XVIII PF.
Item to lyne kannefaß to allen unghelde to hope XXII sl. VIII gr.
Aldus so es dey summa van beyden terlinghen LXXII lb. VIII gr.[1]
dey eine terlinch was in ein ander shep
Item so dede jck Serghes Veckinchusen mede myt V lb. gr. dey hey my schuldjch
was an laken also dat hey mede hadde op XIII lb. XXII gr.
des antworde he Reynolde Swarte II tomasch laken.
dat ander sante hey my wedder an bewerengen [?]
Item XXV in jullejus do sante jck to Revelle wort in schepper Pelgram
van den Wyggher l terlinch wandes hu was jnne VI rode ypersch ton
ersten elk stont XXXV PF
Item so es hu noch jnne II wolters II persse elk stont XXXVII PF.
Item III sadeblauwe ypersch elk stont XLIX PF.
Item I grone tomasch sneden ton slachdoke stet XXXVIII sl. gr.
hu op es to komen to unghelde XI sl. gr.
Aldus so was dey summa van dessen terlinghen LII lb. XIX sl. gr.

Fol. 7 v.

Item dar nest XXII in settember do sante ick to Revelle wort in schepper
Johan Troyst by Kortgrymen Duvel in Tyten packe XV helle tomasch laken.
vnde II sneden tomasch laken desse XVII laken stonden myt vnghelde
to hope XXXVI lb. XI sl. gr.
Item so hebbe jck ghegeven to scote X sl. VII gr.

Fol. 8 r.

Item so hebbe jck Johan van der Bruggen over ghemaket to Lub. wort
umme Tomas Veckinchusen mede to betalende dey VIII^C XCVI marc. lub.
dey wy beyde van eme haden op rente LXX lb.
Item so sante jck Johann van der Bruggen II terlinghe wandes
dar weren jnne XXXI tomasch laken myt dem slachdoke
desse II terlinghe standen to hope LXIX lb. VI sl. II gr.
Item so sante jck Boden van Stochem op dey IIII^C LXX marc III sl. VIII pf. mede
to betalende l terlinch tomasch laken dey terlinch stont XXVIII lb. XIII sl. IX gr.
Item so sante jck to Lub. wort by Johanes Byllevelde prundelinghen dat hey ok Bode
solde benenen ofte dat ghelt op IIII lb. X sl. gr.
Item so sante jck Boden II ghentsch ypersch [?] dey stonden IX lb. gr.
Item so kofte Arnt Wachendorp op my dat jck betalen myste V^C rynsch gulden
hu vor so gaf ick hu LXX lb. XI sl. I gr.

---

[1] По-видимому, описка: повторил предыдущую строку. Нужно 60 ливров 10 шиллингов 8 грот.

Fol. 8 v.

Item so wort vorloren an den pepper VII lb. VI sl. VIII gr.
Item so vorloren wy in Reymer Boytine XXV arrasse dey stonden XVII lb. X sl. gr.
Item so sante ick mynen broder to Colnne wort brussylleghenholt dat stont myt unghelde XLVII lb. XVIII sl. IIII gr.
Item so hebbe ick ghegheven Tydeken Swarte vor hermelen unde konnynghen XXXIX sl. gr.
Item so scryve jck van unsen ghelde in myns broders rekenschap vor XXIIII cronen IIII lb. gr.[1]

Fol. 13 r.

Int jar XIIII^{C} VI in november XV do untfench jck vt schepper Kort van der Lue I tonne werkes hu op quam to unghelde IIII sl. gr.
Item vorkoft hu vt V^{M}III quarter scones werkes dat M. golt X lb myn VI gr.
Item vorkoft hu ut II^{M} lasten dar van worden XXI lb XIIII sl. gr.
Aldus so es dey summa blyvendes hu van desser tonne LXXVIII lb. XVII sl. III gr.
Item so vntfench jck dar nest by Johanes Hoysten vt Pelgram van den Wyggher I tunne werkes hu op quam to vnghelde IX gr.
Item vorkoft hu vt III^{M} lusch werkes dat M golt VII lb. XII sl. gr.
Item vorkofte dar nest V^{M}III quartyr scones werkes dat M golt X lb. myn VI gr.
Item vorkoft XVII timmer III bote troemiss dey gulden al V lb. VI gr.
Aldus so es dey summa van desser tunne af gherekent wedder dey V lb. VI sl.
Aldus so es dey summa van desser tunne noch dan blyvendes LXXX lb. II sl. VI gr.
Item so untfench jck ut Renolt Swarte tunne dat in unse selschap horde. V quartyr scones werkes dey gulden al XI lb. V sl. gr.
Item so quemen my IX tunnen bottere van Lub. dar van wort blyvendes V lb. VI sl. IIII gr.

Fol. 13 v.

Item so untfench jck darnest I tonne werkes van Homborch hu op quam II sl. gr.
Item vorkofte jck hu vt I^{M} lasten dar up quam blyvendes IX lb. gr.
Item vorkoft I^{M} rosyssches werkes dat golt V lb. X sl. gr.
Item vorkoft III^{M}IVZ tymmer smolensches werkes dat dusent golt VI lb. XIIII sl. gr.
Item vorkoft III tymmer marten dey gulden al VII lb. gr.
Aldus so was dey summa van desser tunne blyvendes XXXIX lb. V sl. XI gr.
Item so untfench jck ut V scheppen van Homborch XXXII stucke wasses hu op quam to unghelde XXXVII sl. gr. dyt was woych al XXIIII wagen II naghel elk waghen golt XXXIX marc
dey summa was blyvendes van dessen was XC lb. V sl. II gr.
Item so untfench jck dar nest op dey sayen vt Prusen op II^{M} luschwerkes hin van wort blyvendes XIIII lb. XII sl. VI gr.
Item so untfench jck darnest van Lub. VI stucke loydes hu van wort blyvendes VI lb. XVII sl. III gr.
Item so untfench jck dar nest I^{M} myn IX lasten dar van wort IX lb. IX sl. V gr.

Fol. 14 r.

Item so untfenck jch darnest van Homborch I tunne werkes VI^{M} myn I bote scones werkes dat M golt IX lb. VIII sl. dey summa blyvendes hu van es LIII lb. XI sl. I gr.
Item so wort my vor dey XVI lb. dey wy hadden in Stalbyters scheppe westwort dar van wort uns myt der bate XXXIII lb. XII sl. X gr.
Item so hebbe ick untfanghen van her Hartwych Stenhus also van der selschap dey wy myt eme hadden XL lb. XVIII sl. VII gr.
Item so brochte my Gosschalk Hoybecke van Lub. III^{C}LXXXV gellerssche gulden

[1] Fol. 9—12 не заполнены.

dey summa dar van was hu to Brugghe XXX lb. VI sl. gr.

Item so untfenck jck dar nest van Homborch III tunnen werkes hu op quam VII sl. VI gr.

Item vorkoft hu vt III^{M} lusch werkes I^{M} troeniss dat M golt VII lb. X sl. gr.

Item vorkoft III^{M} clesemes dat M golt VIII lb. gr.

Item vorkoft III^{M} annighen dat M golt VIII lb. VIII sl. gr.

hu af gench to makelerdye V sl. nicht mer was in dessen III tunnen

dey summa blyvendes van dessen werke vorscr. LXXVIII lb. XII sl. gr.

Fol. 14 v.

Item so hevet hey vor my betalt dat jck op ghenomen hebbe op myn broder Syverd dat my myn broder en antworde van scryven sal woy syk dat vyndet, des gheldes es XLVI lb. XII sl. XI gr.

Item so nam jck hu op dat myn broder Tydeman Kastorpe to Lub. betalte XXVII lb. X sl.

Item so nam jck van Arnt Flore dat myn broder to Lub. betalte XXVI lb. gr.

Item so nam jck op van Somerhove to Lubeck wort XX lb. gr.

Item so nam jck op van Henghe Stacke to Lub. wort XV lb. gr.

Item so nam jck op van Hermann Hoppenner to Lub. wort XXX lb. gr.

Item so nam jck op van Krumvoyte to Lub. wort XXX lb. gr.

Item so nam jck op van Hinrych op me Orde to Lub. wort XXX lb. gr.

Item Krumvoyt solde noch hebben LXX lb. gr.

Item so nam jck van Dyderych Vinchessone LXIII lb. gr.

Fol. 15 r.

Item so es my worden van den fygghen unde solte dey wy to hope hadden in gheselschap CIX lb. XIII sl. I gr.

Item so nam jck op to Prusen wort op Ludewjch Buggendal XX lb. gr.

Int Jar IX VIII in jannewarjo do untfench jck ut schepper[1]... Schone X stucke wasses dar van wort blyvendes XXXVII lb. gr.

Item XIIII in merte do untfench jck ut Petter van Russe I tunne hu op quam LV gr.

hu vt vorkoft III^{M} sanwels werkes unde IIII^{M} harwerkes

van dessen werke es my worden to hope LXII lb. XII sl. III gr.

Item so worden my noch XIIII tymmer lasten dey gulden III lb. X sl. gr.

Item so es my worden vor V bote wyns dey wy myt Renolt Swarte hadden dar van uns worden to unsen delle XVI lb. II sl. VI gr.

Item jnt jar IX VIII dagen vor pingsten do untfench jck vt Johan Wytten II tunnen werkes vorkoft vt er tunne IIII^{M} clesemes, dey golt al XL lb. gr.

Fol. 15 v.

Item vorkofte vt der anderen tunne VII^{M} scones werkes dyt golt LXVIII lb. XVIII gr.

Item vorkofte III quartyr harwerkes dat golt al VI lb. XV sl. gr.

Item vorkofte jck noch II^{M} harwerkes dar van wort in al X lb. XI sl. IX gr.

Item so quemen my vt Prusen II stucke wasses dar van wort XIII lb. VI sl. VI gr.

Item so nam jck ut Lodewighes Bughendals selschap unde Gosschalk van den Bokele unde unse selschap to unsen delle XCVI lb. XIII sl. III gr.

Item so nam jck noch op to Prusen wort XXX lb. gr.

Item so nam jck hu op op myn suster Lysseke to Lub. wort. XXIIII lb. gr.

Fol. 16 r.

Item XXVI in jannewarjo do untfench jck by Pertewy [?] dat my Langherbeyn van Homborch sante CXXII cronen dey maken XX lb. V sl. gr.

Int jar XIIII^{C}IX XV in november do untfenck jck vt Heynen Somer XV$_{C}$ stockvyssches hu op quam to vnghelde X sl. X gr. afgherekent

[1] Пропуск в тексте.

dyt unghelt aldus so blyvet blyvendes van den stockvyssche XIIII lb. XV sl. gr.
Item XXII in dessember do untfench jck dat my Lyseken over makede by
Andres Syrenberghe VIII lb. gr.
Int jar XIIII^{C}X XI in aprylle do untfench jck vt Petter Johanessone
dat my Tydeke Swarte ut Pruszen sante IIII stucke wasses hu op quam
IX sl. IIII gr.
dyt was woych al IX waghen IIII naghel elke waghe golt XLIIII marc.
af ghereckent dat vnghelt aldus so blyvet dey summa hu van
XXIX lb. IX sl. VI gr.
Item III in junejus do vntfench jck ut Pelgram van dey Wyggher unde ut
Boytynne II tunnen werkes hu op quam to unghelde IX sl. X gr.
hu vt beyden tunnen vorkoft XZ^{M} scones werkes to XI lb. XV sl. gr.
Item vorkoft noch hu vt I^{M} lusswerkes dat golt X lb. gr.
af gherekent dat unghelt aldus so es dey summa to hope hu of
van beyden tunnen blyvendes gheldes CXXXII lb. XVII sl. VIII gr.

Fol. 16 v.

1. Item so hebbe jck op ghenomen to den Sunde wort op dat sundesche gelt
op rekenschap LXXVII lb. gr.
In jar X X in jullejus do vntfench je vt den II tunnen dey op
Godlande bleven III^{M} lusswerkes dey gulden XXVIII lb. X sl. gr.
Item so vntfench jck noch dar vt III^{M} scones werkes dey gulden
XXVII lb. X sl. gr.
hu op quam to vnghelde V lb. XV sl. gr. aldus so blef my
blyvendes van dessen werke... L lb. V sl. gr.
Item vntfanghen vt Prussen van Tydeken Swarte vor XX mark IX scot myn VIII pf.
prusch IX lb. XV gr. to hope
Int jar XIIII^{C}XI VIII in novembor do untfench jck I tunne werkes
hu op quam to vnghelde IIII sl. X gr.
hu vt vorkoft V^{M} troenissen unde II^{M} poppelen det golt
to hope al XXIII lb. VII sl. III gr.
Item III tymmer marten golden VI lb. XVIII sl. II gr.
Item vorkoft X tymmer sabbel dey gulden al XXXVIII lb. XVIII sl. X gr.
hu af gheyt to makelerdye V sl. II gr.
aldus so es dej summa hu van to hope LXXVIII lb. XIII sl. V gr.

Fol. 17 r.

1. Item V in den ouste do vntfench jck van Revelle dat my Renolt Swarte
sante III tunnen werkes dey ene was in Pelgram van den Wyggher
dey ander tunne was in Clawes Brun
dey dorde tunne was in scheper Vrederyk Stevenssone hu op quam XLV sl. VII gr.
Item vorkoft vt der ersten tunne I^{M} lusches werkes dat golt IX lb. gr.
Item vorkoft I^{M} lettouwesch werkes dat golt VIII lb. gr.
Item vorkoft V^{M} luschwerkes dat M golt IX lb. XII sl. gr.
hu of gheyt dat vnghelt unde dey makelerdje IIII sl. aldus so es
dey summa van der ersten tunne LXII lb. XII sl. XI gr.
Item vorkoft vt der andren tunne I^{M} troeniss dey gulden IX lb. gr.
Item vorkoft darnest VI^{M} werkes lusch dat M golt IX lb. XIIII sl. IIII gr.
hu af gheyt to mekelerdye IIII sl. summa van desser andren tunne LXVII lb. II sl. VI gr.
Item vorkoft vt der dorden tunne I^{M} harwerkes dat golt XI lb. gr.
Item II^{M} clesemes dat M golt X lb. XV sl. gr.
Item IIII^{M} scones werkes dat M golt XI lb. X sl. gr
Item desse II tunnen kosten to Andorpe to vorn XVI sl. to mekelerdye IIII sl.
Aldus so es dey summa to hope van desser dorden tunne LXXVII lb. X sl. VI gr.

ПЕРЕВОД

л. 1.

В год 1406 в половине августа считал я с тобой, брат Зиверт, здесь в Брюгге, разобрав все дела, а именно все, что мы тут имеем совместно в товариществе, что нам обоим принадлежит, как здесь ниже написано.

Во-первых, мы посчитали, что Боде фон Штокман мог бы нам дать на этот день 200 ливров.

Далее положили мы, что нам может дать Готшалк фан ден Бокеле и Людвиг Буггендаль 120 ливров.

Далее посчитали мы на тот же день, что нам мог бы дать Рейнольд Сварте и его братья 50 ливров.

Далее посчитали мы товарищество Тите, что на этот день могло тоже стоить 50 ливров.

Далее на этот день имели мы с господином Гартвигом Штенгусом в Риге на 100 английских нобелей, они могут стоить 33 ливра 6 шиллингов 8 гротов.

Далее причитается нам на этот день с Готшалка Гойбрекена на нашу долю 6 ливров.

Сумма по этим статьям, что мы оба имели вместе в товариществе, как выше написано, 459 ливров 6 шиллингов 8 гротов.

л. 1 об.

Далее имел на этот день Рейнольд Сварте в Лифляндии 5 терлингов сукна, они стоили всего 148 ливров 19 шиллингов 2 грота.

Далее также имели мы в Лифляндии у Рейнольда Сварте 8249 фунтов тимиана, который стоит всего 46 ливров 6 шиллингов 2 грота.

Имели мы в это время у Эверта Снойе 26 половинных [halve] ипрских [и] 3 половинных ипрских[сукон]. Эти сукна стоили 68 ливров 9 шиллингов 6 гротов.

Вложили мы в то же время в когту ливонского магистра 16 ливров.

Имел я на руках в то же время принадлежащие нам обоим 59 шиллингов 4 грота, что составляет 3 ливра без 8 гротов.

Итого сумма по этим статьям всего, что мы имели и имеем в компании, как выше стоит написанным, 282 ливра 14 шиллингов 2 грота.

Сумма в вышеозначенное время всего, что мой брат Зиверт и я имели вместе в товариществе, 742 ливра 10 грот.

л. 2.

Имели мы там же [do sulve] в долгах [нам] [in schulden stande], во-первых, за Энгельбрехтом Випперфорде 9 ливров 10 шиллингов.

Должен был нам один русский за четверть [тысячи] [1 quartyr] пушнины в то время; это теперь погашено.

Гинрих Тите за 3 керсейи; это тоже погашено.

Кейсселерша должна нам около 90 любекских марок.

Были нам должны за двойной арасс 40 любекских марок.

Должен был нам Гинрих фан дер Гойе тоже некую сумму денег [I summa geldes].

1 штука шарлахового сукна [scarlaken] утрачена [verbystert], она стоила 3 ливра 18 шиллингов.

2 штуки гентской саржи списаны [dot gereken].

Дидерик должен 4 рейнских гульдена, они уплочены. Это погашено, так как Дидерик Неглер дал мне деньги, а именно 4 рейнских гульдена.

л. 2 об.

В 1406 году 23 октября послал я, во-первых, от себя на риск нас обоих в Гамбург 2 терлинга сукна: один с кораблем[1] Людеке Бульдерзона, другой [с кораблем]

---

[1] Здесь и в других аналогичных местах буквально «в корабельщике» (in schepper).

Олрика Фишгорста. В обоих терлингах было 34 штуки сент-омерского сукна, там были на обертку 2 штуки поперингского сукна. Эти два терлинга стоили всего 78 ливров 18 грот.

Послал я постом после вышеуказанного времени в Любек 1 тюк [pack], в котором было 100 штук [керсей]; каждая стоила 5 шиллингов 9 грот; была там также 1 белая [штука], которая стоила 21 шиллинг.

Итого сумма за этот тюк, а именно за 100 керсей, 29 ливров 19 шиллингов.

Затем [darnest] 16 дней до Троицы в 1407 году 17 дней до Троицы [28 апреля][1] послал я в Ревель с капитаном [schepper] Энгельбрахтом Андрессоном 1 сотню соли, которая стоила с половиной фрахта 18 ливров 15 шиллингов без 2 грот.

Тогда же послал я еще в Ревель с [кораблем] Арнта фон Гассельте две сотни соли, они обе стоили с половиной фрахта 33 ливра.

В то же самое время послал я в Ревель 2 терлинга: один с кораблем Эверта Гусмана, другой — Эггебрахта Андрессона, там было в обоих терлингах 34 штуки аахенского сукна, каждая стоила 34 шиллинга; там было также две штуки половинного сент-омерского сукна на обертку, они стоили обе 2 ливра 6 шиллингов. Накладных расходов пришлось 14 шиллингов 4 грота. Итого за оба терлинга 64 ливра 19 шиллингов 2 грота[2].

л. 3.

16 дней до Троицы [29 апреля] послал я в Пруссию в двух терлингах одну сотню арраса. Один [терлинг] с капитаном Коте, другой — с капитаном Михелем фон дер Борг. Штука арраса стоила каждая 14 шиллингов. Там было также 2 штуки сукна из Конде [Konidysch], они стоили 27 шиллингов. Встали эти два терлинга за накладные расходы 10 шиллингов 8 грот. Таким образом [aldus], сумма вместе 71 ливр 17 шиллингов 8 грот.

8 дней до Троицы [8 мая] послал я моему брату Зиверту в Любек одну бочку, там было в ней 27 штук арраса. Каждая стоила 13 шиллингов 4 грота. Было еще 5 двойного арраса, каждая стоила 20 шиллингов. Стоил этот аррас за накладные расходы 4 шиллинга 4 грота. Итого сумма за эту бочку 23 ливра 4 шиллинга 4 грота.

Далее имели мы на нашу долю за фиги и изюм и за три сотни соли [посланные] в Ревель 82 ливра 14 шиллингов 1 грот.

Далее послал я моему брату в Гамбург и в Любек 3 бочки камеди [lacke], в них было 575½ фунтов камеди[3]; фунт стоил 12 грот. На это пришлось накладных расходов 8 шиллингов.

Итого сумма за эти три бочки 29 ливров 13 шиллингов 6 грот.

л. 3 об.

В канун Варфоломеева дня [23 августа] послал я в Гамбург на [корабле] Отто Рунге 5 бочек камеди, из них треть риска приходится на долю Виллема Патинемакера, но он не вложил никаких денег. Сумма за эти пять бочек была всего 46 ливров 9 грот.

8 сентября послал я нам в Пернов с [кораблем] Реймером Мейером четыре сотни соли, они стали 46 ливров 8 шиллингов 8 грот.

Еще послал я в Пернов с капитаном Гинрихом Вентом одну сотню белой соли, она стоила 14 ливров 19 шиллингов.

За неделю до Михайлова дня [22 сентября] послал я в Ревель половину из десяти бочек[4] сладкого вина, половина эта стоила 17 ливров 8 шиллингов 3 грота.

Послал я тебе в Любек в бочке Маркварта Гуннебеке 2 полукуска сукна «хугелин», оба стоили 5 ливров 4 шиллинга.

Уплатил я за пушнину, что ты продал в Любеке за счет прусского товарищества. Пушнины было 5 тысяч 14 тиммеров и выручено было всего 321 марка

[1] Так в тексте.

[2] Итог неверен, нужно 60 ливров 19 шиллингов 2 грота.

[3] В рукописи описка — пропущено X; нужно 585½, как в книге Af2; fol. 38v. 20—24.

[4] Из посланных 10 бочек половина принадлежала товариществу братьев Фекингузен.

7 шиллингов любекских. За нее уплатил я за твой счет из наших общих денег 51 ливр 18 шиллингов 10 грот.

Послал я, брат, тебе в Любек на Траве с капитаном Гинрихом Борком 50 тюков [balle] риса, они стоили всего 49 ливров без 2 грот.

л. 4.

Ты, брат, продал в Любеке за счет товарищества Тите 8 тысяч шеневерка. Тысячу ты отдал по 27 марок серебра. Сумма в любекских деньгах $430^1/_2$ марок любекских. За это дал я из наших денег в товарищество Тите из наших общих денег нас обоих 69 ливров 12 шиллингов.

В [140]8 году послал я тебе в Гамбург с [кораблями] Лейнеке Бакера и Якова Крока 5 бочек камеди. В двух бочках было 270 фунтов камеди, фунт стоил 10 шиллингов 3 грота [1]; в трех бочках было 5094 [2] фунта камеди, фунт стоил 14 грот, на это пришлось накладных расходов 14 шиллингов 2 грота. Итого сумма за эти 5 бочек камеди 56 ливров 11 шиллингов 2 грота.

Затем дал я с собой Готтшалку Гойбрекену в Ревель 3 терлинга сукна, один был на корабле [букв. с капитаном] Эггебрахта Андрессона, другой [на корабле] Гинриха, третий на корабле Лулленгузена. В двух терлингах вместе с третьим было 43 штуки сент-омерского сукна. Сумма всего за эти три терлинга 100 ливров 3 шиллинга 8 грот.

Затем послал я в Ревель 12 бочек сладкого вина; это стоило вместе с 6 английскими нобелями 30 ливров.

Еще послал я в Ревель 1 большую бочку [bote... ? quites] вина, оно стоило 5 ливров.

Также послал я с вином чашу [toghe nap], она стоила 9 шиллингов.

л. 4 об.

Затем [позднее] послал я в Гамбург на корабле Сниббе 1 терлинг сукна, в нём было сент-омерское сукно; терлинг стоил со всеми накладными 36 ливров 4 грота.

Затем послал я в Гамбург и в Любек 2 бочки перца, они стоили обе бочки 35 ливров 17 шиллингов 3 грота.

Затем послал я с Сергеем Фекингузеном 5 красных сент-омерских сукон; эти 5 сукон стоили вместе 11 ливров.

Послал я ему еще в Любек с Гойстеном 1 терлинг сент-омерского сукна, в нем было... [3] они стоили 30 ливров 13 шиллингов 6 грот.

Дал я Стройссерам [?] [Satroysser] в Генте за 100 любекских марок 16 ливров 13 шиллингов 4 грота.

Петер Порте из Ланса [Lenssch] должен мне [sy ick tachter] 3 ливра 9 шиллингов 9 грот.

Послал я в Гамбург с Платтеншлагером 2 терлинга. В одном было 14 сент-омерских сукон и 1 тороутское сукно на обертку, в другом терлинге было 15 аахенских сукон. Эти два терлинга стоили еще с полукуском тороутского сукна, оба терлинга, 59 ливров 10 шиллингов.

л. 5

Послал я в Ревель с кораблем Арнта фон Гассельте 1 терлинг, в нем было 17 сент-омерских сукон, они стоили все 38 ливров 18 шиллингов 8 грот.

Послал я еще в Ревель с кораблем Гуннингена 16 больших бочек [bote] сладкого вина, они стоили вместе 31 ливр 16 шиллингов 11 грот, часть вина была на корабле Арнта фон Гассельте.

Послал я затем в Гамбург с кораблем Стефана фан Бракеле 1 терлинг, в нем было 15 камбрейских [kamerykesch] сукон, они стоили 25 ливров 13 шиллингов 8 грот.

[1] Цифры неверны: нужно, вероятно, 370 фунтов и 13 гротов, а не 10 шиллингов и 3 грота.

[2] В тексте описка, нужно 594.

[3] Пропуск в тексте.

Дал я Иоганну Гойстену с собой в Ревель на корабль Эверта Медерике 1 терлинг, в нем было 16 камбрейских сукон, они стоили 27 ливров 11 шиллингов 6 грот.

Послал я в Сконию с кораблем Дитмара фон Ингерем 1 терлинг сент-омерского сукна; в нем было 16 сукон, этот терлинг стоил 35 ливров 11 шиллингов 6 грот.

Послал я в Пруссию с капитаном Фредериком Бертольдессоном, чтобы переслать дальше в Ригу, $^1/_2$ тюка [pack], там было 13 полукусков сент-омерского сукна, 3 красных обрезанных сент-омерских сукон, там было еще 6 аахенских сукон. Этот тюк стоит с накладными расходами 44 ливра 14 шиллингов 8 грот.

л. 5 об.

Послал я затем в Ревель на корабле Пельграма фан ден Виггер 25 больших бочек [bote] сладкого вина. Оно стоило со всеми накладными расходами 54 ливра без 15 шиллингов.

Послал я затем в Гамбург на корабле Иоганна фан Стадена 1 терлинг, в нем было 14 штук сент-омерского сукна. Сукна эти стоили с накладными расходами 38 ливров 14 шиллингов без 12 шиллингов.

Послал я еще в Ревель с Пельграмом фан ден Виггер 1 терлинг, в нем было 13 штук сент-омерского сукна, он стоил 28 ливров 14 шиллингов.

Причитается мне получить в погашение убытков 11 ливров.

Уплатил я скот 38 шиллингов 4 грота.

Выплатил я в погашение убытков в это время 8 ливров 10 шиллингов, это мне не возмещено.

Дал я своему брату Зиверту за $540^1/_2$ марок 9 шиллингов 3 пфеннига, фламандскими деньгами 85 ливров.

л. 6

Уплатил я, что мой брат получил за фиги, а именно 97 марок 14 шиллингов 8 пфеннигов любекских. За это должен был я заплатить фламандскими деньгами 15 ливров 13 шиллингов 4 грота.

В 1410 году 4 мая послал я в Ревель с кораблем Арнта фан Гассельте 2 терлинга сукна. В одном терлинге было 18 сент-омерских сукон с оберткой. Каждое стоило по $21^1/_2$ скуди (schilde) [и] 10 шиллингов накладные расходы. Сумма всего за этот терлинг 39 ливров 12 грот [1].

В другом терлинге было 16 камбрейских сукон, каждое стоило 35 шиллингов, затем там было 1 сент-омерское обрезанное сукно на обертку, оно стоило 35 шиллингов. Накладные расходы на этот терлинг составили 10 шиллингов. Итого сумма за этот терлинг 26 ливров 5 шиллингов [2].

Послал я затем в Ревель с кораблем Гуго Гейе 1 терлинг, в нем было 16 новых турнейских сукон, каждое стоило 45 шиллингов; было там также одно зеленое обрезное поперингское сукно, оно стоило 17 шиллингов 6 грот; одна веревка и парусина стоила 4 шиллинга, всего, таким образом, сумма за это 37 ливров 18 грот.

л. 6 об.

В то же самое время послал я в Ревель с кораблем Иоганна Витте 1 терлинг, там было 16 новых турнейских сукон, каждое стоило 45 шиллингов, было там также 1 обрезное поперингское сукно, оно стоило 17 шиллингов 6 грот. Накладных расходов пришлось 4 шиллинга. Итого сумма за этот терлинг 37 ливров 18 грот.

Затем отправил я в Ревель с кораблем Тидемана Виггера 1 терлинг сукна, в нем было 16 новых турнейских сукон, каждое стоило 36 шиллингов. Там было 1 красное поперингское обрезное сукно, оно стоило 13 шиллингов 6 грот, одна веревка и парусина стоили всего 3 шиллинга. Итого сумма всего за этот терлинг 29 ливров 12 шиллингов 6 грот.

Затем послал я еще в Ревень 1 терлинг сукна. Там было 11 сент-омерских сукон, каждое стоило $21^1/_2$ скуди. Еще было там 6 полукусков нового турнейского сукна,

[1] Цифра неверна, нужно 39 ливров 4 шиллинга.
[2] Нужно 30 ливров 5 шиллингов.

пара их стоила 36 шиллингов. Было там еще 57 локтей полотна [lacken] по 10 грот [за локоть]. Стоил этот терлинг на накладные расходы 9 шиллингов.

Таким образом, сумма за этот терлинг составила 31 ливр 17 шиллингов 6 грот.

л. 7.

В 1410 году 1 июня послал я в Ревель с кораблем Альбрехта фан Боркена 2 терлинга. В обоих терлингах было 33 сент-омерских сукон вместе с оберткой. Каждое стоило 18 скуди. За веревку, парусину, на все накладные расходы — всего 22 шиллинга 8 грот.

Итого сумма за оба терлинга 72 ливра 8 грот [1]. Другой терлинг был на другом корабле.

Дал я Сергею Фекингузену с собой с 5 ливрами, которые он мне был должен, сукно, которое он повез с собой, на 13 ливров 22 грота.

За это передал он Рейнольду Сварте 2 штуки сент-омерского сукна, а остальное он переслал мне как обеспечение [bewerengen].

25 июля послал я в Ревель с кораблем Пельграма фан ден Виггера 1 терлинг сукна, в нем было, во-первых, 6 красных ипрских сукон, каждое стоило 35 скуди, Далее там было 2 штуки [цвета] «вольтерс» [wolters?], 2 штуки [цвета] «персс» [persse] каждое сукно стоило 37 скуди, 3 темно-синих ипрских, каждое стоило 49 скуди, затем одно зеленое обрезное сент-омерское сукно на обертку, стоило 38 шиллингов. Накладных расходов на него пришлось 11 шиллингов. Итого сумма за этот терлинг 52 ливра 19 шиллингов.

л. 7 об.

Затем 22 сентября послал я в Ревель с кораблем Иоганна Фроста с Кортгримме Дювелем в тюке Тите 15 полукусков сент-омерского сукна и 2 обрезных сент-омерских сукон. Эти 17 штук стоили вместе с накладными расходами 36 ливров 11 шиллингов.

Уплатил я скот 10 шиллингов 7 грот.

л. 8.

Перевел я в Любек Иоганну фан дер Бругге, чтобы уплатить Томасу Фекингузену 896 любекских марок, которые мы оба от него получили под ренту, 70 ливров.

Послал я Иоганну фан дер Бругге 2 терлинга сукна, в них было 31 штука сент-омерского сукна вместе с оберткой. Эти 2 терлинга стоили всего 69 ливров 6 шиллингов 2 грота.

Послал я Боде фан Штокману за 470 марок 3 шиллинга 2 пфеннига, чтобы им заплатить, 1 терлинг сент-омерского сукна. Этот терлинг стоил 28 ливров 13 шиллингов 9 грот.

Послал я также в Любек с Иоганном Биллефельдом мелкого товара [prundelinghen], который он тоже должен был передать Боде в счет денег на 4 ливра 10 шиллингов.

Послал я Боде 2 [штуки] гентского ипрского [? сукна], они стоили 9 ливров.

Купил на меня, за что я должен был заплатить, Арнт Вакендорп 500 рейнских гульденов, за что я уплатил здесь 70 ливров 11 шиллингов 1 грот.

л. 8 об.

Было потеряно на перце 7 ливров 6 шиллингов 8 грот.

Потеряли мы на корабле Реймера Бойтина 25 штук арраса, они стоили 17 ливров 10 шиллингов.

Послал я в Кельн моему брату бразильское дерево. Оно стоило с накладными расходами 47 ливров 18 шиллингов 4 грота.

Дал я Тидеке Сварте за горностай и кроликов 39 шиллингов.

Записываю я из наших денег в счет моего брата за 24 кроны 4 ливра.

---

[1] Итог неверен: нужно, если предшествующие цифры верны, 60 ливров 10 шиллингов 8 грот.

л. 13.

В 1406 году 15 ноября получил я с кораблем Корта фан дер Луэ 1 бочку пушнины, накладных расходов на нее пришлось 4 шиллинга.

Продано из нее $5^3/_4$ тысячи шеневерка. Одна тысяча стоила 10 ливров без 6 грот.

Продано из нее 2 тысячи ласки. Выручено за нее 21 ливр 14 шиллингов. Итого сумма чистой выручки с этой бочки 78 ливров 17 шиллингов 3 грота.

Затем получил я от Иоганна Гойстена с кораблем Пельграма фан ден Виггера 1 бочку пушнины, на нее пришлось накладных расходов 9 грот.

Продано из нее 3 тысячи лушверка. Тысяча стоила 7 ливров 12 грот. Продано еще $5^3/_4$ тысячи шеневерка, тысяча стоила 10 ливров без 6 грот. Продано 17 сороков [тиммеров] 3 десятка тройнисс, они все стоили 5 ливров 6 грот.

Итого сумма с этой бочки за вычетом 5 ливров 6 шиллингов. Итого сумма с этой бочки [1] чистой выручки деньгами [blyvendes] 80 ливров 2 шиллинга 6 грот.

Получил я из бочки Рейнольда Сварте, что принадлежит нашему товариществу: $1^1/_4$ тысячи шеневерка, он стоил весь 11 ливров 5 шиллингов.

Из Любека пришли 9 бочек масла, за них получено чистой выручки 5 ливров 6 шиллингов 4 грота.

л. 13 об.

Получил я затем 1 бочку пушнины из Гамбурга, на нее пришлось [накладных расходов] 2 шиллинга. Продал из нее 1 тысячу ласки, чистой выручки получено 9 ливров.

Продал 1 тысячу пушнины [werk] из Резекне, она стоила 5 ливров 10 шиллингов.

Продал 3 тысячи $4^1/_2$ сороков смоленского товара — 1 тысяча стоила 6 ливров 14 шиллингов. Продал 3 сорока куницы. Они стоили все 7 ливров. Итого сумма чистой выручки с этой бочки 39 ливров 5 шиллингов 11 грот.

Получил я с пятью кораблями из Гамбурга 32 куска воска. Накладных расходов пришлось 37 шиллингов. Этот воск весил 24 «веса» [waghe] 2 «гвоздя» [naghel]. Каждый «вес» стоил 39 марок. Чистая сумма выручки за этот воск была 90 ливров 5 шиллингов 2 грота.

Затем получил я за саржу [sayen] из Пруссии 2 тысячи лушверка, чистая выручка с них 14 ливров 12 шиллингов 6 грот.

Затем получил я из Любека 6 штук [кусков] свинца, за него выручено чистыми 6 ливров 17 шиллингов 3 грота.

Затем получил я 1 тысячу без 9 штук ласки, за это выручено 9 ливров 9 шиллингов 5 грот.

л. 14.

Затем получил я из Гамбурга 1 бочку пушнины: 6 тысяч без одного десятка шеневерка, одна тысяча стоила 9 ливров, сумма чистой выручки 53 ливра 11 шиллингов 1 грот.

Пришлось мне на 16 ливров, которые мы имели в корабле Штальбитера, с них пришлось нам вместе с прибылью 33 ливра 12 шиллингов 10 грот.

Получил я от господина Гартвига Штенгуса, а именно с товарищества, которое мы с ним имели, 40 ливров 18 шиллингов 7 грот.

Привез мне Готшалк Гойбрекен из Любека 385 гельдернских гульденов, сумма за них здесь, в Брюгге, 30 ливров 6 шиллингов.

Затем получил я из Гамбурга 3 бочки пушнины. На нее пришлось 7 шиллингов 6 грот. Продано из нее 3 тысячи лушверка, 1 тысяча тройнисс, тысяча стоила 7 ливров 10 шиллингов; продано 3 тысячи клеземес, тысяча стоила 8 ливров; продано 3 тысячи анниген, тысяча стоила 8 ливров 8 шиллингов. С этого ушло на маклерский куртаж 5 шиллингов. Не больше было в этих трех бочках. Сумма чистой выручки с этих 3 вышеуказанных бочек 78 ливров 12 шиллингов.

---

[1] Повторено, очевидно, по ошибке.

Заплатил он за меня, что я взял [под вексель] на моего брата Зиверта, на что мне мой брат должен написать ответ, когда это выяснится, что составляет в деньгах 46 ливров 12 шиллингов 11 грот.

Взял я [под вексель], что мой брат заплатил в Любеке Тидеману Касторпе 27 ливров 10 шиллингов.

Взял я у Арнта Флора, что мой брат заплатил в Любеке, 26 ливров.

Взял я у Зоммергофа на Любек 20 ливров.

Взял я от Хенге [Иоганна] Стаке на Любек 15 ливров.

Взял я у Германа Гоппенера на Любек 30 ливров.

Взял я у Крумфойта на Любек 30 ливров.

Взял я у Гинриха оп ме Орде на Любек 30 ливров.

Крумфойт должен еще получить 70 ливров.

Взял я у Дидериха Финкензона 63 ливра.

л. 15.

Пришлось мне за фиги и за соль, что мы имели вместе в компании, 109 ливров 13 шиллингов 1 грот.

Взял я [под вексель] на Пруссию на Лудевика Буггендаля 20 ливров.

В [14]09 году 8 января получил я с кораблем...[1] Шоне 10 кусков воска, за него чистой выручки 37 ливров.

14 марта получил я от Петера фан Руссе 1 бочку, на нее пришлось [накладных расходов] 55 грот. Продано из нее 3 тысячи «самвельской» пушнины и 4 тысячи «гарверка». Выручено за эту белку (werk) всего 62 ливра 12 шиллингов 3 грота.

Пришло ко мне еще 14 сороков ласки. Они стоили 3 ливра 10 шиллингов.

За 5 бочек вина, которые мы имели вместе с Рейнольдом Сварте, за него пришлось нам на нашу долю 16 ливров 2 шиллинга 6 грот.

В 1409 году за неделю до Троицы [9 мая] получил я от Иоганна Витте 2 бочки пушнины. Продано из первой бочки 4 тысячи клеземес, он стоил весь 40 ливров.

л. 15 об.

Продал я из другой бочки 7 тыс. шеневерка, он стоил 68 ливров 18 грот, продал 3/4 тысячи «гарверка», он стоил весь 6 ливров 15 шиллингов, продал я еще 2 тысячи «гарверка», с него было выручено всего 10 ливров 11 шиллингов 9 грот.

Пришли мне из Пруссии 2 куска воска, за них выручено 13 ливров 6 шиллингов 6 грот.

Взял я из товарищества Людовика Буггендаля, Готтшалка фан ден Бокеле и нашего причитающиеся на нашу долю 96 ливров 13 шиллингов 3 грота.

Взял я [под вексель] на Пруссию 30 ливров.

Взял я [под вексель] на мою сестру Лизеке на Любек 24 ливра.

л. 16.

26 января получил я от Пертеви присланные мне Лангербейном из Гамбурга 122 кроны, они составляют 20 ливров и 5 шиллингов.

В 1409 году 15 ноября получил я от Гейне Зоммера 15 центнеров трески, на это пришлось накладных расходов 10 шиллингов 10 грот, за вычетом этих расходов остается чистой выручки от этой трески 14 ливров 15 шиллингов.

22 декабря получил я от Андрея Сиренберге, что перевела мне Лизекен 8 ливров.

В 1410 году 11 апреля получил я от Петера Иоганнессона 4 куска воска, что мне прислал из Пруссии Тидеке Сварте, на это пришлось [накладных расходов] 9 шиллингов 4 грот. Этот воск весил 9 «весов» 4 «гвоздя». «Вес» стоил 44 марки. За вычетом

---

[1] Пропуск в тексте.

накладных расходов остается с этого [чистая выручка] в сумме 29 ливров 9 шиллингов 6 грот.

3 июня получил я от Пельграма фан ден Виггер и от Бойтина 2 бочки белки, на это пришлось накладных расходов 9 шиллингов 10 грот. Из этих двух бочек продано $10^1/_2$ тысяч шеневерка по 11 ливров 15 шиллингов. Продана еще 1 тысяча лушверка, она стоила 10 ливров. За вычетом накладных расходов сумма чистой выручки с обеих бочек 132 ливра 17 шиллингов 8 грот.

л. 16 об.

Взял я [под вексель] на Зунд [т. е. Штральзунд] зундских денег из расчета на 77 ливров.

В [14]10 году 10 июля получил я из двух бочек, которые остались на Готланде, 3 тысячи лушверка, они стоили 28 ливров 10 шиллингов. Получил я еще из них же 3 тысячи шеневерка, они стоили 27 ливров 10 шиллингов, накладных расходов на это пришлось 5 ливров 15 шиллингов; таким образом, осталось мне чистой выручки от этой пушнины 50 ливров 5 шиллингов.

Получил из Пруссии от Тидемана Сварте за 20 марок 9 скот без 8 пфеннигов прусских, всего 9 ливров 15 грот.

В 1411 году 8 ноября получил я 1 бочку белки, на нее пришлось накладных расходов 4 шиллинга 10 грот. Продано из нее 5 тысяч тройнисс и 2 тысячи поппелен, все это стоило вместе 23 ливра 7 шиллингов 3 грота. Три сорока куницы стоили 6 ливров 18 шиллингов 2 грота. Продано 10 сороков соболя, они все стоили 38 ливров 18 шиллингов 10 грот. На это приходится маклерского куртажа 5 шиллингов 2 грота. Таким образом, вся сумма с этого со всего вместе 78 ливров 13 шиллингов 5 грот.

л. 17.

5 августа получил я из Ревеля 3 бочки белки, которые мне выслал Рейнольд Сварте. Одна бочка была на корабле Пельграма фан дер Виггера, другая — на корабле Клуса Бруна, третья — на корабле Фредерика Стефенсона. На это пришлось 45 шиллингов 7 грот [накладных расходов].

Продано из первой бочки 1 тысяча лушверка, она стоила 9 ливров. Продана 1 тысяча литовского товара, она стоила 8 ливров. Продано 5 тысяч лушверка; тысяча стоила 9 ливров 12 шиллингов. С этого приходится на накладные расходы и куртаж 4 шиллинга. Таким образом, сумма с первой бочки составляет 62 ливра 12 шиллингов 11 грот.

Продано из другой бочки 1 тысяча тройнисс, они стоили 9 ливров. Затем продано 6 тысяч лушверка, тысяча стоила 9 ливров 14 шиллингов 4 грота. С этого приходится на куртаж 4 шиллинга. Сумма с этой второй бочки 67 ливров 2 шиллинга 6 грот. Продано из третьей бочки 1 тысяча гарверка, она стоила 11 ливров; 2 тысячи клеземес, тысяча стоила 10 ливров 15 шиллингов; 4 тысячи шеневерка — тысяча 11 ливров 10 шиллингов. Эти 2 бочки стоило провезти в Антверпен 16 шиллингов, куртаж 4 шиллинга. Итого сумма с этой третьей бочки всего 77 ливров 10 шиллингов 6 грот.

Дневники Воспоминания

ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ

I

В ходе первой русской революции в Москве в октябре 1905 г. был организован Железнодорожный районный комитет партии. В отличие от других райкомов он строился не по территориальному, а по производственному признаку: в Железнодорожный райком входили все партийные организации Московского узла, вне зависимости от места их расположения.

После подавления декабрьского вооруженного восстания партийные организации Москвы, в том числе и железнодорожные, понесли большие потери. Но уже в январе 1906 г. начали восстанавливаться райкомы партии. Был восстановлен и Железнодорожный райком, куда меня направил Московский комитет. Работал я ответственным организатором и пропагандистом на Николаевской (ныне Октябрьской) и Ярославской (ныне Северной) железных дорогах под партийной кличкой «Валериан».

Постепенно партийная работа на предприятиях узла стала налаживаться, и некоторое время спустя по инициативе райкома был поднят вопрос о расширении сферы его влияния. Уроки 1905 года показали, насколько важно, чтобы в периоды революционного подъема партийное руководство на железных дорогах было централизовано, чтобы в боевой обстановке на транспорте не было разнобоя, как это имело место в период декабрьского вооруженного восстания. Тогда, как известно, Николаевская дорога не примкнула к всеобщей железнодорожной забастовке, и это обстоятельство серьезно отразилось на исходе декабрьских боев.

Мы считали, что Московский железнодорожный узел, как самый большой и мощный в стране, призван задавать тон в грядущих революционных выступлениях, а Железнодорожный райком в самые острые моменты борьбы должен руководить всеми партийными организациями на дорогах, примыкающих к Московскому узлу. Таким образом обеспечивалось бы единство действий.

Одновременно перед Центральным Комитетом партии нами был поставлен вопрос об издании нелегальной партийной газеты для железнодорожников. Эти предложения райкома были принципиально одобрены ЦК и лично В. И. Лениным, взявшим на себя редактирование газеты.

По поручению Московского комитета партии я дважды ездил по делам газеты в Петербург. В сентябре 1906 г. мне было поручено отвезти материалы для первого номера железнодорожной газеты и договориться с Петербургским комитетом о разделении сфер влияния Москвы и Петербурга на Николаевской железной дороге. Вторично Московский комитет командировал меня в Петербург в начале декабря 1906 г., поручив отвезти материалы для второго номера газеты.

В Москве мне советовали постараться лично повидать В. И. Ленина, чтобы непосредственно с ним уточнить вопросы, связанные с изданием газеты, выяснить, какие

корреспонденции наиболее удовлетворят газету, как часто предполагается ее выпуск и т. п.

В Петербурге из явочной квартиры меня направили в явку Петербургского комитета, которая в то время помещалась в отдельной комнате при столовой Технологического института, где меня приняла М. М. Эссен. Там же, к своей радости, я встретил хорошо мне знакомую Р. С. Землячку. Как секретарь Петербургского комитета, она взялась мне помочь и вскоре познакомила с Н. К. Крупской.

Узнав в чем дело и получив все привезенные мною материалы для второго номера газеты, Надежда Константиновна сказала, что Владимир Ильич будет рад меня видеть, что он очень интересуется железнодорожниками и окажет нам всемерную помощь. Она же дала мне точные указания, как попасть к Ленину, и сообщила пароль.

Это было в начале декабря 1906 г. Под вечер я явился к Ленину, который жил тогда нелегально под Петербургом в дачной местности Куоккала (ныне Репино) по Финляндской железной дороге, в небольшой зимней даче, называвшейся «Ваза».

Дверь мне открыл сам Владимир Ильич. Выслушав пароль, он поздоровался и повел меня в небольшую комнату, вроде столовой. Запомнилась скромная обстановка этой комнаты: четырехугольный стол, несколько стульев, кушетка. Узнав, зачем я приехал, Владимир Ильич попросил меня присесть, отдохнуть, а сам продолжал прерванную моим приходом беседу с товарищем, которым, как я потом узнал, был Мешковский (И. П. Гольденберг) [1].

Беседа — ее вернее было бы назвать диспутом — была посвящена аграрному вопросу, продолжавшему в то время очень интересовать членов партии. К сожалению, в моей памяти не сохранились детали этой беседы, но помню, что речь шла о национализации земли, о ведении социал-демократами агитационной и пропагандистской работы среди крестьян, о необходимости добиваться революционного союза рабочих и крестьян.

Мешковский сидел, а Владимир Ильич, расхаживая по комнате, то слушал его, то говорил сам.

Присутствуя при этом споре, я был поражен огромной эрудицией Владимира Ильича. Он неоднократно ставил своего образованного противника в тупик, обнаруживая, что тот неправильно истолковывает ряд названных им русских и иностранных авторов; при этом Владимир Ильич приводил на память цитаты из произведений этих авторов, пересказывал их содержание и т. д.

Своей неотразимой логикой и глубоким знанием вопроса Ильич припирал, что называется, к стенке своего противника. Он пытался и меня втянуть в разговор. Делал он это с большим тактом, прямых вопросов мне не задавал, но время от времени, высказывая ту или иную мысль, решительно поворачивался ко мне, как бы спрашивая: «А что вы думаете об этом? Согласны или нет?».

Когда спор подошел к концу, Владимир Ильич попросил Мешковского принести ему на следующий день какую-то книгу, а заодно и захватить для меня два экземпляра только что вышедшего из печати первого номера газеты «Железнодорожник».

Проводив Мешковского, Владимир Ильич пошел в соседнюю комнату, поставил на спиртовку чайник, затем вернулся, подсел ко мне и сказал: «Ну, теперь, товарищ, поговорим о ваших делах». Совершенно неожиданно для себя, мне пришлось подробно рассказать Ильичу не только о работе и состоянии районной железнодорожной партийной организации, но и осветить положение наших московских партийных дел в целом.

Ни одна деталь не была оставлена без внимания: Владимир Ильич все время ставил уточняющие вопросы, спрашивал решительно обо всех сторонах партийной жизни, о настроениях не только членов партии, но и широких рабочих масс, требовал подробностей, тут же в беседе обобщал некоторые факты и события.

Видя интерес Владимира Ильича к деталям нашей партийной работы, я, между

---

[1] Впоследствии Мешковский отошел от партии, но в 1920 г. вновь вступил в ряды большевиков.

прочим, рассказал, что телеграфисты-большевики условным кодом ухитрялись передавать друг другу по линии разные партийные задания.

— Один из моих помощников,— говорил я,— телеграфист Тимофеев сообщал шифром на ту или иную станцию о предстоящем моем приезде. К этому времени там подготавливались нелегальные собрания, а меня на вокзале кто-нибудь встречал.

— Вот как,— удивился Владимир Ильич.— Это очень интересно.

Закипел чайник. Беседа была прервана. Ильич пригласил меня поужинать и начал хозяйничать: накрыл стол, достал хлеб, масло, сахар, поставил тарелки, стаканы. Он был очень гостеприимным хозяином и следил за тем, чтобы я ел и пил.

— Не стесняйтесь, прошу вас. С дороги необходимо поужинать как следует,— говорил он, придвигая ко мне тарелки.

За ужином Ильич продолжал свои расспросы. Он спрашивал про отдельных товарищей, о том, легко или трудно получить в Москве легальную литературу, читают и выписывают ли нашу партийную газету, удалось ли сохранить имевшееся оружие и т. д. Здесь же, за столом, Владимир Ильич разъяснял, какие корреспонденции требуются для железнодорожной газеты, о чем вообще надо писать.

— Необходимо добиваться побольше заметок от железнодорожников с мест,— сказал он,— и желательно сообщать об интересах и настроениях крестьян ближайших к станциям деревень. А железнодорожники ведут работу среди крестьян? Распространяют среди них литературу?— спросил Владимир Ильич.

— Нет, я об этом не слыхал.

— А вовлекают хотя бы отдельных крестьян в станционные партийные ячейки?

— По-моему, не было таких случаев.

— Это необходимо делать. Ни в коем случае нельзя забывать о работе среди крестьян. Железнодорожникам многих станций это легко делать. Ведь они соприкасаются непосредственно с деревней. Живут рядом с ней. Часто связаны с крестьянством и по хозяйству и даже по-родственному...

Мне показалось, что Ильич с укоризной посмотрел на меня. Стало стыдно за себя и за своих московских товарищей. Как же это мы могли упустить такую важную сторону партийной работы?

Владимир Ильич был в курсе всех наших московских дел, знал всех работников комитета.

Беседа с Владимиром Ильичем была для меня чрезвычайно интересной и значительной. Задаваемые им вопросы отличались простотой и конкретностью, мне легко было отвечать на них. Высказывания и советы Владимира Ильича были чрезвычайно ценны и полезны в практике нашей партийной работы. Чувствовался близкий старший товарищ и наставник.

За беседой я не заметил, как пролетело время и стало уже довольно поздно. Владимир Ильич сказал:

— Пожалуй, пора спать.

Он принес из соседней комнаты подушку, одеяло и простыни, сам постелил мне в столовой на кушетке.

— Ложитесь, отдыхайте после дороги. А это на сон грядущий,— добавил он, протянув мне какую-то книгу.— Спокойной ночи!

Он ушел в соседнюю комнату, где долго еще потом горел свет.

На другой день утром, во время завтрака, Владимир Ильич продолжал со мной беседу о революционных задачах железнодорожников, о значении партийного объединения таких центральных узлов, каким является московский, о пользе издания специальной железнодорожной газеты.

Я рассказал, что по заданию Московского комитета выезжал на Московско-Курскую дорогу, побывал в Туле, Орле и Курске. Там на совещаниях представителей местных комитетов и парторганизаций железнодорожников обсуждалось наше предложение о том, чтобы, в случае необходимости проведения на транспорте единых действий, парторганизации дорог, примыкающих к Москве, подчинялись бы Московскому железнодорожному партийному органу. Наша идея была местными комите-

тами одобрена. В. И. Ленин тоже положительно отозвался об этой инициативе Железнодорожного райкома.

Вскоре пришел Мешковский и принес книгу для Ильича, а для меня — два экземпляра первого номера газеты «Железнодорожник». В этом номере была напечатана написанная В. И. Лениным большевистская платформа по вопросу об избирательной кампании во II Государственную думу как «Особое мнение, внесенное на Всероссийскую конференцию РСДРП от имени делегатов с.-д. Польши, Латышского края, С.-Петербурга, Москвы, Центрально-промышленной области и Поволжья»[1].

Получив газеты, я быстро собрался в дорогу. Владимир Ильич тепло со мной попрощался и передал письмо для Надежды Константиновны.

Я был глубоко взволнован встречей с В. И. Лениным. Тогда мне стало особенно ясно, кем является Ленин для нашей партии.

Возвратился я в Петербург благополучно и в столовой Технологического института из рук в руки передал Надежде Константиновне письмо В. И. Ленина.

Выполнив все партийные задания, я собирался на следующий день выехать в Москву, но за несколько часов до отхода поезда был арестован. Сначала меня посадили в «кутузку» полицейского участка, а на второй день отправили в охранку, где я был показан шпикам и допрошен. После этого меня отвезли в «Кресты».

Ввиду того, что в Петербурге я не работал и никто меня не знал, а моя революционная деятельность в Москве была охранке неизвестна, в «Крестах» меня безрезультатно продержали около пяти месяцев. После того, как я сообщил свою настоящую фамилию, в мае 1907 г. этапным порядком меня отправили на родину в Могилевскую губернию для установления личности.

Находясь в «Крестах», я случайно встретил во время прогулки тов. «Андрея» из Железнодорожного райкома Москвы, который успел мне сообщить, что он был арестован в Петербурге на Николаевском вокзале, когда нес чемодан со вторым номером газеты «Железнодорожник», предназначавшимся для Москвы.

Доклад Московскому комитету партии о личных переговорах с В. И. Лениным и о судьбе газеты «Железнодорожник» я смог сделать лишь в июне 1907 г., когда освободился в Могилеве из тюрьмы и, направляясь в Петербург, остановился в Москве.

Таким образом, насколько мне известно, под редакцией В. И. Ленина вышли два первых номера газеты «Железнодорожник». Второго номера я не видел, а первый номер, вышедший нелегально в ноябре 1906 г., хранится в единственном экземпляре в фонде архивного хранения библиотеки Института марксизма-ленинизма[2].

Л. Г. Ханин

II

Мне неоднократно приходилось встречаться с В. И. Лениным на партийных активах, на IX, X и XI съездах партии, на заседаниях Московского Совета, депутатом которого я являлся, а также на заседаниях Московского комитета партии, членом которого я был.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 267—268.

[2] В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма хранятся документы, свидетельствующие об участии В. И. Ленина в 1906 г. в редактировании материалов для нелегальной газеты «Железнодорожник». Так, на одной из корреспонденций под заглавием «Галерея железнодорожных знаменитостей», присланной для помещения в газету «Железнодорожник», имеется собственноручная надпись В. И. Ленина: «NB. В „*Железнодорожник*"» и его подчеркивания в тексте (см. ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2246). В корреспонденции сообщалось о бесчинствах железнодорожных начальников. В № 1 «Железнодорожника» эта корреспонденция не была напечатана, возможно, она готовилась для № 2, который, по словам Л. Г. Ханина, попал в руки жандармов при аресте товарища из Железнодорожного райкома Москвы. В фонде архивного хранения библиотеки Института марксизма-ленинизма № 2 «Железнодорожника» отсутствует, нет его и в Библиотеке им. В. И. Ленина. (Сообщила К. Ф. Богданова, научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Расскажу об одном эпизоде, происшедшем 1 Мая 1918 г. В этот день в Москве была организована грандиозная демонстрация. Во главе рабочих колонн Сущевско-Марьинского района шли руководящие работники района (тт. Аболь, Горбанский, Людвинская, Щербаков и я).

Подходя к Трубной площади, участники демонстрации заметили, что со стороны Сретенских ворот приближается легковая машина, в которой, как оказалось, сидели В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Мы стремительно бросились навстречу машине, остановили ее, поздоровались с ними, поздравили с праздником 1 Мая и стали просить Ленина выступить перед демонстрантами.

Ильич, подумав, согласился. Надежда Константиновна обратилась к нам с просьбой не задерживать долго Ленина, так как его ждали в Кремле.

Участники демонстрации, увидев Ленина, пришли в движение, далеко по площади разнеслись возгласы приветствий.

Так как никакой трибуны на площади не было, мы подняли Ленина на руки, и он произнес короткую зажигательную речь о значении победы рабочего класса. Владимир Ильич предупреждал, что нельзя успокаиваться на достигнутом, что буржуазия так просто не расстанется с награбленным ею богатством; он призывал усилить бдительность и продолжать борьбу против врагов Советской власти.

По окончании речи под бурные овации и крики «ура» мы принялись качать Ильича, но он решительно запротестовал, и нам пришлось опустить его на землю.

Вспоминаю лето 1919 г., когда военное положение страны было чрезвычайно напряженным. В то время в Москве по пятницам проводились митинги трудящихся, на которых выступали руководители Коммунистической партии и Советского правительства с докладами о политическом и военном положении страны. Эти митинги способствовали укреплению связи между партией и народом.

В августе 1919 г. я, как председатель Сущевско-Марьинского районного Совета, и секретарь райкома партии тов. Глузкина обратились к В. М. Загорскому [1], секретарю Московского комитета партии, с просьбой, чтобы на нашем районном митинге в ближайшую пятницу с докладом по текущему моменту выступил В. И. Ленин.

Тов. Загорский долго не соглашался удовлетворить нашу просьбу, но, видя нашу настойчивость, в конце концов сказал: «Тов. Батышев, за сохранность тов. Ленина ты будешь отвечать своей головой!» Я ответил: «Не беспокойтесь, тов. Загорский, Ильич будет цел и невредим. Охрану его я беру на себя и несу за это полную ответственность».

За два часа до начала митинга я поехал на Тормозной завод, где отобрал около 30 человек рабочих, бывших красногвардейцев, входивших в отряд особого назначения, которых я лично хорошо знал. Мы направились к зданию Народного дома имени Каляева (на Новослободской ул.) [2].

Расставив часовых по Новослободской улице, мы осмотрели прилегающие к Народному дому дворы — нет ли какой засады. Не обнаружив ничего подозрительного, я отправился с группой рабочих ко входу Народного дома, где мы стали ожидать Ленина. Я предупредил товарищей, что охрану нужно осуществить незаметно, так как Ленин терпеть не может, чтобы его охраняли. Если Ильич заметит охрану, он рассердится и нам от него попадет.

В точно назначенное время к зданию Народного дома подошла легковая машина, в которой находился Владимир Ильич с одним лишь шофером. Подъехав, Ильич поздоровался с нами, и мы проводили его на сцену. Зал был переполнен рабочими, которые встретили В. И. Ленина восторженной овацией.

В своем выступлении Владимир Ильич обрисовал тяжелое положение в стране. Он говорил, что с юга к Туле подходят белогвардейские войска Деникина, с запада —

---

[1] В. М. Загорский (Лубоцкий) погиб 25 сентября 1919 г. при взрыве бомбы, брошенной контрреволюционерами в здание Московского комитета партии в Леонтьевском переулке.

[2] Теперь в этом здании помещается Всесоюзный проектно-технологический институт.

Юденич, с востока угрожают Колчак и Япония, с севера — оккупационные французские, английские и американские войска, а Москва отрезана от хлебных районов (население Москвы в то время голодало, люди получали $^1/_8$ фунта (50 граммов) хлеба в день, да и то пополам с отрубями). В самой Москве готовился контрреволюционный мятеж, рассчитанный на то, чтобы облегчить Деникину захват Москвы.

В заключение Ленин уверенно сказал, что, несмотря на огромные трудности, наш народ, руководимый большевистской партией, одержит победу.

Доклад Ильича все слушали с напряженным вниманием, он придал нам новые силы в борьбе с контрреволюцией.

По окончании доклада рабочие долго и горячо аплодировали В. И. Ленину, а мы, охрана, держа в карманах наготове револьверы, незаметно окружили Ленина, проводили его до автомобиля, попрощались и помогли ему сесть в машину.

Вспоминается другой случай. В. И. Ленин очень не любил фотографироваться. На IX съезде партии, после того как наша московская делегация окончила свое совещание, происходившее в Кремле, появился фотограф и попросил нас, делегатов, построиться для съемки.

Владимир Ильич, пытаясь уклониться от съемки, быстро зашагал к выходу. Но фотограф вовремя заметил этот маневр Ленина. Он догнал его, неумолимо взял под руку упирающегося Ильича, посадил его среди московских делегатов и щелкнул фотоаппаратом. Так мы оказались снятыми с Ильичем[1].

Хочется рассказать еще об одном случае, который мне лично пришлось наблюдать и который лишний раз показывает заботу и внимание В. И. Ленина к людям. Это было в 1921 г. Московским комитетом партии мне и тов. Сафронову из Басманного района вместе с некоторыми работниками ВЧК было поручено расследовать одно дело. Мы собрались в ВЧК, в кабинете начальника спецотдела Г. И. Бокия и обсуждали предстоящую нам работу.

Вдруг в кабинет тов. Бокия, болевшего туберкулезом, пришел посыльный и принес бутылку молока, белый хлеб и яйца (в Москве тогда было очень голодно).

Тов. Бокий оторопел и стал решительно отказываться принять продукты. В это время раздался телефонный звонок. У телефона находился В. И. Ленин. Он категорически потребовал принять посланные продукты и сказал, что в противном случае он обидится.

Эта отеческая забота В. И. Ленина глубоко тронула всех нас. Мы знали, что, когда В. И. Ленину присылали продукты, он раздавал их товарищам, истощенным от недоедания, или отправлял в детские дома. Ленин говорил, что если эти продукты не принять, то приславшие их товарищи обидятся, но раз народ терпит голод, то и он не может находиться в привилегированном положении.

И. Г. Батышев

III

Я — бывший батрак, в 1917 г. бросил работать у кулака и ушел к большевикам, вступил в ряды большевистской партии, а затем в ее вооруженные отряды — Красную гвардию. Мы пошли за Лениным, так как его призывы были единственно правильными, отвечавшими интересам народа.

По окончании гражданской войны меня направили на курсы красных командиров, откуда я был досрочно взят на пополнение вновь организованного отряда особого назначения при коллегии ВЧК — ОГПУ. Выполняя здесь различные поручения, я мечтал увидеть В. И. Ленина. Вскоре такой случай мне представился. Я был направлен для охраны заседаний IV конгресса Коминтерна, проходившего в Кремлевском дворце. В. И. Ленин в сопровождении близких и друзей шел на заседание Конгресса, о чем-то громко разговаривая. Когда он вошел в зал заседаний, все делегаты

[1] Этот снимок имеется в экспозиции Музея революции СССР.

поднялись и приветствовали его бурной, восторженной овацией. Я тогда подумал, что Ленина любит не только наш народ, но и народы всех стран.

Заседания IV конгресса Коминтерна совпали со славным пятилетием существования Советской власти. На конгрессе присутствовали коммунисты от 58 стран мира. С напряженным вниманием слушали делегаты доклад В. И. Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» на немецком языке.

Вскоре, в декабре 1922 г., членом коллегии ОГПУ З. Я. Беленьким (в распоряжении которого я находился) я был рекомендован Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому для какого-то особого назначения. Представил меня тов. Беленький следующими словами: «Вот этого товарища рекомендуют». Ф. Э. Дзержинский поздоровался со мной за руку и сказал: «Я его не знаю, но если рекомендуют, то я не буду возражать». Потом спросил: «Вы коммунист?» Я ответил утвердительно. Помню, он сказал, что работа там несложная, но очень ответственная, почетная, что надо быть честным коммунистом. Прощаясь, он пожелал мне всего хорошего на новой службе. Я заверил тов. Дзержинского, что буду стараться все точно выполнять.

Куда меня направляют, я не знал, знал только, что мне нужно сейчас явиться в Кремль в распоряжение Петра Петровича Пакална, который скажет, что надо делать. О том, что я направлен в личную охрану Владимира Ильича Ленина, я узнал лишь к концу дня. Какова же была моя радость! Ведь теперь я каждый день буду видеть его, буду учиться у него.

Но, к большому сожалению, мне мало пришлось находиться с ним в Кремле. Болезнь Владимира Ильича все чаще давала себя знать, и вскоре он переехал в Горки. Но и этого небольшого срока, на протяжении которого мне довелось наблюдать его в Кремле на работе и в домашней обстановке, было достаточно, чтобы на всю жизнь в моей памяти запечатлелся его обаятельный образ.

Мне навсегда запомнились его коренастая фигура, высокий умный лоб, глаза, живые и добрые; всегда аккуратно выбритый, скромно одетый; костюм на нем, как правило, поношенный, но чистый. В общем, вид самого простого, обыкновенного человека. При встрече Ленин обычно со всеми здоровался первым.

В Кремле, у кабинета и квартиры В. И. Ленина несли сдвоенную караульную службу: один сотрудник в штатском — от нас, его личной охраны, другой — часовой, в военной форме, из курсантов военной школы ВЦИК. Поручения Ленин всегда давал дежурному сотруднику, а не часовому.

Помню, был такой случай. Владимир Ильич подошел ко мне и говорит: «Товарищ, ко мне скоро придут два иностранца, это профессора из Швейцарии. Вы их пропустите, ничего у них не спрашивайте». Я, вытянувшись, отвечаю: «Хорошо, все будет исполнено». Потом он подумал и спрашивает: «А вы их знаете в лицо?» И тут же напомнил мне: «Помните, они уже у нас были». Я замялся. Видя это, Ленин вернулся к себе в кабинет, затем вышел оттуда с газетой в руке и говорит: «Вот их фотографии, присмотритесь хорошенько и ничего у них не спрашивайте». Ушел он только тогда, когда убедился, что я понял, о ком идет речь. Через несколько минут по длинному коридору прошли эти лица прямо в его кабинет.

А я подумал, почему он не хотел, чтобы у них проверяли пропуска? После я узнал, что Ленин вообще не любил создавать кому бы то ни было излишних затруднений и, пропуская кого-либо к себе, прежде всего требовал вежливого отношения и уважения к посетителю. По правде сказать, не любил он излишней охраны. Мы старались поменьше показываться ему на глаза.

Постоянным местом отдыха В. И. Ленина были Горки в 35 километрах от Москвы. Когда Владимир Ильич серьезно заболел, он все чаще находился там. Дом в Горках, где жил Владимир Ильич последнее время своей жизни, назывался большим домом. В парке было еще два маленьких дома, в одном из которых жил заведующий совхозом «Горки» А. А. Преображенский и мы, охрана В. И. Ленина, а второй домик был использован под столовую санатория МК, там же готовили пищу для Владимира Ильича.

Большой дом в Горках расположен в красивом старинном парке фасадом к де-

ревне того же названия — «Горки». Этот дом, принадлежавший до революции московскому градоначальнику Рейнботу, был хорошо обставлен и имел телефонную связь с Москвой. В то время телефонной связи загородных мест с Москвой, кроме Горок, нигде не было.

До 1922 г. вокруг парка не было ограды; к Ильичу запросто приходили местные крестьяне, беседовали с ним. Когда же вокруг парка возвели ограду в целях создания более спокойной обстановки для Владимира Ильича в связи с состоянием его здоровья, местное население было огорчено, так как прекратился свободный доступ в парк, а значит прекратились и встречи с Ильичем. Крестьяне говорили, что когда не было этого зеленого забора, они часто видели Ильича и он был здоров, а как поставили забор, Ленин стал болеть. Население окрестных сел и деревень проявляло огромную любовь к Ленину.

С декабря 1922 г., после второго приступа болезни, Ленин уже не ходил по парку, он лежал в постели. Ему были запрещены чтение газет, деловые свидания и вообще свидания даже с друзьями, под страхом еще большего ухудшения здоровья. Книги читать было разрешено. В январе 1923 г. наступило некоторое улучшение здоровья, что дало возможность В. И. Ленину продиктовать свои последние статьи: «Странички из дневника», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации» и др.

Однако болезнь продолжала развиваться. В марте 1923 г. произошло третье кровоизлияние в мозг. Болезнь вынудила Ильича прекратить всякую работу и, как оказалось потом, навсегда. Ленин был парализован, отнялась правая половина тела, он лишился речи, остались одни глаза, живые, но печальные. В мае его перевезли в Горки, где он оставался уже до самой смерти. Железная воля Ильича, казалось, снова начала побеждать болезнь, он стал практиковаться писать левой рукой, упражняться в речи. Каждый день на веранде Надежда Константиновна занималась с Владимиром Ильичем письмом и речью. Приходили его друзья, просившие разрешения хотя бы сквозь шторы взглянуть на Ильича. Слегка отодвигая штору, им удавалось видеть лишь его спину. Многие хотели посетить больного Ленина, но редко кото допускали к нему.

Владимира Ильича крайне тяготила болезнь; он хотел знать обо всем, но врачи ни в коем случае не разрешали ему ни читать, ни говорить о работе, об обстановке в стране, насыщенной волнующими событиями. В то время буржуазия подняла неистовый вой против страны Советов; нота Керзона, убийство В. В. Воровского в Швейцарии. Нам — охране — говорили, что Ильича надо всячески оберегать от малейшего волнения, могущего вызвать тяжелые последствия. И все окружающие берегли и любили Ленина, не только семья и близкие, но и мы, сотрудники из охраны Владимира Ильича, крепко его любили. Каждый из нас без колебания отдал бы свою жизнь за Ленина.

Однажды, кажется, летом 1923 г., по моей оплошности произошел случай, к счастью, закончившийся благополучно. Я получил почту и газеты. Увлекшись чтением фельетона из газеты «Беднота», я не заметил, как Ильич, опираясь на плечо фельдшера тов. Казимира Зорьки, идет к дежурному столу. Глаза его загорелись, когда он увидел у меня на столе газеты, которые мне следовало вовремя спрятать.

Ильич подошел к столу, поздоровался со мной и потребовал все газеты. Я стою в ужасе, не знаю, что делать. Мария Ильинична взглянула на меня уничтожающим взглядом, дескать, что же ты наделал? Но Надежда Константиновна, с ее изумительной выдержкой и тактом, улыбаясь Ильичу, говорит ему ласково: «Хорошо, Володя, мы сейчас почитаем новости». Она берет со стола все газеты и, далеко не уходя, тут же возле большого дома садится вместе с ним на скамейку и начинает читать газеты. Надежда Константиновна хорошо знала, что̀ ему можно было читать. Она читала о стройке фабрики, о подвозе эшелона с картофелем в Москву, об улучшении быта рабочих на одном из предприятий и т. п. Она умело обходила острые моменты в международной политике, кое-что тут же сама сочиняла.

Этой прогулкой Ленин, как никогда, был доволен. Вместе с ним и все были довольны. Возвращались с прогулки радостными, Ильич был весел и немного воз-

бужден. Все радовались и забыли про мою оплошность. Даже Мария Ильинична весело на меня взглянула. С этого времени Ленину стали читать не только книги, но и газеты.

Ленин любил прогулки, летом гуляли в парке, а чаще уезжали на машинах в лес. Любил он собирать грибы, вернее, смотреть и указывать, если кто мимо них проходил. Приезжали в лес, выбирали подходящее место, Ильича переносили из машины в плетеную коляску, и кто-нибудь из нас — охраны — возил коляску, а чаще всего — П. П. Пакалн (начальник охраны). Он очень любил Ленина и сам переносил его на руках в коляску. Ленин очень хорошо к нему относился. Прогулки повышали жизненный тонус у Владимира Ильича, он возвращался обычно в хорошем настроении и с лучшим аппетитом. В последние месяцы он проводил на воздухе ежедневно до трех часов.

Среди нас, окружающих, сложилось твердое мнение, что Владимир Ильич к следующему — 1924 году будет здоров. Врачи советовали отправить Ленина в Крым. Весной 1924 г., думали мы, вывезем его в Крым, там хороший климат, подлечится наш Ильич и снова станет у руля правления. Для оборудования места отдыха от нашей охраны выехал в Махалатку Г. П. Иванов (в настоящее время — кандидат наук, работает в ЦНИИТМАШе).

Сам Владимир Ильич надеялся, что он снова будет работоспособным. Помню, осенью 1923 г. ЦК Английской компартии прислал Владимиру Ильичу красивую автоматическую коляску, которая стояла на первом этаже, где Ильич часто завтракал с семьей. Ее показали Владимиру Ильичу. Взглянув на коляску, он отрицательно покачал головой и, отстранив от себя фельдшера, опираясь на палку, самостоятельно прошелся по всему залу и, улыбаясь, сел за стол. Мы были поражены и страшно обрадованы.

А в октябре 1923 г. Ленин вдруг решил поехать в Москву. Надежда Константиновна, Мария Ильинична и врачи его отговаривали, но он и слушать никого не хотел: ехать в Москву и только.

И вот, по настоянию Ленина, выехали. С ним поехали Крупская, Мария Ильинична и Пакалн, а на двух машинах мы, охрана. Приехали в Кремль, где в это время на площади происходили занятия курсантов школы ВЦИК. Подъехав поближе к курсантам, Владимир Ильич снял кепку и приветствовал их. В Кремле он еще раз посмотрел свой рабочий кабинет и квартиру. После уговоров он согласился вернуться в Горки. По дороге заехали на Сельскохозяйственную выставку, находившуюся на территории теперешнего Центрального парка культуры и отдыха им. Горького. Поздно вечером вернулись в Горки.

Свежий воздух, лечение помогли Ленину. Начала восстанавливаться речь, он систематически учился писать левой рукой, значительно окрепла нога. Ленина начал стеснять уход за ним, он старался сам передвигаться по комнате и даже по лестнице (для чего ему сделали особые перила).

19 января 1924 г. я дежурил ночью у Владимира Ильича. Утром, когда мне надо было уже уходить, Ильич не вышел к завтраку. Подошел грустный Петр Петрович и говорит: «Ильичу сегодня что-то нездоровится, на прогулку не поедет». А через некоторое время Мария Ильинична посылает меня на машине за доктором Ферстером в Боткинскую больницу. В доме опять горе. Все ходят мрачные. Надежда Константиновна и Мария Ильинична безотлучно находятся у постели Ильича. Часто звонят по телефону из ЦК, СНК, ОГПУ — все спрашивают, как здоровье Ленина. В доме напряженная обстановка, все молчат. Только пройдет Мария Ильинична, сделает замечание, что кто-то шумит, что часто звонит телефон, что стучат сапогами и прочее. Одеваю валенки, чтобы неслышно ступать.

20 января. Около часа ночи Ленин впал в беспамятство. Все в тяжелом горе. Приехали из ЦК партии, съехались все лечившие Ленина врачи. Здесь Крамер, Ферстер, Розанов, Обух, Гетье, Семашко. Говорят, приступ кончился, но Ильич ослабел, он ничего не ел со вчерашнего дня.

21 января. Звонки, тревога, все спрашивают, как здоровье Ленина, врачи от

него не отходят, а вместе с врачами, тут же, третьи сутки, не отходят от него его близкие — жена и сестра.

Вдруг выходит Мария Ильинична, бежит к телефону и в ужасе говорит: «Ленин умер». Бросила как попало трубку и снова побежала в комнату Ленина. Я тихонько кладу трубку на рычаг. Не верится, нет, не может этого быть, Ленин жив, тут какая-то ошибка врачей. Без конца звонки: «Как с Ильичем, что с ним?» Я отвечаю: «Ленин жив». Снова и снова звонки. Как будто вся Москва узнала о горе и все спрашивают: «Как Ленин?» Снова тот же ответ: «Ленин жив». Находившиеся в то время в Горках корреспонденты газеты «Правда» спрашивают, что Мария Ильинична сказала по телефону, как чувствует себя Ильич? Отвечаю: «Ильич жив».

Через некоторое время ко мне подошел начальник охраны тов. Пакалн, весь в слезах, и говорит: «Пойди, скажи ребятам, что Ленин умер». Иду выполнять последнее поручение. Вхожу в помещение. Меня встретили вопросом: «Ну, что... говори скорее!» Я отвечаю: «Ребята, Ленин умер».

Это была страшная весть, все плакали. Потом пошли в оранжерею совхоза, набрали цветов и с ними направились в последний раз к Ленину, прощаться.

Большой светлый зал, посредине стол, на нем Ленин, самый дорогой всем человек. Положив цветы, сами все стали возле него в почетный караул. Здесь же, ни на минуту не отходя, сидели Надежда Константиновна и Мария Ильинична.

Затем приехали делегаты II Съезда Советов СССР, члены Политбюро Центрального Комитета партии и члены правительства, стали в почетный караул. Здесь же, в библиотеке, члены Политбюро провели совещание о порядке похорон.

Я стоял у своего стола, подошла Н. К. Крупская, подавленная горем, не узнать ее, что-то говорит, губы шевелятся, а звука нет. Чуть слышно сказала: «Не уберегли».

Мария Ильинична стоит, вокруг нее лечившие Ленина врачи, что-то ей говорят, а она смотрит на них, полна не только горя и печали, но и упрека. Я тоже подумал: «Неужели вы, светила науки, не могли спасти Ленина».

Всю ночь 21 и весь день 22 января народ со всех окрестных сел и деревень шел и шел отдать последний долг Ильичу.

23 января 1924 г.— вынос тела из Горок. Большой дом полон людей. Члены ЦК, наркомы, руководители учреждений, рабочие, крестьяне — все идут за гробом с телом великого Ленина. Гроб на руках несут члены Политбюро до станции Герасимовка (в трех километрах от Горок). Стужа невероятная, но люди идут без шапок.

На станцию Герасимовка подан специальный поезд, гроб поставлен в особый вагон. С телом осталась лишь охрана, тт. Беленький и Пакалн. Когда поезд проезжал станции Расторгуево, Бирюлево, Коломенское — везде его встречали тысячи народа, все хотели последний раз увидеть В. И Ленина.

В Москве, на перроне Павелецкого вокзала, гроб с телом В. И. Ленина встречали его соратники: М. И. Калинин, Ф. Э. Дзержинский и другие. Бережно подняв гроб на плечи, они понесли его по улицам Новокузнецкой, Пятницкой и другим в Дом союзов. Улицы, где проходила траурная процессия, были переполнены людьми. Несмотря на то, что стояли сильнейшие морозы, в домах были открыты окна и двери, на крышах и заборах — всюду люди, весь народ провожал любимого вождя в последний путь. Общее горе объединило людей. На улицах был порядок, не было давки, толкотни. Несмотря на сильную стужу все шли прощаться со своим вождем. В течение пяти суток в полном порядке двигались люди к Дому союзов, на улицах горели костры.

Все эти дни я находился в Доме союзов у гроба В. И. Ленина. Врачи с трудом успевали оказывать помощь людям, терявшим сознание. Велико было горе людей, потерявших любимого вождя и учителя.

А. В. Бельмас

ВОСПОМИНАНИЯ О М. А. УЛЬЯНОВОЙ[1]

I

В марте 1891 г. в ветреный и сырой питерский день шли мы за гробом слушательницы Высших женских курсов Ольги Ульяновой. Идти было трудно, ноги скользили и проваливались в мокрый снег. Я осторожно вела под руку мать Оли, Марию Александровну Ульянову, с другой стороны ее поддерживал Владимир Ильич. Она шла молча, прямая, тонкая, хрупкая, с слегка закинутой назад головой и лишь изредка из-под полуопущенных глаз скатывались скупые слезинки.

У меня сердце разрывалось от жалости. Невыносимо было хоронить Олю, чудесную 19-летнюю девушку, умницу, только что развертывавшую свои блестящие способности, милого товарища, так нелепо погибшего. Невыносимо было видеть ее мать, молчаливо идущую за ее гробом. Я знала, что один за другим падали удары на ее прекрасную седую голову: смерть мужа, страшная гибель старшего сына Александра и теперь неожиданная смерть дочери... И все это на коротких отрезках времени! Слишком много для одного человека. А она шла тихая, молчаливая, натянутая как струна, крепко сжав губы. И мы все молчали. Я чувствовала, какой страшной скорбью полно ее сердце, как грубы и неуместны были бы всякие слова утешения и только крепче прижимала к себе руку.

Прошло столько лет с тех пор, а я так ярко и сейчас помню этот весенний день, печальное шествие на кладбище, Олю в гробу и эту скорбную мать с прекрасным измученным лицом...

Это была моя первая короткая и печальная встреча с Марией Александровной. Но впечатление от нее осталось на всю мою жизнь. И в дальнейшем, когда наши семьи были уже близко знакомы, Мария Александровна всегда возбуждала во мне (да я уверена, что и во всех, кто ее встречал) особое чувство глубокой нежности и любви и желания сделать для нее все самое, самое хорошее.

Глубоко запомнилось мне еще одно свидание с Марией Александровной. Это было уже после возвращения нашего из ссылки, в Самаре. Не помню, по какому поводу пришла ко мне Мария Александровна. Не помню и того, как разговор перешел на ее старшего сына Александра. Обычно этой темы никогда не касались. Никогда ведь не заживала жестокая рана. Но тогда она почему-то сама вспомнила о своем последнем с ним свидании, данном ей перед казнью.

«Я знала, что больше его не увижу,— говорила она.— Не знаю, как пришла домой и легла. Чувствовала, что жить больше не могу, нет силы жить. Никаких мыслей в голове,— одно желание скорее, скорее умереть, чтоб ничего не чувствовать. Сколько лежала, не помню, кажется, долго. Вдруг передо мной почему-то встало личико

---

[1] Публикуемые воспоминания находились у М. И. Ульяновой и А. И. Елизаровой, готовивших очерк жизни М. А. Ульяновой. Они хранятся в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в фонде документов семьи Ульяновых (ф. 11).

8-летней Мани. Я забыла об ней, забыла обо всех... И тут я опомнилась. Нельзя умирать, надо жить».

Она говорила тихо, и руки ее дрожали, и слезы медленно скатывались по щекам.

Всю жизнь она была верным, настоящим другом своих «беспокойных» детей. Всегда внешне тихая, ровная, всегда деятельная, всегда полная какой-то большой внутренней силы. Такой я ее помню при всех ее бесчисленных тяжелых переживаниях: при похоронах Оли, при болезни Владимира Ильича в 1895 г., при его аресте в том же году в Питере, при аресте Марии Ильиничны в 1910 г. в Москве.

Она никогда не жаловалась, никогда не падала духом, а молча и гордо принимала новую тяжесть на свои плечи.

В высшей степени изящная, хрупкая и нежная на вид, она обладала огромной силой воли и горячим, мужественным сердцем. Оно и помогало ей переносить все невзгоды жизни, все тяжкие волнения и переживания, выпавшие на ее долю. Хочется отметить еще одну черточку в характере Марии Александровны. Она так слила свою жизнь с жизнью своих детей, что и к товарищам их она относилась, как к своим. И поэтому, вероятно, так хорошо и легко с ней чувствовалось, невзирая на разность лет, и так веяло от нее чем-то родным, милым и близким.

Этот чудесный образ матери революционеров (и каких революционеров!) должен войти в историю жизни ее детей, ибо ее жизнь неразрывно была с ними связана, им посвящена, и кто учтет, в какой мере она своим прекрасным и сильным духовным обликом повлияла на весь уклад их характера и их мировосприятия.

З. П. Невзорова-Кржижановская

II

Знала я Марию Александровну Ульянову в Самаре с 1901 по 1903 год, когда они жили там с Марией Ильиничной, находившейся в административной ссылке. Летом 1902 г. вся семья, за исключением Владимира Ильича и Надежды Константиновны, собралась в Самаре. Тут были оба Елизаровы и Дмитрий Ильич с женой — чувствовалось у них в доме так просто и хорошо, и тон этой уютности главным образом создавала Мария Александровна. Она была добрым, отзывчивым человеком; маленькая, красивая женщина с тонкими чертами лица, сколько ей было тогда лет, но впечатления «старой» она совершенно не производила. Она ласково встречала всех, кто заходил к Марии Ильиничне, интересовалась вообще успехами революции и главным образом проявляла большую отзывчивость к нашим переживаниям.

Мой муж К. К. Газенбум сидел в это время в самарской тюрьме, у меня был маленький ребенок и мать. Мария Александровна к нам нередко заходила, даже и без меня, и проявляла заботу о ребенке. В моей памяти остался такой случай — в 1903 г., в апреле месяце в Самаре вспыхнула стачка булочников, арестовали многих из административно высланных в Самару. У меня сделали обыск и, хотя предписания об аресте не было, но нашли одну какую-то нелегальную брошюру, и это послужило поводом к задержанию меня, как сказал пристав, до выяснения.

На другой день, в 9 ч. утра Мария Александровна уже была у моей матери (к нам еще ночью девочка нянька принесла малыша Кроткова, его мать и отца в эту ночь арестовали).

Мария Александровна научила мою мать немедленно идти к жандармскому полковнику с обоими детьми и сказать ему, что она вынуждена их оставить в жандармском управлении. Мать так и сделала, и мы с Кротковой к 12 час. уже были на свободе. Не прояви Мария Александровна свою доброту и внимательность к товарищам (пришла, как узнала об аресте) и свой опыт по отношению к жандармерии и не научи мою мать, как следует в таких случаях поступать,— мы до «выяснения» дела сидели бы месяц, а то и больше (тем более, что я была здорово замешана в этом деле).

Милый ее облик запечатлелся у меня в памяти, но ведь прошло уже 27 лет и каких? Как-то все затянулось туманом времени.

А. Газенбум

О ДАТЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА ИЗ ФИНЛЯНДИИ В ПЕТРОГРАД В 1917 г.[1]

Считаю необходимым разобраться, наконец, основательно во всех имеющихся в нашем распоряжении данных с тем, чтобы установить дату возвращения В. И. Ленина из Финляндии в Петроград в 1917 г.

Рассмотрим вначале, на чем основывались имеющиеся в литературе даты этого важного факта из биографии В. И. Ленина.

Во втором и третьем изданиях Сочинений В. И. Ленина в предисловии к XXI тому (написанном в октябре 1928 г.) сказано: «Точных, документально засвидетельствованных дат перехода Ленина на нелегальное положение и последовательных его переездов из окрестностей Петрограда в Гельсингфорс и затем в Выборг и обратно в Петроград установить не удалось. Существующие многочисленные воспоминания участников событий противоречат одно другому, и на их точность положиться нельзя. Поэтому соответствующие даты обозначены только приблизительно»[2].

Тем не менее, в этом же томе, в «Датах жизни и деятельности В. И. Ленина» сказано, что В. И. Ленин переехал из Выборга в Лесной под Петроградом 9 (22) октября[3].

Такой вывод был сделан на основании письма В. И. Ленина «Советы постороннего», начинающегося словами: «Я пишу эти строки 8 октября и мало надеюсь, чтобы они уже 9 были в руках питерских товарищей»[4]. Отсюда было сделано следующее заключение: 8 октября Ленина еще не было в Петрограде, а так как достоверно известно, что 10 октября он безусловно был в Петрограде (руководил историческим заседанием ЦК), то, следовательно, он приехал в Петроград 9 октября.

Однако устанавливать даты на основании тех или иных утверждений, взятых из писем В. И. Ленина, написанных в условиях конспирации, по меньшей мере наивно. Известно, что пребывание Владимира Ильича в Петрограде тщательно скрывалось, и в ряде своих писем он умышленно писал так, чтобы нельзя было догадаться о его местопребывании.

Так, в «Письме к товарищам», написанном после заседания ЦК 16 октября, в котором, как известно, Ленин принимал самое активное участие, он пишет: «Мне удалось только в понедельник, 16-го октября, утром увидеть товарища, который уча-

---

[1] От редакции. В связи с опубликованием в нашем журнале (1956, № 4) воспоминаний М. В. Фофановой «Последнее подполье В. И. Ленина», редакция получила ряд писем от читателей по вопросу о дате возвращения В. И. Ленина из Финляндии в Петроград. Мы обратились к М. В. Фофановой с просьбой изложить более подробно свою аргументацию по этому вопросу. Публикуя полученный от нее ответ, редакция считает, что вопрос о дате возвращения В. И. Ленина из Финляндии в Петроград в 1917 г. нуждается в дальнейшем изучении.

[2] В. И. Ленин. Соч., 3 изд., т. XXI, стр. VII—VIII.

[3] См. там же, стр. 578.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 151.

ствовал накануне в очень важном большевистском собрании в Питере и подробно осведомил меня о прениях»[1].

В «Письме к членам партии большевиков» по поводу штрейкбрехерства Каменева и Зиновьева В. И. Ленин прибег к подобному же приему: он пишет 18 октября, что не имел еще возможности получить питерские газеты от среды, 18 октября, что полный текст выступления Каменева и Зиновьева в газете «Новая жизнь» ему передали «по телефону» и что «издалека» он не может судить, насколько испорчено дело их штрейкбрехерским выступлением[2] и т. п.

Ввиду явной необоснованности утверждения о приезде В. И. Ленина в Петроград 9 октября, от этой даты пришлось отказаться. При подготовке 4-го издания Сочинений В. И. Ленина ее заменили датой 7 октября.

О том, как была установлена эта дата, сообщает И. И. Минц в своей лекции «Октябрьская социалистическая революция и тактика большевиков», приводя три аргумента.

Первый — запись в книге-календаре, сохранившейся у машиниста-финна, которому было поручено привезти Владимира Ильича из Выборга в Петроград. В этой книге под датой 7 октября записано: «Старик приехал», что означает приезд В. И. Ленина.

Второй — запись в дневнике жены хозяина, скрывавшего Владимира Ильича в Выборге, где было сказано, что 7 октября Ленин уехал в Петроград.

Третий аргумент цитирую дословно: «Уже после этого нам удалось найти еще одно свидетельство того, что Ленин был в Петрограде уже до 9 октября. На второй день после своего приезда в Петроград Ленин встретился с товарищем Сталиным; встреча состоялась 8 октября»[3].

Должна сказать, что аргументация И. И. Минца меня не удовлетворяет. Я имею основания сомневаться в достоверности записей, на которые он ссылается, а последний аргумент сам по себе нуждается в доказательствах.

Мне представляется необходимым внести ясность прежде всего в основной вопрос, а именно, возвратился ли Ленин в Петроград после решения ЦК, состоявшегося 3 октября 1917 г.[4], или до этого решения?

Я утверждаю, что Ленин возвратился в Петроград до решения ЦК, т. е. до 3 октября.

О том, что В. И. Ленин приехал в Петроград «без разрешения ЦК», пишет также Е. Д. Стасова в своем письме на мое имя от 29 июля 1957 г.

Об этом же говорят воспоминания ряда товарищей, наиболее близко связанных в то время с Лениным, а также фраза из книги «Ко дню пятидесятилетия со дня рождения Владимира Ильича Ульянова (Ленина)», изданной исполкомом Моссовета в 1920 г. и преподнесенной Владимиру Ильичу в день его рождения.

В этой книге, содержащей вехи жизни и деятельности В. И. Ленина, на стр. 37 сказано: «В. И. стремится сбросить правительство Керенского и передать всю полноту власти в руки организованных рабочих и крестьянских масс: „Необходимо скорее брать власть, не то будет поздно“,— говорит он своим партийным товарищам. Во время Демократического совещания он пишет ЦК партии: „Довольно тянуть канитель, нужно окружить войсками Александринку, разогнать всю шваль и взять власть в свои руки“. ЦК не соглашается с В. И. Он покидает свое убежище в Финляндии и, рискуя попасть в руки агентов Керенского, „самовольно“ приезжает в СПб для организации восстания».

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 166.

[2] См. там же, стр. 185 и 187. Следует отметить, что телефон в моей квартире, в которой находился В. И. Ленин, отсутствовал.

[3] «В помощь марксистско-ленинскому образованию», 1939, № 5—6, стр. 45.

[4] 3 октября 1917 г. состоялось следующее решение ЦК партии: «Предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь» (Протоколы Центрального Комитета РСДРП. Август 1917 г.— февраль 1918 г., М.—Л., 1929, стр. 87).

Я уже писала, что при получении от В. И. Ленина упомянутой выше книги я обратила его внимание на слова о «самовольном» приезде в Петроград, и Владимир Ильич, улыбнувшись, дважды подчеркнул красным карандашом это место [1].

А. В. Шотман, поддерживавший связь между В. И. Лениным и ЦК партии, в своих воспоминаниях пишет: «Когда я однажды собрался в очередную поездку в Выборг навестить Владимира Ильича, я встретил на Финляндском вокзале Эйно Рахья, который, хитро улыбаясь, сообщил мне, что нет смысла ехать в Выборг, так как Владимир Ильич переехал в Петроград. Затем с виноватым видом покаялся, что привез его в Питер без ведома ЦК и теперь боится, что ему за это попадет. Я его, конечно, основательно выругал, сказал, что попадет ему от ЦК, как полагается, побежал в ЦК и рассказал покойному Я. М. Свердлову об этой „неприятной" истории. После продолжительной с ним беседы решили: „так оставить".

Проживая с конца сентября в Лесном, Владимир Ильич время от времени встречался с некоторыми членами ЦК, то на квартире М. И. Калинина, то на квартире Н. Кокко, рабочего завода „Айваз"» [2].

Шотман пишет, что примерно за полмесяца до этой встречи с Рахьей, он (Шотман) сообщил в ЦК, что Ленин настойчиво требовал устроить ему переезд из Гельсингфорса в Петроград. Но когда Шотман подробно рассказал, какому риску подвергался Владимир Ильич при переезде в Финляндию, как тщательно проверяют документы всех переезжающих границу, особенно приезжающих из Финляндии, ЦК постановил до поры до времени задержать приезд Владимира Ильича, поручив Шотману подготовить переезд с полной гарантией безопасности.

Эйно Рахья, являвшийся организатором переезда В. И. Ленина из Выборга в Петроград, рассказывает: «Шотман меня не вызывал, он меня не видел в то время, а приходила Надежда Константиновна ко мне на квартиру... Она входит и заявляет мне, что Владимир Ильич передал мне привет... Она передает мне записку... а там сказано: «Приготовить переезд из Выборга в Петроград до станции Удельная, квартирой обеспечивает Надежда Константиновна. Исполнить немедленно». Я не знал его адреса. Она говорит, что Владимир Ильич сказал, чтобы дать мне адрес, ехать туда-то.

Шотмана не было. Шотман был откомандирован на Урал, и мне не с кем было говорить, потому что я знал, что это очень секретное дело, и я не знал, к кому из членов ЦК прийти и сказать. Я их знал. Все они меня тоже знали. Владимир Ильич был для меня все, и я решил, что раз Владимир Ильич пишет, так надо делать» [3]. На вопрос, когда это было, Рахья ответил: «По-моему, в сентябре месяце. Надежда Константиновна пишет, что это было в октябре, нет, это было в сентябре» [4].

Эйно Рахья рассказывает далее, что, когда он, по заданию Владимира Ильича, пошел на другой день после его приезда к Сталину для передачи приглашения Ленина о встрече, Сталин сказал, что не может ехать к Владимиру Ильичу в Финляндию. Когда же Рахья пояснил, что он уже доставил Ленина в Петроград, Сталин рассердился. «Какое ты имел право?— заявил он мне. Начал ругать меня. А я не знаю, за что он меня ругает» [5].

Таким образом, все вышесказанное подтверждает мое утверждение о том, что В. И. Ленин приехал в Петроград до 3 октября, в сентябре 1917 г.

Между прочим, в качестве одного из доводов в пользу даты 7 октября обычно приводят тот факт, что эта дата имеется у Н. К. Крупской в ее воспоминаниях о Ленине, вышедших в 1931 г.

---

[1] См. «Исторический архив», 1956, № 4, стр. 172.

[2] А. Шотман. Как от искры возгорелось пламя. Изд. «Старый большевик». М., 1934, стр. 348—349.

[3] Э. А. Рахья. Владимир Ильич в последние дни перед Октябрьским восстанием 1917 г.; Стенограмма от 7 февраля 1935 г. Отдел фондов Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина, д. 289, лл. 3—4.

[4] Там же.

[5] Там же, л. 20.

Когда Надежда Константиновна писала последние главы II части своих воспоминаний, она мне читала их, и мы вместе вспоминали события, связанные с последним подпольем Владимира Ильича. Дата возвращения Владимира Ильича из Выборга в Петроград была там указана — в сентябре; не помню точно, в каких выражениях это было написано.

Рукопись была сдана в издательство. Через некоторое время Надежда Константиновна позвонила мне и говорит: «Маргарита, мы с Вами ошиблись насчет даты приезда Владимира Ильича к Вам на квартиру, оказывается, настаивают на дате 7 октября». Я посоветовала ей оспаривать, не соглашаться, в противном случае ей придется изменить и выкинуть некоторые события, чтобы не попасть впросак.

В тот же день вечером я была у Надежды Константиновны; снова мы вместе читали, и я предлагала ей выкинуть эпизод о парне, который стучался в дверь моей квартиры и которому Ильич подал голос,— парнем этим был студент Политехнического института Е. Флоров, который приходил ко мне за своими вещами перед отъездом на практику, в Одессу (в октябре Флорова уже в Петрограде не было). На это Надежда Константиновна сказала мне, что она этот эпизод выкидывать не будет, так как хорошо помнит, что он был.

Для подтверждения сказанного мною нужно сверить последнюю главу воспоминаний по рукописи Надежды Константиновны. Необходимо принять меры для разыскания этой рукописи.

Вопросом об установлении даты приезда В. И. Ленина из Выборга в Петроград в 1917 г. занимается также ленинградский исследователь П. Н. Михрин, который согласен с высказанными мною в настоящем письме соображениями по этому вопросу и с выводом о том, что В. И. Ленин приехал в Петроград в конце сентября 1917 г. Что касается точной даты возвращения В. И. Ленина, то в этом вопросе между нами нет полного согласия. Я утверждаю, что Владимир Ильич возвратился в Петроград 22 сентября, П. Н. Михрин отстаивает дату 29 сентября.

Для установления даты приезда В. И. Ленина в Петроград следует внимательно проанализировать его приписку к статье «О героях подлога и об ошибках большевиков»: «Писано *до* окончания Совещания: первую фразу переделать — напр., „в сущности, кончилось“ и т. п.» [1].

Изучая статью в рукописи, хранящейся в Архиве ИМЛ, я обратила внимание на то, что приписка сделана и другим пером, и другими чернилами, чем вся статья. Приписка могла быть сделана только 23 сентября, после того как Владимир Ильич прочел в утренних газетах об окончании (накануне, 22 сентября) Демократического совещания, так как уже 24 сентября статья появилась в газете «Рабочий путь» № 19. Статья, как известно, была напечатана в сокращенном виде, надо полагать, что до сдачи в набор она была подвергнута в редакции тщательному обсуждению, на что также требовалось известное время.

Из всего этого следует, что В. И. Ленин утром 23 сентября безусловно находился в Петрограде, куда он прибыл накануне в пятницу 22 сентября вечером. О том, что днем приезда Владимира Ильича была пятница, я помню совершенно точно, так как он пришел ко мне на квартиру в момент, когда у меня происходило совещание группы педагогов, работавших вместе со мной по внешкольному образованию подростков, а эти совещания происходили у нас по пятницам.

М. В. Фофанова

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 31.

Статьи

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЭКСПЕРТИЗЫ ЦЕННОСТИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ СОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ[1]

А. В. ЕЛПАТЬЕВСКИЙ

Вопросы экспертизы ценности документальных материалов, образующихся в деятельности советских учреждений, организаций и предприятий, представляют значительный интерес как для широких кругов советских историков и архивистов, так и для работников советского государственного аппарата.

Недавно разработанные Главным архивным управлением «Правила экспертизы научной и практической ценности документальных материалов в государственных архивах» (1957 г.) под экспертизой ценности документальных материалов понимают определение научного, политического и практического значения документальных материалов и отбор их для хранения или уничтожения, проводимые на основе принципов и критериев, устанавливаемых советским архивоведением.

Основная установка при экспертизе ценности документальных материалов — это отбор документальных источников, имеющих научную и практическую ценность, для постоянного хранения в советских государственных архивах. Обеспечение качественного состава документальных материалов, хранящихся в советских государственных архивах, — вот основная задача советских архивистов при экспертизе ценности документов. Результатом работы по экспертизе должно быть принятие на государственное хранение документов, представляющих определенную научно-историческую и практическую ценность, которые могут быть с успехом использованы, ибо совершенно ясно, что хранение документальных материалов, утративших практическое и не имеющих научно-исторического значения, является с государственной точки зрения нецелесообразным, поскольку научно-техническая обработка и само хранение документов требуют значительных денежных средств и специальных помещений. Лежащие мертвым грузом документы часто лишают государственные архивы возможности принять на хранение многие ценные материалы. Экспертиза ценности документальных материалов неразрывно связана с комплектованием государственных архивов ценными источниками, и ее проблемы нельзя рассматривать в отрыве от ее основной задачи.

Вопросы экспертизы ценности документов остро стоят и перед архивными органами, и перед всеми советскими государственными учреждениями, в результате деятельности которых ежедневно рождается большое количество самых разнообразных документов.

---

[1] Статья печатается в порядке обсуждения.

Советским архивоведением разработаны основные принципы и критерии экспертизы ценности документальных материалов. Экспертиза в практике работы архивных органов и архивов действующих учреждений базируется на принципах исторического подхода к документам, на всесторонней и комплексной оценке документов.

Исторический подход предполагает выявление и раскрытие содержания документальных материалов, исходя из исторической обстановки, в которой действовал фондообразователь. На такой точке зрения стоят, в частности, «Правила экспертизы...» 1957 г.

При всесторонней оценке учитываются все факторы, которые могут повлиять на ценность документов не только с точки зрения сегодняшнего дня, но и перспективы, когда в связи с новыми факторами эти документы получат иное значение.

При комплексной оценке документы рассматриваются с учетом их взаимосвязи и взаимозависимости, их места и значения в составе исторически сложившихся документальных комплексов — архивных фондов.

Критериями определения ценности документальных источников являются: содержание документов, время их возникновения, автор, происхождение, автографичность, юридическая сила, дублетность, поглощенность [1] и т. п.

В ходе развития советского архивного дела практические вопросы экспертизы ценности документов решались по-разному. До 1929 г. экспертиза ценности документов, образующихся в деятельности советских учреждений, фактически осуществлялась исключительно архивными органами и государственными архивами. Это обусловливалось отсутствием надлежащего опыта у советских учреждений, неналаженностью делопроизводства, относительно малой стабильностью многих отдельных частей советского государственного аппарата и рядом других причин. Благодаря этой системе советским государственным архивам удалось сохранить большое количество исключительно ценных документов по истории социалистического строительства за первые годы жизни Советского государства. Но не секрет и то, что благодаря этой системе советские государственные архивы оказались в довольно значительной степени загруженными документальными материалами, не представляющими научно-исторического значения. Экспертиза ценности документальных материалов, хранящихся в государственных архивах, сильно затянулась, и отчасти поэтому государственные архивы лишены были возможности своевременно принять на государственное хранение документальные материалы более позднего периода, что в ряде случаев привело к их утрате.

В дальнейшем непосредственная экспертиза ценности документов была возложена на экспертные (поверочные) комиссии учреждений, а за архивными органами остались функции проверки и контроля этой работы и право окончательного решения вопроса о хранении или уничтожении документальных материалов Эта система организации проведения экспертизы ценности документальных материалов действует и в настоящее время. Однако в ней имеются отдельные недостатки, связанные с комплектованием архивов и применением на практике критериев экспертизы.

Дело в том, что в настоящее время экспертные органы в основном занимаются изучением документальных материалов, не подлежащих хранению в государственных архивах, и не проводят изучения состава и содержания документов, подлежащих передаче на постоянное, государственное хранение [2]. Иными словами,

---

[1] Под «поглощенностью» в архивоведении понимается широко распространенное в делопроизводственной практике включение содержания первичных документов в сводные документы (например, месячные отчеты поглощаются годовыми и т. д.).

[2] Л. И. Яковлев (Выступление на кустовом совещании работников архивных учреждений РСФСР в ноябре 1956 г.). «Информационный бюллетень», ГАУ МВД СССР, 1957, № 4, стр. 67—68.

экспертиза ценности документальных материалов до сих пор еще не связана тесно с вопросами комплектования государственных архивов и в значительной степени осуществляется самотеком.

Поэтому задачи экспертизы должны быть расширены. В нее должно быть включено планомерное и систематическое изучение документации действующих учреждений с целью отбора документальных материалов для хранения в государственных архивах в соответствии с планом их комплектования.

Государственные архивы должны иметь перспективный план приема документальных материалов действующих учреждений на государственное хранение, и в соответствии с этим планом должна вестись работа по экспертизе ценности документов, причем в эту работу нужно возможно шире вовлекать наиболее квалифицированных сотрудников государственного аппарата, научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений, государственных архивов и др.

Нельзя признать нормальным положение, когда многие ценные фонды десятилетиями хранятся в учреждениях и недоступны для использования и в ряде случаев находятся в неудовлетворительных для их сохранности условиях. Примеров можно привести много. Так, вот уже много лет фонд Московского губернского совнархоза недоступен для исследователей.

Кроме того, следует отметить, что загруженность государственных архивов материалами, не подлежащими хранению, мешает организации наилучшего использования и хранения материалов. В последние годы работа по экспертизе в государственных архивах была несколько ослаблена. А между тем многие государственные архивы хранят значительную часть материалов, не подлежащих постоянному хранению. При просмотре фондовых карточек Государственного архива Ростовской области (только за советский период) выяснилось, что примерно 30% фондов (из просмотренных 2000 карточек) состоят из материалов мелких производственных и потребительских артелей, столовых, магазинов, складов, ссыпных и сеноза-готовительных пунктов, автобаз, погрузочных агентств и контор и т. п. Материалы этих фондов, как правило, представляют собой лишь так называемый «след фонда» и зачастую состоят лишь из актов по инвентаризации материальных ценностей, товарных книг, переписки по хозяйственным вопросам, мемориальных документов, оборотных ведомостей, копий приказов и циркуляров вышестоящих органов и пр. Историческая значимость этих материалов более чем сомнительна, их никто не использует, а между тем они захламляют архив и усложняют постановку учета. Поэтому следует шире проводить экспертизу ценности материалов в государственных архивах с целью отбора материалов, не представляющих сколько-нибудь существенной исторической и практической ценности. Наряду с этим, путем конкретного изучения степени важности различных категорий документальных материалов различных учреждений, не ограничиваясь только сроками хранения, установленными перечнями, следует выяснить, какие материалы надо в первую очередь принять на государственное хранение, а с какими можно и подождать. Иными словами, следует приступить к разработке конкретного плана комплектования государственных архивов, базируясь на серьезной экспертизе ценности документальных материалов советских государственных учреждений, организаций, предприятий. Именно в этом направлении, по нашему мнению, должна проводиться основная работа экспертных органов архивных учреждений.

Архивные работники отдают много сил чисто формальной проверке и утверждению отборочных списков на материалы, не подлежащие хранению, в огромном количестве представляемых в архивные органы государственными учреждениями.

Хотя основной задачей экспертизы является отбор материалов для государственного хранения, архивные органы при проверке правильности экспертизы осуществляют и другую, едва ли свойственную им функцию своеобразного надведомственного контроля с целью предупреждения преждевременного уничтожения документов, имеющих чисто практическое, кратковременное и лишь для данного учреждения значение.

Разгрузить экспертные органы от большой и часто формальной работы по утверждению отборочных списков на материалы кратковременного хранения можно путем предоставления целому ряду учреждений права самостоятельно проводить отбор и уничтожение документов с кратковременными сроками хранения. Следует, как нам кажется, считать правилом, что государственные архивы заинтересованы только в документах, имеющих научно-историческое и широкое практическое значение. Контроль же за соблюдением сроков хранения документов узко практического значения должны осуществлять руководители учреждений и вышестоящие органы ведомств.

Конечно, вопрос о путях и методах этой работы нуждается во всестороннем обсуждении.

Важен и другой вопрос — о происхождении документа как об одном из основных критериев его значения.

При экспертизе ценности документов в принципе должны совокупно применяться все существующие критерии — содержание, время возникновения, происхождение (авторство), вид и т. д. На деле же практически в настоящее время в основу берется главным образом один критерий — разновидность документа, определяющая в той или иной степени и его содержание. Однако не меньшее значение имеют и авторство (происхождение) документа: принадлежность его к тому или иному учреждению, место последнего в системе государственного аппарата, в системе того или иного ведомства, степень поглощенности содержания документа документами *других учреждений данной системы* (ведомства), а не только документами *данного фонда*. Содержание документа не должно рассматриваться в отрыве от этих критериев, а разновидность документа не должна превалировать, как это в большинстве случаев имеет место в настоящее время, над совокупностью других критериев. Именно в этом и состоит сущность так называемой комплексной экспертизы, остро стоящей как перед государственными архивами, так и перед архивами действующих учреждений.

По установившейся в советском архивоведении практике, каждое учреждение, организация, предприятие, имеющее организационную и оперативную самостоятельность, является фондообразователем, и те его документы, которым перечнями предусмотрен постоянный срок хранения, должны поступать в государственные архивы. По различным причинам практически материалы далеко не всех фондообразователей поступают на государственное хранение, но архивные органы обязаны в настоящее время осуществлять контроль за отбором документов во всех без исключения учреждениях. Такое положение, по нашему мнению, не отвечает в настоящее время требованиям жизни.

Нетрудно заметить, что документальные материалы различных учреждений имеют неодинаковую историческую и практическую ценность. Документальные материалы высших и местных органов советской власти, министерств и ведомств, культурно-просветительных учреждений, органов управления промышленностью и сельским хозяйством, трестов, объединений, производственных предприятий, научно-исследовательских учреждений, проектных институтов и многих других являются неоценимыми источниками по истории развития Советского государства. К сохранению и наиболее полному использованию ценных документальных материалов этих учреждений должны быть направлены максимальные усилия работников архивных органов и ведомственных архивов. Материалы этих учреждений заслуживают самого тщательного изучения с точки зрения наиболее полного отражения в них деятельности фондообразователей и, конечно, *своевременного приема* на государственное хранение.

В то же время существует целый ряд учреждений и организаций, материалы которых, на наш взгляд, не представляют сколько-нибудь значительной ценности для истории и практического использования в народнохозяйственных целях в силу самого характера этих учреждений, а также ввиду достаточно полной отраженности их деятельности в документальных материалах вышестоящих учреждений и

организаций. Это — низовые организации и предприятия коммунально-бытового обслуживания, низовые звенья снабженческого аппарата, первичные ячейки строительных организаций, низовая торговая и заготовительная сеть, подсобные и обслуживающие организации учреждений, предприятий и ряд других. В учреждениях этого типа из материалов «постоянного» хранения отлагаются в основном документы по личному составу, приказы (также посвященные личному составу) и годовые отчеты о деятельности. Первые имеют справочное значение и, согласно действующим «Правилам комплектования государственных архивов» и «Правилам работы архивов учреждений, организаций и предприятий», должны храниться самими учреждениями в течение сорока лет, а отчеты в достаточной степени поглощены отчетами и другими документами вышестоящих звеньев системы. Так, предварительное изучение состава и содержания документальных материалов этих учреждений показало, что данные о работе парикмахерских, прачечных, ателье бытового обслуживания, ремонтных мастерских и т. д. в достаточном для историка объеме имеются в фондах соответствующих районных, городских, областных управлений и отделов исполкомов; данные о деятельности магазинов и столовых — в соответствующих управлениях торговли, отраслевых торгах, трестах столовых. То же можно сказать и относительно материалов низовых обслуживающих, подсобных, снабженческих учреждений ведомств (автобаз, складов, снабженческих контор, баз и т. д.). Сведения о их деятельности достаточно полно отражены в материалах отраслевых и территориальных управлений, трестов и т. д.

Разумеется, определение категорий этих учреждений, установление того, в каких документах каких вышестоящих звеньев отражается их деятельность — вопрос для архивистов новый и сложный. Но решить его нужно.

На наш взгляд, документы следующих категорий учреждений, как правило, могут быть исключены из состава принимаемых на государственное хранение и, соответственно с этим, из состава контролируемых экспертными органами:

1) Обслуживающие коммунально-бытовые учреждения, не производящие материальных ценностей и находящиеся в ведении управлений и отделов исполкома, а также органов промкооперации — парикмахерские, бани, прачечные, ремонтные мастерские, ателье, артели обслуживающего характера.

2) Торговые предприятия, подчиняющиеся отделам и управлениям торговли исполкомов, отраслевым торгам, а также органам потребкооперации — магазины, столовые.

3) Низовые снабженческие и заготовительные организации всех ведомств — снабженческие конторы, базы, склады, заготовительные пункты.

4) Низовые учреждения, обслуживающие производство и строительство, производственные предприятия полукустарного типа, первичные ячейки строительных организаций всех ведомств — автобазы, ремонтно-строительные конторы, строительные участки, артели по производству бытовых товаров, игрушек, артели гардеробщиков, разносчиков и т. п.

Фонды этих учреждений в настоящее время попадают в государственные архивы случайно, в виде исключения; большинство их бесследно исчезает с ликвидацией или реорганизацией учреждений. Фонды, уже имеющиеся в государственных архивах, как правило, очень малочисленны, состав хранящихся в них документальных материалов случаен — иногда это только материалы по личному составу, иногда только приказы и инструкции вышестоящего органа; в ряде случаев хранятся материалы, заведомо не подлежащие хранению (оборотные ведомости, переписка по хозяйственным вопросам, мемориальные документы), только потому, что они являются последними документальными материалами, сохранившимися вообще от фонда (так называемый «след фонда»).

В нашей стране десятки тысяч таких учреждений. Работа по утверждению представляемых ими отборочных списков отнимает у экспертных органов значительное время. Так, по данным Архивного управления УВД Московской области, из числа рассмотренных в 1956 г. отборочных списков 30% составляли отборочные

списки, представленные вышеупомянутыми учреждениями и организациями. На так называемое «приведение в порядок» архивных материалов этих учреждений, а фактически — на отбор документов с истекшими сроками хранения,— ежегодно, в результате найма на эту работу случайных лиц, тратится значительное количество государственных средств, что, однако, не способствует сохранности документальных материалов. Нам представляется заслуживающим внимания и серьезного изучения вопрос о передаче контроля за отбором и уничтожением документов в подобных учреждениях вышестоящим звеньям соответствующей системы. Это несомненно позволит экспертным органам улучшить качество экспертизы научной и практической ценности документальных материалов, поступающих в государственные архивы, позволит улучшить состав и содержание документальных материалов последних, освободит экспертизу от элементов формализма, приблизит ее к требованиям жизни.

Соответственно и государственные архивы должны подумать о целесообразности дальнейшего хранения этих фондов. Следует подумать о слиянии в архивах групп фондов в единые комплексы документальных материалов, взаимосвязанных и подчиненных одному органу учреждений с уничтожением копийных документов, хранящихся одновременно в ряде мелких параллельных фондов.

Конечно, огульное исключение документальных материалов всех упоминаемых выше учреждений из состава государственного архивного фонда было бы неправильным. Среди большого числа мелких артелей, магазинов и т. п. есть и такие, материалы которых в достаточно полной степени, безусловно, должны быть приняты на государственное хранение. Так, например, должны быть сохранены материалы кустарных артелей палехских мастеров, артелей по изготовлению игрушек в г. Загорске, ряда образцовых магазинов и др. аналогичных организаций. Круг таких учреждений должен быть по каждой области точно установлен, и они должны находиться под контролем архивных органов в отношении уничтожения документальных материалов.

Наше предложение, возможно, покажется спорным; не исключены возражения о недопустимости пересмотра состава государственного архивного фонда, в частности, со ссылкой на одно из положений декрета СНК РСФСР от 31 марта 1919 г. «О хранении и уничтожении архивных дел», согласно которому могли уничтожаться лишь документы, «не имеющие значения для истории... *вообще каждой жизни в разных ее проявлениях»*[1]. Нельзя оспаривать исключительную важность этого положения; оно отражало стремление в трудных условиях гражданской войны и хозяйственной разрухи сохранить возможно большее количество исторических источников. Однако современное делопроизводство ежегодно создает бесчисленное множество документов, и уничтожение наименее ценной части их является совершенно необходимым.

Документы современных государственных учреждений должны оцениваться в их совокупности, исходя из роли и значения фондообразователей, содержания документов, степени поглощенности их содержания документами других учреждений, вида документов и других вспомогательных критериев экспертизы. Стремление же «сохранить всё» *не улучшит, а затруднит* хранение и использование документальных материалов.

Таким образом, исходя из основной задачи экспертизы ценности документальных материалов — обеспечения качественного состава и содержания государственных архивов, экспертные органы должны быть освобождены от несвойственной им надведомственной функции контроля за тем, как соблюдают учреждения установленные временные сроки хранения документальных материалов, имеющих лишь чисто практическое значение, а также и от надзора за учреждениями, материалы которых не представляют сколько-нибудь значительной исторической и практической ценности.

---

[1] СУ, 1919 г., вып. 28, № 313. Курсив наш.— *А. Е.*

Наряду с этим должен быть значительно усилен контроль за отбором для уничтожения документальных материалов в действующих учреждениях, фонды которых представляют большую ценность как для исторической науки, так и для использования в народнохозяйственных целях.

Многие работники государственного аппарата, а также и некоторые заведующие ведомственными архивами часто не имеют специального историко-архивного образования и склонны недооценивать (а иногда и не в состоянии правильно оценить) научно-историческое значение документальных материалов тех учреждений, в которых они работают. В практике работы архивных органов неоднократно наблюдались случаи, когда экспертными комиссиями учреждений, организаций и предприятий включались в отборочные списки многие ценные документы только на том основании, что они потеряли значение в практической работе данного учреждения. Причем делалось это единственно только потому, что сотрудники, входящие в состав экспертных комиссий учреждений, подходили к значению документов с чисто утилитарной точки зрения сегодняшнего дня.

Так, например, экспертная комиссия одного из крупных московских научно-исследовательских институтов внесла в отборочный список подлинные протоколы и стенограммы заседаний научно-технического совета института, аргументируя это тем, что вопросы, обсуждаемые на заседаниях, уже решены. Экспертная комиссия Академии внешней торговли считала возможным настаивать на уничтожении программ специальных курсов и протоколов обсуждения программ, исходя из того, что программы уже отменены и по курсам изданы новые учебники.

Интересно отметить, что большинство квалифицированных и опытных работников государственных учреждений понимает ценность документов как исторических источников, с уважением относится к документам древнего периода и первых лет советской власти, но многие документы *своего* учреждения считает ненужными для истории. Так, когда на заседании Центральной экспертно-поверочной комиссии ГАУ МВД СССР представителю Академии внешней торговли при рассмотрении отборочного списка, содержащего упомянутые выше программы, был задан вопрос, следует ли, по его мнению, уничтожить программы Наркомпроса за двадцатые годы, давно устаревшие, отмененные и т. п., он воскликнул: «Что вы, это же очень интересно!», но убедить его, что программы, в разработке которых он сам принимал участие, тоже представляют интерес для историка,— оказалось не так легко.

Хуже обстоит дело в учреждениях, которые не имеют архива как самостоятельной структурной части (трестах, некрупных предприятиях, управлениях), где в большинстве случаев ответственными за архивы являются недостаточно квалифицированные работники — секретари, сотрудники хозяйственных отделов. Многие из них часто не понимают, что документы имеют не только практическую, но и историческую ценность.

Особенно много включается в отборочные списки различной переписки. У многих работников действующих учреждений за последние годы установилось мнение, что переписка представляет собой чисто текущую документацию кратковременного практического значения и не имеет научно-исторической ценности. С другой стороны, у ряда историков, не связанных непосредственно с архивным делом, сложилось представление, будто бы архивные органы разрешают уничтожать переписку в большом количестве, лишая тем самым советскую историческую науку значительной части документальной базы.

Мнения эти справедливы, но только отчасти.

Действительно, за последний период в системе отдельных звеньев государственного управления сложилось положение, благоприятствующее развитию переписки. Часто по отдельным незначительным вопросам местные учреждения, организации, предприятия были вынуждены обращаться в центральный аппарат. Этому способствовала излишняя централизация управления. В последнее время Коммунистическая партия и Советское правительство осуществили ряд мероприятий по

еорганизации управления промышленностью и строительством, устранили излишнюю централизацию управления по ряду других ведомств. Сокращение излишней, ненужной переписки является одним из путей усовершенствования работы советкого государственного аппарата.

Действительно, большое количество переписки, отложившейся за последний пеиод в советских государственных учреждениях, представляет собой текущую операивную документацию и может быть уничтожено без ущерба для исторической ауки. Однако, наряду с такой перепиской, с перепиской по вопросам снабжения, екущего контроля за выполнением планов, перемещения личного состава и т. п., советских учреждениях, организациях и предприятиях отлагается значительная асть переписки, которая не может быть выделена к уничтожению, а должна быть ринята на государственное хранение как отражающая живую жизнь советского оциалистического общества и во многом дополняющая и обогащающая данные директивных и отчетных документов.

Требуется также изменить отношение сотрудников учреждений и ведомственых архивов к таким категориям документов, как письма и жалобы трудящихся, к удебным делам. В силу своей массовости и значительной трафаретности эти каетории документальных материалов подвергаются уничтожению в очень значиельной степени. Однако, несомненно, что какой-то определенный процент этих документов должен быть принят на государственное хранение из аппаратов миистерств, центральных ведомств, местных органов советской власти, редакций азет и других учреждений. Важность этих документов должна широко пропаганироваться советскими историками и архивистами. Отбор на хранение этих матеиалов не должен быть чисто механическим — на хранение должны быть оставлены аиболее содержательные, яркие письма, заявления, жалобы, судебные дела.

Однако некоторые экспертные комиссии учреждений и организаций недооцеивают важность этих категорий документальных материалов. Так, в отборочный писок, представленный отделом писем редакции «Литературной газеты» в 1957 г., Центральную экспертно-поверочную комиссию были включены многие интересные исьма и отклики читателей на проблемы, выдвигаемые газетой, отзывы на произвеения советских писателей, часто не совпадающие с мнением редакции, но не теряюие от этого исторического интереса. Редакция газеты «Труд» ввела в практику ничтожение всех поступающих писем, хотя наряду с мелкими бытовыми и другими алобами в корреспонденции газеты имеются и интересные в историческом отношеии письма.

Архивные учреждения ведут большую работу по контролю за правильностью тбора для уничтожения документальных материалов в действующих учреждениях, бращая особое внимание и на сохранение переписки по принципиальным вопроам деятельности советских учреждений, — по вопросам научной работы, внедреия новой техники, передовых методов труда, развития литературы, искусства т. д.

Однако эта работа должна быть усилена, и не только путем более строгого онтроля, но также и путем широкой пропаганды значения документальных матеиалов для народного хозяйства и советской исторической науки. Необходимо доиться, чтобы подавляющая масса работников советского государственного аппаата относилась с уважением не только к документам далекого прошлого, но и к окументам, отображающим историю наших дней. Нужно добиться, чтобы все члеы экспертных комиссий действующих учреждений активно принимали участие в спертизе ценности документов, а не только подписывали составленные исполнилем отборочные списки. А для этого нужно шире развивать использование доментальных материалов, шире использовать такие формы, как газетные статьи и бликации, передачи по радио, организация выставок и т. п. Нужно наглядно позать широким массам, что архивные документы не лежат мертвым грузом, а испльзуются в науке и народном хозяйстве.

Наряду с неправильным отбором к уничтожению ценных документов вследст-

вие недооценки и непонимания значения документальных материалов как истор
ческих источников, встречаются до настоящего времени и отдельные факты уничт
жения документов вследствие халатности, небрежного хранения, нежелания за
тратить усилия на обработку документальных материалов и т. п.

Экспертные комиссии некоторых центральных ведомств в некоторых случаях н
внимательно подходят к работе по отбору материалов к уничтожению. Так, Экспер
ная комиссия Министерства связи СССР включила в отборочный список ценные м
териалы по национализации радиостанций — подлинные акты приема зданий наци
нализированных радиостанций и ряд др. ценных материалов.

Как правило, такие попытки неправильного уничтожения документальных м
териалов предупреждаются архивными органами. Однако до настоящего времен
имеются и отдельные факты уничтожения ценных материалов. Так, в Самарканд
ской области были полностью уничтожены гражданские дела Самаркандского окру
ного суда за 1918—1930 гг., хотя наиболее характерные дела, отражающие ломк
феодальных пережитков и борьбу советского суда за укрепление новых форм с
циалистического общежития, должны были быть оставлены на постоянное хран
ние; в фонде Управления водного хозяйства Казахской ССР был уничтожен год
вой отчет по водопользованию Алма-Атинского водного округа. Можно привести
ряд других аналогичных примеров. Поэтому архивным учреждениям следует б
лее тщательно проверять отборочные списки, а также наладить систематическу
проверку выполнения действующими учреждениями решений экспертно-поверо
ных комиссий об оставлении на постоянное хранение тех или иных документал
ных материалов.

Кроме того, в целях лучшей охраны документальных материалов от незаконн
го уничтожения, следует добиться внесения в уголовные кодексы союзных респу
лик определенной санкции за самовольное уничтожение документов. Если впол
закономерно дать право самостоятельного отбора для уничтожения документов
истекшим сроком хранения мелким коммунально-бытовым, торговым и обслужи
вающим учреждениям, то предоставление такого права архивам министерств, цен
тральных ведомств, учреждений союзного, республиканского и крупного местног
значения было бы глубоко ошибочным, хотя многие работники ведомственных а
хивов, склонные обвинять архивные органы в излишней «придирчивости», и жела
ли бы этого.

Практические вопросы экспертизы ценности документальных материалов тесн
связаны с применением «перечней» документальных материалов, в которых указа
ны сроки хранения документов различных категорий. Создание «перечней» я
ляется большим достижением советского архивоведения. Они широко вошли
практику работы архивных органов и ведомственных архивов, сыграли большу
воспитательную роль в деле выработки у архивистов и сотрудников государствен
ного аппарата правильных взглядов на ценность различных категорий докумен
тальных материалов. «Перечни» позволяют правильно ориентироваться во все
разнообразии документов, образующихся в деятельности советских государствен
ных учреждений, способствуют улучшению постановки в них текущего делопрои
водства.

Первые попытки составления «перечней» относятся еще к середине двадцаты
годов, когда Центрархив РСФСР поставил себе целью создать единый перечен
для всех учреждений, но только в 1938 г. был разработан «перечень» трафаретно
документации, не подлежащей длительному хранению. В 1943 г. был издан первы
«перечень» типовых документальных материалов, образующихся в деятельност
наркоматов и подведомственных им учреждений, организаций и предприятий. Н
его основе отдельные наркоматы начали создавать свои ведомственные «перечни

В настоящее время в распоряжении советских архивистов имеется три осно
ных «перечня», разработанных и изданных Главным архивным управлением: «Пе
речень типовых документальных материалов, образующихся в деятельности мин
стерств и других учреждений, организаций и предприятий, с указанием сроко

хранения материалов» 1957 г., «Примерный перечень типовых документальных материалов, хранящихся в районных (городских) государственных архивах и образующихся в деятельности районных, городских, поселковых и сельских учреждений, предприятий и организаций Союза ССР с указанием сроков хранения материалов» 1955 г. и «Примерный перечень технических документальных материалов с указанием сроков и мест их хранения» 1956 г., а также 91 ведомственный перечень.

«Перечни» — одно из основных пособий при проведении экспертизы ценности документальных материалов. Однако существующее положение в деле их разработки и издания нельзя, по нашему мнению, признать полностью удовлетворительным.

Ещэ в предвоенные годы архивными органами совершенно правильно была признана нецелесообразность составления «перечней» для отдельных главков и учреждений. По-видимому, теряет свою целесообразность и дальнейшая широкая практика составления и издания ведомственных «перечней». В результате проведенной реорганизации управления промышленностью и строительством многие ведомственные «перечни» потеряли свою ведомственную принадлежность, стали фактически вневедомственными. Не говоря уже о том, что многие из них сильно устарели и требуют переработки, несогласованность «перечней» ликвидированных промышленных министерств будет служить помехой в работе по экспертизе ценности документов в системе совнархозов.

Так, в настоящее время имеется четырнадцать изданных в 1945—1957 гг. «перечней» документальных материалов ликвидированных министерств (не считая «перечней» существующих министерств), большая часть предприятий которых перешла в ведение совнархозов.

Структура построения этих «перечней» очень разнообразна. Одни и те же вопросы производства в одних перечнях разделены по отраслевым разделам, в других — по функциональным (технология, общие вопросы, качество продукции и пр.). Кроме того, имеются значительные расхождения в сроках хранения одних и тех же категорий документальных материалов. Так, например, для корешков и копий квитанций, ордеров и т. п. установлены разные сроки хранения — один год, три года, три года «ЭК» [1], для оборотных ведомостей — один год, три года, три года «ЭК», пять лет, пять лет «ЭК» и т. д. Но если можно мириться с таким разнобоем в сроках хранения оперативной документации, то положение со сроками хранения документов более важных следует признать ненормальным. Действительно, организации и предприятия совнархозов и некоторые другие учреждения сейчас лишены возможности правильно ориентироваться в сроках хранения целого ряда категорий документальных материалов, часть которых должна поступить в государственный архивный фонд. Поясним это на таком примере. Большинство научно-исследовательских и проектных институтов, ликвидированных промышленных и строительных министерств перешло в настоящее время в ведение Госплана СССР и госпланов республик, но целый ряд категорий документальных материалов по научно-исследовательской работе, капитальному строительству и другим вопросам «перечнем» Госплана СССР не предусмотрен. А в ведомственных «перечнях» ликвидированных министерств существует большой разнобой в сроках хранения. Так, протоколы заседаний ученых и технических советов, лабораторий, кафедр по одним «перечням» должны храниться постоянно, по другим 5 лет «ЭК», а по перечню бывшего Министерства нефтяной промышленности — 3 года «ЭК». Переписка по реализации научно-исследовательских работ имеет сроки хранения по различным перечням 3 года «ЭК», 5 лет «ЭК», 10 лет «ЭК»; переписка с правительственными и партийными органами по вопросам капитального строительства — 5 лет «ЭК», 10 лет «ЭК»

[1] Отметка «ЭК» делается в перечнях рядом с указанием о сроке хранения и означает, что по истечении указанного срока дела определенной категории должны быть особенно тщательно просмотрены экспертной комиссией с целью решения вопроса об их уничтожении или передаче на постоянное или дальнейшее хранение.

и постоянно. Подобные примеры можно увеличить и, само собой разумеется, дело идет не только о научно-исследовательских институтах. Изданный Главным архивным управлением новый «Перечень типовых документальных материалов», который мог бы нивелировать разные установки в сроках хранения, содержит указание о том, что в случае расхождения в сроках хранения за основу берется ведомственный «перечень». Это указание вносит еще большую путаницу. Так получилось потому, что типовой перечень был подготовлен к печати до реогранизации управления промышленностью и строительством. Но суть вопроса лежит глубже. Как нам кажется, для тех категорий материалов, часть которых несомненно или возможно поступит на государственное хранение, должны быть установлены единые сроки хранения для *всех* учреждений одного звена с одинаковыми функциями *независимо от ведомственной принадлежности.* Необходимо учитывать, что ведомственная принадлежность меняется, а учреждение или предприятие в то же время не меняют своего значения, своих функций. В самом деле, трудно, исходя только из интересов отдельного ведомства, аргументировать правильность разрыва в сроках хранения одной и той же категории документальных материалов одних и тех же по значению учреждений от 5 лет «ЭК» до постоянного срока.

Главному архивному управлению, архивам министерств, ведомств, совнархозов следует подумать о разработке перечней не по ведомствам, а по отраслям народного хозяйства, вернее, по отраслевым группам ведомств — промышленности, сельского хозяйства, финансов, культуры и т. д. Конечно, должны быть и ведомственные перечни, но лишь для специфических систем, например, для Главного управления гидрометеослужбы, Центрального статистического управления и т. п. Но едва ли будет целесообразным одновременное существование, например, перечня Министерства финансов и перечня Государственного банка.

Следует отметить и еще один недостаток большинства существующих перечней — разделение учреждений системы и соответственно с этим сроков хранения документов всего лишь на два звена. Деление это условно и не соответствует фактическому положению дел. В системе каждого ведомства звеньев не два, а гораздо больше. И при оценке документов учреждений отдельных звеньев, по нашему мнению, необходимо учитывать, к какому звену относится фондообразователь.

Хорошим примером может служить хотя бы «Перечень» документальных материалов, образующихся в деятельности профсоюзных организаций, который хотя и кажется на первый взгляд несколько неудобным для пользования, но позволяет учитывать значение документов в зависимости от их происхождения.

Надо сказать, что улучшение работы по экспертизе ценности документальных материалов и расширение прав учреждений в деле отбора к уничтожению трафаретной документации станет возможным лишь при условии более высокого качества перечней и обеспечения ими подавляющего большинства учреждений Советского Союза.

Сообщения

К 140 ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КАРЛА МАРКСА

РУССКИЕ ИМЕНА В АДРЕСНОЙ КНИЖКЕ К. МАРКСА

В архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится принадлежавшая К. Марксу записная книжка, в которую он имел обыкновение заносить для памяти имена своих корреспондентов, знакомых, друзей, а также некоторые другие справочные сведения [1]. Эта адресная книжка относится, по-видимому, к 70-м — началу 80-х годов. Среди многих имен деятелей международного рабочего и социалистического движения, а также видных ученых, с которыми Маркс состоял в переписке, мы находим в этой книжке ряд русских имен. Вот эти имена:

Barannon [2] (Frau Baggohufudt, Gross Theater Platz, Haus Baron Küster, St. Petersburg).

N. Danielson. Société du crédit mutuel, pont de Kazan maison Lessnikoff. St. Petersburg. Andre Adresse: Mr Stouloff. Banque d'État, St. Petersburg, Russie.

Jules Kazdanski. Rathborne Place, 37.

N. Joukowsky, Terrassière, Maison Treiber, Genève.

Madame Jacquelard (per adr. Monsieur Marchanel, Bern rue de l'Hôpital, 137, pour Madame Corvin.

Madame A. Jaclard-Corvin, Zeltweg, zum Thalegg Hottingen, Zürich, Switzerland.

Victor Jaclard (Madame A. Jaclard-Corvin, 423, Brauergasse, Aussersihl-Zürich (Switzerland).

Maxim Kovalevsky, 10, Woburn Place. Hotel de Nice.

Lavroff, 37 Alfred Place, Bedford Square.

P. Lavroff, 49, rue de la Chaussée d'Antin Paris.

N. Lubavin, 34, Newsky Prospect, St. Petersburg.

Lavroff, 20, Moray Road. Tollington Park, Holloway.

Lapatine, 29, Wynford Road, Caledonian Road, N.

Lavroff (P.) 20, Moray Road, Tollington Park, Holloway.

Smirnoff (Valérien) 3 Evershot Road, Tollington Park, Holloway.

H. Lapatine. Care of *Mr. I. Coulbeck, 8 Pleasant Road, East Beach, Hastings.*

H. Lapatine. 25, Rue Gay Lussac, Paris.

N. Outine, 10, Chantepoulet, Genève (Hotel Laguna, Venice).

N. Outine, 49 Montague Street, Russel Square 138 Marylebone Road. N. W.

Lapatine H. 25, Rue Gay Lussac, Paris.

A. Troussoff, Ruelle de Levant, 4 (Terrassière au 2-me chez Muster) Genève.

L. Hartmann (John Somoff) 13, Wharton Street, Lloyd Square, W. C. 16, *Green Terrace, Clerkenwell, E. C.*

L. Hartmann 26 Holford Square, Pentonville Road E. C. (17, Pancras Road King's Cross, N. W.). 7, College Place, Goldington Crescent N. W.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, инв. № 3407.

[2] Здесь и ниже курсивом выделен текст, подчеркнутый в записной книжке.

Maxime Kowalewsky (Moscow: 10 Woburn Place, Russel Square, London. Москва, домъ Коротнева, близ Арбатскихъ воротъ.
Kowalewsky, 42, Gower Street.
H. Lapatine (25, Rue Gay Lussac, Paris). *5, Rue Malebranche, Paris.*
Lavroff (P.) 3, Evershot Road, Tollington Park, Holloway.
Lavroff 57 Fonthill Roal, Holloway, 21 Alfred Place, Tottenham Court Road, W.
Lopatine (25) 6 Rue Linné, Paris.
P. Lavrof 328 rue St. Jacques. Paris.
V. Jaclard 19, rue de Nollet (Batignolles).
S. Podolinsky: Montpellier, Quartier Mont Maur.
Saper. 16, Green Terrace, Clerkenwelle W. C.
N. Shaikowsky: 2, Oakley Villas, Rectory Road, Hornsey N.
S. G. Serebrianikoff, Charing Cross Hotel. London.
Nicholas Wassilieff, under name of N. Chapsal, 57, Fonthill Holloway, C. R.
Golochvastof. On dit prince Meschersky.
P. B. Macaroff. 31 Store Street Bedford Square [1].

Приведенные выше записи имен представляют большой интерес. В книге содержится, как мы видим, 43 записи адресов различных лиц. Некоторые из этих адресов повторяются два (как, например, лондонский адрес П. Лаврова — 20, Moray, Road, Tollington Park, Holloway) и даже три раза (парижский адрес Г. Лопатина—25, Rue Gay Lussac). Для ряда лиц сообщается несколько адресов, в связи с их переездами. Так, указапо семь адресов П. Лаврова, пять — Г. Лопатина, по четыре адреса М. Ковалевского и Л. Гартмана, по два — Н. Даниельсона, А. Жаклар-Корвин и В. Жаклара, Н. Утина. Обилие этих записей показывает, что Маркс придавал устойчивой почтовой связи с этими лицами важное значение. Большинство адресов записано Марксом, остальные другими лицами (вероятно, теми, кому посвящена данная запись).

Всего в книжке упомянуто 21 русское имя. Многие из этих людей лично знали Маркса. М. Ковалевский оставил, как известно, воспоминания о Марксе [2], Г. А. Лопатин в письме к Н. П. Синельникову от 15 февраля 1873 г. описал свои встречи с Марксом [3]. Маркс писал о Лопатине Даниельсону: «Немногих людей я так люблю и так уважаю, как его». Н. И. Утин, Н. Ф. Даниельсон, П. Л. Лавров, М. М. Ковалевский и Л. Н. Гартман переписывались с Марксом, их имена упоминаются в ряде произведений Маркса и Энгельса. Но о переписке остальных лиц с Марксом до сих пор почти ничего известно не было. Между тем, собственноручная запись Марксом их адресов в адресной книжке, по-видимому, указывает на то, что Маркс получал от них письма, а может быть, и писал им.

В ИМЛ при ЦК КПСС сохранились письма к Марксу В. Жаклара, Н. Чайковского, А. В. Жаклар-Корвин, Серебренникова, Смирнова, Баранова, Любавина, Васильева, которые пока что не опубликованы.

Напомним, что известно о связях этих лиц с Марксом.

А. Трусов был секретарем Русской секции I Интернационала в Женеве. Вместе с Н. Утиным и В. Нетовым (Бартеневым) он подписал известное обращение к Марксу от 12 марта 1870 г. с просьбой взять на себя представительство от Русской секции в Генеральном Совете, в июле того же года — обстоятельное письмо относительно интриг бакунистов в Женеве, а в декабре — рекомендательное письмо Э. Томановской. Его имя упоминается в письме Н. Утина Марксу от 28 октября 1871 г. относительно т. н. «Славянской секции» в Цюрихе [4].

Н. Н. Любавин — народник, друг Лопатина, член I Интернационала, пересылал письма Даниельсона к Марксу. Будучи противником Бакунина, он сообщил Марксу

[1] Помимо русских имен, в записной книжке содержится также запись (в русской транскрипции) ряда русских терминов, относящихся, главным образом, к сельскохозяйственному производству и аграрным отношениям в русской деревне.
[2] Воспоминания о Марксе и Энгельсе. М., 1956, стр. 306—316.
[3] Там же, стр. 204—206.
[4] См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 26—28, 29—33, 35—36, 42—43, 61.

ажные сведения о противоречащем революционной этике поведении бакунистов, фигурировавшие при разборе дела Бакунина на Гаагском конгрессе. В письме к Даниельсону от 12 декабря 1872 г. Маркс упоминает его имя в связи с этим вопросом [1].

В. Н. Смирнов (1848—1900) — народник, состоявший одно время в нечаевской организации. Один из организаторов Славянской секции I Интернационала, участвовал в издаваемом П. Л. Лавровым в Лондоне журнале «Вперед», а в 1878 г. переселился в Берн. Маркс и Энгельс были с ним лично знакомы. В письмах к Лаврову, относящихся к 1875—1876 гг., они передают через него привет В. Смирнову, запрашивают о состоянии его здоровья. Когда Энгельс в не дошедшем до нас письме от 3 апреля 1878 г. обратился к Лопатину с просьбой достать для германского социал-демократического издания «Volkskalender» снимок группы русских революционеров, осужденных по процессу 193-х, Лопатин прибег к помощи В. Смирнова и последний обещал выполнить эту просьбу. В августе того же года Энгельс обратился к Смирнову с письмом (также утраченным), в котором просил его сообщить новый адрес Лаврова [2].

Шарль-Виктор Жаклар-Корвин (1843—1900), бланкист и участник Парижской Коммуны, не является, разумеется, русским политическим деятелем, но он был тесно связан с русским общественным движением, поселился в 70-х гг. в Петербурге и принимал там участие в журналистской деятельности, был женат на русской революционерке, активной участнице Парижской Коммуны А. В. Корвин-Круковской. Известно его письмо к Марксу от 2 декабря 1877 г. с предложением сотрудничать в русском журнале «Слово» (1878—1881 гг.) [3]. Запись в адресной книжке Маркса относится к тому времени, когда Жаклар еще находился в Швейцарии. В книжке значатся также два адреса Корвин-Круковской (в Берне и Цюрихе). После падения Коммуны она находилась некоторое время в Лондоне и пользовалась помощью Маркса.

Н. В. Васильев (1857—1920), упоминаемый в адресной книжке,— социал-демократ, участник революционного движения 70-х гг., эмигрировавший в Швейцарию. Одно время он жил в Лондоне. По сообщению редактора X тома Сочинений В. И. Ленина (изд. 3-е), он «получил приглашение Маркса помогать ему в изучении русской экономической литературы по аграрному вопросу» [4]. В дальнейшем Васильев стал ярым меньшевиком. В. И. Ленин заклеймил его отступничество от революционного марксизма в статье «Плеханов и Васильев».

С народником Н. В. Чайковским (1850—1926) Маркс познакомился в марте 1881 г. По просьбе Маркса Чайковский сообщил ему о народовольцах — участниках покушения 1 марта на Александра II. В архиве ИМЛ при ЦК КПСС хранится письмо Чайковского Марксу от 31 марта 1881 г. [5]. В дальнейшем Чайковский стал эсером, белогвардейцем и возглавлял созданное оккупантами антисоветское «правительство» в Архангельске.

«Barannon» в тексте записной книжки — это, конечно, В. Баранов, проживавший одно время в Женеве. Маркс, по-видимому, находился с ним в переписке. 28 мая 1872 г. он писал Даниельсону: «Вы очень обяжете меня, переслав прилагаемое письмо доктору В. Баранову по адресу: Г-же Багговут-Гросс, Театральная площадь, дом барона Кюстера» [6]. В ответном письме от 2—6 августа того же года Даниельсон

---

[1] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 67.

[2] Там же, стр. 168, 169, 174, 182—184, 187.

[3] Там же, стр. 180—181.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. X, изд. 3-е, стр. 521.

[5] См. Карл Маркс. Даты жизни и деятельности. 1818—1883. М., Партиздат, 1934, стр. 371.

[6] «Переписка...», стр. 61. В «Записной книжке» фамилия и адрес Багговут, как мы видели, обозначены несколько иначе. Так, слово «Гросс» отнесено к названию площади, а не к фамилии. Возможно, что здесь описка. Впрочем, текст в письме к Даниельсону (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3215) читается нечетко и допускает разночтения.

сообщал: «Я передал Баранову Ваше письмо, он хочет Вам сам ответить» [1]. В архиве ИМЛ сохранилось также ответное письмо Баранова Марксу от 23 июля 1872 г.

С. А. Подолинский, парижский адрес которого значится в книжке,— украинский социалист, эмигрант (1849 — конец 80-х гг.). В начале 80-х гг. итальянская газета «Plebe» опубликовала сообщение о сделанном им открытии в области превращения энергии. Маркс в не дошедшем до нас письме к Энгельсу запрашивал мнение последнего об этом открытии, и Энгельс в ответных письмах от 19 и 22 декабря 1882 гг. подверг соображения Подолинского обстоятельному анализу [2].

Н. И. Жуковский (1833—1895), женевский адрес которого записал Маркс, был бакунистом, секретарем Альянса. Организатор Русской секции I Интернационала в Женеве Н. И. Утин 28 октября 1871 г. сообщал Марксу о происках Жуковского и других бакунистов, пытавшихся организовать в Женеве «новую Русскую секцию» [3]. 12 декабря того же года Маркс в письме к Даниельсону об итогах Гаагского конгресса сообщал об интригах Жуковского [4].

В литературе упоминается имя В. И. Серебренникова, жившего в Лондоне эмигранта. Это был единомышленник Нечаева, участвовал вместе с ним в издании журнала «Община». В письме от 24 июля 1870 г. Комитет Русской секции I Интернационала в Женеве осведомлял Маркса о фракционной деятельности Серебренникова [5]. Энгельс заклеймил ее в германской социал-демократической газете «Volksstaat» [6]. Однако в записной книжке Маркса упоминается «С. Г. Серебряников», а не Владимир Иванович Серебренников, о котором здесь шла речь. В 1869—1874 гг. за границей находился Семен *Иванович* Серебренников. Он был студентом Цюрихского политехникума, принимал участие в деятельности Интернационала. В 1873 г. жил в Париже, а в 1874 г. был арестован в Пруссии [7].

Появление в записной книжке Маркса имени Голохвастова [8] находит себе следующее объяснение: П. Д. Голохвастов (1839—1892) — реакционный публицист. М. М. Ковалевский сообщил в 1876 г. Марксу, что, по полученным им от Г. К. Раулинсона сведениям, Голохвастов вместе с кн. Мещерским и другими клевретами царизма собирается издавать в Лондоне журнал, имеющий целью опорочить русское освободительное движение. В письме от 21 октября 1876 г. Маркс сообщил об этом Лаврову и советовал ему использовать это в журнале «Вперед» [9] для разоблачения интриг царских агентов.

«Saper» — это, очевидно, Григорий Сапер, письма которого к П. Лаврову на русском языке за 1880—1881 гг. сохранились в ЦПА. В них говорится о встречах с Марксом.

Нам не удалось установить Ю. Каждапского и П. Макарова. В произведениях и письмах Маркса эти имена, насколько нам известно, не упоминаются [10].

Мы полагаем, что русские имена и адреса этих лиц, сообщаемые в записной книжке К. Маркса, должны привлечь к себе внимание исследователей. Эта запись служит новым наглядным доказательством широты связей, которые поддерживал Маркс с общественными и политическими деятелями России 70-х гг.

К. Л. Селезнев

---

[1] «Переписка...», стр. 65.
[2] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 602—605.
[3] См. «Переписка...», стр. 42.
[4] Там же, стр. 67.
[5] Там же, стр. 31, 33.
[6] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 350.
[7] См.: «Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь», Т. II, вып. 4, М., 1932, стр. 1471. «С. Г. Серебряников» в этом издании не упоминается.
[8] Эта запись сделана не Марксом, а другим лицом, возможно — М. Ковалевским.
[9] «Переписка...», стр. 175.
[10] Не упоминает их и Б. П. Козьмин (см. «Русская секция Первого Интернационала». М., Изд. АН СССР, 1957).

ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ЭЛЕОНОРЫ МАРКС-ЭВЕЛИНГ

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ) хранятся материалы фонда младшей дочери Карла Маркса — Элеоноры Маркс-Эвелинг, видного деятеля английского социалистического и рабочего движения и публициста (ф. 8).

Материалы фонда охватывают период 1865—1898 гг. и содержат 242 документа. Сюда входят также документы мужа Элеоноры — английского социалиста Эд. Эвелинга, письма в адрес Эвелингов.

Документы содержат интересный материал для изучения биографии Э. Маркс-Эвелинг, но, к сожалению, недостаточно полно освещают некоторые важные стороны ее жизни и деятельности. Особенно ощутимо отсутствие документов за 1887 г., когда Эвелинги порвали с Социалистической лигой, перевес в которой взяли анархисты. Недостающие сведения можно найти в материалах ряда других фондов ЦПА ИМЛ (в фонде Маркса и Энгельса и др.), а также в периодических изданиях того времени: «Volksstaat», «Arbeiter Zeitung», «Vorwärts», «Neue Zeit», «Socialistische Monatshefte», «The Commonweal», «The Labour Elector», «To-Day» и др.

Элеонора Маркс родилась 16 января 1855 г. в Лондоне. Это были годы вынужденной эмиграции Маркса и его семьи, годы нужды и лишений. За эти годы в семье Маркса умерло трое детей. Элеонора, по словам Вильгельма Либкнехта, родилась, когда мать уже потеряла надежду сохранить в живых кого-либо из детей, родившихся в Лондоне.

О детских годах Элеоноры, об обстановке, в которой она росла, можно узнать из ее статьи «Карл Маркс», из письма Женни Маркс — Л. Вейдемейер от 11 марта 1861 г., из воспоминаний В. Либкнехта [1]. В самом же фонде Элеоноры Маркс сохранилось только пять ее детских писем за 1865—1868 гг., о занятиях в школе и семейных событиях, а также две ученические тетради с выписками по истории Франции и Шотландии, в которые позднее были вклеены газетные вырезки по экономическим и политическим вопросам (в частности, о Гаагском конгрессе Международного товарищества рабочих [2]).

С самого раннего детства Элеонора не только много читала, но и изучала английский, немецкий, французский и др. языки. Сам Маркс часто читал своим детям вслух, беседовал с ними о книгах, учил, по словам Элеоноры, находить самое красивое и лучшее в этих произведениях, учил их думать и понимать.

«Как и моим сестрам, — вспоминает Элеонора, — он прочел мне всего Гомера, всю «Песнь о Нибелунгах», «Гудрун», «Дон-Кихота», «Тысячу и одну ночь» и т. д .... шести лет я уже знала наизусть целые сцены из Шекспира» [3].

Энгельс также часто беседовал с Элеонорой о литературе, искусстве, о политике и религии.

Даже ранние письма Элеоноры (1871—1872) характеризуют ее как человека необыкновенно разностороннего и знающего. Круг ее интересов охватывал не только литературу, театр, музыку. Очень рано она стала принимать участие в политической и общественной жизни, сначала как помощница и секретарь своего отца, а затем и самостоятельно. И в эти годы и позднее она часто пишет о самом Марксе, о его занятиях, о состоянии его здоровья. Письма ее содержат также биографические сведения из жизни Энгельса.

Тому, что Элеонора Маркс стала выдающимся деятелем английского рабочего движения, в немалой степени способствовало влияние Маркса и Энгельса и та среда, в которой она росла.

Ф. Энгельс, а также современники Элеоноры — В. Либкнехт, Эд. Бернштейн и многие другие — пишут о ней как о женщине необычайно энергичной и волевой.

---

[1] Сб. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 88, 248, 255

[2] ЦПА ИМЛ, фонд 8, № 1—7.

[3] Сб.: «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 258.

похожей на Маркса страстным, неукротимым духом, отзываются о ней как о человеке, работавшем непрерывно с самых ранних лет и не знавшем усталости [1].

Из переписки с К. Марксом, Ф. Энгельсом, В. Либкнехтом, Н. Ф. Даниельсоном видно, что Элеонора находилась в курсе дел Международного товарищества рабочих [2], занималась организацией помощи находящимся в Лондоне коммунарам-эмигрантам, помогала К. Марксу, делая нужные ему выписки, вела по его поручению корреспонденцию и т. д.

Сохранилось интересное письмо Элеоноры В. Либкнехту от 29 декабря 1871 г. [3] с описанием поездки Элеоноры и ее старшей сестры Женни во Францию к Лафаргам и об их аресте там [4].

В 1873 г. Эл. Маркс начала преподавать в школе в Брайтоне. Об этом свидетельствуют и документы фонда самой Эл. Маркс [5] и ряд писем, относящихся к фонду документов жены К. Маркса — Женни Маркс.

Письма 1874—1878 гг. говорят о том, что Элеонора постоянно находилась в курсе политических событий, происходивших в различных странах, уделяла много внимания состоянию рабочего движения и печати во Франции, Германии, Австрии, Испании, Англии; вела переписку с политическими деятелями этих стран. Например, когда 21 ноября 1874 г. в рейхстаге с речью выступил В. Либкнехт, предлагая освободить на время сессии находящихся в тюрьме социал-демократических депутатов рейхстага, Элеонора, уже 28 ноября [6], пишет ему, что спешно переводит на французский язык его речь для еженедельника «Rouge et noir».

Письма 1880—1883 гг. также отражают литературную и общественную работу Эл. Маркс. В эти годы она ведет обширную переписку с В. Либкнехтом, сообщает ему о событиях в Англии, в частности об обсуждении в палате общин исключительных законов 1881 г., направленных против Ирландии, и об отношении английских рабочих к ирландскому вопросу (письмо от 12 февраля 1881 г.) [7]. В этом же письме она образно описывает события того дня, когда должен был происходить суд над арестованным 2 февраля 1881 г. ирландцем Майклом Девиттом, одним из организаторов Земельной Лиги [8]. Здание суда окружила толпа людей, в числе которых была и Элеонора. Интересен ее разговор с полицейским-ирландцем, в результате которого к ней подошел человек и, протянув руку, сказал: «Так как я ирландец, позвольте мне пожать Вашу руку и поблагодарить Вас» [9].

Касаясь введенных в Ирландии в 1881 г. исключительных законов, она писала, что если бы Бисмарку, даже при его деспотизме, дали возможность делать то, что он хочет, то все-таки английские законодатели перещеголяли его [10].

---

[1] См., например, высказывания Ф. Энгельса о работе Эл. Маркс (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 164, 168—169, 173, 215, 335 и др.); В. Либкнехта в статье «Eleonor Marx-Aveling» в газете «Vorwärts» № 80 от 5 апреля 1898 г. и др.

[2] Так, например, 29 декабря 1871 г. она посылает В. Либкнехту, по поручению Маркса, письмо с разъяснениями относительно появившегося в газете «Deutsche Allgemeine Zeitung» (от 23 декабря 1871 г.) сообщения о постановлениях Лондонской конференции МТР 1871 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 8, № 13). 1 сентября 1872 г., после отъезда Маркса на конгресс в Гаагу, она пишет ему из Лондона о некоторых происшедших в Англии событиях, связанных с конгрессом (ЦПА ИМЛ, ф. 8, № 16) и т. д.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 8, № 13.

[4] Об этом же событии Ж. Маркс писала редактору газеты «Woodhull and Claflin's Weekly». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. II, стр. 711.

[5] ЦПА ИМЛ, ф. 8, № 17, 18.

[6] Там же, № 24.

[7] Там же, № 35.

[8] «Земельная Лига» была организована в 1879 г. в целях защиты ирландских крестьян от лендлордов. Один из ее создателей — Девитт (который в 1870 г. был приговорен к 15 годам тюрьмы, но освобожден в 1877 г. по амнистии) организовал сопротивление фермеров взиманию повышенной ренты и был за это снова арестован.

[9] ЦПА ИМЛ, ф. 8, № 35.

[10] Исключительные законы 1881 г. отменяли неприкосновенность личности в Ирландии и разрешали полиции арестовывать и обыскивать по своему усмотрению.

В связи с действием в Германии «исключительного закона» против социалистов Элеонора посылает в ноябре 1880 г. в тридцать восемь лондонских и провинциальных газет письмо о преследовании немецких социалистов.

«Незаконное преследование, которому подвергаются социалисты в Германии,— пишет Эл. Маркс,— настолько противоречит всем нормам правосудия и законности, что я верю, что не напрасно обращаюсь к Вам с просьбой опубликовать в вашей газете сообщение о бесчеловечности, которой подвергается часть германского народа».

При этом она поясняет Либкнехту: «Мое письмо, как и вы видите, написано якобы просто из чувства негодования, вызванного этими незаконными и бесчеловечными преследованиями — это была единственная возможность напечатать хоть что-то в газетах» [1].

В фонде имеются письма, свидетельствующие о том, как стойко и мужественно в эти годы Элеонора Маркс переносила тяжелые удары судьбы: 2 декабря 1881 г. умерла ее мать — Женни Маркс, 11 января 1883 г.— старшая сестра Женни Лонге [2], 14 марта 1883 г. умер Карл Маркс.

В 1884 г. Элеонора стала женой английского социалиста Эд. Эвелинга, и дальнейшая ее жизнь и деятельность тесно связаны с жизнью и деятельностью Эвелинга. О своих отношениях с Эвелингом Элеонора пишет летом 1884 г. своей сестре Лауре Лафарг и другим лицам [3].

Эвелинг выступал в 70-х годах как публицист и пропагандист дарвинизма, а позднее являлся популяризатором учения К. Маркса. (В письме от 8 мая 1884 г.[4] к Дж.-Л. Магону Элеонора пишет о влиянии произведений К. Маркса на формирование взглядов Эвелинга.) Он вел также агитационную и пропагандистскую работу, писал пьесы [5].

После смерти Маркса, когда его противники продолжали против него клеветнические выпады, Элеонора выступает в печати с разоблачениями врагов Маркса, в частности, по вопросу о полемике Маркса с Брентано [6]. В дальнейшем Элеонора издала ряд работ из рукописного наследия Маркса: из статей Маркса и Энгельса в газете «New York Daily Tribune» серию «Революция и контрреволюция в Германии» (в 1896 г.), «Заработная плата, цена и прибыль» (1898 г.) и совместно с Эвелингом — большой том, посвященный «Восточному вопросу».

Элеонора была незаурядным публицистом и переводчиком. Ее перу принадлежит множество статей, написанных для социалистической прессы Англии и европейских стран. Статьи эти в основном посвящены вопросам рабочего движения. Эл. Эвелинг является автором воспоминаний о Марксе, содержащих яркую характеристику Маркса и интересные биографические сведения из его жизни [7]. Перу Элеоноры принадлежит биографическая статья «Фридрих Энгельс» [8] и много переводов на английский язык различных статей (В. Либкнехта, С. М. Степняка (Кравчинского), Г. В. Плеханова и др.) и книг, политических и художественных («История Парижской Коммуны» П.-О. Лиссагаре, книга, которой Маркс уделял большое внимание, «Мадам Бовари» Г. Флобера и др.).

Документы фонда дают возможность ознакомиться с письмами Элеоноры к политическим деятелям и участникам рабочего движения других стран (Германии, Франции, России, Америки). От них она получала сведения о состоянии рабочего

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 8, № 33.
[2] Там же, № 40, 49.
[3] Там же, № 59, 61, 62.
[4] Там же, № 56.
[5] ЦПА ИМЛ, ф. 8, № 92, 93, 110, 211—239.
[6] Немецкий буржуазный экономист, профессор. Обвинял К. Маркс в неправильном цитировании речи Гладстона. Энгельс разоблачил его в предисловии к IV изданию I тома «Капитала» и в работе «Брентано contra Маркс, по поводу мнимой фальсификации цитаты. История, вопросы и документы». См. Письмо Эл. Маркс. ЦПА ИМЛ, ф. 8, № 53. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 218—222.
[7] Сб. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 255—262.
[8] Там же, стр. 181—191.

движения в этих странах, заметки и статьи. Корреспонденция, которую вела Элеонора, была очень обширна. Кроме упомянутых выше лиц, Элеонора переписывалась также с Ф. Д. Нивенгейсом, П. Лафаргом, П. Л. Лавровым, С. М. Степняком (Кравчинским), С. Гомперсом, Г. В. Плехановым, В. И. Засулич, Э. Бернштейном и др. Сама она информировала их о состоянии рабочего движения в Англии.

В 1881 г. в Англии возникла Демократическая федерация, переименованная в 1884 г. в Социал-демократическую федерацию (в Англии не было до тех пор социалистической партии, подобной германской или французской). Лидером ее стал Г. М. Гайндман. В числе руководителей были также Дж. Бернс, Г. Квелч, Т. Манн, У. Моррис и Эл. и Эд. Эвелинги. Федерация стала издавать газету «Justice», которая являлась тогда единственной социалистической газетой в Англии.

Но уже в 1884 г. в Федерации произошел раскол, вызванный поведением Гайндмана, которому Энгельс дал характеристику «архиконсерватора и крайне шовинистически настроенного, хотя и неглупого, карьериста». Поэтому 27 декабря 1884 г. 10 из 19 членов Совета социал-демократической федерации вышли из Федерации и образовали новую социалистическую организацию — «Социалистическую Лигу». В фонде имеется фотокопия циркулярного письма от 16 января 1885 г., подписанного Эвелингами, Баксом, Магоном, Баннером, Купером, Лейном, Майнворингом и Моррисом о выходе из Федерации и о причинах этого. В письме говорится: «Различия между Социал-демократической федерацией и Социалистической Лигой кроются в их цели и методе. Цель Федерации — политический оппортунизм; цель Лиги — чистый настоящий социализм. Метод Социал-демократической федерации ведет к абсолютизму; метод Лиги — братское сотрудничество» [1].

Об этом расколе Элеонора в письмах, относящихся к концу декабря 1884 г.— началу 1885 г., сообщает П. Л. Лаврову, Ф. Д. Нивенгейсу, В. Либкнехту и др. В письмах говорится также об организации ежемесячной (затем она стала еженедельной) газеты Социалистической Лиги «Commonweal», в издании которой Элеонора принимала самое активное участие. Она привлекла к сотрудничеству в газете видных политических деятелей и руководителей социалистического движения различных стран (В. Либкнехта, А. Бебеля, Ф. Д. Нивенгейса, П. Л. Лаврова, П. Лафарга и др.) и пишет о необходимости поддержки Социалистической Лиги зарубежными товарищами. Во многих письмах Элеонора подчеркивает необходимость связи между рабочими партиями различных стран, а в 1891 г. сообщает С. Гомперсу в Америку об успехах в деле организации такой связи [2].

В 1886 г. Эл. и Эд. Эвелинги вместе с В. Либкнехтом совершили поездку в Америку с пропагандистскими целями. После этой поездки против Эвелингов началась клеветническая кампания со стороны секретаря Исполнительного Комитета Социалистической рабочей партии Америки В.-Л. Розенберга. Эвелинга обвиняли в представлении подложных счетов в Исполнительный Комитет. Проверка Комитета установила, что счета были правильные.

В библиотеке Института имеются письма Эд. Эвелинга, Эл. Маркс-Эвелинг, В. Либкнехта, изданные в 1887 г., с доказательствами невиновности Эвелинга [3].

Ф. Энгельс, как об этом свидетельствуют его письма, также многое сделал для разоблачения этой клеветы [4].

В фонде Эвелингов почти не сохранилось документов за 1887 и 1889 гг. Между тем, эти годы очень богаты событиями. Если к имеющимся в фонде Эвелингов документам привлечь другие хранящиеся в Институте марксизма-ленинизма материа-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 8, № 68.

[2] Там же, № 61, 65-67, 69, 70, 72-74, 79, 84, 102, 103.

[3] Ed. Aweling. Unterm 30. Marz hat die Exekutive der S. A. P. ein zweites Cirkular (in London eingetroffen am 25. April) gegen mich erlassen. Ich fasse, in dessen Beantwortung, die Punkte auf die es ankommt, nochmals kurz zusammen.

[4] См. письма Ф. Энгельса к Келли-Вишневецкой и Зорге. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 613, 615—624, 626, 629—635 и др.

лы, в особенности переписку Ф. Энгельса с третьими лицами, то становится ясным, какое участие принимала Элеонора в профсоюзном и социалистическом движении.

В 1887 г. Эвелинги вышли из Социалистической Лиги, так как В. Моррис — «чувствительный мечтатель» и «бездарный политик» — по характеристике Энгельса — будучи сам, как говорил Энгельс, «жертвой анархистов», привлек в Лигу множество анархистских элементов. В 1889 г. Эвелинги снова примкнули к Социал-демократической федерации, но в документах фонда материалов, подтверждающих эти события, нет.

В конце 80-х годов в Англии наблюдается рост стачечного движения, в котором приняли участие малоквалифицированные рабочие. До этого времени малоквалифицированные рабочие и чернорабочие не имели своих профсоюзов. В 1889 г. при активном участии Эл. Эвелинг рабочие газовых предприятий и чернорабочие организовали свой профсоюз. Элеонора стала членом ЦК этого союза. «Во главе рабочих газовых предприятий (негласно) стоит Тусси[1], и союз их, по-видимому, один из лучших», — писал Энгельс 19 апреля 1890 г. Этот союз *впервые* (как подчеркивает Энгельс) благодаря Элеоноре добился создания женских секций. Рабочим удалось добиться введения 8-часового рабочего дня. Этот пример побудил выступить лондонских докеров. В организации и проведении стачки докеров Элеонора принимала самое активное участие. «Стачка была грандиозной»,— писал Энгельс, и продолжалась два месяца. Элеонора, по словам Энгельса, день и ночь работала в Комитете и с головой окунулась в стачечное движение.

Одновременно в Сильвертауне вспыхнула стачка рабочих, производящих подводные кабели и резиновые изделия, и в этой стачке Элеонора активно участвовала. Она каждое утро выезжала на места забастовок. В декабре 1889 г. она снова вела работу по организации стачки рабочих газовых предприятий в южной части Лондона, а позднее активно участвовала в проведении забастовок и организовывала помощь бастующим со стороны зарубежных рабочих[2].

Много времени и внимания уделяла Элеонора еврейским работницам Уайтчепеля. Для того, чтобы аудитория как можно лучше ее понимала, в интересах социалистической пропаганды, она специально изучила еврейский язык[3].

Недаром В. Либкнехт писал после ее смерти: «Понять социализм, пропагандировать социализм и жить для социализма — это была ее цель»[4].

Элеонора Маркс-Эвелинг была выдающимся оратором и часто выступала на различных собраниях, митингах и демонстрациях, в частности, на первомайских демонстрациях в Гайд-Парке, после принятого в 1889 г. постановления о праздновании 1-го Мая.

Ее современник Виктор Дав писал: «Было бы трудно найти такую рабочую трибуну в Англии, с которой бы она не говорила. В Лондоне и провинции ее активность была беспредельна... С тех пор как стали праздновать в Гайд-Парке 1 мая — праздник труда, я думаю, она не пропустила ни разу случая принять участие в этих манифестациях[5]. О том, что Элеонора Маркс-Эвелинг участвовала в организации и проведении демонстраций, в том числе первомайских, и агитации за восьмичасовой рабочий день, свидетельствуют и документы фонда. В письме от 1.II.1890 г. она предлагает С. М. Степняку (Кравчинскому) принять участие в вечере, организуемом с целью сбора средств для первомайской демонстрации с требованием восьмичасового рабочего дня. В письме от 4 мая 1890 г. Элеонора описывает первомайскую демонстрацию в Лондоне, в которой участвовали она и Эвелинг.

В письме от 28 апреля 1897 г. она заявляет о своем отказе председательствовать на интернациональной трибуне 1 мая 1897 г. ввиду преобладания анархистов

---

[1] Тусси — прозвище Элеоноры Маркс-Эвелинг.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 8, № 105, 106 и др.
[3] Там же, № 242.
[4] См. ст. В. Либкнехта «Eleonor Marx-Aveling» в газете «Vorwärts», № 80. от 5 апреля 1898 г.
[5] П. Виноградская. «Женни Маркс», М.—Л., 1933, стр. 126.

среди ораторов. В фонде имеется также статья Эд. Эвелинга «История майских демонстраций в Англии в защиту требования восьмичасового рабочего дня[1] для первомайского номера газеты «Пржедсвит» (январь 1896 г.).

Большое участие принимала Эл. Маркс-Эвелинг в деятельности II Интернационала в период, когда был еще жив Энгельс, и позднее. Благодаря знанию языков она была переводчицей на четырех его конгрессах — в Париже в 1889 г., в Брюсселе в 1891 г., в Цюрихе в 1893 г., в Лондоне в 1896 г. Она проводила также большую работу по подготовке к конгрессам[2].

Ряд писем свидетельствует об участии Элеоноры на съездах социал-демократических рабочих партий различных стран — французской рабочей партии в Лилле, Германской социал-демократической рабочей партии в Галле в 1890 г. и др.[3].

5 августа 1895 г. умер Ф. Энгельс. В фонде имеются письма, в которых говорится о завещании Энгельса, об обстоятельствах его кончины и похоронах[4].

Из переписки Эл. Маркс-Эвелинг за 1895—1898 гг. мы узнаем о ее активном участии в подготовке Международного конгресса горнорабочих в 1897 г. в Лондоне, о ее литературной работе, о ее поездках в Германию и Америку, о работе над литературным и эпистолярным наследством Маркса и Энгельса.

В последние годы своей жизни Элеонора продолжает переписку с Н. Ф. Даниельсоном, посылает ему для перевода на русский язык гранки IV тома «Капитала» и другие работы Маркса. Она состоит в тесном общении с русскими политическими эмигрантами за границей — Плехановым, Засулич, Степняком.

Материалы фонда Элеоноры Маркс-Эвелинг являются интересным источником для изучения истории рабочего движения Англии 80—90-х гг. XIX в.

Большинство документов фонда — на английском языке, часть материалов — на французском и немецком языках.

О. Б. Воробьева

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 8, № № 99, 100, 106, 161, 234.

[2] Там же, № 97, 113, 114, 122, 145, 147, 148, 150.

[3] См. письма Ф. Энгельсу от 14 и 16 октября 1890 г. с подробным описанием поездки в Лилль и Галле и обстановки на съездах (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, № 689, оп. 1, № 690).

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 8, № 119, 120, 126, 130, 175.

ИЗ ОПЫТА НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКОЙ РАБОТЫ ЦГВИА

За советский период в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (ЦГВИА) накоплен большой опыт публикаторской работы.

Начало систематической работы ЦГВИА по подготовке к печати сборников документов относится к 1939 г., когда в архиве была закончена большая работа по разбору, систематизации, фондированию и учету документальных материалов и тем создана возможность их более широкого использования, в том числе и в виде публикаций в печати. С этого времени по 1957 г. было подготовлено и издано 24 сборника, общим объемом свыше 1000 печатных листов.

Первые изданные архивом сборники ставили перед собой задачу изучения опыта войн сравнительно недавнего прошлого [1]. Предназначались они главным образом для узкого круга специалистов. Основное внимание составителей обращалось на выявление, отбор и систематизацию документов внутри сборников. Археографическая обработка документов была недостаточной. В заголовках документов, например, часто отсутствовали фамилии корреспондентов и адресатов; почти никогда не сообщалось содержание публикуемых документов [2]. Составители избегали составлять подстрочные примечания. В легендах не отмечалась категория подлинности документов.

В 1944 г. архивом было положено начало систематической публикации военно-исторических документов. Изданные в 1944—1947 гг. сборники невелики по объему и рассчитаны на широкий круг читателей, причем не только историков, но и преподавателей, пропагандистов, политработников и др.

За первым сборником такого типа «Из боевого прошлого русской армии» [3], последовала серия однотомников о русских полководцах конца XVIII — начала XIX вв.: «Генерал Багратион», «Генералиссимус Суворов», «Фельдмаршал Кутузов», «Фельдмаршал Румянцев» [4]. Их составители ставили перед собой задачу опубликовать такие документы, которые дали бы общее представление о военном искусстве крупнейших военачальников в связи с военной историей русского народа в борьбе за независимость своей Родины.

Археографическая обработка документов в этих публикациях проведена лучше, чем в первых изданных архивом сборниках: меняется форма заголовков, в легендах указывается категория подлинности документов, документы комментируются, снабжаются именными указателями, словарем малоупотребительных слов, перечнем публикуемых документов. В некоторые сборники включаются краткие библиографические справки литературы, изданной по теме публикации. Но и эти сборники еще страдали недостатками в археографической обработке. Значительная часть документов публиковалась в извлечениях, содержание опущенной части нигде не ого-

---

[1] Наступление Юго-западного фронта в мае — июне 1916 г. Воениздат, М., 1940, стр. 548 + схемы. Сост.: М. М. Семин, А. Н. Назарова, Н. П. Шляпников, А. П. Малышев; Русско-японская война 1904—1905 гг. Воениздат, М., 1941, стр. 540 + приложения. Сост.: М. Д. Рабинович, Ф. К. Лимонов, Н. А. Знаменский, Е. Д. Ефимова; Санитарная служба русской армии в войне 1914—1917 гг. Куйбышев, 1942, стр. 464 + + схемы. Сост.: И. С. Назин, Е. Д. Ефимова, З. М. Новикова.

[2] Типичные примеры такого заголовка: «Ген. Алексеев — представителю русской армии при французском командовании ген. Жилинскому. Телеграмма № 62. 5(18) февраля 1916 г.» или «Доклад начальника санитарного отдела 2-й армии начальнику штаба той же армии. 9(22) декабря 1914 г.» и т. д.

[3] Из боевого прошлого русской армии. Госполитиздат, М., 1944, Сост.: Н. П. Шляпников, Ф. Е. Кузнецов, Е. П. Воронин, З. М. Новикова, Ф. К. Лимонов (2-е изд. Воениздат, М., 1947).

[4] Генерал Багратион. Госполитиздат, М., 1945. Сост.: Н. П. Шляпников, И. С. Назин, Е. П. Воронин, З. М. Новикова, Р. Е. Альтшуллер; Генералиссимус Суворов, Госполитиздат, М., 1947. Сост.: Н. П. Шляпников, Б. А. Сергеев, З. М. Новикова, Е. Д. Ефимова; Фельдмаршал Кутузов. Госполитиздат, М., 1947. Сост.: Ф. Е. Кузнецов, З. М. Новикова, Р. Е. Альтшуллер, И. С. Назин; фельдмаршал Румянцев. Госполитиздат, М., 1947, сост. З. М. Новикова.

варивалось. Так, в опубликованной реляции П. А. Румянцева Екатерине II о взятии Журжи в октябре 1771 г. было сделано четыре купюры, содержание которых не оговорено («Фельдмаршал Румянцев», док. № 88).

Однотомные сборники не могли сколько-нибудь полно удовлетворить запросы исследователей, и ЦГВИА начал подготовку научных публикаций военно-исторических материалов в более широких масштабах.

В 1948 г. появился сборник «Семилетняя война» [1], затем стали выходить тома из новой серии «Великие русские полководцы» [2], начата публикация материалов по истории авиации и воздухоплавания в России [3]; наконец, летом 1957 г. вышла первая книга многотомной публикации о втором периоде революции 1905—1907 гг. [4]

Наибольший интерес представляет обобщение опыта научно-публикаторской работы ЦГВИА, накопившегося в процессе подготовки именно этих сборников.

Только в серии «Великие русские полководцы» опубликовано 7036 документов, хранящихся в ЦГВИА и других государственных архивах СССР. Эти сборники представляют наиболее полное и систематическое собрание документов П. А. Румянцева, А. В. Суворова и М. И. Кутузова.

О жизни и деятельности великих русских полководцев немало документов было опубликовано и дореволюционными историками, однако большинство этих публикаций страдает неполнотой и отрывочностью. Во многих случаях текст документов искажался. Крайне небрежной была и археографическая обработка; имелось много пропусков и ошибок, отсутствовали комментарии и зачастую не делалось ссылок на места хранения документов [5].

Остановимся на выявлении, отборе, передаче текста и других вопросах археографической обработки документов в сборниках, изданных ЦГВИА за последние годы.

Выявление и отбор документов для публикации является одним из основных и определяющих видов работы по составлению сборников. Естественно, что выявление документов мы начинали с материалов ЦГВИА как богатейшего хранилища документов военно-исторического прошлого нашей Родины, а затем обращались к материалам других хранилищ. Прежде всего, составители намечали фонды и описи, определяя очередность их просмотра.

Помимо государственных архивов, были обследованы фонды рукописных отделов крупнейших библиотек, музеев, архивов институтов Академии наук СССР.

В процессе выявления документальных материалов в госархивы республик и областей делались запросы о наличии документов по теме публикации. Так, по четвертому тому сборника «М. И. Кутузов» было запрошено более двадцати местных архивов. В целом в эту многотомную публикацию (пять томов, 6 книг) вошли документы свыше тридцати архивохранилищ страны.

---

[1] Семилетняя война. Под ред. проф. Н. М. Коробкова. Воениздат, М., 1948, 914 стр. + схемы. Сост.: З. М. Новикова и Н. В. Бржостовская.

[2] А. В. Суворов. Сборник документов, тт. I—IV. Воениздат, М., 1949—1953. Сост. З. М. Новикова; М. И. Кутузов. Сборник документов, тт. I—V, Воениздат, М., 1950—1956, Сост. Р. Е. Альтшуллер; П. А. Румянцев. Сборник документов, тт. I—II, Воениздат, М., 1953—1954. Сост. Е. П. Воронин.

[3] Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г. Сборник документов и материалов. Под ред. В. А. Попова. Оборонгиз, М., 1956, стр. 951, сост. Н. И. Шауров и М. А. Сидорова.

[4] Второй период революции 1906—1907 годы. Ч. I, кн. I, Изд. АН СССР, М., 1957. Сост.: В. Н. Автократов, В. К. Головников, В. А. Кондратьев, С. А. Лифшиц, М. А. Сидорова, Б. В. Филиппов.

[5] Н. Ф. Дубровин. Присоединение Крыма к России. Тт. I—II, СПб., 1885; Письма и бумаги А. В. Суворова, Г. А. Потемкина и П. А. Румянцева 1787—1789 гг. (Кинбург — Очаковская операция). Сб. военно-исторических материалов. Вып. IV, под ред. Д. Ф. Масловского. СПб., 1893 (Опубликовано 762 документа); Д. А. Милютин. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г. Изд. I, тт. 1—5. СПб., 1852—1853, изд. II-е, тт. 1—3. СПб., 1857; Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной его императорского величества канцелярии. Вып. I—III, X—XI, XIII под ред. Н. Дубровина. Вып. XIV под ред. В. Строева. СПб., 1876—1913, и другие публикации.

Несколько слов нужно сказать об организации публикаторской работы ЦГВИА. При подготовке к печати сборников «Наступление Юго-западного фронта в мае—июне 1916 г.» и «Русско-японская война 1904—1905 гг.» создавались бригады составителей, каждому из которых поручалась работа над отдельными главами сборника, но практика показала, что в ряде случаев при такой организации одни и те же архивные дела проходили через руки каждого члена бригады, и документы, нужные одному составителю, надолго задерживались у другого, выявляющего и обрабатывающего материал по другим главам. Поэтому при подготовке к печати серии «Великие русские полководцы» работа над каждым сборником поручалась лишь одному или двум составителям. Это вполне себя оправдало.

При подготовке к печати сборников, посвященных первой русской революции, для которых необходимо было просмотреть очень много архивных фондов в ЦГВИА и выявить тысячи документов, архиву вновь пришлось, правда, на других началах, перейти к бригадному методу. Но работа строилась уже несколько иначе. Она проводилась по двум этапам. Сначала были определены фонды архива, содержащие материалы 1906—1907 гг., намечена последовательность их просмотра и создана большая группа сотрудников (весь научный состав архива), за каждым из которых были закреплены определенные фонды или группы фондов. Сведения о каждом выявленном документе заносились на тематические карточки, которые передавались в распоряжение более узкой группы сотрудников-составителей. Изучая содержание карточек, составители отбирали документы для перепечатки.

Поскольку серия этих сборников является общесоюзной, работа по выявлению соответствующих документов проводилась и в других государственных архивах. Главное архивное управление своевременно приняло меры к организации этой работы, а ЦГВИА, совместно с Институтом истории АН СССР, разработал методическое письмо о порядке выявления документальных материалов, направленное ряду государственных архивов. Много документов поступило из ЦПА ИМЛ и партийных архивов обкомов КПСС.

Когда были перепечатаны выявленные в ЦГВИА документы и получены материалы из других архивов, бригада сотрудников-составителей, за каждым из которых были закреплены определенные географические районы России, приступила к систематизации, отбору, окончательной обработке документальных материалов и формированию томов сборника.

Такая организация работы позволила в короткие сроки выявить все документы в ЦГВИА, быстро провести их первичную археографическую обработку, освободив составителей для работы по дополнительному выявлению документов в других архивах (ЦГИАМ, ГИАМО, ЦГИАЛ, ЦПА при ИМЛ и др.), для окончательной обработки документальных материалов и подготовки сборника к изданию и вовлечь в публикаторскую работу весь научный коллектив архива.

При работе над сборником «Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г.» пришлось учесть специфические особенности выявления документальных материалов такого рода, их обработки и комментирования. Для успешной подготовки этого сборника необходимо было привлечь специалиста, знакомого с историей воздухоплавания и авиации, который должен был работать непосредственно с архивными документами и осуществлять не только консультацию составителей, но вместе с ними проводить выявление и отбор документов, а затем их широкое комментирование.

Так же как и при работе над сборниками о полководцах, в процессе выявления документов для сборника «Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г.» было просмотрено огромное количество описей и дел. Подробно были обследованы фонды ЦГВИА. В других государственных архивах и библиотеках также было выявлено большое количество документальных материалов. В отличие от сборников документов «П. А. Румянцев», «А. В. Суворов» и «М. И. Кутузов», в которые вошло небольшое количество документов из периодической печати, в сборнике «Воздухоплавание и авиация в России...» широко использованы материалы периодической

печати, так как по ряду вопросов в архивах не сохранилось документальных материалов.

Выявляя и отбирая материал для серии «Великие русские полководцы», составители стремились полнее и глубже показать военно-оперативную деятельность полководцев, особенности их стратегии и тактики, военно-теоретическую деятельность; показать в публикуемых документах роль русского народа в развитии военного искусства, осветить облик полководцев как выдающихся государственных деятелей и дипломатов. Военно-административная и военно-педагогическая деятельность полководцев, их роль как реформаторов русской армии, также нашли отражение в изданных сборниках. Составителями выявлены материалы, характеризующие методы воспитания и обучения войск, материальное обеспечение армий, организацию разведки, документы, рисующие заботу о здоровье и быте солдат, об организации военно-медицинской части.

В IV томе сборника «М. И. Кутузов», посвященном Отечественной войне 1812 г., очень важно было показать всенародный характер войны, дать материалы о патриотизме народных масс, о народном ополчении; для этого в сборник включены такие документы, как рапорты, журналы военных действий и другие материалы об организации, численности и распределении ополченских частей, о боевом использовании ополченцев и их подвигах; документы, характеризующие патриотизм и боевые отличия русских солдат и офицеров; представления Кутузова и подчиненных ему военачальников о награждениях отличившихся.

Значительное место в сборнике уделено крестьянскому партизанскому движению в Отечественной войне 1812 г., для чего в сборник включены предписания Кутузова о вооружении и привлечении в партизанские отряды крестьян, донесения об организаторах крестьянских партизанских отрядов, реляции об их патриотических подвигах, газетные сообщения о действиях крестьянских партизанских отрядов и награждении их участников, о добровольном участии широких кругов русского народа в военных действиях, о подвигах гражданских лиц в войне с Наполеоном I.

Опубликованы ведомости и донесения об имущественных пожертвованиях самых различных слоев населения России на нужды армии, в том числе о пожертвованиях рабочих Аннинского завода, а также общая ведомость пожертвований, собранных в связи с Отечественной войной.

Издавая материалы об участии полководцев в отдельных войнах, составители ставили перед собой задачу одновременно осветить весь ход той или иной военной кампании.

Но выявление и отбор документов о жизни и деятельности полководца в соответствующей кампании представляли большую трудность. Было приложено много усилий при отборе и комментировании документов, чтобы не создать отрыва фигуры полководца от общего фона исторических событий.

Основная масса материалов, включенных в сборники, представляет собой документы, исходившие от самого полководца. В сборники также помещены различного рода инструктивные материалы (рескрипты, указы и приказы вышестоящих лиц и учреждений), зачастую определяющие деятельность полководца на определенном этапе.

Чтобы дать более полное освещение отдельных сражений и на широком фоне событий войны показать армию и фигуру самого полководца, в сборниках использованы (в основном в примечаниях) донесения подчиненных военачальников, а также мемуарная литература и письма современников. В некоторые тома включены материалы общего характера, отражающие военную и политическую обстановку того времени. Например, во втором томе сборника «М. И. Кутузов» помещен текст соглашения между Россией и Австрией, подписанного в 1805 г. Хотя это соглашение было заключено без участия М. И. Кутузова и даже до того, как он был назначен главнокомандующим, оно в значительной степени определило взаимоотношения между Россией и Австрией и ту обстановку, в которой в дальнейшем пришлось действовать русским войскам под командованием М. И. Кутузова.

Все сборники из серии «Великие русские полководцы» строились по этапам военной деятельности полководца, соответственно которым проводится деление сборников на разделы и главы. Каждый том включает в себя, помимо документов, историческое введение, предисловие от составителей, предметно-тематический, именной и географический указатели, терминологический словарь и перечень документов. К последнему тому каждого издания приложены: перечень важнейших дат жизни и деятельности полководца и библиография русской литературы о нем. Следует отметить, что при археографической обработке документов для подготовляемых к печати сборников мы столкнулись с тем, что «Основные правила публикации документов Государственного архивного фонда СССР» (1945 г.), как и «Правила издания исторических документов» (1955 г.), не могут полностью удовлетворить составителей, так как военная документация имела специфические особенности (делопроизводственная форма документов, своеобразие изложения и т. п.), которые приходится учитывать при археографической обработке. Поэтому архив был вынужден разработать рабочие инструкции и специальные памятки с учетом особенностей выявления и археографической обработки военных документов. Так была составлена рабочая инструкция по археографической обработке документов XVIII в., методические указания по выявлению и археографической обработке документов для общесоюзной серии по истории первой русской революции 1905—1907 гг. и Великой Октябрьской социалистической революции и т. д.

В результате поисков документов в ряде архивохранилищ было обнаружено большое количество никогда ранее не публиковавшихся материалов о деятельности полководцев, сообщающих не известные до сих пор биографические данные, уточняющие отдельные неясные моменты их жизни. Значительную ценность представляет, например, ранее неизвестная записка А. В. Суворова о тактике ведения боевых действий против турецких войск [1]. Были обнаружены никогда не публиковавшиеся подлинные приказы М. И. Кутузова по Сухопутному кадетскому шляхетному корпусу за 1794—1797 гг., материалы за время пребывания Кутузова на посту чрезвычайного посла в Константинополе в 1793—1794 гг.; ряд ценных документов, относящихся к войне 1805 г., к русско-турецкой войне 1806—1812 гг., Отечественной войне 1812 г. и походу 1813 г. Найдены также неизвестные документы о помощи, оказанной Кутузовым Сербии в ее национально-освободительной борьбе, о русско-сербском боевом содружестве, о роли Кутузова в организации болгарского ополчения и устройстве болгарских переселенческих колоний в 1811—1812 гг.

В Архиве Института литературы АН СССР был обнаружен черновой вариант известного письма М. И. Кутузова генералу М. А. Милорадовичу о войне с Францией в 1805 г., написанный в отличие от подлинника (на французском языке) по-русски и содержащий многочисленные исправления, сделанные рукой Кутузова [2]. В рукописном отделе Всесоюзной библиотеки СССР им. В. И. Ленина удалось обнаружить ранее не публиковавшиеся приложения к румянцевскому «Обряду службы» [3].

Каков же обычный порядок археографической работы в ЦГВИА?

При полистном просмотре дел составляются заголовки и легенды к тем документам, которые намечено включить в сборник.

Одновременно, если это необходимо, к тексту документа, заголовку или легенде составляются подстрочные примечания. Характер их различен: здесь могут быть даны сведения об упоминающихся лицах, о состоянии документа (плохая сохранность, неразборчивость текста и т. п.), о его происхождении, имеющихся на нем резолюциях и отметках, предложено обоснование датировки; наконец, могут быть даны примечания, излагающие содержание приложений, о которых упомянуто в тексте, но которые не публикуются. (В последнем случае в примечании дается ссылка на дело и листы, если документ находится в том же деле, где хранятся приложения).

---

[1] А. В. Суворов, т. II, стр. 459—461.
[2] М. И. Кутузов, т. II, стр. 348, 527—533.
[3] П. А. Румянцев, т. II, стр. 251—254.

Кроме того, примечания делаются в тех случаях, когда документ публикуется не целиком: оговаривается содержание опущенной части документа. В ряде случаев в примечаниях дается характеристика дел, из которых выявлены публикуемые документы и которые являются особенно ценными с исторической точки зрения или имеют заслуживающие внимания внешние или другие особенности.

Очень часто отмечаются дела, являющиеся журналами исходящих документов. Они представляют для публикаторов значительный интерес, так как во второй половине XVIII — первой половине XIX в. текст документов в них записывался полностью. Такие дела особенно ценны, потому что подлинники многих документов не сохранились. Обычно в примечании к первому публикуемому документу, выявленному из такого журнала, дается указание, в котором отмечается, чьи документы записаны в журнале, какой круг вопросов они охватывают, за какой период, количество документов. Большей частью такие журналы велись каждый по определенным вопросам: по инспекторской и хозяйственной частям, по военным действиям, кроме того имелись «секретные» и так называемые «тайные» журналы. В «секретные» журналы записывалась вся особо важная оперативная переписка, а в «тайные» — вся переписка по внешнеполитическим вопросам, о мирных переговорах и т. п. Но даже при наличии таких журналов составители сборников стремились отыскать подлинные документы полководцев и публиковали журнальные копии лишь при отсутствии подлинников.

В примечаниях к публикуемым документам также отмечаются дела, представляющие собой книги подлинных приказов полководца[1].

Когда публикуются подлинники документов при наличии сведений о месте хранения их черновых автографов, составители всегда дают об этом указание в подстрочных примечаниях. Такие сведения очень важны, так как подтверждают лишний раз, что автор документа собственноручно написал его, а не только дал указание о его составлении или предложил его основное содержание.

После составления заголовков, легенд и необходимых примечаний документы направляются на перепечатку.

В общем комплексе работ по подготовке к печати сборников документов наиболее ответственным является отбор документов для окончательного включения их в публикацию. Выявляется и перепечатывается документов значительно больше, чем включается в сборник. Это неизбежно, так как отбор не может быть полно и правильно проведен до сбора всех основных документов по данному вопросу.

При выборе документов приходится сталкиваться с известными трудностями. Часто составители имеют дело с несколькими аналогичными документами, посланными различным адресатам для руководства или для сведения. Нередко разным лицам отправлялись одновременно документы, сходные по содержанию, но имеющие при этом некоторые особенности, которые важно отметить. В таких случаях составители считали достаточным опубликовать один из них в качестве основного, а в примечании указать, кому и когда были отправлены аналогичные документы и какова особенность каждого из них, их исковые данные.

Случалось, что одному лицу отправлялся в разное время ряд аналогичных документов. Не видя нужды публиковать их все, составители в примечаниях сообщали об их существовании и давали их краткую характеристику. В ряде случаев по одному и тому же вопросу встречается несколько документов, отличающихся один от другого лишь незначительными разночтениями, тогда публиковался лишь один из них, а разночтения или отдельные добавления приводились в подстрочных примечаниях. Так, например, сделано было в III томе сборника «М. И. Кутузов» с публикацией документов, в которых Кутузов писал о поставках продовольствия[2]

---

[1] В конце XVIII в. и начале XIX в. в канцелярии главнокомандующего велись книги, в которые записывались подлинные приказы по армии; экземпляры приказов, отправленные подчиненным военачальникам, обычно подписывались адъютантами, дежурным генералом или начальником штаба главнокомандующего.

[2] М. И. Кутузов, т. II, стр. 237

Некоторые вопросы археографической обработки, на наш взгляд, представляют определенную сложность.

В первую очередь это относится к составлению заголовков военных документов, которые постоянно содержат специальные термины и самый стиль которых во многом отличается от обычных документов. Эта специфика требует включения в заголовки следующих элементов: места написания документа, в ряде случаев — времени (особенно в оперативных документах) и исходящего номера. Эти элементы необходимы для уяснения связи между документами сборника и для выявления документов, не вошедших в сборник. Чины и должности упомянутых в заголовках лиц указываются обычно лишь при первом их упоминании в сборнике, а также в случае изменения чина или должности. Однако, если между документами, в заголовках которых встречалась одна и та же фамилия, существует значительный разрыв, то при повторном упоминании этой фамилии вновь указываются чин и должность.

В работе по составлению заголовков большую трудность вызывало определение разновидностей документов, поскольку классификация делопроизводственных документов XVIII—XIX вв. разработана слабо. В частности, особенную трудность представляло установление наименований распоряжений полководцев, переданных не ими лично, а от их имени — дежурным генералом или начальником штаба. Наибольшее количество такого рода документов встречается в IV и V томах сборника «М. И. Кутузов». Эти документы отправлялись от имени М. И. Кутузова и подписывались в 1812 г. дежурным генералом П. П. Коновницыным, а позднее, в 1813 г., начальником Главного штаба действующих армий П. М. Волконским. Иногда такого рода документы сохранялись в виде копий, без подписи. В некоторых случаях, когда, например, дежурный генерал должен был передавать предписание Кутузова какому-либо генералу, бывшему старше его чином, он делал это в форме рапорта, хотя по существу этот документ представлял собой не рапорт дежурного генерала, а предписание Кутузова. Такого рода документы, в отличие от предписаний, подписанных лично Кутузовым, мы называем приказаниями.

При окончательной обработке отобранных для печати документов большое внимание уделяется точной передаче текстов. Между тем, чтение рукописных документов, в особенности «индивидуальной» скорописи XVIII в., представляет большие трудности. Чрезвычайно неразборчивыми почерками обладали Румянцев и Кутузов. Даже современники с большим трудом разбирали написанное их рукой [1].

Составителями было положено много труда, чтобы правильно прочитать автографы. Чтение текстов часто бывает также затруднено тем, что некоторые документы сохранились лишь в виде черновиков, зачастую написанных небрежно, с массой поправок, полуистертых, с выцветшими от времени чернилами.

Составители стремились свести к минимуму число неразобранных мест рукописей. Когда отдельные слова, вследствие неразборчивости их написания, все же не давали бесспорного прочтения и допускали возможность разночтений, они снабжались примечаниями с указанием возможных разночтений или истолкований.

При подготовке сборников значительные трудности возникали с передачей текста зашифрованных документов (сборник «А. В. Суворов»). Правда, в делах к этим документам имеются приложенные дешифровки, но в них оставалось очень много неясностей и неточностей. Составителю сборника З. М. Новиковой удалось составить таблицы некоторых шифров и с их помощью правильно прочитать документы.

При сличении публикуемых документов с их предыдущими изданиями обнаруживается, что некоторые дореволюционные публикации изобиловали значительными ошибками, текст источников передавался со всеми описками и искажениями. Часто два разных слова печатались слитно, со строчной вместо прописной буквы и наоборот; знаки препинания расставлялись неправильно, не были отделены абзацы. На-

[1] Так, например, в канцелярии Г. А. Потемкина был специальный чиновник, который переписывал собственноручные документы П. А. Румянцева, так как Потемкин не мог читать автографы полководца.

пример, в одном из писем к жене из Константинополя в 1793 г. Кутузов пишет о «таине» — т. е. кормовых деньгах, выплачиваемых турецким правительством. В журнале «Русская старина», где опубликовано это письмо, слово «таин» было передано как «тот»[1]. Другой пример бессмысленного искажения текста имеется в официальном письме Кутузова, опубликованном в сб. «Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА» (т. V, СПб., 1904, стр. 262), где напечатано: «...или по секрету и прервание...». В оригинале же документа речь идет о границе между Россией и Турцией по реке Серет. В нем написано: «...или по Серет и прервет...»[2].

В процессе подготовки публикаций документальных материалов проводилась большая работа над уточнением или установлением правильной датировки документов. Особые трудности возникали в тех случаях, когда документ не имел даты или ранее установленная дата была неправильной.

Например, личные письма Кутузова жене и дочерям обычно помечались им лишь месяцем и числом, без указания года. Так, одно из его писем к жене было помечено им 18 апреля. В журнале «Русская старина» оно было отнесено к 1808 г.[3]. При подготовке этого документа к новой публикации составители сборника «М. И. Кутузов» датировали его 1812 г. Каким же образом это было определено? Во-первых, в нем идет речь о надежде на скорый мир с Турцией, о котором больше всего весной 1812 г. беспокоился Кутузов. Будучи в это время на посту главнокомандующего Молдавской армией, он вел тогда мирные переговоры с турецкими уполномоченными. Во-вторых, в письме упомянуто о выезде Александра I к армиям, которое, как известно, относится к 9 апреля 1812 г. Другое письмо Кутузова жене от 28 ноября 1807 г. в журнале «Русская старина»[4] отнесено к 1806 г. Между тем в этом письме Кутузов пишет о новых «хлопотах» с полками. Эти хлопоты были связаны с подчинением Кутузову в ноябре 1807 г. войск 8-й, 9-й, 18-й и 22-й дивизий. В этом же письме Кутузов упоминает о «принце». Составителями установлено, что речь шла о принце Карле Мекленбургском — командире бригады 8-й дивизии. Все это и позволило восстановить правильную дату письма. Можно привести много примеров, когда составителям удавалось устранить ряд искажений и неточностей старых публикаций благодаря тщательному изучению и археографической обработке отобранных к публикации документов.

При археографической обработке документов о революционном движении в России в 1906 г. пришлось отойти от некоторых принятых архивом положений для того, чтобы сохранить единообразие с вышедшими сборниками всей серии публикаций по революции 1905—1907 гг.[5]. Так, если ранее мы в заголовках наряду с должностью упомянутого лица указывали его воинское звание, то теперь указываем только должность. Если в работе над сборниками «Великие русские полководцы» в легендах указывался номер фонда и не указывалось его название, то в сборниках, посвященных революции 1905—1907 гг., в легендах указывается название фонда.

Во всех публикациях архива текст документов передается с сохранением стилистических особенностей оригинала и языка эпохи. Явные писарские ошибки исправляются составителями при подготовке документа к перепечатке. Пунктуация текста дается современная. Слова или части недописанных слов, а также исправления и восстановленные пропуски, внесенные в текст при археографической обработке документов, заключаются в квадратные скобки. Места, подчеркнутые в оригинале, воспроизводятся курсивом.

Окончательная археографическая обработка документов может быть завершена лишь тогда, когда полностью проведено выявление, закончена перепечатка и сверка

---

[1] «Русская старина», 1870, т. II, изд. 2-е, стр. 502—503.
[2] М. И. Кутузов, т. III, стр. 654.
[3] «Русская старина», 1871 г., т. III, стр. 201.
[4] Там же, стр. 56.
[5] Общесоюзная серия сборников документов о революционном движении в 1905—1907 гг. осуществляется несколькими центральными государственными архивами СССР. Первые вышедшие тома (о 1905 г.) были подготовлены сотрудниками ЦГИАМ и ЦГИАЛ.

машинописных копий, проведен отбор и определен состав включаемых в сборник документов, все документы отсистематизированы по разделам, а внутри разделов — по главам. После этого, просматривая документ за документом, составители окончательно уточняют содержание публикации. В понятие окончательной археографической обработки документов входит целый комплекс работ, связанных с передачей текста и комментированием его содержания. В документах обычно имеются ссылки на номер другого документа, на основании или во исполнение которого написан публикуемый документ. Приходится разыскивать упоминаемый документ и, если удается его найти, то в подстрочном примечании кратко раскрывается его содержание и указывается место хранения. В тех случаях, если документ за упомянутым номером не обнаружен, но его содержание ясно из публикуемого документа, или этот документ не представляет определенного интереса, в подстрочном примечании делается соответствующая оговорка. Делать это необходимо, так как в ряде случаев текст публикуемого документа не может быть правильно понят без раскрытия содержания того документа, на который отвечает или ссылается его автор.

Так, в ордере П. А. Румянцева Г. А. Потемкину от 12 августа 1772 г. Румянцев пишет: «При заключении перемирия и в продолжение оного снабдил я моими ордерами от 1 апреля и 6 июля каждого начальника...» [1].

К этому месту публикуемого документа составитель делает сноску и в подстрочном примечании пишет: «Указанные ордера не публикуются. (См. ф. ВУА, д. 1877, л. 230; ф. 52, оп. 194, д. 32, л. 12)».

В одном из документов А. В. Суворов писал: «Вашему высокопревосходительству при сем с сожалением прилагаю с оригиналом рапорт господина полковника князя Шаховского...» Составитель к указанной части документа сделал сноску и в подстрочном примечании отметил: «К документу приложен рапорт Шаховского Суворову об отозвании его к первой армии и о сдаче им своего полка полковнику Поливанову (л. 225)» [2].

В практике работы архива по сличению текстов публикуемых документов с предыдущими публикациями неоднократно были обнаружены случаи фальсификации ранее опубликованных документов. Такова публикация документов А. В. Суворова, осуществленная Е. Фуксом, который неточно передавал текст публикуемых документов, искажал географические наименования, цифры, указывал неправильные даты, произвольно изменял редакцию ряда документов [3]. Особенно серьезные искажения текста, являющиеся по существу фальсификацией исторических документов, обнаружены у Фукса составителем сборника «А. В. Суворов» З. М. Новиковой в переводах с текстов, написанных на иностранных языках [4]. Эти переводы отредактированы Е. Фуксом таким образом, что возвеличивались распоряжения австрийского командования и принижалась роль А. В. Суворова. Пришлось столкнуться с фактами фальсификации и кутузовских документов, относящихся к Отечественной войне 1812 г. Злостным фальсификатором документов Кутузова был Александр I. При публикации в газетах важнейших рапортов М. И. Кутузова о Бородинском сражении и об отступлении русской армии к Москве и некоторых других его донесений были «отредактированы» Александром I. Целые абзацы в них зачеркнуты и вместо слов, принадлежащих Кутузову, рукой Александра I карандашом между строк вписаны другие слова [5]. Цель правок Александра I в ряде случаев заключалась в том, чтобы оправдать себя перед общественным мнением за свою нераспорядительность и ошибки по подготовке к военным действиям в 1812 г.

---

[1] П. А. Румянцев, т. II, стр. 545.
[2] А. В. Суворов, т. I, стр. 387.
[3] Е. Фукс. История русско-австрийской кампании 1799 г. под предводительством генералиссимуса князя Италийского графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского, тт. I—III. СПб., 1825—1826.
[4] А. В. Суворов, т. IV, стр. 265, 347 и др.
[5] М. И. Кутузов, т. IV, стр. 154—155, 232—234; ч. II, стр. 173—174.

Одна из задач составителей сборников заключалась в том, чтобы содержание документов было понятно современному читателю, это достигалось путем комментирования документов.

Большую сложность при комментировании документов представляют личные письма Суворова. Известно, насколько оригинален и труден стиль, слог и характер изложения мыслей в документах А. В. Суворова, особенно в его личной переписке. Суворов очень любил отрывочно выражать свои мысли, писать «загадками», которые нашему современному читателю в ряде случаев совершенно непонятны. Разгадать их, расшифровать очень трудно. Даже В. А. Алексеев, посвятивший значительную часть своей жизни исследованию наследства А. В. Суворова, готовивший много лет свой труд «Письма и бумаги Суворова»[1] и прекрасно знавший суворовскую документацию, не мог снабдить достаточными комментариями все непонятные в документах места. Составителю сборника «А. В. Суворов» З. М. Новиковой впервые удалось расшифровать многие неясные выражения и сделать текст суворовских документов в большей части понятным современному читателю.

Очень часто комментирование отдельных документов в изданных сборниках требовало специальных знаний, привлечения специалистов и консультации с соответствующими научными учреждениями. Так, примечания к сборнику «Воздухоплавание и авиация в России до 1907 г.» включают много специальных вопросов, требующих знания авиационной техники. Комментирование было поручено одному из составителей сборника полковнику Н. И. Шаурову.

Большую работу пришлось проделать при составлении реальных примечаний к сборнику «Второй период революции...», особенно, если учесть, что период 1906—1907 гг. в исторической литературе до сего времени освещался слабо. Особое внимание уделялось комментированию тех документов, в которых отражены события, требующие уяснения их политической сущности.

Для комментирования документов привлекалась военно-историческая и справочная литература, мемуары, а также значительное количество архивных материалов. В примечания включались также документы, не публикуемые в сборнике самостоятельно. Благодаря этому в научный оборот вводился новый дополнительный материал и примечания, подкрепленные архивными источниками, становились более убедительными.

В сборниках серии «Великие русские полководцы» документы, написанные на иностранном языке, публиковались в переводах. Иностранный текст не воспроизводился, за исключением тех случаев, когда на иностранном языке была написана часть документов, перевод которых давался в подстрочном примечании.

Когда вместе с подлинником на иностранном языке в архиве обнаруживался современный ему перевод на русский язык, то, после проверки его правильности, публиковался переводной документ в качестве основного публикуемого текста с отметкой в легенде, что этот перевод современен подлиннику. В большинстве же случаев при отсутствии такого перевода его приходилось делать для подготавливаемого издания специально.

Трудоемкая и кропотливая работа ложится на составителей научно-справочного аппарата.

В терминологический словарь, как правило, включаются лишь объяснения вышедших из употребления русских и иностранных слов, военных терминов и специальных выражений. Отдельные встречающиеся в тексте искаженные слова разъясняются в подстрочных примечаниях.

Все сборники документов из серии «Великие русские полководцы», а также другие сборники, изданные архивом за последние годы, снабжены предметно-тематическими указателями.

Составление указателей, особенно указателей имен и географических наименований,— сложная и ответственная работа, которая, как нам кажется, должна на-

[1] В. Алексеев. Письма и бумаги Суворова. СПб., 1901.

-чинаться с момента формирования тома и продолжаться до окончания работы над ним, так как в процессе составления указателей уточняется транскрипция личных имен, географических наименований, исправляются ошибки в их написании, уточняются разночтения. Все это находит отражение в тексте рукописи, которая, таким образом, подвергается дополнительному редактированию.

Помимо исторического введения, к каждому тому дается предисловие от составителей.

В археографическом предисловии (предисловии от составителей) указываются основные принципы отбора документов, их хронологические рамки, тематика разделов, характер и содержание документов, отмечаются наиболее существенные вопросы, нашедшие свое отражение в томе, указываются и в некоторых случаях характеризуются обследованные и использованные архивные фонды и коллекции. Если это представляет особый интерес, то дается справка о происхождении и месте хранения отдельных групп документальных материалов, а также указывается степень сохранности документов за тот или иной период, наличие подлинных и копийных материалов по отдельным разделам, полнота разделов и глав, отмечаются случаи отступления от общего принципа систематизации документов в сборнике. Здесь же дается краткий обзор предшествующих изданий по данной теме, сообщается все новое, что вносят в историческую науку публикуемые документы, оговариваются наиболее существенные отклонения от общих правил публикации и особенности данной публикации.

В повышении научного уровня публикаторской работы большую роль играют научно-методические совещания, проводимые в архиве, заседания Научного совета ЦГВИА, а также совместные обсуждения рукописей сборников на совещаниях научного коллектива архива с представителями Института истории Академии наук СССР, Института истории техники и естествознания Академии наук СССР и обсуждение рукописей в секторе публикации исторических источников Института истории АН СССР перед сдачей в печать.

Основной формой обсуждения сборников среди коллектива научных сотрудников архива являются научно-методические совещания. Этим совещаниям предшествует ряд организационно-методических мероприятий. Выделяются научные сотрудники, которым поручается рецензирование определенной части документов с целью решения вопросов о целесообразности включения их в сборники, проверки правильности археографической обработки. Отдельные тома сборников обсуждались на заседаниях научных советов архива и Главного архивного управления.

Центральному Государственному военно-историческому архиву помощь в работе над сборниками постоянно оказывают преподаватели Военной академии им. М. В. Фрунзе и Академии Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова, актив редакторов и консультантов, которые длительное время сотрудничают с ЦГВИА и оказывают большую помощь составителям в организации работы и в повышении научного качества сборников.

Изданные архивом сборники вносят определенный вклад в советскую историческую науку.

На сборники из серии «Великие русские полководцы» с 1950 по 1957 г. было опубликовано 69 рецензий в журналах: «Военная мысль», «Вопросы истории», «Военный вестник», «Советская книга», «Исторический архив», «Вестник воздушного флота», в газетах «Красная звезда», «Известия» и др. Все рецензии в основном положительно оценивают работу архива, отмечая наряду с этим и некоторые недостатки, имеющиеся в изданных сборниках.

В настоящее время архив проводит большую работу по завершению подготовки к печати и изданию сборников по второму периоду первой русской революции (1906—1907 гг.). Ведется работа по подготовке к печати второго тома сборника «Воздухоплавание и авиация в России до августа 1914 г.» и др.

Коллектив архива завершил большую работу по выявлению, перепечатке и археографической обработке документов для многотомных общесоюзных сборников

по истории Великой Октябрьской социалистической революции и принимает деятельное участие в работе по подготовке указанных сборников к печати [1].

Перед научным коллективом ЦГВИА СССР стоят серьезные задачи по расширению тематики публикаторской работы, повышению идейно-политического уровня и научного качества публикаций, обобщению накопленного опыта публикаторской работы и изучению опыта других архивов. Повышение качества и расширение тематики публикаторской работы Центрального государственного военно-исторического архива СССР будут способствовать решению больших задач, поставленных XX съездом КПСС перед исторической наукой.

Р. Е. Альтшуллер, Е. П. Воронин

ОБЗОР ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ФОНДА МИНИСТЕРСТВА ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Министерство торговли и промышленности (МТиП) было одним из наиболее поздно созданных в царской России. Оно было учреждено осенью 1905 г.

Начало XX в. ознаменовалось включением России в систему мирового империализма, империализма, экономической сущностью которого, по определению В. И. Ленина, является монополистический капитализм [2].

Характеризуя экономику России этого периода, В. И. Ленин указывал на присутствие в ней коренного противоречия между самым отсталым землевладением, самой дикой деревней и самым передовым промышленным и финансовым капитализмом [3].

Рост крупной промышленности, усиливающаяся концентрация производства, возникновение все новых монополистических объединений с каждым годом усложняли управление промышленностью.

Существовавшие в составе Министерства финансов учреждения по управлению промышленностью и торговлей уже не могли справиться со все возраставшим объемом дел. Новые задачи вставали перед ними и в связи с ростом рабочего движения в годы промышленного кризиса и особенно в период первой русской революции.

Все это предопределило образование МТиП, которое согласно указу от 27 октября 1905 г. должно было ведать торговлей и промышленностью, в том числе и горной, а также торговым мореплаванием и торговыми портами.

В состав МТиП были включены: «Центральные учреждения по части торговли и промышленности» (состоявшие из отделов Торговли, Промышленности и Учебного), Горный департамент и Главное по фабричным и заводским делам присутствие, входившие ранее в Министерство финансов, а также Главное управление торгового мореплавания и торговых портов (состоявшее из отделов Торгового мореплавания и Торговых портов, Совета по делам торгового мореплавания, Комитета по торговым делам).

Первоначально в состав МТиП были включены также Совет по тарифным делам, Тарифный комитет и Департамент железнодорожных дел, но вскоре (4 апреля 1906 г.) они были переданы обратно в Министерство финансов.

Новое министерство уже начало действовать, а разработка положения о нем и штатов растянулась на много лет ввиду (как указывается в одной из справок,

---

[1] Основная работа по подготовке этих сборников к печати проводится ЦГАОР СССР.
[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 284.
[3] См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 406.

составленных при выработке положения) революционных событий 1905—1907 гг., а затем неоднократной смены лиц, стоявших во главе ведомства (оп. 27, д. 22).

Только в 1909 г. было созвано совещание для выработки положения, подготовившее его проект. В 1910 г. проект был пересмотрен новой комиссией, и, наконец, к 1913 г. было выработано положение и штат МТиП, которые должна была утвердить Государственная дума. Утверждение, в связи с началом первой мировой войны, так и не состоялось. Поэтому каждая часть министерства действовала по положению, утвержденному для нее ранее: отделы Торговли и Промышленности — по положению 1901 г., отделы Торгового мореплавания и Торговых портов — по положению 1903 г. и т. д.

Новые задачи встали перед министерством в годы первой мировой войны, вызвавшей необходимость перестройки промышленности для обеспечения всех нужд войны. Трудности со снабжением промышленных предприятий сырьем и топливом вызвали необходимость создания при министерстве целого ряда комитетов по делам металлургической, льняной, бумажной, хлопчатобумажной и других отраслей промышленности и по восстановлению промышленных предприятий (ф. 23, оп. 27, д. 421 и ф. 27).

Некоторые структурные части МТиП фактически представляли собой вполне самостоятельные учреждения, мало связанные между собой. Поэтому в архиве документальные материалы таких частей образовали отдельные архивные фонды. Среди них особый интерес, благодаря насыщенности ценнейшими источниками по истории русской экономики предреволюционного периода, представляют материалы фонда собственно Министерства торговли и промышленности (ф. 23), который и является предметом настоящего обзора [1].

Здесь объединены материалы нескольких структурных частей министерства: канцелярии министра, Главного по фабричным и заводским делам присутствия, отделов промышленности и торговли. В фонде имеются также материалы предшественников министерства — Департамента торговли и мануфактур и Центральных учреждений по части торговли и промышленности Министерства финансов. Материалы фонда (1882—1918 гг.) систематизированы и описаны по структурным частям. Объем фонда — 19 794 дела. В фонде сохранились далеко не все материалы МТиП. Лучше представлены материалы Отдела торговли, значительно хуже — Отдела промышленности [2].

Каковы же были основные функции отделов, материалы которых вошли в состав фонда МТиП?

Канцелярия министерства ведала личным составом министерства и статистической разработкой поступавших сюда материалов.

Главное по фабричным и заводским делам присутствие являлось совещательным учреждением при министре, собиравшимся один — два раза в год. В него входили члены от ряда министерств (Торговли и промышленности, Финансов, Военного, Юстиции, Внутренних дел) и Главного управления земледелия и землеустройства и члены от промышленности (т. е. заводчики и фабриканты). Здесь разрабатывались правила и инструкции в развитие законов о рабочих, велось наблюдение за исполнением узаконений, касающихся положения рабочих на производстве, а также рассматривались жалобы на постановления губернских присутствий по фабричным и заводским делам (оп. 27, д. 22).

Отдел промышленности ведал устройством и содержанием промышленных предприятий, надзором за благоустройством фабрик и заводов. Ему подчинялась

---

[1] Кроме того, следует назвать: ф. 95, объединивший материалы отделов Торгового мореплавания и Торговых портов, ф. 25 — Учебный отдел, ф. 37 — Горный департамент и др. Каждый из этих перечисленных фондов может послужить предметом отдельного обзора.

[2] Часть материалов этого отдела по фабрично-заводскому отделению хранится в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ф. 1157, «Фабричная инспекция»).

фабричная инспекция. Входившее в отдел Тарифное отделение разрабатывало тарифы с учетом интересов развития русской промышленности. Кроме того, Отдел промышленности ведал выставками внутри России, вел переписку об участии России в международных выставках. В состав отдела входила также Пробирная часть.

Отдел торговли занимался вопросами внутренней и внешней торговли, ведал ярмарками, организацией торговых бирж, правами купеческого сословия, выдачей разрешений на учреждение торговых товариществ и акционерных обществ, изменением их уставов и пр.

Материалы фонда содержат интересные сведения по истории самого МТиП. Здесь необходимо отметить представление министра торговли и промышленности в Государственную думу о проекте учреждений и штатов Министерства торговли и промышленности и целый ряд записок, составленных в связи с подготовкой положения о министерстве (оп. 27, дд. 18, 22). К 1910 г. относится справка о разногласиях, возникших и не разрешенных в Междуведомственном совещании при обсуждении законопроекта о преобразовании МТиП, а также записка о компетенции проектируемых департаментов министерства (оп. 1, д. 101; оп. 27, д. 18).

Сведения о деятельности отделов министерства можно почерпнуть из обзора о деятельности Отдела торговли за 1905—1911 гг. (оп. 27, д. 518), а о работе Отдела промышленности — из отчетов этого отдела, имеющихся в фонде за 1910 и 1914 гг.[1].

Особенно остро вопрос о реорганизации министерства встал в 1917 г., после Февральской буржуазной революции. В фонде имеется записка о деятельности МТиП в связи с задачами экономического развития России и о необходимости назначения уполномоченных министерства для сбора информации (оп. 27, д. 77). К 1917 г. относятся также новый проект учреждения МТиП, справка о деятельности и о реорганизации Отдела промышленности, в которой указывается, что «деятельность Отдела промышленности в сущности лишена была творческой инициативы и сводилась к случайным отрывочным мероприятиям, не объединенным общим планом», представления Временному правительству о преобразовании Отдела торговли, учреждении Отдела электричества и т. д. (оп. 5, д. 84; оп. 1, дд. 483, 484) и т. д.

Данные о развитии промышленности содержатся в ежегодных отчетах фабричных инспекторов по губерниям. Отдельные отчеты имеются за 1911—1916 гг. (оп. 27, д. 329), а за 1917 г. — почти по всем губерниям (оп. 20, д. 815 и др.)[2].

С помощью тех же инспекторов, начиная с 1908 г., проводились периодические обследования промышленности (оп. 26, дд. 38—39)[3].

За 1909—1911 гг. имеются анкетные сведения о чугунно-плавильных и железоделательных предприятиях по Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской губерниям (оп. 20, д. 365), о бумажных и картонных фабриках (оп. 20, д. 367).

Карточки различных предприятий имеются за 1900—1912 гг. по целому ряду губерний (оп. 16, дд. 34, 35).

За 1914 г. имеются заполненные опросные листы, рассылавшиеся акционерным обществам, с вопросами о годе основания, размере капитала, объеме производства и пр. (оп. 14, д. 354—361, 420—422).

За 1917 г. имеются сведения по обследованию ряда отраслей промышленности: химической, по обработке животных продуктов и минеральных веществ (оп. 16, дд. 324—332, 338).

Справочный интерес представляет алфавитный указатель торгово-промышленных акционерных обществ и товариществ и списки иностранных акционерных обществ, которым разрешено производить операции в России в 1916 г. (оп. 14, д. 553; оп. 16, д. 361).

---

[1] Отчеты Отдела промышленности издавались ежегодно с 1910 по 1914 г.

[2] На основании отчетов инспекторов ежегодно публиковались «Своды отчетов фабричных инспекторов за год». Последний отчет был опубликован за 1915 г.

[3] См. Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности за 1908 г., под ред. Варзара, СПб., 1912.

Общих обзоров и записок, характеризующих состояние промышленности России в целом, в фонде имеется очень немного. Из них следует отметить «Краткий обзор фабрично-заводской промышленности России», снабженный диаграммами и таблицами, составленный на основании опубликованных материалов; он освещает развитие отдельных отраслей промышленности в 1880—1912 гг. и записку В. Литвинова «О близости промышленного кризиса в России» (1913 г.), в которой автор, вопреки ее названию, доказывает, что признаков кризиса нет, а имелись только временные затруднения в каменноугольной, металлургической и мануфактурной промышленности, в последней, в частности, в связи с уменьшением спроса в результате неурожая (оп. 27, дд. 119, 121).

К истории промышленности отдельных краев и областей относятся: «Обзор промышленности фабрично-заводской, кустарной и горнозаводской губерний и областей Кавказского края», «Обзор промышленности Эстляндской губ. на 1 марта 1910 г.», таблицы и пояснительная записка о состоянии промышленности Акмолинской области за 1914 г. (оп. 27, дд. 329, 738, 867).

Другие записки характеризуют состояние отдельных отраслей промышленности: о положении Донецкой угольной промышленности и отчет о положении нефтяной промышленности (оп. 15, д. 750; оп. 16, д. 359). Здесь же содержатся ходатайства организаций и отдельных лиц по самым разнообразным вопросам, касающимся промышленности: о принятии мер к облегчению положения владельцев каменноугольных и антрацитовых копей в 1905—1906 гг., о созыве при МТиП совещания для обсуждения вопросов сельскохозяйственного машиностроения (оп. 1, д. 28; оп. 7, д. 440) и др. Большое количество ходатайств относится к периоду первой мировой войны: об оказании помощи фабрикантам сельскохозяйственных машин в связи с увеличившейся потребностью в этих машинах из-за призыва в армию сельскохозяйственных рабочих, об обеспечении предприятий рабочей силой, о снабжении предприятий топливом и усилении для этого торфодобывания; записка Комитета Сибирского бюро Совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства о мерах для развития сахарной промышленности в Минусинском уезде Енисейской губ., Алтайском округе и Семипалатинской обл. (оп. 1, дд. 215, 353, 439) и др.

Представляет интерес записка (составленная по сообщениям управляющих отделениями Государственного банка) «О состоянии денежного рынка и выдающихся явлениях в области кредита, сельского хозяйства, торговли и промышленности на 1 октября 1916 г.», где отмечается уменьшение посевных площадей в связи с недостатком рабочих рук и повышение поденной заработной платы (оп. 1, д. 415) [1].

В сводных таблицах, составленных на основании обследования 146 фабрик, содержатся данные о положении русской и финской бумажной промышленности за 1913—1916 гг. (оп. 27, д. 477).

В одной из справок имеется характеристика хлопчатобумажной и шерстяной промышленности в годы войны, отмечается сокращение ввоза хлопка в связи с блокадой Балтийского моря и закрытием пути через Средиземное море, влияние на объем производства немецкой оккупации польских губерний. Для шерстяной промышленности отмечается затруднение в снабжении фабрик сырьем, привлечение фабрик к работе на военные нужды (оп. 27, д. 479).

К периоду первой мировой войны относятся также дела по деятельности Комитетов по разным отраслям промышленности, которые формально ставили своей задачей «наилучшее и полное использование технических средств предприятий, планомерное снабжение их сырьем и вспомогательными материалами и нормирование цен», а фактически были организованы для того, чтобы как-нибудь справиться с разрухой в промышленности и торговле. В фонде имеется переписка о

---

[1] К сожалению, конец записки утрачен. В фонде самого Государственного банка, сильно пострадавшем в годы Великой Отечественной войны, подобных обобщающих записок обнаружить не удалось.

деятельности комитетов по бумажной промышленности и торговле, по делам льняной и джутовой промышленности (оп. 15, дд. 655, 788).

Развитие монополистических объединений в России в предвоенные годы хорошо отражается журналами заседаний, проходивших в министерстве, по выработке положения о синдикатах и трестах и другими близкими по характеру документами (оп. 15, д. 336; оп. 27, д. 29).

К 1916 г., по-видимому, относится дело с проектом основных положений о синдикатах и трестах, в котором проводится мысль, что государство должно поддерживать синдикаты и тресты и подчеркивается их все возрастающее значение. В том же деле имеется записка о принудительных синдикатах, в которой содержатся данные о сахарном синдикате, организованном в 1895 г., и указывается на необходимость организации подобных синдикатов в других отраслях промышленности (оп. 5, д. 49).

Следует указать также на дела об организации синдикатов в отдельных отраслях промышленности — цементной, спичечной, сельскохозяйственных машин, рыбной, материалы по обследованию синдикатов «Продамет», «Продауголь» и др. (оп. 11, дд. 1307, 1308; оп. 14, дд. 306, 307; оп. 15, д. 329), статистические сведения о сбыте железа, железных и чугунных изделий через «Продамет» в 1917 г. (оп. 27, д. 587).

Заслуживает внимания протокол частного совещания (1 июля 1917 г.) по вопросу об обязательном синдицировании и трестировании главнейших отраслей промышленности (оп. 27, д. 29). Ценным источником является сводка ответов разных синдикатов и трестов о составе их предприятий, о нормировании производства и сбыте изделий (оп. 27, д. 116).

Из дел о разрешении иностранным акционерным обществам производить свои операции в России можно почерпнуть сведения об участии иностранного капитала в акционерных обществах.

Дела о выдаче разрешений иностранным акционерным обществам производить операции в России и об открытии акционерных обществ проходили через VI отделение Отдела торговли. В них обычно, кроме ходатайства, характеризующего предприятие, на базе которого открывалось акционерное общество, имеется устав общества, протокол учредительного собрания, представление МТиП об открытии общества, списки членов правления, а часто и списки акционеров (оп. 12, 13, 14 и др.). Такого рода материалы имеются за период, начиная с 1882 г.

Через VI отделение проходили также дела об изменении устава, увеличении капитала и о ликвидации акционерных обществ (оп. 14).

Отдел промышленности занимался подготовкой ряда законопроектов, что нашло свое отражение в фонде МТиП: о съездах мукомолов, представителей металлообрабатывающей промышленности, об организации художественно-промышленных выставок, по тарифному вопросу (оп. 1, дд. 35, 228, 362, 364, 369 и др.). Нужно отметить также записку члена Совета министра торговли и промышленности В. В. Добровольского «К вопросу о синдикатах и трестах» (1912 г.), где ставится вопрос о необходимости юридического закрепления положения этих организаций (оп. 1, д. 220).

Рабочее движение в России в годы первой русской революции, столыпинской реакции и нового подъема революционного движения нашло свое отражение в материалах МТиП.

В фабрично-заводском отделении Отдела промышленности составлялись особые карточки о забастовках, где отмечались: причины забастовки, количество бастующих, выдвинутые ими требования. Карточки систематизированы по губерниям. По Московской губ.— с 1897 г., по остальным — с 1902—1903 по 1907 г.[1]

[1] Очевидно, на основании этих карточек построены работы В. Е. Варзара: Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 гг. СПб., 1905; Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 г., СПб., 1908: Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906—1908 гг., СПб., 1910.

Следует отметить отчеты фабричных инспекторов о забастовочном движении ю губерниям и фабричным округам в январе — марте 1905 г., явившемся откликом на события 9 января. Эти отчеты дают почти полную картину революционного стачечного движения по всей России (оп. 20, д. 1) [1]. За последующий период революции встречаются только отдельные донесения о забастовках (оп. 17, д. 9; оп. 19, д. 94). Следует также отметить материалы по рабочему движению, собранные инженером Жуковским: требования рабочих и листовки социал-демократических организаций на русском, латышском и немецком языках (оп. 27, д. 315).

Общую характеристику хода забастовочного движения за 1911—1915 гг. дают диаграммы, составленные в Отделе промышленности, а также диаграммы забастовочного движения на предприятиях по обработке металлов и волокнистых веществ (оп. 16, дд. 131, 208). К 1913—1917 гг. относятся ежемесячные ведомости о забастовочном движении и объяснительные записки к ним (оп. 16, дд. 122, 128, 129, 142, 201; оп. 17, д. 648; оп. 23, д. 201).

Сведения о забастовках сообщают также донесения фабричных инспекторов и окружных инженеров (оп. 16, дд. 145—200, 235—308). Особо можно указать на записку о забастовочном движении рабочих на промышленных предприятиях России, подчиненных надзору фабричной инспекции в 1916—1917 гг. (оп. 17, д. 688).

Ряд дел содержит систематизированные сведения о заработной плате рабочих по губерниям в 1916 г., о продолжительности рабочего дня в 1906—1915 гг., о несчастных случаях и т. д. (оп. 16, дд. 213—220; оп. 19, д. 360 и др.; оп. 20, д. 45). Записок и докладов о положении рабочих очень немного; из них следует отметить доклад Отдела промышленности о положении дела со страхованием рабочих от несчастных случаев, на основании закона 23 июня 1912 г. и докладную записку Всероссийского союза трудящихся компании Зингер о положении рабочих и монополизации производства и продажи швейных машин в 1917 г. (оп. 19, дд. 351, 371).

В фонде имеются сведения о профессиональном движении рабочих, начиная с 1907 г.: записка о профсоюзных организациях в России, составленная чиновником особых поручений МВД, и сведения о профсоюзах по губерниям (оп. 17, д. 652), а также отчеты правлений профессиональных обществ за 1910 г. (оп. 20, д. 893).

Вопросы рабочего законодательства проходили через Главное по фабрично-заводским делам присутствие, в материалах которого хранятся: проекты «Временных правил» о самовольном прекращении работы в предприятиях (оп. 17, д. 648), закона о профессиональных обществах и союзах, имевших целью поставить профсоюзы на службу капиталистам, законов о найме рабочих, свободе стачек, введении женской фабричной инспекции (оп. 20, дд. 45, 370, 382, 891), материалы об изменении карательных постановлений, касающихся стачек (1905—1906 гг.), о пересмотре закона 2 июня 1897 г., о продолжительности и распределении рабочего времени (оп. 20, дд. 4, 6).

В этом же присутствии были разработаны правила об устройстве заводов, изготовляющих свинцовые препараты, и санитарные правила работы на медных и серебро-свинцовых заводах (оп. 20, дд. 307, 376).

По Отделу промышленности сохранились также дела об организации сельскохозяйственных и промышленных выставок. Можно отметить, например, документы об устройстве выставок по воздухоплаванию (передвижной выставки воздухоплавания в 1910 г. и международной выставки воздухоплавания в Москве и др.), о выставке кустарных изделий в Новозыбкове в 1913 г. (оп. 17, дд. 175, 190, 285). Имеются дела об участии России в международных выставках в Вене, Дрездене, Лондоне и др.

Достаточно полно сохранились дела Отдела торговли, характеризующие развитие внутренней и внешней торговли в России в 1905—1917 гг. Это — дела по открытию торговых домов и товариществ, ярмарок (оп. 7, д. 6), о ходе торговли на яр-

---

[1] Донесения эти опубликованы в сборнике «Начало первой русской революции», док. № 210, 247, 275, 292, 299, 316, 340, 376, 455—458.

марках (оп. 7, д. 386), о пересмотре правил о Нижегородской ярмарке и отчет по этой ярмарке за 1904 г. (оп. 7, дд. 10, 71—73), сведения о ярмарках в Тульской и Самарской губерниях (оп. 7, д. 200). Близки к этим материалам и ходатайства об учреждении товарных бирж в Бийске, Иркутске, Барнауле, уставы бирж, списки членов биржевых комитетов и отчеты этих комитетов (оп. 7, дд. 7, 8, 166—168, 307), сведения о торговых предприятиях по губерниям (оп. 5, дд. 135—138).

Материалы фонда МТиП содержат сведения о товарных ценах на главнейших русских и иностранных рынках (оп. 5, д. 93), о ценах на хлеб и на другие важнейшие товары за 1912—1915 гг. (оп. 5, дд. 93, 109). Здесь же имеются записки о торговле: «Обзор торговли тонкой шерстью в России», составленный Ходецким, докладная записка Всероссийского союза торговли и промышленности о положении мануфактурной торговли в Курске в 1914—1917 гг. (оп. 7, д. 419; оп. 26, д. 34).

Так как Главная палата мер и весов существовала при Отделе торговли, то в материалах последнего сохранились отчеты о деятельности местных поверочных палаток за 1907, 1909, 1912—1913 гг. и обзоры их деятельности за 1908—1914 гг. Следует отметить также дело о командировке возглавлявшего Главную палату мер и весов Д. И. Менделеева в Германию, Францию и Англию.

В фонде можно найти данные о развитии путей сообщения в России: журналы заседания Комиссии о новых железных дорогах 1916 г., записки о проектах новых железных дорог (некоторые с приложением карт): Приднепровской — 1907—1908 гг., Амурской — 1905—1906 гг., Тихоокеанской — 1906 г. (оп. 10, дд. 14, 16, 27, 30, 600), Канск — Берингов пролив — 1906—1907 гг., Семипалатинск — Акмолинск — Уральск — 1908—1914 гг., перевалочной линии через Кавказский хребет — 1907—1914 гг. (оп. 10, дд. 29, 98, 118—120) и многих других. Имеется переписка о проектах сооружения электрифицированных железных дорог до Финляндской границы — 1910—1914 гг. (оп. 10, д. 248) и до Ораниенбаума.

Имеются материалы о проектах сооружения водных систем: Великого водного Сибирского пути (оп. 10, д. 269), системы каналов Рига — Херсон.

Очень много материалов о железнодорожных тарифах: протоколы общих съездов представителей железных дорог 1911 г. (оп. 10, д. 342—346) и дела по пересмотру тарифов.

По истории внешней торговли России в фонде МТиП имеются материалы о подготовке торговых договоров с Германией и, в частности, о дополнительной конвенции к русско-германскому договору 1894 г. (оп. 18, д. 342—345), материалы конференции в Берлине по торговому договору 1902—1905 гг., документы о заключении договора и конвенции с Францией в 1905—1906 гг. (оп. 18, дд. 11, 342—345 и др.), о заключении договоров с Персией, Китаем и Японией (оп. 8, дд. 118, 140—142, 167). К этим материалам примыкают журналы Особого комитета по пересмотру торговых договоров с Германией — 1916 г. и Совещания по вопросу о возможных мероприятиях по развитию торговых сношений с Афганистаном и Бухарой (оп. 11, дд. 433, 470), а также с Монголией (оп. 8, дд. 80, 157, ч. VI, VIII — XII).

Большой интерес представляет «Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам в 1912 г.» и записки о развитии русского товарообмена с Италией и об иностранной торговле в Корее (оп. 11, дд. 425, 432, 547) и др., а также донесения (в виде отчетов и записок) консулов и агентов МТиП, в которых приведены сведения по экономике ряда иностранных государств. Так, русский консул в Чикаго присылал отчеты о торговле этого города за 1901—1903 гг., о внешней торговле Мексики за 1905—1906 гг., сообщал об организации Министерства торговли в США в 1903 г. (оп. 8, д. 1), а консул в Праге выслал в МТиП ряд записок о садоводстве, хмелеводстве и кожевенном промысле в Чехии. Из Софии были присланы записки о национальных богатствах Болгарии и выставке земледельческих орудий чешского производства в Софии в 1911 г.; из Кобе (Япония) — записки о торговле и промышленности Кобе, Осаки и их округов, из Кашгара — записки о постройке железных дорог в Китае, торговый отчет с характеристикой русской торговли мануфактурой, железом и т. п. в этом районе за 1913 г. (оп. 11, дд. 7, 10,

42, 59). Агентом Министерства торговли и промышленности в Париже выслан обзор экономической жизни Франции в 1909 г. (оп. 11, д. 9) и т. д. и т. п. Даже это ограниченное количество примеров показывает, насколько ценными источниками по истории русской и иностранной торговли являются донесения консулов.

Для истории внешней торговли большой интерес представляют, кроме того, ходатайства акционерных обществ, организаций промышленников и торговцев, а также частных лиц о размещении ввоза и вывоза различных товаров (оп. 8, д. 81; оп. 11, д. 158, 412, 417, 632, 646, 751). К этим материалам примыкает ходатайство Московского биржевого комитета о расширении списка товаров, включенных в законопроект о запрещении импорта предметов роскоши, вызванное стремлением предотвратить отлив валюты за границу (оп. 1, д. 420).

В материалах Торгового отдела имеется группа дел об учреждении ряда торговых палат: Русско-американской, Русско-английской, Русско-турецкой и др.

В фонде имеются справки о разрабатывавшихся в Отделе торговли законодательных мероприятиях (оп. 1, д. 296; оп. 4, д. 20).

В фонде имеются также цифровые сведения о транзите иностранных товаров через Россию, о торговле с Китаем и Афганистаном и т. п., о сбыте кустарных изделий за границу в 1911 г. (оп. 11, д. 83—84). К периоду первой мировой войны относится материал о ввозе (в 1916 г.) товаров в Россию и, в частности, через Белое море (оп. 11, д. 221—225, 240).

В материалах Таможенно-тарифного отделения имеются дела о пересмотре таможенного тарифа, в том числе доклады по пересмотру таможенного тарифа в 1915 г., записки о действующем и проектируемом тарифе, о таможенном тарифе с железа 1915 г. (оп. 18, дд. 123—129, 143, 331, 333). Таково в самых общих чертах содержание документальных материалов фонда МТиП.

Н. А. Мальцева

ЗАМЕТКИ АРХИВИСТА

«БРЯНСКИЕ ПРАВИЛА»

(О сознательной трудовой дисциплине на Брянском заводе)

Рабочие Брянского завода в Бежице после национализации завода развернули активную борьбу за осуществление ленинского плана приступа к социалистическому строительству.

В этом плане важнейшую роль играло создание новой трудовой дисциплины. На заводах и фабриках молодой Советской республики рабочие начинали борьбу за новую дисциплину против мелкобуржуазной распущенности и шатаний. Возникали разнообразные конкретные формы этой борьбы. Одной из форм явилось создание на заводах и фабриках «Правил внутреннего распорядка», которые устанавливали основные принципы новой организации труда на национализированных предприятиях и, в первую очередь, укрепляли дисциплину.

Одними из первых выработали подобные «Правила» рабочие Брянского завода: 9 мая (26 апреля) 1918 г. на заводе вступили в жизнь «Временные правила внутреннего распорядка». По воспоминаниям рабочих, В. И. Ленин был в курсе всех дел завода и давал личные указания по выработке «Правил». 19 апреля 1918 г. на заседание Совнаркома была приглашена рабочая делегация Брянского завода. Совнарком утвердил смету завода, а В. И. Ленин провел обстоятельную беседу с рабочими о работе завода, о продовольственном положении, о топливных трудностях и о выработке «Правил внутреннего распорядка» по укреплению трудовой дисциплины[1]. 10 мая директор Брянского завода А. З. Рожков телеграфировал В. И. Ленину о начале работы на заводе впервые после национализации[2]. По всей вероятности, тогда же Владимир Ильич получил экземпляр «Временных правил внутреннего распорядка»[3]. 18 мая 1918 г. в письме, адресованном Конференции представителей национализированных предприятий, В. И. Ленин предлагал, чтобы та «одобрила или посредством резолюции узаконила внутренний распорядок по типу брянских правил в интересах создания строгой трудовой дисциплины»[4].

Однако до сего времени почти ничего не было известно о работе Брянского завода по выполнению этих правил и о создании там постоянных «Правил внутреннего распорядка», хотя в то же время косвенные материалы показывали, что такие «правила» были выработаны. Об этом и говорится в примечаниях к сочинениям В. И. Ленина[5]. Только недавно удалось обнаружить в материалах Государственного

---

[1] ГАБрО, ф. 650, оп. 1, д. 82, л. 120.
[2] ЦГАОР, ф. 7952, оп. 6, д. 48, л. 139.
[3] «Временные правила внутреннего распорядка» были опубликованы в сб.: Документы по истории Гражданской войны в СССР, т. I. Под ред. И. Минца и Е. Городецкого. М., 1940; сб.: Национализация промышленности в СССР. М., 1954.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 352.
[5] Там же, стр. 539.

рхива Брянской области текст постоянных «Правил внутреннего распорядка», сотавленных в конце 1918 — нач. 1919 г., который и публикуется ниже.

Архивные документы показывают, что, несмотря на тяжелое положение в 1918 г. топливом, продовольствием, сырьем, несмотря на войну, Брянский завод после ационализации добился значительных успехов в выпуске вагонов, паровозов, ельскохозяйственных орудий, военного снаряжения и товаров широкого потребения. Одной из важных причин этого было создание на заводе новой трудовой дисиплины, успешное выполнение «брянских правил» [1].

Следует отметить, что на многих заводах и фабриках страны в соответствии с ризывом В. И. Ленина стали вырабатываться «правила» по типу «брянских» [2].

Одновременно на Брянском заводе действовали комиссии рабочих по составению постоянных «правил внутреннего распорядка», которые, обобщая опыт приенения «временных правил», более широко охватывали стоящие перед заводом адачи. Такие правила были выработаны к сентябрю 1918 г., но текст их до сих пор е найден. По отзывам старых рабочих, сентябрьские «правила» также не являлись олными и не удовлетворяли требованиям дальнейшего укрепления сознательной исциплины на производстве. Поэтому работа комиссии, к которой был приечен широкий рабочий актив, продолжалась. К декабрю 1918 г. новые «правила» ыли выработаны и затем утверждены Народным Комиссаром труда. С 28 марта 919 г. «Правила внутреннего распорядка на Государственном Брянском заводе» ступили в силу.

Включив в себя основные принципиальные положения временных «брянских равил» 9 мая 1918 г., эти постоянные правила отличались от прежних бóльшей азработанностью, конкретностью и строгостью; они опираются на известный опыт, олученный рабочими Брянского завода с мая 1918 г. по овладению производством. ак, вместо абстрактного пункта временных правил о проходе в завод «в установенное время» и «о начале работ в строго определенное время» постоянные правила станавливают четкий порядок прихода и ухода, развивают положения о подинении руководителям во время работы, о единоначалии, более подробно разрабаывают порядок внутризаводской жизни. Новым в постоянных «правилах» являось установление компетенции и порядка работы рабочего суда, на рассмотрение оторого выносились все дела о нарушении трудовой дисциплины и внутреннего аспорядка. «Правила» запрещали выносить с завода всякое заводское имущество. другой стороны, в новые правила не были включены пункты о заработной плате, порядке рассмотрения конфликтных дел, которые теперь вылились в самостояольные подразделения организации труда.

После опубликования постоянных «Правил» состоялось совместное заседание артийной и профсоюзной организаций и заводоуправления, где было решено вмеить в обязанность рабочим и служащим в цехах завода неукоснительное соблюдеие вновь опубликованных «Правил внутреннего распорядка», оказывать решиальную поддержку лицам административно-технического персонала в тех случаях, огда требования их о соблюдении «Правил» встретят с чьей-либо стороны протидействие. Администрации завода давалось право увольнять лиц, уличенных в раже заводского имущества,— «единолично и немедленно» [3]. Таким образом, знаенитые «Брянские правила», которые получили высокую оценку В. И. Ленина, или восприняты рабочими Брянского завода как руководство к действию в создаи новой организации труда и, прежде всего, трудовой дисциплины. Практика раоты и борьбы потребовала изменений и дополнений, которые и были внесены новые «Правила».

В. К. Пирогов

[1] Центральный архив Министерства тяжелого машиностроения СССР, ф. 1, оп. 2, 16 л. 3 (ныне материалы этого министерства переданы в ЦГАОР СССР — *Ред.*), Народное хозяйство», 1918, № 11, стр. 38.

[2] ГАОРМО, ф. 627, оп. 1, д. 74, лл. 6—7. Ф. Романов. Профсоюзы в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1953, р. 141. Ср. ЦГАОР, ф. 5469, оп. 2, д. 52, лл. 1, 21, 34.

[3] ГАБрО, ф. 650, оп. 1, д. 11, л. 122.

Правила внутреннего распорядка на Государственном Брянском заводе, утвержденные Народным Комиссариатом Труда

2 декабря 1918 г.

1. Невыход на урочную работу или даже сверхурочную без уважительны причин, если последствием этого была невозможность работать для целог отделения или причинение больших повреждений, может повлечь за собо увольнение с предприятия.

2. Опускание и снятие номеров, а также сигналы начала и конца рабо устанавливаются сообразно принятому на местах порядку.

3. По истечении 10 минут после гудка, определяющего начало работы, пр ходные ворота закрываются, и явившийся после этого рабочий считается опо давшим. По истечении 20 минут после гудка, определяющего начало работ, ра бочий на завод не допускается. Время, пропущенное таким образом, оплате н подлежит.

4. Уходя с завода, рабочие должны снимать в присутствии отметчик цеха свои номера с цеховой табельной доски, которая открывается за 10 ми до конца смены или работы.

5. Рабочие, потерявшие свои номера, приходя на работу, должны заявит об этом цеховой конторе и получить взамен утерянного номера новый.

6. Вход на работу в завод и в мастерские, а равно и выход из завода мастерских по окончании работ допускается только через назначенные для се го ворота.

7. Рабочие в нетрезвом виде в завод не допускаются, а оказавшиеся т ковыми, немедленно удаляются, считаются на работу не явившимися и под лежат взысканию, согласно табели.

8. Рабочие (служащие), которым потребовалось бы выйти из завода д установленного срока по болезни или домашним обстоятельствам, должн каждый раз заявлять об этом начальнику мастерской, который выдает, в пер вом случае — больничную, во втором — увольнительную записку. Увольнитель ная записка отбирается у рабочих при пропуске их из завода в проходных в ротах. У больничных же записок отрывается вторая половина и передается больницу завода. Рабочие, взявшие больничные записки, только тогда счи таются больными, когда представят в свою цеховую контору справку от кон трольного врача страховой организации, удостоверяющую действительность б лезни, в противном случае время отсутствия на работах, хотя и с больничной запиской, считается прогулом.

9. Если рабочий по какой-либо уважительной причине не может явитьс на работу вовсе, то он должен накануне того дня заявить об этом начальник мастерской и взять увольнительную записку. Если же причина, по которо рабочий не может явиться на работу, явится внезапно, то он должен сам ил через товарищей немедленно заявить об этом своему начальнику мастерской просить о выдаче увольнительной записки; или в первый же день выхода н работу представить доказательство уважительной причины, вызвавшей невы ход на работу. Всякое заявление о невозможности выхода на работу делаетс лично или, если через товарищей, то должно быть в письменной форме.

10. Рабочие должны исполнять все распоряжения мастеров и техническо административного персонала в пределах его обязанностей, причем о все случаях, вызывающих в них сомнения, могут заявить представителям завод ского комитета.

11. За неисполнение законных требований мастеров и техническо-админи стративного персонала рабочие (служащие) предаются рабочему суду.

12. До разбора дела обвиняемые могут быть устранены комитетом от ис полняемых обязанностей.

13. Рабочий суд избирается для каждого случая из числа работающих, состоящих членами профессионального союза, в составе 7 человек.

14. Компетенции его подлежат все дела о нарушении правил трудовой дисциплины и внутреннего распорядка.

15. Решения суда могут быть опротестованы в соответственном производственном союзе.

16. В зависимости от степени вины суд может наложить одно из следующих наказаний:

а) предупреждение,

б) выговор суда,

в) выговор на общем собрании,

г) увольнение с завода без срока.

Примечание: рабочий суд в особо важных случаях может вносить в профессиональный союз предложение об исключении провинившегося из союза на срок или без срока.

17. Воспрещается:

а) приносить всякого рода хмельные напитки,

б) курение в мастерских и помещениях, где об этом вывешено соответствующее объявление,

в) переход из одной мастерской в другую без надобности,

г) уносить с собой на дом всякое заводское имущество.

Примечание: неподчинение этому пункту может рассматриваться как хищение.

18. Настоящие правила могут быть изменены или дополнены в порядке, предусмотренном в положении о нормах заработной платы в металлическом производстве.

19. В интересах собственного здоровья рабочие и служащие должны безусловно исполнять санитарные правила, вывешиваемые фабрично-заводским комитетом на видном месте.

20. Рабочие и служащие обязаны выполнять и соблюдать все правила по охране труда, утвержденные Народным Комиссариатом труда, вывешиваемые на видном месте фабрично-заводским комитетом.

21. Рабочие и служащие не имеют права отговариваться незнанием условий найма, положением о заработной плате, правил внутреннего распорядка и табели взысканий, налагаемых за неисправную работу, за прогул, за нарушение порядка. Неграмотным настоящее правило по их требованию читается в конторе завода перед поступлением их на работу.

22. Неподчинение постановлениям рабочих организаций влечет за собою по приговору суда исключение с завода. Настоящим правилом отменяются все изданные до сих пор правила внутреннего распорядка, в том числе и правила внутреннего распорядка, помещенные в расчетной книжке, утвержденной Центральной тарифной комиссией от 5 сентября 1918 г.

Заводской комитет СРМ

Правление Союза рабочих металлистов
Общезаводская Расценочная Комиссия
Коллегиальное Заводоуправление

Государственный архив Брянской обл., ф. 650, Брянский государственный машиностроительный завод «Красный Профинтерн», оп. 1, д. 114, л. 24— Подлинник.

ПИСЬМО ПЕТРА I К ФЕРЕНЦУ РАКОЦИ II

Публикуемое письмо является интересным документом о русско-венгерских исто-
рических связях. Написанное рукой П. Шафирова и подписанное Петром I 21 апре-
ля 1707 г. в Жолкве, оно обращено к руководителю освободительной войны венге
ского народа Ференцу Ракоци II, с которым Петр I начиная с 1707 г. поддержива
тесные связи.

Это письмо не включено ни в одно из изданий бумаг Петра I и осталось неиз-
вестным и для составителей пятого и шестого томов фундаментального издания «Пи
сем и бумаг Петра Великого», в которых собраны материалы за 1707 г.

Письмо хранится в Венгерском государственном архиве в Будапеште среди бу
маг Ракоци. Часть его бумаг была помещена в десятитомном издании «Archivum
Rakoczianum», выпущенном Венгерской Академией наук в последней четверт
XIX в., но значительное количество документов, в том числе и касающихся исто-
рии русско-венгерских отношений периода освободительной войны, не опублико-
вано.

Национально-освободительная война 1703—1711 гг. является исключительно важ-
ной страницей в истории венгерского народа. В ходе этой войны почти вся террито-
рия страны была освобождена от австрийских поработителей, и восставшая Венгрия
установила отношения с рядом европейских держав. Систематические отношения с
русским правительством были установлены в результате переговоров 1707 г., начало
которым положено настоящим письмом, посланным в Венгрию с русским диплома-
тическим представителем Д. Корбе.

Давид Иванович Корбе, родом из Трансильвании, румын по национальности, был
принят на русскую службу 20 апреля 1707 г. (за день до отправления в Венгрию) н
чине «надворного советника в делах мултянских и валашских» [1]. П. Шафиров снаб-
дил его подробной инструкцией [2]. Эта инструкция, подписанная в Жолкве тем же
числом, что и письмо, вместе с другими документами, опубликованными в венгер-
ских изданиях, раскрывает существо миссии Д. Корбе.

Миссия Корбе в Венгрии в апреле—мае 1707 г. и вторая его поездка туда в июле
этого же года [3] была связана с отречением от польского престола Августа II, подпи-
савшего с Карлом XII в сентябре 1706 г. Альтранштадтский мирный договор. Петр I
с согласия польских сторонников Сандомирской конфедерации решил содействовать
вступлению на польский престол Ракоци Ференца II. Это предложение и должен был
передать Д. Корбе. Но, вместе с тем, он должен был обсуждать с Ракоци более ши-
рокий круг вопросов. Русская дипломатия, устанавливая отношения с руководителя-
ми венгерской освободительной войны, стремилась через них установить дружеские
отношения с Францией и, таким образом, пробить внешнеполитическую изоляцию
России [4].

Переговоры Корбе в Венгрии кончились успешно, и в результате их был заклю-
чен в Варшаве 4 сентября 1707 г. договор, подписанный представителями Петра I и
Ракоци Ференца II [5].

И хотя многие условия этого договора оказались неосуществимыми вследствие
временных успехов шведской армии, все же он имел большое значение: между дву-
мя государствами были установлены дружественные отношения, просуществовавшие
до подавления освободительного движения в 1711 г. и выражавшиеся во взаимной
посылке послов и представителей, в обмене информациями, в свободном проходе
подданых, в свободном провозе товаров и т. д. Эти отношения имели положительное
значение в ходе освободительной войны, способствуя укреплению международного

---

[1] «Письма и бумаги Петра Великого», т. V, стр. 179—180.
[2] Там же, стр. 590—595.
[3] Там же, т. VI, стр. 2, 217—219.
[4] Подробно об этом в диссертации автора. См. автореферат: «Освободительная война в Венгрии и русско-венгерские отношения в начале XVIII в.», Ужгород, 1955.
[5] ПСЗ, т. IV, № 2156, стр. 385—387.

еса и консолидации внутренних сил восставшей Венгрии. Вместе с тем эти отношения носили взаимовыгодный характер, принеся определенную пользу России.

Публикуемое здесь письмо представляет интерес как первый официальный документ, открывающий непродолжительную, но крайне интересную историю русско-венгерских отношений в начале XVIII в.

Я. И. Штернберг

Светлейший князь! Понеже мы потребно быти разсудили нашего надворного советника Давыда Корбе к вашей светлости ради некоторых потребных дел послать, того ради требуем да благоволит ваша светлость одного немедленно на секретную аудиенцию допустить. И не токмо наказных ему от нас дел с полною верою выслушать, но и немедленно намерение свое оному объявя с таковым решением к нам вскоре отпустить. Каково мы по доброжелательству нашему к вашему сиятельству уповаем.

В протчем же ссылаясь на его изустное доношение пребываем вашей светлости склонный приятель.

Дан в Жолкве апреля 21 дня 1707 г.

Петр

Петр Шафиров

Венгерский государственный архив. Будапешт. Архив освободительной войны Ракоци. Часть Аспремонт. 149 (Фотокопия документа в Закарпатском краеведческом музее. Ужгород)

К ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ПОЛИТИКИ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В БЕЛОРУССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII в.

Вопрос о политике царского правительства и крестьянском движении во второй половине 50-х годов XVII в. на присоединенной в 1654—1655 гг. территории Белоруссии остается до сих пор почти неизученным.

Правда, в 1949 г. была опубликована небольшая статья А. П. Пьянкова о восстании Дениса Мурашки, но она основана только на печатных источниках [1].

Слабая разработка этой тематики объясняется в значительной степени узостью источниковедческой базы: опубликованные документы сообщают лишь отрывочные сведения, к тому же они немногочисленны и носят локальный характер. Поэтому большой научный интерес представляет обнаруженный среди бумаг Приказа тайных дел черновик собственноручного наказа царя Алексея Михайловича кн. Г. А. Козловскому, направленному из Москвы в Могилев (через Смоленск — Шклов) с

---

[1] А. П. Пьянков. Восстание Дениса Мурашки. Известия Академии наук БССР, Минск, 1949, № 1, стр. 43—50.

Некоторые наблюдения по вопросам политики царского правительства на присоединенной территории Белоруссии в середине XVII в. имеются в статьях: А. А. Савича «Борьба за Украину и Белоруссию в 1654—1667 гг.» («Ученые записки МГПИ им. В. П. Потемкина», т. II, кафедра истории СССР, вып. 2, М., 1947, стр. 88 и др.) и А. Н. Мальцева «Военные действия русских войск в Белоруссии и Литве летом 1655 г.» («Краткие сообщения Института славяноведения», № 13, М., 1954, стр. 58—60).

карательной экспедицией против восставших белорусских крестьян и казаков полка Ивана Нечая.

Документ, состоящий из десяти статей, написан скорописью середины XVII в. на шести отдельных листах, причем исписаны и обороты большинства листов. Документ не имеет даты, но определить время его составления можно довольно точно, исходя из его содержания.

Иван Нечай в январе 1656 г. был назначен Богданом Хмельницким полковником Белорусского казацкого полка [1]. Главной базой его полка в 1656—1658 гг. являлось местечко Чаусы Могилевского уезда, отдельные его подразделения дислоцировались в ряде белорусских уездов: Могилевском, Борисовском, Минском и др. Официально И. Нечай именовался полковником чаусским, а иногда подписывал документы еще и как полковник стародубский [2]. Осенью 1658 г. царское правительство уже называло Нечая изменником. Несколько позднее И. Нечай действовал в районе Мстиславля и Рославля совместно с старобыховским полковником Самойлом Выговским, братом Ивана Выговского, поддерживал связь с последним, а также с Юрием Хмельницким [3]. В декабре 1659 г., после осады Старого Быхова русскими войсками, Иван Нечай был захвачен в плен, а затем сослан в Сибирь.

Среди опубликованных ранее дел Тайного приказа под 7167 г. имеется упоминание о «наказе с статьями стольнику и воеводе князь Григорью Козловскому, как он посылан в Смоленеск, а из Смоленска к Могилеву з государевыми ратными людми, для опасения того города и о промыслу над изменники» [4]. Там же говорится об «образцовом» письме стольника и воеводы кн. Г. Козловского «к Смоленским, и Мстиславским, и повету Оршанского, Могилевского, Рославского и к иным всяким служилым людям, чтоб они казацкого полковника Нечая и иных старшин казацких не слушали и в казаки б не писались, а которые и написались, и те б от них отстали и шли в домы свои, где хто живал наперед сего. А будет казаки станут к ним приезжать и учнут выбивать, и тех казаков за своевольство побивать, а иных к нему, князь Григорью, присылать» [5]. Очевидно, эти образцовые письма рассылались Г. А. Козловским в соответствии со статьями 8 и 10 царского наказа.

Статья 3 публикуемого наказа говорит о том, чтобы хлеб его солдатам выдали в Шклове. Согласно другому документу — царской грамоте от 21 сентября 1658 г., воевода Иван Михайлович Толочанов должен был дать «жалованья хлебных запасов в Шклове» людям Г. А. Козловского [6].

Сопоставление вышеприведенных данных позволяет сделать вывод о том, что наказ не мог быть написан ранее осени 1658 г., т. к. еще в августе этого года между русскими воеводами и Иваном Нечаем поддерживались нормальные отношения [7]. Г. А. Козловский был послан против Нечая осенью 1658 г. С другой стороны, документ не мог быть составлен позднее конца 1658 г., ибо к этому времени Г. А. Козловский и С. Д. Змеев уже вели активные операции против восставших и Нечая.

Итак, собственноручный наказ со статьями царя Алексея Михайловича кн. Г. А. Козловскому был составлен осенью 1658 г. В это время в Белоруссии происходило массовое крестьянское движение.

В разбираемом документе на редкость четко и ярко сформулированы основные принципы политики царского правительства по отношению к шляхте и крестьянам на присоединенной территории Белоруссии. Царь открыто вставал на защиту интересов шляхты, выступал за сохранение и упрочение крепостного права.

---

[1] Сборник статей и материалов по истории юго-западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Вып. I, Киев, 1911, № 1, стр. 28—29.
[2] ЦГАДА, Разрядный приказ, Московский стол, ст. 301, лл. 93—96.
[3] АМГ, т. II, стр. 657, 658, 672; РИБ, т. XXI, ст. 921.
[4] РИБ, т. XXI, ст. 419, см. также стр. 496.
[5] Там же, ст. 899—900.
[6] ЦГАДА, Разрядный приказ, Московский стол, ст. 301, л. 112.
[7] Там же, лл. 93—96.

Документ свидетельствует о широком размахе крестьянского движения в Белоруссии в 1658 г., о тесных связях белорусских крестьян с казаками и т. д. Особенностью этого движения в ряде районов Белоруссии была тесная связь крестьян с рядовыми казаками Белорусского полка Ивана Нечая. Наказ со статьями к Г. А. Козловскому отмечает, что «такова большова разоренья вам, шляхте, не было и своевольников к ним столько не писалося» [1].

А. Н. Мальцев

Наказ царя Алексея Михайловича князю Г. А. Козловскому о подавлении движения белорусских крестьян

Ехати [2] ему князь Григорий княж Афонасьеву сыну Козловскому 1) в Смоленеск наскоро и делати по сему наказу. Да с тобою же будут с Москвы 200 человек ройтар.

1.

Приехав в Смоленеск у окольничего у князя Петра 2) с вичем [3] взять [4] шляхту Смоленскую всю и казаков конных всех да солдат с полуполковником 8 рот, а в ротах бы было 800 человек.

2.

И взяв людей [5] итить к Могилеву, а наперед себя заранее ис Смоленеска послать в Могилев к Семену Змееву 3) чтобы со всем людми готов был и чтобы отписал к тебе, в которое время, и неосторожное изневесть притить на Нечяя и за милостию божии на ево полк тебе с нашими государевыми ратными людми, и ему бы Семену с своей стороны к тебе в помочь притить з другой стороны, и с обе стороны вдруг промысл чинить над Нечяем и над ево полком и обозом сколько милосердный бог помощи подаст.

3 статья

А как шляхту возмешь, и тебе бы им сказать, что мы, великий государь, видя их шляхецкую верную службу х себе, государю, и жялея их, чтоб их маятности не разорились и опи б были богати, а не бедны, и чтобы мужики изза них не бегали и не разорили ш л и б ы [6] с ним ахотно [7], с нашими государевыми людьми, вместе на тех разорителей. Царское [8] величество таким разорителям не выдаст, ему, государю, то надобно, чтобы во всяком покое и богатстве жили, а не м у ж и к и в а ш и [9]. А салдатом сказал, чтобы оне шли с радостию, а [10] как послужят, и им наша государева милость будет. А ныне им дано по полполтине человеку, да хлеба здесь в Шклове велено дать посколька надобе [11] шляхте.

---

[1] ЦГАДА, Разряд XXVII, д. 87, л. 4.
[2] В рукописи над строкою «пона» [ехати]».
[3] Так в рукописи. Здесь должно стоять отчество: Алексеевич.
[4] Далее в рукописи зачеркнуто «80».
[5] В рукописи далее зачеркнуто «про».
[6] В рукописи подчеркнуто.
[7] В рукописи далее зачеркнуто «и те».
[8] В рукописи «а мы царское», но слова «а мы» зачеркнуты.
[9] В рукописи подчеркнуто, далее сноска. На обороте второго листа зачеркнуто: «да шляхте же бы приказать сказать, чтобы с великим пристрастием заказали в маетностях своим мужиком своим».
[10] В рукописи далее зачеркнуто «наша».
[11] В рукописи далее зачеркнуто «и сказав».

4.

И сказав шляхте, также и салдатом: итить на государеву службу в Могилев. И идучи дорогою тебе посылать по селам и по местечкам, чтобы розослали по своим маятностям и заказ учинили[1] крепкой, что никакой человек пахатной и непахатной, в казаки не писалися и к Нечяю и к иным своевольником не приставали и жили бы на своих местех[2] и слушяли бы их шляхты[3], потому что по государеву указу даны[4] те села и деревни им шляхте.

5.

А будет учнут говорить шляхта[5] про черкас, что оне разомножились напрасно, потому что им сперва поволено и заранее их не усмиряли, и ему говорить: смирять их было не за што, потому, что они государю были верны и служба их была многая. И такова большова разоренья вам, шляхте, не было, и своевольников, к ним столько не писалося. А и ныне государю ане верны, только тем государя гневят, что своевольников много к себе пишют и многих бунтуют и вас[6] шляхту разоряют. И царское величество гораздо гневен на них, что они вас, шляхту, и верных его государевых слуг разоряют.

6.

Да с тобою же велено быть витепской шляхте и велено им итить прямо в Могилев, Смоле[неск] не займуя. И о том грамота к окол[ьничему] послана.

7.

Как будешь в Смоленске, и тебе бы с ними ротмистры и шляхтою, ково ни лучих людей припусчя, и подумать с ними о сей статье тайно, а не со всеми, поговорить: мочно ли им и шляхтою и с казаки, сколько их соберетца, да с салдат со 800 человек, ити на Нечяя[7] и на ево. И будет приговорят[8] итить, и тебе итить с ними, шляхтою и с казаки и с салдаты, з другой стороны, с людми же быть его Семену Змееву. По им объявить же и что витебской шляхте велено[9] с тобою и с ними быть.

8.

А будет учнут говорить, чтобы итить в Могилев, и там доздатца витепской шляхты, и согласяся с Семеном и с могилевскими государевыми ратными людми, что и тебе[10] в Могилев итить и к Семену Змееву[11] весть дать, что ты идешь, и делать бы смотря по тамошнему делу, а дорогу по вышеписанному указу очищять и письма россылать и шляхте роздавать.

---

[1] В рукописи подчеркнуто.
[2] В рукописи далее зачеркнуто: «за теми, кому ани даны».
[3] В рукописи перечеркнуто, а затем снова вписано. В рукописи далее зачеркнуто: «и тех кому ани даны шляхте или у».
[4] В рукописи далее зачеркнуто «ане в».
[5] В рукописи далее зачеркнуто «давно де м».
[6] В рукописи подчеркнуто.
[7] В рукописи далее зачеркнуто: «А витепской шляхте велено быть с тобою же и велено им».
[8] В рукописи далее зачеркнуто «ел».
[9] В рукописи далее зачеркнуто «с ни».
[10] В рукописи далее зачеркнуто «итить».
[11] В рукописи далее зачеркнуто «напере».

9.

А к Семену Змееву о походе, чтобы он з другие стороны шел на Нечяя отписал в ту пору: будет шляхта приговорят итить не дожидаючися витепской шляхты[1].

10.

И делать бы тебе сии[2] государевы дела и думать с шляхтою тайным делом, чтобы Нечяю[3] не дать ведать и иным своевольником, что ты по государеву указу збираесся и на них идешь. Где сведают таких же воров, которые в казаки пишюца и наши государевы дворцовые села и шляхецкие маятности разаряют, и тех велеть побивать и грамоты россылать и по городом[4] по селам[5] и по местечком с великим пристрастеем от нас великого государя, чтобы[6] нихто в козаки к Нечяю и к иным своевольником и бунтовщиком не приставали, не писался, а жили бы бестрашно, хто в каком чину живет. И наш[7] государев указ к нему прислан, что тех велено оберегать. А которые мужики или иных чинов не учнут государева указу слушать, и он князь Григорей по государеву указу на них учнет ходить и села и[8] местечки жечь и разорять. А хто, помня страх божий и государеву милость и указ, и ис казаков[9], которые похотят итить в свои домы, и ане[10] безо всякова опасенья, и вина им та отдана будет, что ане были в козаках.

И сесь наш государев указ сказать всей шляхте вслух и дать такие же письма выщеписанные, которые велена[11].

ЦГАДА, Разряд XXVII, д. 87, лл. 1—6 — Черновик-автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Григорий Афанасьевич Козловский — князь, стольник, позднее окольничий и боярин. В сентябре 1658 г. возглавлял карательный отряд против белорусских крестьян. Должен был действовать совместно с войсками кн. И. И. Лобанова-Ростовского и осаждать Старый Быхов, взятый в 1657 г. казаками Нечая и ставший одной из их важнейших баз. По дороге из Смоленска в Могилев отряд Г. А. Козловского вел операции против «изменников, и черкас, и мужиков, которые показачились» (А. Барсуков. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902, стр. 496; РИБ, т. XXI, ст. 147—419, 896—899; АМГ, т. II, стр. 627; ЦГАДА. Разрядный приказ, Московский стол, ст. 301, лл. 58—60).

2) Имеется в виду окольничий князь Петр Алексеевич Долгорукий, смоленский воевода (ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1657—1658 гг., д. 97, ч. II, л. 579. А. Барсуков. Ук. соч., стр. 210).

3) Стольник Семен Данилович Змеев. В 1658 г.— могилевский воевода, действовал против восставших крестьян и И. Нечая (А. Барсуков. Ук. соч., стр. 139. РИБ, т. XXI, ст. 417—419, 896, 897, 901—902).

[1] В рукописи далее зачеркнуто «а и делать».
[2] В рукописи далее зачеркнуто «н[а]ш».
[3] В рукописи далее зачеркнуто «вести».
[4] В рукописи далее зачеркнуто «городом».
[5] В рукописи «по селал».
[6] В рукописи далее зачеркнуто «отнюдь».
[7] В рукописи далее «и».
[8] В рукописи далее зачеркнуто «деревни».
[9] В рукописи далее зачеркнуто «хто».
[10] В рукописи далее зачеркнуто «о витепской дорогою, что внове...». Последнее слово написано неразборчиво.
[11] Далее в рукописи дьячья приписка: «Наказы и статьи стольника князь Григория Афанасьевича Козловского как ему велено взять из Смоленска шляхту и итить к Магилеву, а году не написано. Письма его государские руки» (л. 6).

Критика Библиография

ЦЕННАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЛАТВИИ[1]

Среди многочисленных документальных публикаций, вышедших в последнее время и посвященных 40-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, следует отметить сборник документов о революционных событиях в Латвии в период с марта 1917 г. по февраль 1918 г., т. е. от Февральской революции до оккупации территории Советской Латвии германскими войсками. Документы и материалы, помещенные в сборнике, ярко показывают борьбу латышского народа в тесном союзе с рабочим классом и беднейшим крестьянством России, под руководством большевистской партии, за свержение власти помещиков и капиталистов, за установление диктатуры пролетариата.

Большинство документов (свыше 200) публикуется впервые; остальные печатались раньше, но в изданиях, ставших теперь библиографической редкостью и не доступных для широкого круга читателей. Кроме того, многие из них были опубликованы на латышском языке; теперь они переведены на русский язык. Таким образом, в научный оборот вводится много новых интересных документальных материалов, извлеченных из фондов ЦГА Латв. ССР, ЦГАОР СССР, ЦГВИА СССР, ЦГАОР БССР, ЦГАОР Эст. ССР и Рижского городского госархива. Особенно много новых документов выявлено в ЦГА Латв. ССР и ЦГВИА СССР.

[1] «Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы». Изд. АН Латвийской ССР. Рига, 1957, 458 стр. Сборник подготовлен Институтом истории и материальной культуры АН Латвийской ССР и Центральным государственным архивом Латвийской ССР. Отв. редактор канд. историч. наук А. А. Дризулис, члены редколлегии: А. Я. Кадикас. А. К. Киршбаум, академик АН Латвийской ССР Я. П. Крастынь, академик АН Латвийской ССР К. Я. Страздинь.

Документы и материалы, помещенные в сборнике, отражают характерные особенности, имевшие место в развитии революционных событий в Латвии в период от февраля к Октябрю. Латышским большевикам приходилось работать в чрезвычайно трудных условиях: часть территории Латвии была оккупирована кайзеровскими войсками, а неоккупированная территория представляла собой прифронтовую зону, на которой была сконцентрирована огромная масса войск Северного фронта.

Передовой промышленный пролетариат Латвии был разрознен в связи с эвакуацией промышленных предприятий во время войны в разные города России. Члены большевистских организаций были разбросаны по всей России. ЦК социал-демократии Латышского края (СДЛК) находился до мая 1917 г. в Москве и не мог оперативно руководить революционной борьбой на месте и налаживать связи между партийными организациями. Кроме того, латышские буржуазные националисты и соглашательские партии стремились сами возглавить национально-освободительное движение, чтобы использовать его в своих классовых интересах. В этих условиях развернулась революционная деятельность большевистских организаций Латвии после Февральской революции, которым при постоянной поддержке и руководстве ЦК РСДРП(б) удалось к июлю 1917 г. добиться решающего влияния среди рабочих, безземельных крестьян и солдатских масс Северного фронта, а также руководящей роли в Советах. Рижский Совет, Советы безземельных крестьян, «Исколастрел»[2] были в руках большевиков (док. № 40, 46, 51, 56, 62—63, 65, 67, 82, 120, 121). Тогда же большевикам удалось для сплочения революционных сил создать

[2] «Исколастрел» — Исполнительный Комитет Совета латышских стрелковых полков.

центр объединенных Советов рабочих, стрелковых и безземельных депутатов Латвии — «Исколат» (док. № 163).

Огромную роль сыграло усиление влияния большевиков в армии. Уже в мае 1917 г. борьба за большевизацию армии имела большой успех (док. № 113, 115, 118, 120, 121), а с июля 1917 г. влияние большевиков среди солдат Северного фронта, по признанию самого командования фронта, «становится весьма значительным». Характерно в этом отношении донесение начальника 18-й сибирской стрелковой дивизии от середины июля: «Командир 70-го Сибирского стрелкового полка сегодня донес: — все большевистские идеи — закон (в этом полку)» (док. № 133, 134, 136, 150, 153 и др.).

Как указывается во введении к сборнику, «влияние большевиков в массах и Советах было настолько велико, что в Латвии после июльских дней лозунг «Вся власть Советам!» партией снят не был. В этом сказалось своеобразие сложившейся в Латвии исторической обстановки: здесь развитие революции зашло дальше, чем в центре страны».

Документы сборника позволяют проследить истинные настроения и чаяния широких трудящихся масс Латвии. Решению задачи правильного показа национального движения помогло то, что составители сборника не ограничились опубликованием лишь документов о борьбе рабочих, крестьян и солдат, в союзе с русским народом, за революционные преобразования, но и объективно отобрали документы, отражающие стремления латышской националистической буржуазии, помещиков-немцев, кулачества удержать власть в своих руках и всеми мерами задушить революцию (приветственные телеграммы Временному правительству от Рижской и других городских дум, купцов, промышленников, документы о создании буржуазных общественных организаций и помещичье-кулацких земских Советов для управления Латышским краем и др.— док. № 17, 18—23, 27). Таким образом, показом противоположных течений в национальном движении составителям сборника удалось объективно осветить национальное движение в Латвии в ходе подготовки и проведения Октябрьской революции.

Большой интерес представляют документы СДЛК. Они показывают полное единство взглядов и действий СДЛК и РСДРП(б). Как указывается в постановлении ЦК СДЛК от 22 мая 1917 г., «еще с лета 1914 г. социал-демократия Латышского края снова идет по всем вопросам, особенно же по вопросам войны и революции, в ногу с Российской соц.-дем. Раб. Партией (большевиками); что и великая Российская революция ничего не изменила в этом отношении, а напротив, еще упрочила и углубила эту связь...» (док. № 50). Одновременно с выходом рецензируемого сборника Институтом истории партии при ЦК КП Латвии к 40-летию Октября издан на латышском языке специальный сборник партийных документов, содержащий подробные сведения о руководстве коммунистической партии революционной борьбой в Латвии «Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917 г. Документы и материалы»[1]. Поэтому в настоящем сборнике опубликованы лишь основные партийные решения: резолюции XIII конференции СДЛК и латышских групп РСДРП(б), выдержанные в духе Апрельских тезисов В. И. Ленина и нацелившие большевистские организации и трудящихся Латвии на борьбу против войны и Временного правительства, за переход к социалистической революции (док. № 6—15); решения V съезда СДЛ (9—19 июля ст. ст., или 22 июля — 1 августа нов. ст.), мобилизовавшие рабочих, крестьянские и солдатские массы Латвии на свержение власти буржуазии (док. № 177—199); резолюция Чрезвычайной XV конференции СДЛ (16 октября 1917 г.), призвавшей в связи с решением ЦК РСДРП(б) от 10 октября латышский пролетариат всеми силами и средствами поддержать восстание петроградских рабочих (док. № 219—222).

Таким образом, партийных документов в сборнике помещено немного, но они показывают узловые моменты революции, основные цели и задачи партии большевиков в этот период.

В первом разделе сборника опубликованы резолюции рабочих, крестьянских, солдатских собраний и союзов, протоколы и постановления волостных, уездных советов, профсоюзов, солдатских комитетов. Они освещают борьбу трудящихся Латвии и солдатских масс Северного фронта

[1] Latvijas komunistiska partija Oktobra revolucija 1917. Dokumenti un materiali (1917 g. marts — 1918 g. februaris). Latvijas valsts izdevniciba — Rīga, 1957, 624 lpp.

Документы этого сборника, среди которых также немало новых, ранее не известных, очень ярко и полно показывают не только деятельность ЦК СДЛК и ЦО партии — газет «Циня» и «Окопная Правда», но также деятельность местных большевистских организаций в городе, деревне, в военных частях с марта 1917 г. по февраль 1918 г. по установлению Советской власти, а после Октябрьской революции — по ее упрочению. К сборнику приложены широкие комментарии. Среди них большой интерес представляют: 1) подробная справка обо всех активных участниках революции, упоминаемых в документах, 2) хроника важнейших революционных событий в Латвии с января 1917 г. по февраль 1918 г., 3) список партийных организаций латышской социал-демократии и сведения об изменении их численного состава по месяцам. Оба сборника очень удачно дополняют друг друга.

под руководством большевиков с марта по октябрь за переход к социалистической революции, революционное творчество народа. Здесь же помещены материалы, показывающие борьбу масс за практическое решение жизненно важных вопросов: борьбу рабочих Латвии за 8-часовой рабочий день, за демократическую республику и их участие в деятельности Советов (док. № 29, 31, 32, 33, 56 и др.).

Документы показывают также широкое аграрное движение в Латвии за создание советов безземельных, за захват помещичьих земель и имений, реквизицию излишков хлеба у кулаков (док. № 72, 78, 79, 83).

С другой стороны, документы раскрывают звериную ненависть буржуазии и помещиков к большевикам, к трудящимся массам, попытки развязать террор, использование Временным правительством войск против народа (док. № 70, 73, 74, 86, 89, 97).

Большое место в рецензируемом сборнике занимают новые документы, отражающие антивоенные настроения масс, борьбу против империалистической войны, за заключение мира. В этом отношении характерна, например, резолюция митинга солдат 12-го Сибирского стрелкового полка от 1 июля 1917 г. «Какие и кем бы ни издавались приказы о наступлении, исполнять не желаем, и не желаем проливать кровь в честь империализма..., требуем немедленного прекращения человеческой бойни и скорейшего заключения мира без аннексий и контрибуций и самоопределения народностей и наций» (док. № 134).

Второй раздел сборника — «Курс на вооруженное восстание» — посвящен подготовке вооруженного восстания и победе пролетарской революции в Латвии.

По решению Чрезвычайной конференции СДЛК организовался Военно-революционный комитет района XII армии для общего руководства борьбой за власть Советов в Латвии (док. № 226, 228). На съезде представителей латышских стрелков 20 октября было единогласно принято решение готовиться к вооруженной борьбе (док. № 224).

Несколько тысяч латышских рабочих участвовали в вооруженном восстании в Петрограде. Латышские стрелковые революционные полки сыграли большую роль в подавлении контрреволюционных центров Северного фронта в Цесисе, Валке, Валмиере. Они пресекли возможность переброски контрреволюционных войск на помощь Керенскому для подавления восстания в Петрограде и в Москве (док. № 228—236, 246, 247, 250—253). Организовывались первые отряды Красной гвардии. Вслед за крупными центрами и в других городах и волостях власть перешла в руки Советов. II съезд рабочих, стрелковых и безземельных депутатов, состоявшийся 16—17 декабря 1917 г., торжественно провозгласил Советскую власть в Латвии и создал Советское правительство Латвии (док. № 274—280).

В третьем разделе сборника опубликованы материалы о борьбе за упрочение Советской власти в Латвии. Здесь освещается многогранная работа местных органов народной власти по слому старой государственной машины и строительству советского государственного аппарата, по национализации всей земли, конфискации помещичьих земель, по укреплению Советов на местах. Для защиты завоеваний революции и отпора контрреволюционным войскам в спешном порядке создавались вооруженные силы республики — Красная гвардия, а также регулярная Рабоче-Крестьянская Красная Армия (док. № 342—362).

Одновременно, несмотря на суровые условия войны, Советская власть делала все возможное для организации народного просвещения, улучшения материального положения учителей, повышения культуры. Но все эти начинания Советской власти были сорваны наступлением германских войск и оккупацией ими Латвии в феврале 1918 г.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что сборник «Октябрьская революция в Латвии» достаточно полно и всесторонне освещает победу Советской власти в Латвии как результат и неотъемлемую составную часть победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Победа Октябрьской революции ярко продемонстрировала сложившуюся веками великую дружбу русского народа с другими народами России. Коммунистическая партия сплотила пролетариев и трудовое крестьянство всех национальностей России. Союз рабочих и крестьян явился решающим условием победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Сборник подготовлен к печати обстоятельно. Археографическая обработка документов проведена в основном правильно. Комментарии на высоком научном уровне. Особенно заслуживают внимания примечания, составленные А. А. Дризулисом на основе глубокого изучения темы. Примечания в значительной мере способствуют изучению помещенных в сборнике документов и дополняют их ценными сведениями.

Несколько критических замечаний по сборнику. Хотя партийные документы для сборника отобраны удачно, тем не менее приходится отметить, что сборник значительно выиграл бы, если бы в нем было помещено несколько документов, исходящих от низовых партийных организаций (например, промышленных предприятий) или от отдельных членов партии. Отсутствие их привело к тому, что данный состав документов сборника недостаточно отразил то огромное влияние, которое имела большевистская партия среди рабочих и крестьян. О растущем влиянии большевиков на солдатские массы документы рас-

казывают гораздо полнее и ярче. В сбор-ик не вошли обращения, письма, заявле-ия и другие документы рабочих, кре-тьян, рядовых солдат, в которых, как из-естно, наиболее ярко отражаются дух похи и чаяния народа.

Нам представляется неверным назва-ие второго раздела сборника «Курс на во-руженное восстание», оно как бы под-азумевает наличие следующего раздела, освященного непосредственно восстанию. о этого нет. Непосредственную борьбу за становление Советской власти, победу оциалистической революции в Латвии аскрывают документы именно этого раз-ела. Поэтому его нужно было назвать Победа социалистической революции в атвии».

Затрудняет пользование документами екоторая структурная нечеткость: внут-и первого и второго разделов параграфы злишне измельчены. Например, в 5 и 6 араграфах первого раздела говорится, обственно, об одном и том же. Едва ли ужно отделять аграрное движение от со-дания Советов безземельных депутатов, ак как оба эти процесса неразрывны, да по времени происходили одновременно. и 2 параграфы второго раздела содержат днородный по содержанию материал, од-ако один из них назван «Подготовка во-руженного восстания», а другой — «Борь-а за установление Советской власти в атвии».

Излишняя измельченность параграфов ривела к нежелательным нарушениям ронологического принципа расположения окументов, что мешает читателю пра-ильно разобраться в последовательности обытий. Например, материалы V съезда ДЛ, происходившего 9—19 июля, поме-цены после документов о борьбе солдат-ких масс и трудящихся в июле — сентяб-е против наступления контрреволюции док. № 156, 157, 161—169), а этой борь-ой руководили большевики Латвии во сполнение решений партии, в том числе решений V съезда СДЛ.

Такое нарушение хронологической по-ледовательности в размещении докумен-тов не единично (см., например, док. № 281—294).

Составители и редакция сборника допу-стили ряд неточностей при подготовке и археографической обработке документов.

В заголовках резолюций V съезда и XV конференции СДЛ (док. № 177—179, 219—222) слово «резолюция» опущено, а в других случаях оставлено (док. № 274—277, 313—316). Так как резолю-ции даны в качестве самостоятельных до-кументов, то заголовки надо унифициро-вать.

Имеются неточные заголовки. Так, док. № 352 представляет собой телеграмму с просьбой *разрешить выдачу оружия*, а в заголовке говорится: «Теле-грамма... о *получении оружия*...» Или, напр., док. № 299. Он представляет собою не сообщение Исколата, как гово-рится в заголовке, а сообщение Искосола с передачей телеграммы Исколата. Не всег-да достаточно четко составлены примеча-ния (например, об Искосоле XII, док. № 247 и 263, примечание 132).

Примечания вынесены в конец сборника, но редакция почему-то отошла от обще-принятого и весьма разумного правила указывать в примечаниях страницы, к ко-торым они относятся. Это затрудняет поль-зование сборником.

В качестве замечания можно было бы указать на несоответствие в объеме меж-ду первым разделом (борьба за массы) и вторым разделом (борьба за советскую власть, победа революции) сборника. Но это лишь в порядке пожелания. Состави-телям, видимо, не удалось выявить боль-ше интересных документов для второго раздела.

В целом настоящая публикация пред-ставляет большую научную ценность как по содержанию и новизне документов, так и по качеству их археографического оформления. Данная публикация, как и упоминаемый выше сборник партийных документов, явятся серьезной научной базой для изучения истории Октябрьской революции в Латвии.

Г. А. Конюхов

«ТРУДЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА». Т 8

Под ред. проф. В. В. Максакова и доц. К. И. Рудельсон
М., 1957, 368 стр.

Восьмой том трудов Историко-архивно-о института состоит из ряда статей по рем специальным архивоведческим дис-иплинам: археографии, теории и практи-е архивного дела, истории архивного де-а в России. В рецензируемом издании оказана большая исследовательская ра-бота, проводимая архивоведческими ка-федрами Института по актуальным вопро-сам архивного дела, а также отражены и имеющиеся недостатки в работе кафедр.

Том открывается статьей М. С. Селезне-ва, освещающей огромное значение трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина

в теории и практике публикации исторических источников. Классики марксизма-ленинизма, как правильно отмечает М. С. Селезнев, всегда придавали важное значение документам, широко использовали их в научной и революционной деятельности. В произведениях основоположников научного социализма заключены ценнейшие замечания о выборе темы публикации, отборе документов и приемах их издания. Требование научной передачи текста источников красной нитью проходит в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.

К сожалению, в статье М. С. Селезнева не показано, насколько полно используются эти важнейшие теоретические положения в теории и практике советской археографии.

Несколько статей в томе посвящено частным вопросам археографии. В статье Е. М. Тальман исследуются вопросы археографического оформления издаваемых документов; автор уделяет основное внимание составлению заголовков и легенд (или так называемых контрольно-справочных сведений).

На большом количестве примеров в статье показано значение правильно составленного заголовка, являющегося как бы ключом к пониманию документа. Е. М. Тальман изучает принципы составления заголовков в различных изданиях, начиная с XVIII в. и кончая последними советскими изданиями. Но, анализируя многочисленные правила издания документов, Е. М. Тальман обошла молчанием последние «Правила издания исторических документов», в составлении которых принимали участие Институт истории АН СССР, Главное архивное управление и Московский государственный историко-архивный институт, которыми руководствуются сейчас археографы в своей повседневной работе. Если Е. М. Тальман делает много существенных замечаний о вышедших публикациях и дает полезные методические советы археографу, необходимые при составлении заголовков, то раздел о легендах написан недостаточно конкретно, а ссылки на издания носят характер перечня. Вопрос о роли легенд в изданиях нуждается в дополнительной разработке.

Д. М. Эпштейн посвятила свою статью журнальным публикациям исторических источников. Автор справедливо отмечает, что в журнальных публикациях должны освещаться животрепещущие вопросы научной, общественно-политической и культурной жизни страны. Вся статья Д. М. Эпштейн состоит из двух частей: в первой, весьма краткой. рассматриваются важнейшие проблемы подготовки журнальных публикаций документов, во второй — дается подробный и тщательно выполненный анализ публикации из первых двух номеров журнала «Исторический архив» за 1955 г. Но странно: почему в «Трудах», подписанных к печати 24 апреля 1957 г., разбираются документальные подборки только двух первых номеров журнала за 1955 г. Ведь это не позволяет сделать достаточно широких выводов о полноте освещения публикациями журнала ряда вопросов. Д. М. Эпштейн упрекает «Исторический архив» в том, что «в нем не освещены вопросы из истории советской промышленности», что «редакция не имела достаточного выбора подготовленных публикаций», не привлекала материалы с мест и т. п. Такие замечания общего характера, на основании первых двух вышедших номеров журнала, конечно, нельзя делать. Автор должен был бы ознакомиться с последующими номерами за 1955 и 1956 гг.

Нет четкости у Д. М. Эпштейн и в понятии «журнальная публикация». Автор неоднократно упоминает о периодическом сборнике «Исторический архив», выходившем до 1955 г. (умалчивая, кстати сказать, о его продолжении — «Материалы по истории СССР»). Однако публикации в тематических сборниках и в сборниках смешанного содержания имеют свои особенности, о которых Д. М. Эпштейн ничего не сказала, таким образом ставя между ними знак равенства.

Досадное впечатление производит статья И. И. Корневой об основных принципах передачи текста документов при публикации и некоторых вопросах воспроизведения текстов ранних периодов (XIV—XVIII вв.).

Пройдя мимо происходившей недавно полемики о принципах передачи текста, автор ограничился рядом поверхностных замечаний в адрес тех советских археографов, которые, по ее мнению, придерживаются формалистических принципов издания документов. И. И. Корнева старается убедить читателя, что среди историков, издающих документы XIV—XVI вв., существует разнобой в принципах передачи текста. Но ее примеры неубедительны и показывают, что автор не учитывает главного — целевого назначения и особенностей изданий (стр. 59). Так, например, в «Духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV—XVI вв.» сохраняются вышедшие из употребления буквы, чего нет в «Судебниках XV—XVI вв.» и частично в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова». Но это понятно: Судебник 1497 г. одновременно издан фототипически, так что надобность в воспроизведении архаических букв графическим путем отпадает. Новгородские акты XIV—XV вв. прекрасно изданы с соблюдением всех их графических особенностей А. А. Шахматовым. Поэтому стало возможным издать «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» по упрощенным правилам. И. И. Корнева полагает, что сохранение архаических букв в тексте не оправдано, так как публикации рассчитаны лишь «на историков» (стр. 60). Этим она искусственно пытается сузить значение таких изданий, как публикация духовных грамот

никих и удельных князей XIV—XVI вв., торой широко пользуются не только торики, но и филологи.

Таким образом, сохранение древнерус-их букв в изданиях отнюдь не «сужает уг читателей», как думает автор тр. 60), а значительно его расширяет.

И. И. Корнева настаивает на необходи-сти исправления явных погрешностей текстах памятников XIV—XV вв., но она учитывает те языковые трудности, ко-рые возникают перед издателем древне-сских актов при «исправлении» текста, торое может привести к явному субъек-визму и произволу. Само понятие «яв-й ошибки» еще не разработано в науке И. Корнева, кстати говоря, такого ределения и не пытается дать), поэтому частую нельзя решить, имеем ли мы ло с языковыми особенностями докумен-или с «ошибкой». Все это делает необ-димым сохранение в тексте, даже де-ктном, чтения подлинника. В текстуаль-х примечаниях следует давать исправ-ния или соображения издателя о чте-ях, которые могут быть отнесены к де-ктным с большей или меньшей сте-нью вероятности.

Другое дело массовые документы более зднего времени, где исправления явных исок не только желательны, но и необ-димы. И. И. Корнева пишет, что в исьмах и бумагах императора Петра ликого» сохраняются орфографические ибки и описки, принадлежащие самому тру I, но что одновременно исправляют-подобные погрешности в документах, ставленных петровскими чиновниками. е это, полагает она, «поведет к фаль-фикации исторических фактов, относя-хся к биографии Петра» (стр. 49). По-бное обвинение основано, скорее всего, недоразумении. Ссылаясь на предисло-е к I тому «Писем и бумаг...», И. Кор-ва, вероятно, спутала те сведения, кото-е сообщал акад. А. Ф. Бычков о прие-х переписки (копировки) текстов Пет-I для издания с приемами издания са-х писем. В правилах издания четко ука-валось, чтобы ошибки были исправле-с соответствующими оговорками в под-рочном примечании. Далее, И. Корнева отестует против того, что сотрудники ститута истории АН СССР, продолжая чатую еще в 80-х гг. XIX в. публика-ю, «сохранили приемы передачи текста, работанные дореволюционными археоафами, не пытаясь дать им какого-либо учного обоснования» (стр. 50). Это за-чание также не соответствует действи-льности. Уже в 1946 г. издатели указа-на то, что при издании собственноруч-х писем Петра I будут внесены измене-я согласно правилам советской архео-афии. Продолжая с 1946 г. издания то-в серии «Писем и бумаг...», издатели не-нократно указывали на те измене-я правил передачи текста, которые одятся в издание в соответствии с дальнейшим развитием советской археографии [1].

Многие вопросы передачи текста древнерусских памятников еще принадлежат к числу спорных, но для решения их необходима серьезная разработка этих вопросов. К сожалению, статья И. И. Корневой не помогает их решению.

Последней статьей, посвященной вопросам археографии, является опубликованный в томе автореферат студенческой дипломной работы Г. Г. Чумаловой «Выявление и отбор документов для печати в издании «Рабочее движение в России в XIX в.». Автору удалось найти сведения о документах, относящихся к теме серии сборников, но не вошедших в них, и установить, что ряд государственных архивов вообще не был привлечен к изданию. В результате своих наблюдений Г. Г. Чумалова смогла отметить, что «повсеместного планомерного выявления документов по истории рабочего класса в России проведено не было» (стр. 129). Что касается вопроса отбора документов для печати, то Г. Г. Чумалова видит пути его решения в сопоставлении и проверке «показаний документов о фактической стороне событий», однако она не развивает на конкретном материале этого верного положения. По сути вопрос отбора документов — один из важнейших для археографов, работающих с документами поздних эпох,— в статье не получил отчетливого решения. Но здесь сказалась уже не вполне удачная постановка темы: если студент способен в дипломной работе выяснить, насколько полно использованы при выявлении материалов по определенной теме те или иные фонды и архивы, то исследовать вопрос, насколько удачно был произведен отбор документов для публикации трех сборников (общий объем около 1500 документов), в рамках главы дипломной работы практически невозможно. Ведь для верного решения этого вопроса дипломанту пришлось бы просмотреть сотни описей, тысячи дел, сопоставить и проверить по крайней мере десяток тысяч оригинальных архивных документов, так как в практике археографов обычно из многих ценных документов отбирается для издания лишь один.

Четыре статьи тома посвящены отдельным вопросам теории и практики архивного дела.

На важную тему — о научно-теоретической обработке геокартографических материалов написана статья Л. А. Гольденберга. Работа имеет подзаголовок «критический обзор» и основана на материалах архива Министерства совхозов РСФСР. До сих пор вопросы картографических материалов — весьма специфичного вида исто-

---

[1] Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I, СПб., 1887, стр. V, XIV—XV; т. VII, вып. 2, стр. V; т. IX, вып. I, стр. 5; т. X, стр. 5—6.

рических источников — в архивоведении не исследованы должным образом, и сам автор отмечает, что в архиве Министерства совхозов РСФСР система их организации была создана без предварительной теоретической разработки, «на ощупь» (стр. 258) и, естественно, имеет ряд существенных изъянов. Л. А. Гольденберг верно отмечает, что рассмотрение вопросов организации картографических материалов «требует быстрейшего теоретического и нормативного обобщения» практики работы технических архивов. Он правильно ставит эти задачи перед архивными органами и Историко-архивным институтом (стр. 259). К сожалению, автор — специалист в области обработки и использования картографических материалов — не предлагает конкретных рекомендаций в деле упорядочения их состояния.

Статья Н. А. Алявдиной называется «Методика организации использования документальных материалов государственных архивов СССР в народнохозяйственных и научных целях». Это название не соответствует содержанию работы: в действительности в статье рассматриваются далеко не все вопросы использования архивных документов, а лишь часть из них, связанная с тематическим выявлением документальных материалов. Однако не в этом недостаток работы Н. А. Алявдиной. Можно было бы приветствовать всякое исследование, посвященное любому вопросу из столь актуальной проблемы, как организация использования материалов Государственного архивного фонда, если бы оно отвечало задачам практики архивного строительства в нашей стране.

Статья Н. А. Алявдиной не отвечает этим требованиям в значительной мере вследствие устарелости собранного в ней материала. Как сообщает сам автор, работа была написана до опубликования в феврале 1955 г. «Инструкции о порядке тематического выявления документальных материалов в государственных архивах СССР и организации научной информации планирующих, хозяйственных и научно-исследовательских учреждений». В этом документе были поставлены важнейшие задачи, определены пути и методы работы в области информации и эффективного использования архивных материалов; на основании этого документа вот уже три года проводится работа в государственных архивах и архивных органах.

Работа Н. А. Алявдиной носит описательный характер; к тому же примеры, приводимые автором, часто неудачны. Среди различного вида информационных документов, составляющихся в архивах, имеются «тематические перечни» (т. е. списки документов или дел по определенной теме) и «справки-ориентировки» (т. е. краткие обзорные сообщения о материалах по какой-либо определенной теме). Н. А. Алявдина исследовала несколько неудачных информационных документов, со-

ставленных в некоторых архивах, и пр
шла к неправильному выводу, будто р
личие между обоими видами докумен
малосущественно и на деле это лишь «д
названия одного и того же информаци
ного документа» (стр. 154).

Между тем, даже несколько лет наз
когда терминология информационных
кументов не была разработана, это бы
абсолютно неверно. В ряде случаев Н.
Алявдина пыталась дать свои ре
мендации, но, основанные на незна
тельном количестве материала, они с
собны лишь ввести в заблуждение пр
тических работников. Например, она
шет, что «справки-ориентировки», «те
тические обзоры» и «аннотированные
речни» (кстати, последнего термина д
ствующая «Инструкция» не знает)
ставляются по одной форме (стр. 15
Говоря о «тематических обзорах», ав
разбирает много малоизвестных и не
лучивших сколько-нибудь широкого п
знания обзоров, но умалчивает о наибо
серьезных работах в этой области, так
как тематические обзоры по материал
ЦГАДА, составленные В. Н. Шумилов
по истории г. Москвы с древнейших в
мен до XIX в. (М., 1949) и по истор
СССР периода феодализма XI—XVI
(М., 1954).

Вопросам организации работы ки
фото-фоноархивов действующих учреж
ний посвящена статья А. А. Кузина, пр
ставляющая несомненный практичес
интерес. Автор рассматривает вопр
приема этих видов документов в архи
их систематизации, учета и описания,
ставления предметно-тематических ка
логов и, наконец, вопросы экспертизы
учной и практической ценности ки
фото-фонодокументов. В основном эти
просы решаются А. А. Кузиным прави
но, и выдвигаемые им теоретические по
жения могут быть рекомендованы
реализации практическим работникам
хивов. Однако в некоторых случаях ан
допускает досадные ошибки.

Известно, например, что при система
зации кинодокументов в единый учетн
комплекс объединяются негативы, пози
вы, лаванды и фонограммы одного о
деленного кинофильма; но при этом х
нение позитивов, с одной стороны, и д
гих видов кинопленки, с другой (в ин
ресах противопожарной безопаснос
осуществляется в архивах раздел
А. А. Кузин выдвигает положение о
можности нескольких самостоятельн
видов систематизации кинодокумен
1) «по фильмам», когда «вся кинодоку
тация по одной картине... группируетс
хранится вместе» (последнее, как
было отмечено, очень опасно в пожар
отношении); 2) «по видам плен
3) «систематизация на негативные и п
тивные материалы». В данном случае
тор смешивает вопросы учетной систе
тизации и физического хранения кино

Рассматривая вопросы экспертизы науч-й и практической ценности кино-фото-онодокументов, А. А. Кузин допускает есколько упрощенный подход. Особенные зражения вызывают рекомендации авто- в отношении так называемых «неопо-анных фото-кино-фонодокументов». Ав-р пишет: «утеря характеристики фото-кумента, первых кадров кинофильма, икетки и начала фонодокумента приво-т к тому, что фото-кино-фонодокументы ановятся «неопознанными». Неопознан-е документы невозможно ни описать, ни пользовать, их хранение делается бес-едметным и документы подлежат выде-нию к уничтожению» (стр. 232). Прав-, далее автор пишет, что, прежде чем ойти к такому решению, экспертные омиссии должны «сделать все возмож-е для опознания документа», и даже амечает пути и методы опознания. Одна- в принципе неправильно уничтожать атериалы только потому, что в момент спертизы документы опознать не уда-сь. Практика знает долголетнее хране-е в числе неопознанных фотографий имков таких широко известных лиц, как М. Свердлов, Н. К. Крупская, Ян Фаб-циус, Ф. И. Шаляпин и др. В свое вре-я были не опознаны и уничтожены ред-е киноленты — ценная хроника граж-анской войны, негатив (т. е. подлинник) екрасного документально-игрового филь-а «Шахматная горячка» Вс. Пудовкина настоящее время имеются лишь куски этой картины) и т. д. Все это должно асторожить работников кино-фото-фоно-рхивов и при проведении экспертизы на-равлять свое внимание на то, как оце-ить и сохранить ценные изобразитель-ые и звуковые документы, а не на поды-кание формальных оснований для оправ-ания их уничтожения.

Можно отметить еще некоторые спор-ые положения статьи А. А. Кузина. На-ример, он пишет, что монтажные листы инофильмов заполняются в просмотро-ых залах, но так поступали 7—10 лет азад в плохо оборудованных архивах. еперь для этого повсюду имеются ма-иолы и звукомонтажные столы в особых омещениях.

Наконец, нельзя не отметить, что автор еизвестно по каким причинам вовсе не поминает о работах своих предшествен-иков. А это нужно было сделать, так как олько по одному вопросу — технике ве-ения фотоархивов существует около де-ятка специальных статей.

В целом же статья А. А. Кузина с успе-ом может быть использована в работе рхивистов и для учебных целей.

Вызывает интерес попытка Л. Г. Сыр-енко осветить опыт издания ЦГАЛИ опи-ей фондов личного происхождения. ГАЛИ в 1949—1955 гг. издал несколько аких описей (фондов Н. А. Некрасова, . Г. Короленко, Д. А. Фурманова, . И. Герцена, П. И. Чайковского и др.). Жизнь показала, что этот опыт был неудачен — описи не привлекли сколько-нибудь серьезного внимания исследователей и тиражи их не разошлись. Между тем интересы развития науки требуют создания в архивах полноценного научно-справочного аппарата, в системе которого издание развернутых описей должно занять важнейшее место.

Л. Г. Сырченко рассматривает вопросы систематизации материала в описях ЦГАЛИ, редактирования заголовков, проверки качества указателей, говорит о списке сокращений, оглавлении, типографском оформлении и составлении предисловий, делая при этом ряд справедливых замечаний, но главное — поверхностность и доведенная до лаконизма краткость описания не вызывают у нее сколько-нибудь серьезных замечаний. Между тем, именно низкое качество описательных статей всех опубликованных описей и предопределило их неудачу.

Дело в том, что при подготовке к изданию за основу брались старые плохие инвентарные описи, имевшиеся в архиве, которые подвергались редактированию, т. е. уточнению и «приглаживанию» (как это ясно из приводимых в статье примеров, см. стр. 187—188), вместо того, чтобы заново научно описать материалы.

Архивистам пора отказаться от принципов предельно краткого, т. е. почти всегда поверхностного, описания документальных материалов, которое ограничивает возможность их использования. Поэтому Л. Г. Сырченко должна была выступить за пересмотр устаревших принципов лаконичного описания, узаконенных «Основными правилами описания» 1951 г., но она отметила лишь частные недостатки в плохих описях.

Две статьи, опубликованные в рецензируемом томе, разрабатывают вопросы истории архивного дела в России.

За последние годы, после выхода в свет капитальной монографии Л. В. Черепнина о феодальных архивах XIV—XV вв., не появилось фактически ни одной специальной работы, посвященной вопросам архивного дела в России XIV—XVII вв. Поэтому заслуживает одобрения работа С. О. Шмидта о взаимоотношениях царского архива середины XVI в. с архивами других учреждений Русского государства.

В результате обстоятельного исследования автор приходит к обоснованному выводу, что «царский архив» был «одновременно и историческим и действующим архивом» (стр. 278). Он имел сношения с такими учреждениями, как Казенный двор, Разряд, Поместная, Посольская и Челобитная избы и др. Очень интересно тонкое наблюдение С. О. Шмидта о том, что в «Описи царского архива», составлявшейся в 60-х гг. XVI в., центральные правительственные учреждения еще не называются «приказами», а именуются «избами». Работа С. О. Шмидта важна еще тем,

что она дает ценные материалы для решения давно волновавшей историков и архивистов проблемы: опись архива какого из учреждений — личной «казны» царя, Посольского приказа или Боярской думы — сохранилась до наших дней под условным названием «Опись царского архива». Этому вопросу С. О. Шмидт предполагает посвятить особое исследование. Изучение «царского архива» осложняется тем, что его уникальной описью 60-х гг. XVI в. до сих пор приходится пользоваться по весьма устарелому изданию. Настало время вновь опубликовать ее вместе с описями архива Посольского приказа начала XVII в. (куда поступили материалы «царского архива») по всем правилам современной археографии (с фототипическим воспроизведением разных почерков, обстоятельным комментарием и т. п.). Необходимо также обратить внимание на дальнейшее изучение архивного дела феодального периода. В частности, сохранившиеся материалы дают возможность проследить организацию архивного дела в крупнейших монастырях XVI в. и в важнейших правительственных учреждениях XVII в.

Статья Ю. Ф. Кононова «Из истории организации и комплектования б. Государственного архива Российской империи» представляет интерес не только для историков архивного дела в России (а разработка подобных проблем очень важна для современной научной организации архивов), но и для широкого круга исследователей, обращающихся к материалам влившегося в ЦГАДА бывшего Государственного архива Российской империи. Этот архив был создан, как правильно отмечает Ю. Ф. Кононов, при Николае I в качестве «особого хранилища государственных бумаг, которые в силу политической важности не должны были стать предметом внимания русского общества»; в то же время некоторые из этих бумаг царское правительство рассчитывало использовать в идеологической борьбе с передовыми течениями русской общественной мысли того времени (стр. 282). Это предопределило его состав как хранилища ценнейших бумаг и его характер: он был собран путем извлечения наиболее важных в политическом отношении групп дел и отдельных документов из различных архивов, фондов и коллекций. Ценность работы Ю. Ф. Кононова для исследователей заключается именно в том, что она показывает, из каких архивных комплексов были выхвачены те или иные материалы и где, стало быть, нужно искать органически связанные с ними источники.

В 40—60-е гг. XIX в. материалы архива были переформированы в 28 искусственных предметно-тематических разрядов[1],

существующих и сейчас. Эта система,
отмечает автор, «дезорганизует исследо
теля, вводит его в заблуждение» и затр
няет использование материалов, поско
ку связанные единством происхожде
материалы оказались спутанными и р
розненными (стр. 350). Разобраться в э
путанице во многих случаях помогает с
тья Ю. Ф. Кононова.

В заключение Ю. Ф. Кононов дает с
обоснованные рекомендации для прак
ческой ликвидации этой путаниц
«прежде всего,— пишет он,— нужно сос
вить научные описи разрядов», а зат
не занимаясь физическим переформи
ванием самих материалов, восстанов
«в специальном справочном аппара
наиболее крупные и ценные собрания
кументов в том их виде, в каком они к
да-то поступили в Государственный
хив».

Работникам ЦГАДА необходимо п
слушаться к этим советам. Как и ста
С. О. Шмидта, исследование Ю. Ф. Ко
нова — серьезная научная работа по
тории архивного дела.

Том заканчивается некрологом, пос
щенным известному историку-архиви
профессору И. Л. Маяковскому (187
1954).

Подводя итоги критическому разбо
статей, помещенных в очередном т
трудов Историко-архивного института, с
дует сказать, что в него включены разн
по уровню работы. Наряду с содержате
ными статьями (М. С. Селезнева, А. А.
зина, С. О. Шмидта, Ю. Ф. Кононова
Л. А. Гольденберга) здесь имеются и с
бые работы И. И. Корневой, Л. Г. Сырч
ко, Г. Г. Чумаловой.

Указанные недостатки тома свидете
ствуют о необходимости более тесной с
зи кафедры теории и практики арх
ного дела Историко-архивного инс
тута с практикой советского архивн
дела.

Перед советским архивоведением ст
важные задачи. В ближайшее время не
ходимо обсудить вопросы организац
критериев и принципов экспертизы цен
сти документальных материалов, созда
высококачественного научно-справочн
аппарата, комплектования государств
ных архивов, установления окончатель
го профиля ряда центральных госуд
ственных архивов и др. Необходимо об
дить накопленный опыт таких получа
щих все большее распространение ви
использования, как организация выста
(стационарных и передвижных), изда
фотоальбомов документов, проведение
черов встреч с учеными, писателями, ж
налистами, новаторами производст
устройство радио- и телепередач, испо

[1] Не следует путать тематические разряды с фондом Разрядного приказа («Разряда»), хранящегося также в ЦГАДА,
имеющего ничего общего с этими «раз
дами».

вание изобразительных документов в торико-документальном кино, демонстрация старой кинохроники и т. д.

Немало нерешенных задач и в области хеографии: проблема сокращенной передачи текста, принципы и методы включения в публикуемые сборники документов наиболее ценных сведений из выявнных, но не вошедших в издание материалов и т. д.

В решении этих как научных, так и практических проблем большую пользу должны принести профессора и преподаватели Историко-архивного института. Историки-архивисты ждут в следующих томах его трудов ответа на насущные запросы жизни и деятельности государственных архивов и архивных органов СССР.

В. Н. Автократов, А. А. Зимин

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ГОРОДОВ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАБОЧЕГО КЛАССА ЛОДЗИНСКОГО ОКРУГА[1]

Историки народно-демократической льши уделяют большое внимание вопром социально-экономической истории оей родины, в том числе и проблемам тории промышленности и рабочего клас- Помимо монографической разработки их проблем[2], Институтом истории Польой Академии наук предпринято также дание источников по этой тематике.

Перед нами первый том четырехтомного собрания источников по истории горов, промышленности и рабочего класса дзинского округа. Лодзинским промышным округом участники данного издан считают треугольник между Ленчий, Серадзем и Томашовом Мазовецким. процессе работы над подготовкой собрая документов по истории этого округа ли привлечены также материалы тех едних местностей, которые в экономиском отношении тяготели к Лодзи. По ависящим от лиц, участвовавших в боре документов, причинам оказалось невозможным привлечь материалы по некоторым местностям из этой категории (местность между Калишем и Серадзем с городами Калиш и Опатовек), а также по некоторым городам, расположенным ближе к Лодзи (Домбиц, Шадек, Поддембице).

Хронологическими рамками всего издания были приняты 1815—1864 гг., как период формирования капитализма в Польше. В процессе работы эти хронологические рамки были несколько нарушены привлечением более поздних материалов. Следующие три тома этой серии сборников будут посвящены: истории городов лодзинского промышленного округа в XIX в. (II т.), формированию капиталистической текстильной промышленности и буржуазии в 1816—1875 гг. в Лодзи и в лодзинском промышленном округе (III т.), начальному периоду (1820—1864 гг.) капиталистического развития города Лодзи (IV т.).

Редактором рассматриваемого первого тома является Г. Миссалёва, второго — Р. Качмарек, третьего — И. Треля, четвертого — А. Рынковская. Руководителем всей работы и редактором всего издания является действительный член Польской Академии наук профессор Наталия Гонсиоровская[3].

---

[1] Polska Akademia Nauk. Instytut Histo- Materiały do historii miast przemysłu i sy robotnįczey w okręgu Lódzkim. Pod akcią Natalii Gąsiorowskiej. T. I., Źródła historii klasy robotniczej okręgu lódzgo. Opracowała Gryselda Missalowa. edmową opatrzyla Natalia Gąsiorowska. rszawa, 1957, str. 867.

ольская Академия наук. Институт исии. Материалы по истории городов, мышленности и рабочего класса Лодского округа. Под редакцией Наталии сиоровской. Т. I. Источники по исто- рабочего класса Лодзинского округа. готовила Гризельда Миссалёва. Со упительной статьей Наталии Гонсиоской. Варшава, 1957, 867 стр.

[2] О новых трудах в этой области см. мой р в журнале «Вопросы истории», 1958,

[3] Академик Н. Гонсиоровская (род. 1881 г.) высшее образование получила в университетах Гейдельберга, Парижа и Львова. Научную работу начала в 1906 г. Основной областью ее научных исследований является история промышленности бывшего Царства Польского за период с конца XVIII в. до первой мировой войны. В период между двумя мировыми войнами Н. Гонсиоровская вела преподавательскую работу в «Вольном польском университете» в Варшаве и Лодзи — учебном заведе-

Вся работа по выявлению документальных материалов, их систематизации и археографической обработке, начатая в 1952 г., была проведена работниками Лодзинского университета и сотрудниками Лодзинского воеводского государственного архива.

Все опубликованные в первом томе документы и материалы, общим числом 571, разделены по тематике на шесть разделов. Первый раздел посвящен проблеме генезиса рабочего класса. Здесь сначала напечатаны документы о переходе городского ремесленного и сельскохозяйственного населения на работу в текстильную промышленность. Далее помещены материалы, показывающие роль деревни как источника квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы для текстильной промышленности. Ряд документов показывает иммиграцию в Лодзинский округ из польских земель, входивших в состав Пруссии и Австрии, а также из чужих краев. Заканчивается раздел большим количеством материалов о распространении раздаточной системы и текстильном производстве изучаемого района.

Во второй раздел включены материалы о положении рабочего класса: материалы о нищете рабочих, о болезнях и эпидемиях, об условиях труда, несчастных случаях, тяжелом положении детей, заработной плате, сберегательных кассах. Заканчивается раздел тремя документами о попытках лодзинских ткачей в 1864 г. организовать кооперативные мастерские.

Документы третьего раздела показывают влияние кризисов на формирование и положение рабочего класса лодзинского п[...] мышленного округа, они сгруппирова[...] по периодам кризисного состояния т[...] стильной промышленности. Заканчива[...] ся раздел материалами об экономичес[...] положении Лодзинского округа накану[...] образования партии «Пролетариат» (ма[...] 1881 — январь 1882 г.).

Четвертый раздел тома посвящен у[...] стию пролетариата Лодзинского окру[...] в национально-освободительной борь[...] Основное внимание здесь уделено ма[...] риалам, характеризующим участие [...] бочих Лодзинского района в восстани[...] 1830 и 1863 гг. и связанных с ними соб[...] тиях.

В пятом разделе собраны документы [...] неорганизованном стихийном движении [...] бочих Лодзинского района с 20-х до [...] чала 80-х гг. XIX в. Материал сгруппи[...] ван по крупным проявлениям этого дв[...] жения. Интересно отметить наличие [...] кументов, свидетельствующих об усилен[...] полицейского гнета после революц[...] 1848 г., о разрушении машин рабочими [...] 30-х гг. и 1861 г. В конце раздела напе[...] тан обширный материал о стачках в Ло[...] зинском округе в 1870—1882 гг.

В последний, шестой раздел, озаглавле[...] ный «К организованному рабочему движ[...] нию», включены документы, относящи[...] ся к периоду с октября 1870 по нояб[...] 1883 г., о полицейских мероприятиях [...] борьбе с социалистической пропаганд[...] среди рабочих, о нескольких делах, во[...] бужденных полицией против отдельн[...] рабочих по обвинению их в пропаган[...] социалистических идей, о деятельности [...] Лодзинском округе партии «Пролетариа[...] в 1883 г.

О деятельности этой партии в Лодзи[...] ском районе в сборнике напечатано вс[...] пять документов: 1) Воззвание к ра[...] чим Лодзи и ее окрестностей, перепеча[...] танное из книги Г. Лурье «Красн[...] Лодзь», изданной в Москве в 1934 [...] 2) три небольших отрывка хроникальн[...] характера, перепечатанных из «Проле[...] риата», органа названной партии (№№ [...] и 4 за 1883 г.) и 3) письмо петроковско[...] вице-губернатора Эссена начальни[...] земской стражи г. Лодзи Максимову о ра[...] пространении среди крестьян воззван[...] партии «Пролетариат» — «Манифест Цен[...] рального комитета социально-революцио[...] ной партии к работникам сельского [...] зяйства». Данный документ является ед[...] ственным архивным документом (он [...] влечен из Лодзинского воеводского ар[...] ва), опубликованным на данную те[...] в сборнике. В примечании составите[...] указывают, что это первый в документ[...] петроковского губернатора и полицм[...] стера Лодзи след деятельности парт[...] «Пролетариат» в Лодзинском районе. [...] ким образом, деятельность партии «Про[...] тариат» в Лодзинском районе не получи[...] освещения в рецензируемом сборнике.

В каждом из тематических разделов [...]

нии гораздо более прогрессивном по характеру преподавания, чем официальная польская высшая школа того времени. В народно-демократической Польше Н. Гонсиоровская развернула энергичную научную и научно-организационную работу: активно участвовала в создании университета в центре польской текстильной промышленности — Лодзи, организовала ряд коллективных научных работ, в их числе и ту, о которой идет речь в данной рецензии. В 1948—1953 гг. под ее редакцией вышло пять томов коллективного труда «К столетию Весны народов» (Революция 1848 г.). Н. Гонсиоровская была избрана действительным членом Польской Академии наук и несколько позднее членом ее президиума; она была избрана также председателем научного совета Института истории. В течение ряда лет была председателем Польского исторического общества. В 1956 г. историческая общественность Польши отмечала пятидесятилетие научной деятельности Н. Гонсиоровской, посвятив ей двойной номер научного органа Института истории («Kwartalnik Historyczny» Rocznik LXII. Warszawa, 1956).

менты напечатаны в хронологическом
рядке.
В основном документы извлечены со-
авителями из воеводского государствен-
го архива в Лодзи, в котором поиски
выявление материалов имели исчерпы-
ющий характер. Использованы также
териалы Главного архива древних ак-
в Варшаве, где просмотрены те фон-
, в которых составители надеялись най-
нужный материал. Частично в том
лючены документы архивов уездного
да и уездного государственного архива
Серадзе.
Некоторая часть документов печатает-
по фотокопиям, полученным из Цент-
льного Государственного исторического
хива в Москве. В небольшой мере исполь-
ваны также опубликованные докумен-
, напечатанные в старых журналах и
арых труднодоступных для читателя
ижках.
Не все материалы на тему сборника,
наруженные в архивах, могли быть из
ображений экономии места включены в
дание. Составители стремились отобрать
кументы, сообщающие типичные факты.
еизбежность некоторого субъективизма
и таком отборе справедливо отмечает
м редактор тома Г. Миссалёва во ввод-
й статье (стр. LI). Однако, если по ка-
й-либо теме обнаружено немного доку-
нтов, то они печатались все полностью.
Как это обычно бывает, в архивах, об-
едованных составителями, сохранились
еимущественно документы, исходящие
чиновников,— отчасти от представите-
й буржуазии; документов, исходящих
рабочих, мало. Это обстоятельство
могло, конечно, не отразиться и на
ставе данного тома, как это и отмечает
редактор.
Насколько полно отражают опублико-
нные документы формирование, поло-
ние и борьбу рабочего класса Лодзин-
ого района за охваченный сборником
риод?
Редактор тома во вводной статье указы-
ет: «Найденные нами материалы являют-
чрезвычайно скудными по сравнению с
атством анкет, донесений и отчетов,
люстрирующих положение английского
и французского рабочего класса в пери-
возникновения капитализма и развер-
вания промышленного переворота в
х странах» (стр. XLVII). Но несмотря
это, несмотря на классовую враждеб-
сть по отношению к пролетариату опу-
икованных в сборнике материалов, они
же дают яркую картину формирова-
, жизни и борьбы рабочего класса
дзинского округа, одного из основных
йонов развития капитализма в Польше
начальный период его истории.
Наименее удался составителям подбор
кументов о деревне как источнике фор-
ования рабочего класса Лодзи. Это
знают и сами составители, отмечая,
«несмотря на тщательные поиски не удалось найти в достаточном количестве документов, подробно выясняющих процесс перестройки барщинной работы крестьянина в работу наполовину вольную, а потом и в вольнонаемную» (стр. LVIII).

Существенным пробелом в сборнике является отсутствие документов об изменениях в культурном уровне рабочего класса. Документов на эту тему составители не нашли в архивах.

Почти не использованными в сборнике остались данные периодической печати. Это отмечают сами составители. Как относительно много может дать периодическая печать прошлого для истории рабочего класса, показывает книга Тадеуша Лэпковского[1] «Начальный период истории рабочего класса Варшавы» (Póczątki klasy robotniczej Warszawy. Warszawa, 1956).

Наконец, некоторые фонды, важнейшим из которых является фонд бывшей Калишской воеводской комиссии, остались необследованными.

Результаты дальнейших своих поисков составители надеются опубликовать в дополнительном томе, который мыслится ими как продолжение опубликованного первого тома четырехтомника.

Составители тома одним из труднейших моментов своей работы считают установление правил, которыми следовало руководствоваться при публикации собранного материала.

Инструкция по изданию исторических источников под редакцией проф. К. Лепшего[2] посвящена в основном другим категориям исторических источников, чем те, над подготовкою которых к печати работали составители тома. Поэтому эту инструкцию составители могли использовать лишь частично. Они использовали также советские правила публикации документов («Основные правила публикации...» 1945 г.)[3] и опыт советского издания материалов по рабочему движению. («Рабочее движение в России в XIX в. Сборник документов и материалов» т. I, ч. I, М., 1953).

Кроме того, в небольшой степени они могли использовать опыт некоторых французских и немецких (в ГДР) публикаций источников. Названные инструкции и издания помогли составителям выработать археографические принципы, положенные ими в основу своей публикации.

Составители, естественно, стремились

---

[1] Об этой книге см. в названном выше моем обзоре новых трудов по истории промышленности и рабочего класса Польши в журнале «Вопросы истории», 1958, № 1.

[2] Instrukcja wydawnicza dla źródeł historycznych od XVI do połowy XIX w., pod redacją naukową K. Lepszego. Wroclaw, 1954.

[3] «Правила издания исторических документов» 1955 г. не упоминаются составителями.

публиковать оригиналы документов (подлинники), но пришлось в довольно значительном количестве использовать черновики и наброски проектов. Протоколы и рапорты составители публиковали в их последней редакции. При наличии двух редакций источника или сокращений и приписок в первоначальном его тексте, делались соответствующие указания и, если возможно, называлась фамилия автора сокращений или приписок. В некоторых случаях составители делали для лучшего понимания текста вставки в текст публикуемых документов, заключая их в квадратные скобки. Всякого рода резолюции и пометки на полях документа воспроизводились в конце текста с необходимыми для каждого случая пояснениями. Подчеркнутые в тексте документа слова выделены разрядкой.

Для каждого публикуемого документа составлена краткая регеста, служащая одновременно его заголовком, включающая: дату документа и место его составления, фамилию автора и адресата с указанием их социального и служебного положения и краткое содержание акта (содержание документов в таких регестах дано полнее, чем это обычно делается в заголовках наших публикаций). В конце документа помещались подписи с указанием служебного положения подписавших. Эти регесты-заголовки очень облегчают для читателя пользование сборником.

Документы в томе опубликованы на языке оригинала. При каждом из публикуемых документов даны их исчерпывающие поисковые данные (архив, фонд, № дела и листов) и указана категория подлинности — подлинник, черновик, копия и проч. Если документ был уже опубликован ранее, об этом сделаны соответст-вующие библиографические указания.

В краткой аннотации нет возможност останавливаться на многих деталях архео-графического оформления документо показывающих большую тщательност проявленную составителями в данном о ношении.

К тому приложены: список опубликова ных документов, список архивных фо дов, именной указатель [1], географически указатель, две карты, показывающие, о куда была иммиграция рабочей силы Лодзинский промышленный округ.

Впереди текста документов напечатан две вступительные статьи — редактор всего издания академика Наталии Гонс оровской и редактора данного тома Гр зельды Миссалёвой. В первой статье дает ся интересный краткий очерк тех истор ческих событий, базой для изучения кот рых должны служить публикуемые в том материалы, а во второй статье после кра кого обзора литературы по истории Лод зинского промышленного округа рассмо рены вопросы, непосредственно связанны с подготовкой к печати документов тома

Все издание в целом и первый том, частности, несомненно представляет инте рес для советских историков как свои материалом по истории промышленност и рабочего класса крупного промышлен ного района, снабжавшего своими издели ями не только польский, но и русски рынок, так и с археографической сторон в широком понимании этого термина.

В. К. Яцунски

[1] Установление транскрипции фамили потребовало от составителей значительно го кропотливого труда.

Хроника

СОВЕЩАНИЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ АРХИВНЫХ ОРГАНОВ

18—20 ноября 1957 г. в Москве состоялось совещание руководящих работников архивных учреждений СССР, на котором были подведены итоги выполнения Постановления Совета Министров Союза ССР от 7 февраля 1956 г. «О мерах по улучшению режима хранения и использования документальных материалов учреждений, предприятий и организаций» и намечены перспективы дальнейшей работы архивных учреждений страны.

Ш. В. Цагарейшвили (начальник Архивного управления Грузинской ССР) сообщил, что архивные учреждения Грузии провели серьезные мероприятия по обеспечению сохранности и приведению в порядок архивных фондов: начато строительство специальных зданий для ЦГАОРСС и ЦГАКФФД, все уникальные документы Отдела древних актов ЦГИА закартонированы и размещены в железных шкафах-сейфах. Систематически проводится работа по реставрации и дезинфекции документальных материалов. Улучшилось положение райгосархивов. В Сачхерском и Махарадзевском районах построены специальные здания для райгосархивов. Однако еще не все они обеспечены соответствующими помещениями.

Все министерства республики обсудили на своих коллегиях Постановление Совета Министров Грузинской ССР от 27 апреля 1956 г. и наметили мероприятия по упорядочению режима хранения архивных материалов. К настоящему времени подавляющее большинство ведомственных архивов приведено в порядок.

К. И. Желтякова (зам. нач. Архивного управления Казахской ССР) остановилась на мероприятиях по расширению использования документальных материалов в народнохозяйственных целях.

Она внесла предложение разработать перспективный план по использованию архивных материалов в научных и народнохозяйственных целях и провести по этому вопросу всесоюзную дискуссию.

С. Д. Пилькевич (нач. Архивного управления УССР) подробно рассказал об организационной работе архивных учреждений республики. Основное внимание в работе было направлено на выполнение постановления ЦК КПУ и Совета Министров УССР по вопросам улучшения режима хранения и использования документальных материалов. Архивные органы добились замены и расширения архивохранилищ некоторых областных государственных архивов (Сталино, Луганск, Мукачево и др.), получили вновь помещения для многих райгосархивов. Расширены реставрационные мастерские в Киеве и открыты новые в Львове и Харькове.

Усилен контроль за местными архивными учреждениями.

В 1956 и 1957 гг. проводились совещания руководящих работников архивных учреждений республики, созывались совещания молодых специалистов, были организованы курсы реставраторов, кустовые семинары заведующих городскими и районными архивами.

Б. И. Мусатов (зам. нач. Архивного управления РСФСР) рассказал об опыте работы управления по организации научно-справочного аппарата.

В настоящее время первоочередной задачей является подготовка путеводителей. Для лучшей организации этой работы составлены конкретные планы, согласно которым в 1956—1960 гг. должны быть изданы путеводители по 32 государственным архивам (Чечено-Ингушской, Дагестанской, Мордовской АССР, Калининской, Курской областей и др.). Кроме путеводителей готовятся краткие справочники о содержании архивных фондов, тематические и пофондовые обзоры.

В настоящее время ряд госархивов разрабатывает вопросы истории госучреждений и административно-территориального деления своей республики, края, области. Такие справочники подготовлены архивистами Коми АССР, Чечено-Ингушской

АССР, Бурят-Монгольской АССР, Ярославской области.

А. Ф. Бутенко (нач. ЦГАОР СССР) и *Ф. В. Жиженков* (нач. ЦГАВМФ) рассказали о состоянии работы в архивах по рассекречиванию документальных материалов.

Был рассекречен целый ряд фондов наркоматов РСФСР, акционерных обществ, материалы Токийского и Нюрнбергского процессов, Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, документы белогвардейских учреждений и организаций. Рассекречены и материалы центральных органов управления Советским флотом, штабов флотов и флотилий, их политуправлений и политотделов, соединений, частей и кораблей и т. д.

В обсуждении докладов приняли участие 21 человек. Выступавшие поделились опытом работы по выполнению Постановления Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г., поставили перед Главным архивным управлением МВД СССР ряд вопросов, решение которых поможет дальнейшему улучшению работы архивных учреждений.

Начальник Архивного управления БССР *А. И. Азаров* предложил в целях пополнения и восстановления архивных фондов республики, при микрофотокопировании документальных материалов по истории Белоруссии, хранящихся в госархивах других республик, один экземпляр микрофотокопий направлять в соответствующий архив БССР.

Зам. начальника Архивного отдела Туркменской ССР *А. В. Головкин* и зам. начальника ХОЗО ГАУ *И. Д. Воронин* подчеркнули важность строительства зданий государственных архивов по типовым проектам. А. В. Головкин просил ГАУ изучить вопрос о режиме хранения документальных материалов республик Средней Азии с учетом климатических условий этих республик.

Начальник реставрационных мастерских ГАУ в Ленинграде *В. И. Быстров* говорил о необходимости более широкой разработки новых методов реставрации документов и усовершенствования ее технологии.

С предложениями о подъеме технического уровня архивного дела в нашей стране, об организации централизованного снабжения местных архивов новой техникой выступил начальник Центральной Научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) ГАУ *Е. А. Букатин.*

Начальник Отдела учета, комплектования и экспертизы ГАУ *Т. Г. Коленкина* отметила, что накопленный опыт, развитие техники микрофотокопирования позволяют решить ряд вопросов комплектования госархивов документальными материалами. В настоящее время имеется возможность организовать микрофотокопирование материалов межреспубликанского значения с тем, чтобы подлинники документов воссоединить в госархивах республик, на территории которых действовали соответствующие учреждения (материалы учреждений Закавказской федерации, Прибалтийского, Туркестанского генерал-губернаторств, Кавказского наместника и др.). Следует сконцентрировать в центральных госархивах республик фонды местных учреждений, документальные материалы которых имеют республиканское значение.

Тов. Коленкина обратила внимание на необходимость концентрации в госархивах материалов передовиков труда, выдающихся представителей науки, литературы, искусства.

Начальник Архивного отдела Узбекской ССР *А. Х. Насыров* остановился на вопросе о необходимости координации и максимального расширения сотрудничества между госархивами и другими научно-исследовательскими учреждениями республик Средней Азии и Казахстана в организации публикаторской работы, что значительно увеличит полноту и научную ценность сборников документов.

Начальник Отдела по руководству и контролю ведомственными архивами ГАУ *А. Г. Федоров* обратил внимание на то, что ведомственные архивы, хранящие ценнейшие материалы по истории социалистического строительства в нашей стране, не стали еще базой для научно-исследовательской работы. Многие руководители учреждений недооценивают свои архивы, не имеют ясного представления о том, какие материалы хранятся в них, не организуют учета этих материалов (исполком союза обществ Красного Креста и Красного полумесяца, Министерства хлебопродуктов СССР и РСФСР и др). Большинство ведомственных архивов не имеет штатных работников. Необходимо поднять уровень работы ведомственных архивов, обязать их заняться составлением научно-справочного аппарата к фондам, шире пропагандировать свои материалы. Он подчеркнул, что вопрос об унификации делопроизводства должен быть решен в ближайшее время.

Зам. начальника Архивного управления Азербайджанской ССР *М. И. Найдель* отметил, что большую помощь в улучшении состояния ведомственных архивов республики оказали партийные органы. По инициативе Бакинского комитета партии было проведено совещание, на котором присутствовали руководители всех ведомств, секретари райкомов, парткомов министерств и предприятий города. На совещании был заслушан доклад о состоянии ведомственных архивов. В результате такого широкого обсуждения был принят ряд конкретных мер по улучшению состояния ведомственных архивов.

Начальник ЦГИА в Ленинграде *В. В. Бедин* и начальник Отдела научной информации ГАУ *Л. Н. Кривошеин* говорили о

необходимости усиления работы по созданию научно-справочного аппарата и в первую очередь созданию тематических карточек и классификаторов к ним с тем, чтобы к 1965 г. создать единый общесоюзный тематический каталог. Л. Н. Кривошеин предложил шире развернуть работу по популяризации документальных материалов архивов и их всестороннему использованию.

Начальник Архивного отдела Эстонской ССР *М. И. Музыкантова* затронула вопрос о целесообразности передачи в госархивы подлинных документальных материалов, хранящихся в настоящее время в рукописных отделах библиотек и музеев и относящихся к профилю госархивов (коллекции древних рукописей, хранящиеся в библиотеках им. В. И. Ленина, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Матенадаране и др.; материалы деятелей науки и искусства, хранящиеся в музеях, состав которых не определен специальными правительственными постановлениями). Рассредоточенность документальных материалов по ведомствам затрудняет их использование в научных и народнохозяйственных целях. Она просила Главное архивное управление организовать снятие микрофотокопий с документов по истории Эстонской ССР, хранящихся в архивах зарубежных стран.

Начальник Организационно-инспекторского отдела ГАУ *И. Н. Фирсов* говорил о том, что местным архивным учреждениям следует проявлять больше самостоятельности, творческой инициативы в решении вопросов развития архивного строительства. Он также подчеркнул, что одной из основных задач государственных архивов должно стать создание и усовершенствование научно-справочного аппарата к фондам, который поможет более широко организовать всестороннее использование документальных материалов.

Начальник архивных отделов Армянской ССР *В. В. Кзартмян* и Киргизской ССР *С. М. Кондрашов* поделились опытом работы архивных учреждений своих республик. В. В. Кзартмян говорил о необходимости концентрации в ЦГА Армении всех фондов по истории республики, которые в настоящее время хранятся разрозненно в госархивах Армении, Азербайджана, Грузии. Он поддержал предложения о необходимости уделять больше внимания вопросам создания научно-справочного аппарата к фондам.

Начальник Отдела научных связей с заграницей ГАУ *О. В. Шабловский* рассказал о научных связях и обмене опытом работы с архивистами зарубежных стран.

На совещании также выступили директор Историко-архивного института *А. С. Рослова,* начальник Научно-методического отдела ГАУ *Л. Л. Смоктунович,* заместители начальника ГАУ МВД СССР *Н. Р. Прокопенко, Л. И. Яковлев.*

В заключение выступил начальник ГАУ СССР *Г. А. Белов,* который подвел итоги совещания и остановился на основных задачах работы архивных учреждений в 1958 г.

Е. В. Машкина, В. С. Сафронова

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ЦГАЛИ

28 октября 1957 г. состоялось заседание Научного совета Центрального государственного архива литературы и искусства СССР. В конференц-зале Дома литераторов собралось свыше 80 человек. Кроме членов Научного совета ЦГАЛИ, присутствовали писатели, художники, композиторы, литературоведы, искусствоведы, работники театров, кино, архивов, музеев, издательств, рукописных отделов библиотек, а также представители Главного архивного управления МВД СССР.

На заседании Научного совета был заслушан доклад начальника архива *Н. И. Родионова* на тему: «Документы Центрального государственного архива литературы и искусства, отражающие становление советской литературы и искусства».

В прениях по докладу выступили писатели В. Г. Лидин и Р. И. Хигерович, поэт С. М. Городецкий, доктор искусствоведения Н. Г. Зограф, ученый секретарь Музея музыкальной культуры им. Глинки Л. З. Корабельникова, директор Московского историко-архивного института А. С. Рослова, заведующий редакцией Детгиза Г. Н. Прусаков, старший научный сотрудник ЦГАЛИ Ю. А. Красовский и другие. Выступавшие отметили, что за последнее время заметно улучшилась работа архива и условия для работы исследователей.

Однако исследователям все еще приходится испытывать затруднения вследствие того, что документы многих деятелей литературы и искусства распылены по разным хранилищам, тем более, что ЦГАЛИ недостаточно активно ведет работу по выявлению и учету документальных материалов, находящихся в других хранилищах и у частных лиц.

Научный совет ЦГАЛИ принял решение, в котором признал необходимым упорядочить и активизировать работу по вы-

явлению документальных материалов личного происхождения и принятию их на государственное хранение. Для этого необходимо объединить усилия архивов, музеев и рукописных отделов библиотек, а также организаций писателей, композиторов, художников и других деятелей искусства.

В решении высказано пожелание, чтобы в комиссии по наследию писателей или работников искусств, а также в комиссии по юбилею того или иного деятеля искусства включался представитель Центрального государственного архива литературы и искусства.

Участники Научного совета с большим интересом осмотрели выставку документов ЦГАЛИ, отражающих развитие искусства и литературы в первые годы советской власти.

Н. Р.

ЗАМЕТКИ ОБ АРХИВАХ И ДОКУМЕНТАХ

I

В государственном архиве Киевской области (КОГА) сохранились до сих пор не опубликованные документы о пребывании членов семьи Ульяновых в Киевской Лукьяновской тюрьме в 1904 г.

Эти документы, написанные Анной Ильиничной Елизаровой и Марией Александровной Ульяновой, характеризуют особенно тяжелые условия и режим, установленный для политических заключенных в этот период в Лукьяновской тюрьме.

В конце 1903 и начале 1904 г. в Киеве происходили массовые аресты участников революционных организаций. В январе 1904 г. была арестована большая группа руководящих работников ЦК и Киевского комитета РСДРП, в том числе и члены семьи Ульяновых (за исключением матери Марии Александровны): Анна Ильинична, Мария Ильинична, Дмитрий Ильич и его жена Антонина.

В 1904 г. политическим отделением Лукьяновской тюрьмы заведовал жандармский штаб-ротмистр Данилов, установивший здесь режим, выделявшийся даже на мрачном фоне тюрем царской России; в качестве мер воздействия к политическим заключенным применялись меры физического насилия и всяческие оскорбления человеческого достоинства: избиения, ругань, карцер и т. д.

В своих заявлениях на имя губернатора и прокурора Киевского окружного суда политические заключенные указывали на частые случаи самоубийств и покушений на самоубийство среди заключенных. На протяжении нескольких месяцев 1904 г. политические заключенные были лишены горячей пищи; передачи продуктов с воли были сокращены до минимума.

В своем заявлении от 24 мая 1904 г. на имя киевского губернатора А. И. Елизарова, указывая на хаос, безответственность, волокиту в Киевской тюрьме, писала: «Содержась в Лукьяновской тюрьме, я все время прихожу в соприкосновение с двумя различными ведомствами: тюремной администрацией и жандармами — и нахожусь в недоумении, от которого из них я вправе ожидать исполнения самых законных моих требований. Так, например, я неделями не могу дождаться выписанных мною на принадлежащие мне деньги предметов первой необходимости...

Деньги, вносимые на мое имя, передаются жандармскому ротмистру, а им вносятся в контору тюрьмы, откуда, опять-таки через жандармского унтера, получаю квитанцию на них. Это берет неделю-полторы времени. Потом приходится ждать дня, назначенного для выписки, а затем опять ждать несколько дней или неделю, чтобы продукты были доставлены. Я не понимаю, почему в Киевской тюрьме столько проволочки и путаницы с такой простой вещью...» (ф. 7, оп. 2, д. 496, лл. 142, 152). В другом заявлении на имя губернского тюремного инспектора она писала: «За время своего шестимесячного заключения я лишена возможности зарабатывать что-либо, ибо мне было отказано в разрешении передавать рукописи моих переводных работ на волю», обращая при этом внимание тюремного инспектора на «то, что цены, выставляемые нам при выписке некоторых пищевых продуктов гораздо выше киевских» (там же, л. 197).

О таких же фактах писала и Мария Александровна Ульянова в прошениях об освобождении сына Дмитрия и невестки Антонины: «Девятимесячное заключение при лишении к тому же горячей пищи — обеда, так что заключенные должны довольствоваться сухой пищей, которая передается им два раза в неделю — расстроило здоровье как невестки моей — очень слабой от природы, так и здоровье сына» (ф. 183, оп. 1, д. 2524, л. 3).

Упорные настойчивые требования и заявления об изменении режима для политических заключенных заставили тюремную администрацию формально реагиро-

зать на них. По поводу писем М. А. Ульяновой Главное тюремное управление 4 сентября 1904 г. писало киевскому губернатору: «В Главное тюремное управление поступило прошение вдовы действительного статского советника Марии Александровны Ульяновой, из которого усматривается, что политические арестанты, содержащиеся в местах заключения г. Киева, помимо большой скученности... лишены будто бы в течение уже целых пяти месяцев пищи». На этом же отношении была сделана резолюция губернатора тюремному инспектору, изобличавшая лицемерие Главного тюремного управления, якобы не знавшего о действительном положении вещей: «Прошу осветить подробно все обстоятельства вновь установленного режима, присовокупив, что это установлено по указаниям Главного тюремного управления». В духе таких указаний киевским губернским тюремным инспектором и был составлен ответ Главному тюремному управлению о том, что установленный в Киевской тюрьме режим для политических заключенных введен именно с санкции Главного тюремного управления. Таким образом, формальные чиновничьи запросы и отписки делались только для проформы и не могли привести к какому-либо изменению или ослаблению жестокого режима и произвола царских тюремщиков.

Члены семьи Ульяновых были освобождены из заключения благодаря резкому обострению политических противоречий в стране, грозному для самодержавия подъему и размаху революционного движения, а также благодаря важнейшим для политических деятелей качествам: выдержке и самообладанию, высокой принципиальности, искусству конспирации, в результате чего в руки следственных органов не попал ни один документ, который мог бы стать уликой для осуждения содержавшихся в 1904 г. в Киевской Лукьяновской тюрьме членов замечательной семьи революционеров-большевиков Ульяновых.

А. И. Милова

II

В ЦГВИА СССР в фонде Петроградской военной автомобильной школы обнаружены документы о пребывании В. В. Маяковского на военной службе в 1915—1917 гг. При этой школе существовала 1-я запасная автомобильная рота, приказом по которой от 9 декабря 1915 г. нижний чин нестроевой команды Владимир Маяковский переведен «с котлового довольствия на порцион». 24 мая 1916 г. «ратник Маяковский Владимир» убыл в отпуск. Следующий раз в приказах имя поэта упоминается 5 января 1917 г. вновь в связи с убытием в отпуск, а 25 января он уже снова вернулся в часть. Через несколько дней, 31 января 1917 г., приказом был объявлен список солдат «писарской команды..., награжденных 13 сего января за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельством текущей войны, медалями с надписью «За усердие». Под № 53 в списке числится «ратник Маяковский». 16 апреля 1917 г. В. Маяковский вновь уволен в краткосрочный отпуск и вернулся в часть 30 апреля.

Последнее упоминание о пребывании В. В. Маяковского в автороте имеется в приказе от 3 августа 1917 г.: «Прикомандированного к технической части Управления Военной автомобильной школы ратника Маяковского Владимира, отправленного к Петроградскому уездному воинскому начальнику для увольнения по болезни в 3-х месячный отпуск, исключить с провиантского, приварочного, чайного и табачного довольствия при роте с 26 июня сего года, мыльного и денежного с 1 августа с. г.».

На этом кончилась служба В. В. Маяковского в армии. 6 ноября 1917 г. он получил свидетельство о выполнении им воинской повинности. Медали он, по-видимому, не получал. Да и само Временное правительство 16 марта 1917 г. отменило награждение в тылу орденами и другими знаками отличия.

Н. П. Жуковская; А. Е. Шнейдер

III

В филиале Центрального государственного исторического архива УССР в г. Харькове хранится фонд Окружного фабричного инспектора Харьковского фабричного округа, включающий 1567 дел за 1897—1917 гг.

В Харьковский фабричный округ первоначально входили губернии: Бакинская, Батумская, Екатеринославская, Калужская, Орловская, Пензенская, Тамбовская, Тифлисская, Тульская, Харьковская, Черноморская, а также Область Войска Донского. К 1915 г. число территориальных единиц достигло 23. В каждой губернии имелись старшие фабричные инспектора со штатом фабричной инспекции, которые были обязаны информировать окружного фабричного инспектора о своей деятельности по надзору за промышленными предприятиями, а главное, о борьбе с рабочим движением.

Документальные материалы фонда в основном состоят из донесений, отчетов, ведомостей, постановлений присутствий, таблиц и переписки между фабричными инспекторами и окружным инспектором, а также с отделом промышленности по вопросам различного характера, а именно: о взаимоотношениях рабочих с предпринимателями, об исполнении предпринимателями законов, издаваемых правительством, о стачках и забастовках рабо-

чих, об увечьях рабочих, о наличии промышленных предприятий и т. п.; имеются журналы главного и губернских присутствий, ряд постановлений отдела промышленности, циркуляры окружного фабричного инспектора и т. д.

Ряд дел содержит документы, являвшиеся в свое время секретными: донесения, телеграммы в Департамент торговли и мануфактур от старших фабричных инспекторов губерний, от окружного фабричного инспектора Харьковского округа, в которых освещается положение рабочих на фабриках и заводах, о забастовках и стачках рабочих, о недовольствах рабочих Бельгийского общества в Харькове и других городах.

Документы отражают рост политической сознательности рабочих. Если до начала 900-х гг. рабочие ограничивались чисто экономическими требованиями, т. е. увеличения зарплаты, уменьшения рабочего дня, улучшения охраны труда на производстве, то в дальнейшем рабочие уже предъявляют наравне с экономическими и политические требования. Усиливается агитация подпольных комитетов РСДРП, которые распространяли свои воззвания, листовки, призывающие к борьбе за свержение самодержавия.

В 1917 г., накануне Февральской буржуазно-демократической революции, забастовочное движение рабочих охватывает почти все предприятия Харьковского фабричного округа, о чем свидетельствуют многочисленные донесения и телеграммы старших фабричных инспекторов.

После Февральской революции на предприятиях во время забастовок создаются стачечные комитеты, которые руководят стачками и ведут переговоры с владельцами заводов, отстаивая интересы рабочих.

Имеющиеся в фонде таблицы о несчастных случаях за период 1903—1917 гг. позволяют судить о низком состоянии охраны труда на производстве: тяжелые ушибы, ожоги, увечья, а также и смертельные случаи были частым явлением. К этой группе материалов примыкают многочисленные заявления рабочих, потерявших трудоспособность и ходатайствовавших о вознаграждении за увечье. Пособия, получаемые ими, были настолько мизерны, что не могли не только обеспечить семью рабочего, а даже и его одного. Дополнительными сведениями о назначении пособий пострадавшим рабочим могут служить имеющиеся отчеты о расходовании денег, ассигнованных на выдачу пособий больным и уволенным рабочим.

В фонде имеются также сведения о страховании рабочих согласно закону от 23 июня 1912 г.

Ценным историческим источником являются списки промышленных заведений с 1900 по 1917 г. по Харьковскому фабричному округу.

Большой интерес для исследователя представляют материалы о состоянии промышленности Харьковского фабричного округа в период первой мировой войны. В сентябре 1914 г. ряд промышленных предприятий был закрыт или сократил производство ввиду отсутствия заказов, финансовых затруднений, отсутствия топлива, сбыта и т. д. Другие предприятия увеличили в 1914—1916 гг. выпуск продукции в связи с военными заказами. Есть сведения и о кустарных промыслах, о ходе работ по восстановлению эвакуированных промышленных предприятий из прифронтовых районов в центральные губернии России.

В целом материалы фонда являются ценным историческим источником по истории промышленности громадного индустриального района, объединявшегося административными рамками Харьковского фабричного округа. Одновременно они вскрывают действительное назначение фабрично-заводской инспекции, чины которой выступали в роли полицейских доносчиков, работающих по указанию царского министерства внутренних дел. Однако политическая борьба рабочих с царским правительством, агитационная работа подпольных организаций РСДРП, освещается материалами фонда недостаточно глубоко. Поэтому исследование этих документов фабричной инспекции следует сочетать с разработкой материалов других фондов (например, губернских жандармских управлений, уездных исправников и т. д.).

А. Д. Катруха

IV

В делах Петербургской духовной консистории недавно обнаружен неопубликованный сенатский указ от 5 сентября 1765 г. о запрещении крестьянам подавать челобитные императрице, минуя установленные инстанции. Указ был тогда же отпечатан в типографии и рассылался Консисторией для публичного оглашения в церквах. Исследователь, изучающий вопросы положения крестьянства в XVIII в., не может пройти мимо этого красноречивого документа.

В указе говорится, что, несмотря на ряд запрещений, «есть еще и ныне таковые невежды, которые, не взирая на все предписанные им штрафы и наказания, дерзают утруждать ее императорское величество подачею непринадлежащих челобитен». 19 июня 1765 г. «во время шествия» Екатерины II по Миллионной ул. крестьянин Великолукского уезда Максим Иванов сын Васильков сумел все же вручить ей челобитную, которая, как отмечает указ, «не только к собственному ее величества рассмотрению, но и до Сената не принадлежит», а именно, «что по смерти помещика его Ивана Юренева оставшим именем владеют якобы незаконные наследники и какие ему и другим крестьянам причинены обиды». Далее, в документе го-

ворится, что М. И. Васильков еще в 1763 г. в Москве подавал о том же Екатерине II челобитную, на которую последовала собственноручная конфирмация императрицы: ему было «отказано за тем, что мешается не в свое дело». Тогда еще с М. И. Василькова была взята подписка, чтобы он впредь императрице «своими прошениями не дерзал». Указ 5 сентября 1765 г. определил отослать челобитчика «для употребления в Кронштадте на машинные суда в работу на год» (ф. 19, оп. 1, д. 6446, л. 3).

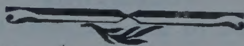
В том же фонде найдено несколько документов, пополняющих сведения о биографии русского механика-самоучки И. П. Кулибина: его прошение о желании выписаться «из двойного оклада» (1772 г.), который платили раскольники, и возникшая в связи с этим переписка (ф. 19, оп. 1, д. 8397). В это время И. П. Кулибин с семьей проживал в приходе Андреевского собора на Васильевском острове. Факт подачи им прошения свидетельствует, что он был чужд того фанатизма, который имел место в XVIII в. в среде раскольников.

Из рапорта священника Андреевского собора Василия Иоаннова, находящегося в том же деле, видно, что по указу Консистории уже 14 апреля 1772 г. «Кулибин с женою своею, с братом и с сестрою, кроме сына его Павла, который в 1766 г. от рождения своего на шестом году умер и погребен по их обыкновению в поле с прочими своими сотоварищами без священника», были причислены, после совершения положенной по этому случаю обрядности, «к святой церкви» (там же, л. 3).

Вслед за этим состоялось исключение его из двойного оклада. Запись в сохранившейся «Исповедной росписи» церкви «апостола Андрея Первозванного, что на Васильевском острове», показывает, что И. П. Кулибину было в 1772 г. 36 лет.

Из членов семьи Кулибина в росписи перечислены жена, два сына: Иосиф — 6 лет, Симеон — 4 лет и брат с сестрой. Упомянуто также, что все они квартировали в казенном доме Академии наук, откуда позднее были выселены (в 1793 г.) по распоряжению графини Дашковой, являвшейся в то время президентом Академии (ф. 19, оп. 112, д. 233, л. 154).

Н. А. Малеванов

Содержание

ДОКУМЕНТЫ

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ

К 140-летию со дня рождения К. Маркса

ЗАМЕТКИ АРХИВИСТА

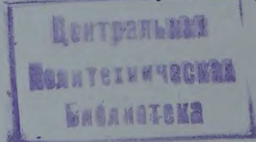
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ХРОНИКА

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, тел. Б-8-81-42

Подписано к печати 22/III 1958 г. Т-02822 Печ. л. 20,55+3 вкл. Уч. изд. л. 25,4
Формат бумаги $70\times108^{1}/_{16}$. Бум. л. $7^{1}/_{2}$ Зак. 61 Тираж 3650 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 15 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Контора «Академкнига»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ:

Бахрушин С. В. **Научные труды. I.** Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI — начала XVII в. (Институт истории). 1952. 263 стр. Ц. 16 р. 65 к. в пер.

Бахрушин С. В. **Научные труды. II.** Статьи по экономической, социальной и политической истории русского централизованного государства XV—XVII вв. (Институт истории). 1954. 379 стр. Ц. 23 р. 30 к. в пер.

Бахрушин С. В. **Научные труды. III.** Избранные работы по истории Сибири XVI — XVII вв. Часть первая. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI—XVII вв. (Институт истории). 1955. 375 стр. Ц. 22 р. 75 к. в пер.

Бахрушин С. В. **Научные труды. III.** Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. Часть вторая. История народов Сибири в XVI—XVII вв. (Институт истории). 1955. 297 стр. Ц. 17 р. 70 к. в пер.

Дружинина Е. И. **Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года** (его подготовка и заключение). (Институт истории). 1955. 368 стр. с илл., 6 вкл. Ц. 17 р. 60 к. в пер.

История Польши. В 3 томах. Том 1. 2-е, доп. изд. Под ред. В. Д. Королюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. (Институт славяноведения). 1956. 706 стр. с илл., 21 карта. Ц. 40 р. в пер.

История Польши. Том II. Под ред. И. С. Миллера и И. А. Хренова. (Институт славяноведения). 1955. 712 стр. с илл., 16 карт., Ц. 40 р. в пер.

Левченко М. В. **Очерки по истории русско-византийских отношений.** Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. (Институт истории). 1956. 553 стр., 1 карта. Ц. 19 р. 50 к. в пер.

Книги продаются в магазинах «Академкнига»: Москва, ул. Горького, 6; Ленинград, Литейный проспект, 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Горяиновский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 129; Ташкент, ул. К. Маркса, 29; Баку, ул. Джапаридзе, 13.

Иногородним заказчикам книги высылаются по почте наложенным платежом.

Заказы направлять в контору «Академкига»: Москва, ул. Куйбышева, 8, а также в ближайший из указанных магазинов.